

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САМАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

1 · $\frac{02 - 21}{5 - X}$

Л.М. АРТАМОНОВА

ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ И ПРОСВЕЩЕНИЕ
В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ XVIII - НАЧАЛА XIX ВВ.

(Юго-восточные губернии Европейской России)

Издательство Самарского научного центра РАН
2001

УДК 94(47). 05/07 (470)+ 37 (091) + 008 (091)
ББК 63.3 (235.54) 46/47 + 71Г + 74.03 (2)

Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). – Издательство Самарского научного центра Российской Академии наук. Самара, 2001. – 392 с.

Научный редактор: заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук, профессор **П.С. КАБЫТОВ**

Рецензент: доктор исторических наук,
профессор **Ю.П. АНШАКОВ**

Издание осуществлено на средства Губернского гранта
в области науки и техники № 5Г/2001

Монография посвящена проблеме взаимоотношений власти, общества и просвещения в русской провинции XVIII – начала XIX вв. на материалах Симбирской и Саратовской губерний, Самарского Заволжья и Южного Приуралья. Рассматривается история зарождения и становления российской системы государственного образования, роль в этом процессе представителей верховной власти, органов местного управления, городских общин и дворянских корпораций.

Для специалистов-историков, преподавателей, студентов, краеведов, а также для всех интересующихся историей и культурой родной страны.

ISBN 5-93424-056-0

2002082048

©Артамонова Л.М., 2001

ВВЕДЕНИЕ

Отсчет истории России и русской культуры нового времени традиционно ведется с первой четверти XVIII века. Если и есть хронологические споры, то касаются они нижней грани начавшегося перехода от традиционного средневекового (“феодального” в советской марксистской терминологии) к модернизированному по европейским образцам (“капиталистическому”) обществу и ведутся по поводу возможностей сдвига этой грани в XVII век. Роскошь двора и великолепие столиц, слава русского оружия и роль великой державы, светский характер искусств и наук, – все это создает уверенность, что в области государственного устройства или духовного бытия Россия в 18-м столетии жила действительно иной жизнью, чем допетровская Русь, шла, если отвлечься от национальных особенностей, тем же путем развития, что и ее западные соседи. Однако эта уверенность может покинуть современного исследователя, как она исчезала у целого ряда мыслителей еще XIX века, когда внимание обращается не на столицы и общественные верхи, а на основную массу населения, особенно в провинции, чье хозяйство, быт, мировосприятие мало в чем изменились в результате превращения Московского царства в Российскую империю. Речь при этом не идет о конечной грани, о завершении самого упомянутого перехода к современному обществу, поскольку ясно, что для крепостнической России XVIII-XIX вв. эту грань искать преждевременно. Вопрос стоит о том, когда этот переход затронул глубинные пласты народной повседневности, был осознан и принят не только общественной и интеллектуальной элитой, но и рядовыми обитателями городов и сел.

Критерии оценки состояния общества не могут ограничиваться экономической и политической сферами. Важнейшим показателем этого состояния является и культурная среда, особенно такой ее пласт как образование и воспитание. Хозяйственные, военные и административные реформы начала XVIII в. нельзя было завершить и закрепить без взращивания целой генерации инженеров, офицеров и управленцев, а следовательно без создания светской профессиональной школы. Последняя появилась при Петре I и была

дополнена в 30-60-е гг. того же столетия немногочисленными закрытыми сословными учебными заведениями, а также Московским университетом с подведомственными ему двумя гимназиями в старой столице и Казани.

Для подавляющего большинства населения даже в городах доступными оставались только прежние формы обучения, воспроизводившие в новых поколениях традиционное общество и культуру, которые затем с трудом поддавались изменениям даже под сильным воздействием экономических и политических факторов. Более того, сила культурной инерции приглушала или просто гасила перемены как в торгово-промышленной, так и в социально-правовой областях. Несомненным кажется вывод, что только создание новой массовой общеобразовательной школы могло закрепить результаты уже проведенных преобразований в русской общественно-экономической жизни и подготовить почву для будущих перемен. Началом становления общегосударственной системы образования в России стал период с 1780-х гг., когда готовилась и стала осуществляться школьная реформа Екатерины II, до 1803 г., т.е. до принятия правительством Александра I законодательных актов о следующей реформе народного образования.

Изучение истории российского просвещения XVIII века, особенно на исходе этого столетия и рубеже нового, имеет несомненную научную важность и актуальность, что признают сейчас не только представители гуманитарного знания. Как считает известный ученый и историк науки В.К. Новик, работающий на физическом факультете МГУ, именно при Екатерине II «Россия встала в строй держав с государственной системой просвещения». Он рассматривает школьную реформу конца XVIII в., у истоков которой вместе с императрицей и другими просветителями стоял выдающийся физик и математик Ф.У. Эпинус, в неразрывной связи с российским образованием наших дней, считая, что созданная ими система образования, «творчески развитая со временем, и сегодня, по мнению многих, остается лучшей в мире»¹.

Целью, поставленной в данной работе, является изучение школьной реформы Екатерины II именно как системообразующего явления социальной и культурной жизни России, и прежде всего ее провинции. Особое внимание к провинциальным аспектам реформы вовсе не означает, что достаточно изучено ее проведение в столице. Ниже читателю будут неоднократно предлагаться неизбежные обращения к общероссийским или столичным данным и событиям,

многие из которых впервые вводятся в научный оборот, поскольку без них нельзя было представить ситуацию в провинции. Просто учитывалась объективная разница между ходом реформы в городах разного статуса, вызвавшая необходимость определенного исследовательского выбора между ними.

В столицах народные училища, созданные Екатериной II, несколько терялись в тени уже существовавших Академии наук и университета, различных профессиональных и закрытых сословных учебных заведений, музеев и библиотек, возможностей получить современное образование в домашних условиях или за границей. В провинциальных городах, как правило, не было ничего из перечисленного выше. Народные училища становились там не только первыми учебными заведениями, что уже само по себе значило немало, но и первыми музеями, библиотеками, центрами распространения научных знаний и т.п.

Обширность и разнообразие провинциальной России заставили сосредоточить основное внимание на определенном регионе для достижения законченности исторической картины. В данном исследовании таким регионом стали районы по обоим берегам Средней Волги с преобладанием русского населения: Симбирско-Саратовское правобережье (Приволжье) и Заволжское левобережье. По административному делению последней четверти XVIII в. это была территория Симбирской, Саратовской и западной части Уфимской (Оренбургской) губерний. Однако очерченный регион не может рассматриваться изолированно ни от соседних, ни от более отдаленных территорий России.

В отношении к народному просвещению пересеклись усилия властей разного уровня и интересы различных общественных групп, что также возбуждает повышенное внимание к данной теме и уточняет задачи исследования. Оно посвящено не только и не столько истории школьного дела, сколько социальным, политическим, общекультурным факторам его становления и развития.

Здесь сделана попытка представить подготовку, ход, результаты школьной реформы одновременно в нескольких плоскостях: в абстрактной форме статистических выкладок, в идеальном облике проектов и оценок современников, в очерченных рамках тогдашнего законодательства и, наконец, в реальной картине повседневности. Разнообразие предложенных подходов и методов в работе над темой носит принципиальный характер. Оно является отражением признания многомерности исторического процесса,

особенно в областях, связанных со сферами духа, мысли, культуры. Представляется, что в такой системной связи история взаимоотношения власти, общества, народного просвещения в России екатерининского времени прежде не рассматривалась.

Хотя нельзя отрицать ценность уже накопленного и осмысленного наукой материала, в исторической литературе имеются очевидные недостатки в разработке поставленной темы. Одни определены недооценкой значения реформ образования для развития страны в целом, другие – слабым вниманием к механизмам проведения этих реформ, третьи – односторонностью или идеологической заданностью в оценках их причин и результативности.

Перечисленные выше слабости присущи работам целого ряда и дореволюционных авторов, и советских ученых, и современных исследователей. Приведем тому наглядные примеры.

В историографии, посвященной общему ходу исторического развития и реформ в России, отдельным периодам или конкретным попыткам государственных преобразований, стало общим местом упоминание школьных реформ вскользь вплоть до полного умолчания о последних. Столь разные дореволюционные историки, как А. Брикнер и В.О. Ключевский, оба подчеркивают внимание Екатерины II к созданию и обустройству закрытых учебных заведений, практически умалчивая собственно о ее школьной реформе, которую А. Брикнер довольно пренебрежительно характеризует как “кое-какие меры для народного образования”². Об этой реформе В.О. Ключевский отзывался очень скупой и негативно, причем только в связи с эпохой Александра I: “При Екатерине еще был составлен проект средних и низших школ, оставшийся неосуществленным; в начале царствования Александра этот проект был приведен в исполнение с изменениями...”³.

Вместе с тем имеется довольно значительная специальная литература, посвященная русской культуре и просвещению. В этой литературе введен в научный оборот обширный корпус источников, сделаны интересные наблюдения и выводы. Однако наиболее полно оказались исследованы, прежде всего, собственно педагогические и правовые вопросы истории русской школы: проекты и законы, педагогические взгляды и административное управление, устройство отдельных образовательных учреждений, учебные пособия и методики. В этом ряду хочется отметить фундаментальные труды по истории подготовки в правительственных кругах и дальнейшего осуществления образовательных реформ XVIII века⁴. Исследова-

телями рассматривалось влияние западноевропейских просветителей на эти реформы⁵. Созданы интересные работы о реализации школьных реформ XVIII века по России в целом⁶, в отдельных регионах, например, в Санкт-Петербурге и окрестных губерниях⁷, в Воронежском крае и на Ярославщине⁸, а также в отношении отдельных сословий, в том числе крестьян⁹. Освещались в литературе и вопросы о роли деятелей Академии наук¹⁰, сотрудников Комиссии народных училищ¹¹, преподавателей столичных Главных народных училищ и Учительской семинарии¹² в становлении новой школы и подготовке для нее кадров.

Следует также отметить работы по истории отдельных общеобразовательных и ведомственных учебных заведений России. В одних из них интересующий нас период занимает лишь часть изложения длительной истории этих учебных заведений. Например, история Московской Первой гимназии включает составной частью историю своей предшественницы – Главного народного училища в Москве¹³. Другие работы посвящены полностью учебным заведениям именно XVIII – начала XIX вв., в т.ч. в поволжских городах¹⁴.

Имеются опыты создания хронологических справочников возникновения учебных заведений. Как ни покажется странным на первый взгляд, но более ранний их этих опытов¹⁵ остался более удачным, точным и интересным, чем последующие¹⁶, что объясняется профессиональным научным уровнем составителей.

Заметно менее изученными остаются вопросы сложных взаимоотношений власти, общества и школы в ходе создания и реформирования государственной системы общеобразовательных учреждений. Наряду со сложностью поиска источников по названному выше вопросам, нерешенность последних вызвана идейными спорами вокруг российских школьных реформ. Полемика по этим вопросам началась более 200 лет в 1786-1787 гг., когда одновременно с переходом правительства Екатерины II от экспериментов в северной столице и столичной губернии к осуществлению школьной реформы во всероссийском масштабе князь М.М. Щербатов написал знаменитый памфлет “О повреждении нравов в России”. В нем он обрушился и на образовательную политику императрицы: “Множество учиненных ею заведений, являющихся для пользы народной заведенных, в самом деле не суть, как токмо знаки ея славолюбия, ибо, естли бы действительно имела пользу государственную в виду, то, учиня заведения, прилагала бы старания и о успехе их, но, довольствуясь заведением и уверением, что в потомстве она яко

основательница оных вечно будет почитаться, о успехе не радила и, видя злоупотреблении, их не пресекала”¹⁷.

Начавшиеся со времен Щербатова критические выпады против этой школьной реформы стали непрямым мотивом в историографии второй половины XIX – начала XX вв. Это было отмечено еще в то время авторами, дававшими определенно положительную, даже несколько идеализированную оценку поступательному развитию народного образования в России, начиная с Екатерины II, совместным усилиям власти и общества в этом процессе¹⁸. Авторы, разделявшие подобные взгляды, оставались в меньшинстве. Однако это не означало, что критически настроенное большинство стояло на единых позициях.

Высокопоставленные чиновники от образования (министр просвещения Д.А. Толстой, директор училищ столичной губернии А.С. Воронов), не могли не упрекнуть своих предшественников, хорошо представляя по роду своей деятельности допущенные теми недостатки при создании и развитии отечественной школы. Такая критика носила не идейный, а технический характер. Эти авторы считали, что властями “ясно чувствовалась необходимость” внесения корректив в образовательную политику, а потому “все эти недостатки и погрешности наших народных училищ, как они ни существенны, были однако поправимы, как время это и доказало”¹⁹.

Некоторые ученые не скрывали симпатий к малороссийской старине и традициям, в том числе в области воспитания и образования. Они отрицательно относились к самому факту введения на Украине новых училищ при Екатерине II: “...Если бы не тешили тщеславия мнимым открытием народных школ по всем городам и городкам, сельские церковные школы продолжали бы существовать во всей юго-западной России и, конечно, в настоящее время достигли бы высшего развития”²⁰. Столь же симпатичной для других исследователей выглядела традиционная русская школа “мастеров грамоты”, а выражение “народные училища” бралось в кавычки как пришедший со времен Екатерины II синоним официальных, казенных учебных заведений, не популярных в народе²¹.

В выступлениях сторонников русской церковно-приходской школы и лидера этого направления С. Миropольского, члена училищного совета при Святейшем Синоде, также было немало критических выпадов в адрес реформаторов за откровенно светский и “немецкий” характер вводимого образования²². К этому добавлялись упреки в том, что власть, направив усилия аппарата управ-

ления на борьбу с традиционной старой школой, не использовала рычаги административного воздействия для понуждения учиться²³.

Идейные разногласия не мешали активно ссылаться на сочинения Миropольского представителям противоположного идейного лагеря. Так, их обильно цитировали В.И. Чарнолуцкий и Г.А. Фальборк, получившие известность своими публикациями в народнических и либеральных изданиях, а также широко тиражировавшие свои взгляды через такую авторитетную и популярную энциклопедию, как словарь Брокгауза и Ефрона. В их работах, хотя и в дозволенных цензурой рамках, выражалось откровенное недовольство именно использованием школы в качестве орудия “узкой националистическо-правоверной политики государства”, явное неприятие мероприятий правительства Екатерины II в деле народного образования²⁴.

Взгляды последовательных консерваторов и радикально настроенных исследователей соприкасались не только в критическом подходе к деятельности властей при проведении школьной реформы, но и в вопросе о реакции русского общества на эту реформу. Глубокое расхождение правительственных целей и усилий с настроениями широких масс в изучаемую эпоху однозначно усматривали и те, кто выступал с осуждением власти, лишавшей доступа к образованию задавленный крепостническим гнетом народ²⁵, и те, кто считал, что этот народ не принимал новую школу в XVIII – начале XIX вв. в силу глубинных национальных и религиозных традиций. По Миropольскому, реформы школы разрушили “равенство образования, соединявшее все сословия допетровской Руси в одно целое”, в результате чего “новое образование отделило народ от высших сословий”²⁶.

Более осторожной и избирательной выглядела позиция умеренных либералов. По их мнению, в период “просвещенного абсолютизма” Екатерины и Александра “народной школе посчастливилось обратить на себя исключительное внимание в благожелательном смысле, и в течение этого времени не было недостатка в различных мероприятиях, клонившихся к ее пользе и возможному процветанию”. Этому времени противопоставлена “эпоха наиболее тяжелого для школ режима”, которая пришлась на 1820-е – первую половину 1850-х гг. и стала “временем скорее разрушения, чем развития школы”²⁷.

По вполне понятным причинам обличительный пафос любого толка (народнического, либерального, консервативного, нацио-

налистического), почерпнутый из дореволюционных трудов, получив марксистскую интерпретацию, оказался к месту в советской исторической и педагогической литературе, посвященной народному образованию XVIII – начала XIX вв. Достаточно выразительным можно считать следующее положение: “Напуганное размахом крестьянской войны и французской революцией, правительство в 1786 г. приняло проект об открытии народных училищ в городах, стараясь привлечь на свою сторону купечество и городское мещанство. Эти училища организовывались не столько для обучения грамоте, сколько для воспитания верноподданных с помощью закона божьего и изучения специально составленной учебной книги “О должностях человека и гражданина”... Школьная реформа Екатерины не встретила сочувствия среди населения”²⁸. Серьезных доказательств этому умозаключению, конечно, не предпослано. Впрочем процитированного автора не смущал даже тот факт, что школьная реформа началась за несколько лет до начала революции во Франции.

Более серьезные советские исследователи общественной мысли и культуры не допускали таких бездоказательных и безапелляционных суждений. Признавали они, правда, с неизбежными оговорками, и прогрессивный характер новой народной школы. Однако отрицание искренности просветительских намерений коронованных реформаторов заставляло и этих ученых искать иную общественно-политическую подоплеку, чтобы не сойти с позиций официальной историографии. Действительно, Екатерина II задала загадку, неразрешимую в рамках марксистского социологического подхода. Последний не останавливался в сомнениях перед оценкой мероприятий Петра I и его наследников, в том числе Екатерины II, по созданию профессиональной и сословной школы как соответствующих интересам самодержавного государства и господствующего класса. Объяснить подобным образом появление всесословных бесплатных общеобразовательных народных школ было невозможно. Никакой корысти не проглядывало в том, чтобы тратить казенные деньги на обучение простонародья.

Один из путей выхода из создавшегося затруднительного положения для критиков екатерининской политики был предложен еще дореволюционными исследователями. Так, П.Н. Милюков считал “деятельность комиссии народных училищ” ответом Екатерины II на вызов Н.И. Новикова и его сторонников, открывших две частные общеобразовательные школы в Петербурге²⁹.

Тезис о “вызове” русских просветителей, брошенном самодержавию в школьном деле³⁰, об осуществлении реформирования образования “под давлением прогрессивной общественности”³¹ беспрепятственно был воспринят в советской историографии: “Правящие круги и сама императрица с беспокойством следили за ростом общественного самосознания, за расширением деятельности Новикова, за распространением религиозно-нравственных исканий. Не объявленной задачей реформы народного образования 1782-1786 гг. было подчинение правительственному контролю и влиянию этой важнейшей области духовной жизни”³². Екатерина II предстает не инициатором реформы, а государственным деятелем, который только перехватывает “инициативу общественности, устанавливает над школами контроль” со стороны власти, “не желая отдать в руки своих противников столь мощное идеологическое оружие”³³.

Показав, как они считали, вынужденный со стороны самодержавия характер школьных реформ, многие советские исследователи полагали, что тем самым была доказана и искомая классовая сущность правительственных мероприятий: “Политика самодержавно-крепостнического государства в рассматриваемое время влияла на состав предметов, изучавшихся в школах, на цели их изучения, была направлена на насаждение в школах охранительных идей, на борьбу с проявлениями свободомыслия и критики самодержавно-крепостнического строя”³⁴. Становилась при этом возможной оценка Устава народных училищ 1786 года как “отражавшего интересы господствующего дворянского сословия”³⁵, которая совершенно не вытекает из его текста.

В некоторых работах последних лет продолжает звучать ставшая в советское время привычной интерпретация образовательных политики “просвещенного абсолютизма”. Эта политика, как продолжает полагать автор одного из учебных пособий по истории культуры, создавала “видимость буржуазной реформы школы, доступности образования для всех сословий Российской империи. Однако видимость эта была обманчивой, и буржуазный характер проводимых мероприятий значительно ограничивался сохраняемыми феодальными чертами”³⁶.

Однако еще в начале 1980-х гг. в отечественной исторической науке сложилось представление о происходившем с конца XVII до начала XIX вв. переходе от “традиционной” к “новой культуре”, в ходе которого просвещение явилось той областью культуры, которая с особой глубиной и выразительностью осветила характер перемен

в обществе³⁷. Следовательно создалась возможность описать процессы, протекавшие в сфере образования через такие термины, как “традиционная” и “новая школа” вместо несколько односторонних и излишне идеологизированных определений этих исторических форм школы как “феодальной” или “средневековой” и “буржуазной”, “религиозной” и “светской”.

В настоящее время появляются все более взвешенные и объективные объяснения тех процессов, которые действительно происходили в области народного образования, обеспечивали его дальнейшее развитие. Новый взгляд присущ общей концепции Б.Н. Мironова, заслуживающей особого внимания. Он, во-первых, считает, что из всех социально-политических сил страны именно “русское самодержавие являлось лидером модернизации, бесспорным проводником экономического, культурного и социального прогресса в стране”³⁸. Во-вторых, Б.Н. Мironов отводит образовательным реформам подобающее им место в одном ряду с важнейшими государственными преобразованиями на протяжении всего времени существования Российской империи. В-третьих, он приходит к выводу, “что распространенное в литературе мнение о том, что царизм тормозил развитие просвещения не соответствует действительности”, а потому “не развитие народного образования отставало от потребностей народа, а, наоборот, потребности народа в образовании отставали от возможностей, которые создавала существовавшая система народного просвещения”³⁹.

Отход от идеологических догм недавнего прошлого следует оценить положительно. Правда, он не всегда сопровождается привлечением новых важных источников. В отличие от Б.Н. Мironова некоторые авторы ограничиваются повторением накопленных еще в досоветское время материалов и оценок или вводят новые данные весьма локального звучания, которые мало связаны с основной темой. Например, в одной из недавних монографий изложение школьной политики Екатерины II строится с помощью механического присоединения к известным уже по литературе фактам деятельности правительства в области светского образования сведений об усилиях одной из местных епархий по улучшению работы своих учебных заведений⁴⁰.

Вообще следует признать негативной тенденцией последних лет появление работ, авторы которых практически обходят стороной дела центральных архивов, возможно, посчитав их исчерпанными предшественниками. Как показали архивные изыскания, такой

вывод о степени овладения источниковой базой был бы более чем преждевременным. По школьной реформе Екатерины II, казалось бы, давно и основательно изученной, остались неразработанными как отдельные важные документы, так и целые их пласты.

Ключевым документом в истории разработки проекта реформы всеми исследователями безоговорочно признается записка профессора Франца Ульриха Эпинуса, подготовленная для Екатерины в конце 1781 или начале 1782 гг. Подлинник самой записки до сих пор не найден. Известен лишь ее немецкий текст, опубликованный в 1783 г. в Геттингене в периодическом издании “Штаатс-Анцайген”. С тех пор, как эта публикация была выявлена и перепечатана в качестве приложения к книге Д.А. Толстого⁴¹, все последующие исследователи ссылаются на эту перепечатку. Чаще просто цитируются русские пересказы не переведенного при перепечатке немецкого текста, представленные читателям сначала самим Д.А. Толстым, а затем Г.И. Смагиной⁴². В воспроизведенном Д.А. Толстым геттингенском издании, кроме собственно записки Эпинуса, имеются комментарии к ней академика А.Л. Шлёцера. Эти комментарии Толстой в своей работе не использовал, их перевода или пересказа не оставил. В литературе по истории русской школы не было уделено должного внимания данным комментариям, как и отзыву о плане Эпинуса издателя библиографического указателя “Russische Bibliothek” Л.И. Бакмейстера, также приведенному Д.А. Толстым на немецком языке.

В ходе работы с немецкими текстами Ф.У. Эпинуса, А.Л. Шлёцера и Л.И. Бакмейстера были обнаружены интересные сведения об истории школьного дела в России и отношении к нему ученого сообщества. Стало ясным, что публикацию плана Эпинуса в Германии осуществил Шлёцер. Однако оставалось при этом неизвестным то, насколько полно и правильно в данной публикации, затем перекочевавшей в книгу Д.А. Толстого, передан первоначальный текст автора. Это обстоятельство и некоторые другие детали разработки реформы стало возможным уточнить благодаря находке в архиве Санкт-Петербургского филиала ИРИ РАН русского текста записки Эпинуса, современного ее составлению, судя по почерку и бумаге конца XVIII века⁴³. То, что документ оставался неизвестным предыдущим исследователям объясняется, видимо, отсутствием подписи.

Путь, каким в фонд Воронцовых этого архива попал текст Эпинуса, можно указать с высокой степенью уверенности. Профессор являлся членом Комиссии об учреждении училищ. Ее председателем

был П.В. Завадовский, который в расстановке группировок при дворе Екатерины II “принадлежал к партии Воронцовых”⁴⁴. Так, в опубликованной переписке А.Р. Воронцова и А.А. Безбородко прямо упоминалось, что “народные школы, кои здесь нормальными называют, стараниями друга нашего Петра Васильевича более распространяются”⁴⁵. Видимо, Завадовский сам предоставил своим знатым друзьям и союзникам записку Эпинуса, причем именно в том варианте, в каком ее использовали в работе Комиссии, то есть на русском языке.

В Российском государственном архиве древних актов в фонде 10 (Разряд X – Кабинет Екатерины II и его продолжение) привлекает внимание ряд дел по нашей теме, особенно одно под названием “Черновые собственноручные замечания императрицы Екатерины II о средних и низших школах”. Они стали прямым следствием записки Эпинуса и последующего разговора с ним императрицы⁴⁶.

Некоторые материалы по истории создания, а затем и функционирования народных училищ отложились в том же архиве в фонде 17 (Разряд XVII – Наука, литература, искусство). Содержатся подобные материалы и в фонде 1239 (Дворцовый отдел), где они сохранились в документах канцелярий императорских статс-секретарей. Есть в РГАДА и более ранние сведения о попытках распространения образования среди провинциального купечества (Ф.397. Комиссия о коммерции) и волжских калмыков (Ф.16. Разряд XVI – Внутреннее управление), об обсуждении школьного дела в Уложенной комиссии Екатерины II (Ф.342. Новоуложенные комиссии⁴⁷).

Самым обширным собранием архивных документов по школьным реформам конца XVIII – начала XIX вв. являются фонды различных учреждений и ведомств народного просвещения в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Наиболее ранние документы отложились в фонде Комиссии об учреждении народных училищ (ф.730). Некоторые дела, относящиеся к указанному времени, сохранились также в фондах Главного правления училищ (ф.732) и Департамента народного просвещения (ф.733).

Как высказалась Е.В. Поварова, “в связи с тем, что фонд Комиссии почти не изучался историками педагогики, широко бытуют фантастические утверждения” о некоторых сторонах ее деятельности. Сама эта исследовательница использовала ряд дел фонда для своих работ по истории методической и дидактической работы Комиссии, подготовке кадров в Учительской семинарии. Правда, утверждение о том, что ею “было предпринято подробное изучение

всех документов и источников Комиссии ... в Ленинграде", выглядит преувеличенным⁴⁸. Во всяком случае оно не нашло адекватного отражения в известных нам публикациях этого автора.

Обратим внимание, что в фонде Комиссии народных училищ, кроме дел по отдельным вопросам, содержатся целые систематизированные комплексы журналов и определений самой Комиссии⁴⁹, а также отчетных материалов, подававшихся ей от местного училищного начальства в лице губернских Приказов общественного призрения по третям года и полугодиям (третные и полугодовые ведомости)⁵⁰.

Журналы и определения Комиссии в плане интересовавших ее вопросов о роли Академии наук в разработке школьной реформы прорабатывала Г.И. Смагина⁵¹. Частично привлекалось исследователями обширное дело из указанного фонда, в котором сосредоточены общероссийские данные об итогах работы Комиссии, собранные для информации в связи с вступлением на престол нового императора Александра I⁵². Опубликованы выдержки из него, но они не содержат сведений по большинству губерний, в том числе поволжским и приуральским⁵³. В отдельных статьях использованы фрагменты этого отчета по России в целом и некоторые полугодовые ведомости Приказов общественного призрения по Рязанской губернии⁵⁴ и Москве⁵⁵, но только для получения сведений о числе учащихся и их сословном составе.

Практически везде в местных архивах дела губернских Приказов общественного призрения екатерининского времени, выполнявших в конце XVIII в. функции школьного начальства, не сохранились. Их не найдено даже по столичным городам⁵⁶. Что касается провинции, то, как свидетельствуют дела фонда попечителя Казанского учебного округа в Национальном архиве республики Татарстан, по Саратову, например, материалов о школьном деле за время царствования Екатерины I и Павла I не смогли отыскать уже в 1803 г.⁵⁷ В самой Казани многие документы XVIII века по школам Поволжья были уничтожены пожаром 1815 года⁵⁸. Не лучше обстояло дело в других регионах, например, в Вологде, где дела Приказа общественного призрения также погибли в пожаре⁵⁹.

В условиях утраты многочисленных источников отчеты, подаваемые от местного училищного начальства в Комиссию и сохранившиеся в ее столичном архиве, должны были бы привлечь внимание исследователей. Однако этого не произошло. А ведь полугодовые ведомости включали различные списки или статисти-

ческие данные об учениках и учителях, учебных зданиях и пособиях, а также исторические записки школ различных губерний. Хронологию и подробности жизни учебных заведений различных городов, кроме исторических записок, представляли третные ведомости, которые составлялись в виде выписок из протоколов Приказов общественного призрения и использование которых в научной литературе нам неизвестно вовсе. До 1799 г. не существовало унифицированной формы этих ведомостей⁶⁰. Полнота изложения исторических записок, полугодовых и третных ведомостей зависела от отвечавших за их составление конкретных людей из местных учителей, директоров народных училищ, членов Приказов общественного призрения. По ряду губерний записки и ведомости подавались в очень кратком виде и их сведения нередко представляются малоинформативными для исследователей. Часто бывало, что ведомости за отдельные годы не присылались вообще или доставлялись не вовремя. О возникавших проблемах в подаче и получении сведений с мест свидетельствует специальное дело, которое обобщило состояние отчетности учебных заведений в Комиссию народных училищ с 1788 по 1802 гг.⁶¹

К счастью, были примеры более ответственного и внимательного подхода к составлению указанных документов со стороны губернского училищного начальства. Выявлен уникальный по подробному изложению и сохранности комплекс ведомостей Симбирского Приказа общественного призрения⁶². По соседним губерниям, например, Саратовской и Уфимской (Оренбургской), такие ведомости носили менее полный характер, да и сохранились хуже⁶³. Однако изученные в совокупности и в сопоставлении с симбирскими отчетами, все они вместе дают возможность нарисовать подробную картину участия власти и общества в развитии просвещения обширного региона, который включает средневолжское Правобережье, Заволжье и Приуралье.

Особенно представительны документы, составленные тогда, когда директором народных училищ Симбирской губернии и членом Приказа общественного призрения являлся выдающийся инженер, статистик и просветитель Т.Г. Масленицкий. По сути дела при нем в ведомостях давался подробный пересказ практически всех дел Приказа общественного призрения по народному образованию, а иногда и дословное их воспроизведение. Этот источник представляется особенно ценным для изучения взаимоотношения властей и провинциального общества при становлении школьного дела как в

Поволжье, так и в целом по России. Его возможности уже частично были показаны в недавно опубликованных статьях, посвященных проведению екатерининской реформы в 1780-90-е гг.⁶⁴

Наряду с комплексами третних и полугодовых ведомостей материалы по указанным губерниям имеются в других делах фонда Комиссии об учреждении народных училищ. Среди наиболее содержательных отметим дело "Об открытии в г. Симбирске главного народного и прочих училищ и о снабжении оных учителями и прочими учебными пособиями"⁶⁵. Имеются также дела с аналогичными названиями по другим городам, в т.ч. Саратову и Уфе⁶⁶. Названия этих дел не совсем точно отражают их содержание. Здесь имеются документы не только собственно по учреждению народных училищ, но и по различным эпизодам последующей их истории, включая закрытие некоторых из них. В других делах фонда затрагиваются отдельные вопросы, характеризующие, например, повышение общественного статуса учителей⁶⁷.

Отметим наличие опубликованной описи дел Комиссии об учреждении народных училищ⁶⁸. Она может оказать определенную помощь исследователю. Однако в ней зафиксировано состояние архива на 1917 год. В настоящее время эта публикация не отражает в полной мере ни состав фонда Комиссии, ни современную нумерацию дел.

Подготовка преобразований в области народного просвещения, осуществленных в первые годы правления Александра I, привела к появлению ряда докладов и проектов, которые подводили итоги школьной реформы Екатерины II, анализировали их сильные и слабые стороны, предлагали меры по развитию первых и ликвидации вторых. Наряду с предложениями, вышедшими из среды столичных деятелей, необходимо обратить внимание на обобщение и оценку опыта, который был накоплен в школах русской провинции, в том числе в Поволжье. Такую возможность представляет записка бывшего учителя, а затем директора народных училищ сначала Симбирской, а затем Саратовской губерний Андрея Ивановича Шестакова.

Сочинение А.И. Шестакова примечательно уже личностью самого автора, чей жизненный путь совпал с началом общеобразовательной школы в русской провинции и восстанавливается по упомянутым выше документам конца XVIII века, в том числе ведомостям Саратовского Приказа общественного призрения. Он являлся уроженцем Казани, где в 1772 г. поступил в местную семинарию, а в 1783 г. был переведен в учительскую гимназию в Петербурге. В ряду

других самых первых преподавателей провинциальных общеобразовательных школ России Шестаков был определен учителем старших классов Саратовского главного народного училища в 1786 г., когда ему было около 22 лет от роду⁶⁹.

Удалось обнаружить две редакции его сочинения. Первый вариант, хранящийся сейчас среди дел Главного правления училищ⁷⁰ и озаглавленный “Нечто о просвещении в России”, был представлен 27 апреля 1803 г. попечителю Казанского учебного округа графу Андрею Андреевичу Мантейфелю. Тот передал записку Шестакова в Главное правление, где она хотя и была рассмотрена, но весьма формально. По ее поводу в журнале правления зафиксировано оставить записку без какого-либо действия, поскольку уже приняты решения по осуществлению новой образовательной реформы, которые и следует исполнять. Однако Шестаков и не настаивал на своем участии в перестройке народного образования. Его намерения были более скромными, хотя от этого его записка не становится менее интересным источником для современного исследователя, особенно если того занимают проблемы школьного дела в провинции. Шестаков хотел донести до других свой взгляд на эти проблемы, как он писал, “почерпнутый мною из опытов национального характера, надобностей служб и суждений людей благонамеренных; и это не для того, чтоб правительство ... сделало из того какое-либо употребление”⁷¹.

Не получив никакого известия о судьбе своей записки, переданной Мантейфелю, Шестаков 26 октября пишет новому попечителю округа Степану Яковлевичу Румовскому и просит разрешения, если тому предшественник не передал с прочими делами его записку, представить ее вторично. Румовский выразил согласие ознакомиться с мнением саратовского директора. Так появился второй вариант записки Шестакова, который и сейчас находится в архиве в Казани⁷². Этот вариант отличается от первого измененным названием и рядом добавлений к тексту, которые автор посчитал нужным сделать, чтобы усилить аргументацию своей позиции.

Кроме упомянутого проекта, Шестаковым был составлен еще один интересный источник – “Исторические записки по учебным заведениям Саратовской губернии с открытия в оной Главного народного училища”⁷³. При совпадении названия и в какой-то мере формы данного документа с историческими записками конца XVIII в., этот документ отличается от них весьма серьезно.

Прежде исторические записки составлялись или должны были составляться ежегодно, можно сказать, по горячим следам, когда еще

были живы впечатления и целы документы, которые клялись в основу текста записок. Свою же историческую записку Шестаков составил в 1818 г., по прошествии двух-трех десятков лет и даже более после описываемых в ней лет царствования Екатерины Алексеевны и Павла Петровича. Отсюда стремление автора обобщить события нескольких лет, дать не только пересказ, но и анализ прошедшего. Звучат определенные критические нотки в адрес прежних властей, которые, конечно, не допускались в официальных годовых отчетах. И еще одно существенное отличие от обычных исторических записок – Шестаков не располагал документами, современными школьной реформе Екатерины II. По сути текст этой его записки до начала XIX в. – произведение мемуарного характера.

Таким образом, более низкая по сравнению с Симбирской губернией информативность полугодовых и третних ведомостей Саратовской губернии несколько компенсируется наличием двух записок аналитического и исторического плана, составленных в 1803 и 1818 гг. А.И. Шестаковым.

Среди источников по ранней истории школ Оренбургской губернии подобная роль по восполнению недостатков ведомостей конца XVIII века принадлежит Отчету о состоянии народных училищ данной губернии, который был составлен по итогам “визитации” (осмотра – Л.А.) этих училищ сотрудниками Казанского университета, адъюнктом И.И. Запольским и магистром П.С. Кондыревым. Отчет появился в 1809 г., но содержит обширный раздел под названием “Прошедшее состояние училищ”, где показано состояние народного образования губернии до реформ начала царствования Александра I⁴. У его составителей, во-первых, уже была возможность рассмотреть накопленный опыт просветительской работы в ретроспективе, а, во-вторых, сама задача визитации предполагала критический подход к этому прошлому опыту. В результате университетскими визитаторами были выявлены те недостатки школьного дела, проявившиеся в екатерининские и павловские времена, о которых не говорится прямо в более ранних источниках.

Как мы видим, источниковая база изучения действий властей и общественных сил в области просвещения в начале правления Александра Павловича выглядит более широкой по сравнению с предшествующими царствованиями. Ее представляют не только столичные архивы, но и местные. Так, в фонде попечителя Казанского учебного округа имеются и другие дела, в той или иной мере затрагивающие время до открытия этого округа, т.е. до новой

школьной реформы 1803 года. В их числе различные ведомости этого периода, отложившиеся по разным причинам уже не в петербургском архиве Комиссии об учреждении училищ, а попавшие в Казань в дела тамошнего попечителя⁷⁵, сведения об учителях, начавших свою деятельность в 1786-1802 гг.⁷⁶ Вопросы школьного дела XVIII века отразились также в отдельных делах еще одного фонда в НАРТ (Ф.977. Казанский университет).

На территории рассматриваемых губерний в городах или других селениях как по правому берегу Волги, так и в Заволжье существовали школы, не состоявшие в ведомстве Комиссии народных училищ. Одни из них были учреждены для детей солдат и других военнослужащих. Другие создавались для распространения грамотности и христианского вероучения среди народов Поволжья. Третьи содержались неправославными духовными общинами, например, в немецких колониях. История всех указанных учебных заведений из-за недостатка источников остается малоизученной. Об этих школах сохранились некоторые материалы в указанных фондах НАРТ, а также в Государственном архиве Оренбургской области (Ф.3. Оренбургская губернская канцелярия) и Российском государственном военно-историческом архиве (Ф.ВУА. Военно-ученый архив).

Примечательным явлением в развитии народного просвещения XVIII века было появление первых сельских школ. Большой интерес в этой связи представляют фонды местных архивов тех регионов, где существовали школы в помещичьих селениях, например, Государственного архива Ульяновской области (Ф.147. Контора Усольской вотчины графов Орловых-Давыдовых; Ф.732. Симбирская губернская ученая архивная комиссия). С фондом Орловых из архива г. Ульяновска смыкаются материалы этой богатейшей семьи в московских архивохранилищах, в т.ч. в РГАДА (Ф.1273. Орловы-Давыдовы) и в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф.219. Архив села Семеновского /Отрада/ Орловых Давыдовых). В незначительной мере сведения о деятельности этой семьи на ниве просвещения нашли отражение в опубликованных изданиях, например, в биографии В.Г. Орлова, в которой использованы его дневники и ряд архивных документов⁷⁷. Непосредственное обращение к материалам этих фондов позволило ввести новые источники в изучение не только собственно вотчинных школ, но и таких явлений просвещения как помощь ученым в научных изысканиях со стороны сельских жителей⁷⁸.

О стремлении просвещенных помещиков распространить грамотность среди крестьян имеются сведения в рукописном фонде

Г.Р. Державина в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Еще более интересными выглядят в этом фонде уникальные известия о трудностях, с какими сталкивалось провинциальное дворянство 1790-х гг. в попытках дать образование своим детям в отдаленных заволжских краях, и одновременно о проблемах домашних учителей, попавших на службу к местным дворянам⁷⁹.

Поучительная история получения образования самим Гаврилой Романовичем известна благодаря изданиям и переизданиям его мемуаров, “Записок из известных всем происшествий и подлинных дел” и “Рассуждения о достоинстве государственного человека”. Частично опубликована и его переписка, в которой также имеются упоминания фактов, дополняющих сведения из его личного архива и воспоминаний по вопросам распространения образования среди различных сословий⁸⁰.

В отделе рукописей той же библиотеки (Ф.163. Второвы И.А. и Н.И. и Синакевич О.В.) хранятся копии некоторых записок и дневников Ивана Алексеевича Второва, чиновника, служившего в последние два десятилетия XVIII в. в Симбирске, Самаре, Ставрополе. Их подлинники, а также другие копии находятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф.93. Второвы И.А. и Н.И.)

В самарском краеведении Второва считают первым по времени литератором в истории Самарского Поволжья. Еще более интересны его дневниковые записи 1792-1793 гг. во время службы губернским регистратором в Симбирском губернском правлении, когда он постоянно общался с учителями здешнего Главного народного училища. Записи Второва дают возможность взглянуть, во-первых, на те стороны жизни первых провинциальных педагогов, которые не получили отражения в документах делопроизводства. Во-вторых, в этих дневниках, как нигде более, показано то общее культурное воздействие, которое оказало само появление народных школ на определенную часть губернских и уездных жителей. Дневники Второва известны также в пересказе⁸¹, который весьма уступает по информативности текстам, хранящимся в архивах.

В различных фондах, еще не указанных выше, также найдены дела, позволяющие уточнить биографии, служебную карьеру, происхождение ряда деятелей просвещения Поволжья рассматриваемого времени. В их числе, например, имеются сведения об уже упомянутых Т.Г. Масленицком или И.А. Второве⁸².

Круг опубликованных источников по теме, кроме тех, которые уже упоминались в контексте при характеристике использованных архивных фондов, включает и ряд других изданий. В первую очередь следует назвать Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ), а также отдельные публикации законодательных актов. Ключевым для характеристики государственной политики в школьном деле среди прочих памятников законодательства следует признать “Устав народным училищам в Российской Империи” 1786 года⁸³. Этот документ сопровождают дополнительные руководства, упомянутые в его же тексте⁸⁴.

Некоторые принципы будущей государственной системы общеобразовательных учебных заведений разного уровня были заложены несколькими годами раньше в “Учреждениях для управления губерниями” 1775 года. Кроме публикаций отдельными оттисками и в ПСЗ, не так давно появилось научное издание Учреждения о губерниях⁸⁵.

История политики правительства и позиции общества в отношении народного просвещения, в том числе подготовки и составления важнейших законодательных актов отражена в различных исторических сборниках документальных источников. Среди этих сборников есть специально посвященные проектам и предложениям по развитию образования в стране во второй половине XVIII века⁸⁶.

Другие сборники представляют переписку и бумаги Екатерины II, в которых в числе прочих отразились и ее взгляды на дело просвещения, деятельность в данном направлении. Из многочисленных публикаций материалов, так или иначе связанных с участием императрицы и ее приближенных в развитии народного образования, обращают на себя внимание письма и рескрипты московским главнокомандующим Я.А. Брюсу, П.Д. Еропкину, А.А. Прозоровскому, М.М. Измайлову, московскому же губернатору П.В. Лопухину, генерал-губернатору ярославскому и вологодскому А.П. Мельгунову, распоряжения статс-секретарям и другим сановникам, донесения русских послов⁸⁷. Отметим в качестве важных для характеристики и истории складывания представлений Екатерины II о школе ее Наказ Уложенной комиссии⁸⁸, переписку с Мельхиором Гриммом⁸⁹ и его мемуары⁹⁰. Взгляды императрицы и близких ей по убеждениям людей на роль просвещения нашли также отражение в критических разборах книг о России аббата Шаппа д'Отероша и ученого-медика Н. Г. Леклерка⁹¹. Отдельный сборник материалов

посвящен общественной и государственной деятельностью на ниве просвещения О.П. Козодавлева⁹².

Отношение русского общества к проблемам образования нашло свое отражение в произведениях М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, других деятелей русской науки, общественной мысли, журналистики, литературы, драматургии. Они опубликованы в различных изданиях, в том числе в сборниках, специально посвященных русскому просвещению XVIII века⁹³.

Поволжскому и приуральскому региону посвящена уникальная не только по художественным достоинствам, но и по точности отражения фактических событий и деталей быта трилогия С.Т. Аксакова “Семейная хроника”, “Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники”, “Воспоминания”. С позиций источниковедческого подхода, их можно рассматривать как превосходную литературную обработку устных преданий и собственных воспоминаний. Н.П. Рычков ответил на “Семейную хронику” в целом и имевшиеся в ней в частности выпады в адрес своих предков “Отрывком из семейных записок Рожновых”. “Отрывок” был написан в 1860 г. и опубликован в “Библиотеке для чтения” через два года.

Другой линией перепроверки или уточнения опубликованных потомками уже в XIX в. воспоминаний и преданий могут послужить многочисленные книги, статьи, записки П.И. Рычкова, являющиеся сами по себе памятниками просвещения XVIII века и одновременно затрагивающие некоторые вопросы образования. Современником и непосредственным начальником П.И. Рычкова в деле освоения За-волжья и Приуралья, в распространении там первых посевов народного образования являлся В.Н. Татищев, чьи произведения также представляют немалый интерес как источник по рассматриваемой теме.

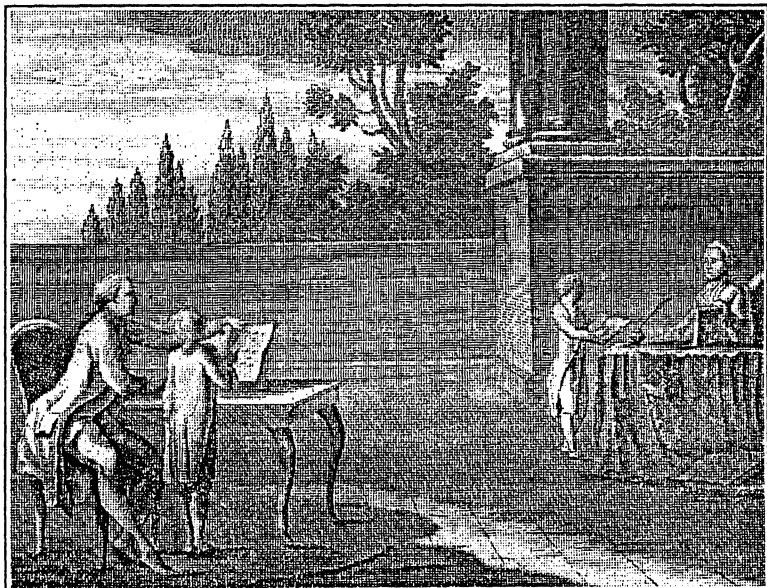
Пересказом услышанных устных рассказов и прочитанных записок современников событий являются страницы, посвященные развитию народного образования в конце XVIII – начале XIX вв., из “Летописи Саратовской губернии, со времени присоединения сего края к России до 1821 года”. Ее опубликовал первый саратовский краевед А.Ф. Леопольдов в Журнале Министерства внутренних дел в 1841 г. (Ч.39-40. № 3-4). Родившийся в 1800 г., он застал в живых еще немало деятелей просвещения и просто людей, получивших образование в XVIII в. От них Леопольдов и получал необходимые сведения. Это дало основание рассматривать данную публикацию

не столько как факт историографии (в этом отношении она малоинтересна), сколько как источник по данной теме. Будучи сам сыном церковного пономаря, выпускником духовного училища и семинарии, А.Ф. Леопольдов больше говорит об учебных заведениях этих типов, но упоминает и народные училища.

Накопленный в литературе и охарактеризованный здесь материал, обзор малоизвестных и неизвестных архивных документов показывают непреходящую научную значимость продолжения изучения вопросов сложных социальных, политических и культурных факторов отечественной истории, сконцентрированных в емком, многозначном термине “просвещение”. Научные проблемы, затрагивающие взаимоотношения власти, общества и школы в России конца XVIII - первой половины XIX вв., и обширный круг источников, позволяющих подойти к их разрешению, определяют необходимость и перспективность настоящего исследования, которое посвящено становлению в России новой школы, ее превращению из отдельных учреждений в общегосударственную структуру и массовое явление.

Автор выражает благодарность научному редактору книги заслуженному деятелю науки РФ, доктору исторических наук, зав. кафедрой Российской истории Самарского госуниверситета Петру Серафимовичу Кабытову за ценные замечания и предложения, высказанные в ходе работы над рукописью. Автор также благодарит сотрудников РГИА Серафиму Игоревну Варехову, зав. читальным залом, и Ольгу Викторовну Крстич, оказавших неоценимую помощь в архивных изысканиях. Искреннюю признательность автор выражает коллективу Самарской областной универсальной научной библиотеки и лично зам. директора по научной работе Людмиле Геннадьевне Завальной, главным библиографам Ирине Юрьевне Решетовой и Александру Никифоровичу Завальному, зав. отделом редких книг и рукописей Александре Михайловне Колядиной и главному библиотекарю этого отдела Надежде Александровне Бессоновой за поддержку и конкретную помощь.

ГЛАВА 1.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

§1. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ШКОЛЫ В НАЧАЛЕ И СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

В раннем прошлом старейших городов Среднего Поволжья к югу от устья Камы (Самары, Симбирска, Сызрани и др.) нет никаких сведений о монастырских или церковных школах XVI-XVII вв., бытовавших издревле в других русских городах. Видимо, единственным способом постижения элементарных знаний в чтении, письме, счете здесь были традиционные средневековые формы обучения у домашних учителей или “мастеров грамоты”. Независимо от принадлежности учителя к духовному или светскому сословию такое образование носило преимущественно религиозный характер, поскольку в первую очередь нацеливало на овладение навыками чтения богослужебных текстов. Псалтирь и Часослов не случайно являлись главными и чаще всего единственными учебными пособиями после Азбуки или Букваря. Чтение светских книг, бытовое и деловое письмо были не целью, а лишь продолжением такого обучения, причем продолжением вовсе не обязательным. Для многих людей, считавшихся грамотными, чтение Псалтири и умение поставить подпись под документом оставались пределами постигнутой за жизнь науки.

Даже в недавно присоединенном далеком Заволжском крае быстро распространялись и не были редкостью “частные училища, содержимые духовными по своим домам или квартирам. Хотя в них по большей части обучали чтению и письму по-русски, но и сие весьма многим, давая повод читать книги, было чрезвычайно полезно к распространению повсеместного народного просвещения. За духовными заводили таковые училища отставные солдаты, часто мещане, старухи и проч.”¹

Несколько специфичным был состав учителей в Саратове и его окрестностях, где весьма влиятельными были старообрядческие толки. Там “купеческие, мещанские и проч[ие] дети” по большей части овладевали русской грамотой “у стариков и старух в раскольнических кельях”².

Параллельно традиционному православному обучению в Поволжье и Заволжье существовала традиционная мусульманская школа. Так, относительно недавно вошедшего в состав России Оренбургского края многие деятели даже русского просвещения полагали, что “магометанские училища может быть были из первых

училищ, заведенных в сей губернии, вера того от татар требует, чтоб знали они читать и писать на своем языке и на арабском". Училища эти устраивались при мечетях и "много способствовали" прежде всего "укоренению благонравия"³.

В немецких колониях, появившихся на Волге в 1760-е гг., школы также носили традиционный религиозный характер, не многим отличаясь от школ русских "мастеров грамоты" или мусульманских мулл. В евангелических церковных училищах главным учебным предметом являлось "наставление в религии для приготовления юношества к утверждению в законе, в котором оно воспитывается..."⁴

Обучение письму и начальным правилам арифметики здесь носило дополнительный характер и не было обязательным. Учителя школ ("шульмейстеры") не имели профессиональной подготовки. Они избирались с одобрения приходских пасторов самими колонистами из числа церковных дьячков⁵.

Основным недостатком традиционной школы была неспособность отозваться на требования нового времени ни по набору предметов, ни по методике обучения. Основной причиной тому был состав учителей, не владевших современными знаниями и не имевших профессиональной педагогической подготовки. Как оценивали ее сами современники, "если и находились училища, частными людьми содержимые, то они, вероятно, судя по учащим, сопряжены были со многими недостатками"⁶.

Не торопилась приволжская и заволжская провинция и с открытием первых учебных заведений светского типа, появившихся в XVIII веке. Большинство ученых ведет отсчет непрерывной истории светского образования в России нового времени с подписанных Петром I 10 и 14 января 1701 года указов об учреждении в Москве Навигацкой и Пушкарской (Артиллерийской) школ⁷. Дальнейшее приращение школ разного назначения и уровня происходило также в основном в столицах, сначала в старой – Москве, а затем и в новой – Петербурге.

Развитие светского образования, начавшегося в России при Петре I, до школьной реформы Екатерины II шло преимущественно по пути создания учебных заведений, нацеленных на скорейшую подготовку необходимых для государства специалистов. Эти заведения подчинялись учреждавшим их различным ведомствам, были разобщены в организационном и методическом плане. Как специальные, так и высшие учебные заведения не получали

подготовленного пополнения из-за почти полного отсутствия общеобразовательных школ, вынуждены были брать на себя функции последних.

В специальных учебных заведениях (шляхетских корпусах, медицинских школах, горных училищах и т.п.), а также в московской духовной Славяно-греко-латинской академии существовали низшие классы для элементарной подготовки будущих специалистов. Университет при Академии наук в Петербурге и Московский университет с этой целью имели собственные гимназии, причем второй – не только в Москве, но и в Казани.

Перспектив на расширение числа гимназий по типу трех имеющихся и превращения их в массовую школу не существовало. Во всех городах эти гимназии содержались из средств университетов в расчете на пополнение будущими студентами. Потребность в студентах, а значит и в увеличении числа гимназистов была ограничена. К тому же из все тех же источников финансирования университетов уже не могли быть обеспечены другие средние учебные заведения, кроме этих гимназий.

Гимназия при Петербургской Академии наук, как и Академический университет, была очень малочисленна. Преподавание в ней велось на немецком и латинском языках, не имелось твердого учебного плана и правильных методик обучения.

Более жизнеспособными, благодаря усилиям М.В. Ломоносова, оказался Московский университет и гимназии при нем. Гимназический курс имел продуманную методически и научно-обоснованную направленность. Обучение в основном велось на русском языке, но с хорошим преподаванием иностранных языков и ряда предметов на этих языках (история и география – по-французски и по-немецки).

В интересах правящего сословия университетская гимназия делилась на два отделения – для дворян и для недворян, хотя обучение в самом Московском университете было бессословным. Таким образом, и эта лучшая в России общеобразовательная школа приобрела сословный характер. С 1773 г. для обоих отделений вводится один учебный план и одно расписание. Однако в 1779 г. начал работать Благородный пансион при Московском университете, учебно-воспитательное заведение закрытого типа исключительно для дворян, к тому же состоятельных, поскольку был платным. Кроме Благородного пансиона, в столицах было немало частных пансионов, в которые принимали только дворянских детей. Дворяне

недостаточно богатые, чтобы оплачивать домашних учителей или содержать детей в пансионах, могли рассчитывать на помощь государства и получить бесплатное образование в одной из общеобразовательных гимназий или скорее в каком-нибудь закрытом военном учебном заведении.

Высокое качество подготовки гимназистов, достигнутое в Москве, не удалось обеспечить в Казанской гимназии из-за недостатка средств и кадров. Директор Академии наук В.Г. Орлов, посетив в 1767 г. этот город, писал: “31 мая был я в гимназии, которую в очень дурном состоянии нашел, где 12 учителей, а учащихся всего с 40, - они говорили речи: на немецком, французском, русском и латинском языках, успехи учащихся очень несовершенны, как я сам их свидетельствовал”⁸. Однако уровень самой Казанской гимназии по сравнению с другими русскими провинциальными городами был просто недостижим, хотя бы по одной причине – отсутствию в тех городах каких бы то ни было общеобразовательных учебных заведений.

По мнению О.П. Козодавлева, говорившего о существовавших в России до 1780-х гг. учебных заведениях, “хотя сии заведения давно уже существуют, хотя десница монаршая их ущедряет непрерывно, но ... всем известен совершенный в ученых людях недостаток ... и просвещение в народе по сие время от сих заведений не весьма распространилось”. В лучшем положении относительно получения образования находилось дворянство, но просвещенной стала лишь его часть, прошедшая обучение прежде всего в таких закрытых сословных училищах, как кадетские корпуса, и у учителей-иностранцев дома или в пансионах. Тем более просвещенные дворяне составляли весьма малую долю всех “людей в рассуждении количества народа, в пространной сей империи обитающего”⁹.

Практически все возможные пути к образованию, доступные для провинциального дворянского недоросля в середине XVIII в., можно проследить в биографии Г.Р. Державина. Начало обучения было весьма ранним, совпало с проживанием семьи сначала в сибирском городе Яранске, а “потом в Ставрополе, что близ Волги”. Будущий поэт “на четвертом году уже умел читать”. Характер первоначального обучения был весьма традиционным, пришедшим из прошлых веков: “*За неимением в тогдашнее время в том краю учителей* (курсив наш – Л.А.), научен от церковников читать и писать. Мать, однако, имея более времени быть дома, когда отец отлучался по должностям своим на службу, старалась пристрастить

к чтению книг духовных, поощряя к тому награждением игрушек и конфетов”¹⁰.

Раннее обучение чтению и письму не было редкостью в тех сословиях, где они представлялись необходимым условием для будущей карьеры и просто для обеспечения средств к существованию, то есть среди дворян, духовенства, мелких чиновников. Великий драматург XVIII века Денис Иванович Фонвизин вспоминал: “В четыре года начали учить меня грамоте, так что я не помню себя безграмотного”. Как и мать Державина, родной отец Фонвизина знание грамоты почитал прежде всего ступенью религиозного воспитания и восприятия церковной литературы: “Как скоро я выучился читать, так отец мой у крестов (во время церковной службы – Л.А.) заставлял меня читать. Сему обязан я, если имею в российском языке некоторое знание. Ибо читая церковные книги, ознакомился я с славянским языком, без чего российского языка и знать невозможно”¹¹.

Младшим современником обоих упомянутых писателей и земляком Державина был Иван Алексеевич Второв, уроженец Бузулукского уезда, в котором находилось и оренбургское имение семьи знаменитого поэта. Второв в начале своей записной книжки почти буквально повторил слова Фонвизина: “Я не помню того времени в жизни моей, когда я не умел грамоте, потому что учили меня еще во младенчестве”¹².

Рано потеряв отца, семилетний Иван Второв становится кормильцем семьи, состоявшей из матери и двух сестер. Сначала родственники определили его в Оренбург в “татарскую школу”, то есть готовившую чиновников со знанием языков тюркских народов Поволжья и Приуралья, но не столько для продолжения учебы, сколько ради ученического жалованья в 30 руб. в год. Однако пребывание в школе было очень недолгим¹³.

В сохранившемся формулярном списке записано, что “Иван Алексеев сын Второв, из приказнослужительских детей, ... вступил Симбирского наместничества в Самарской уездной суд копиистом” в 1781 г. Как писал он сам, “осми лет от роду определили меня в службу и заставили отправлять ее настоящим образом, следовательно я не имел ни случая, ни способов учиться наукам и языкам”. В дальнейшем он “преодолевал большие затруднения к образованию себя (подчеркнуто нами – Л.А.), имея всю силу пылкой страсти к наукам и просвещению, пользовался книгами, какие только можно было достать”¹⁴.

Из слов Второва следует, что знание грамоты и умение писать даже на уровне профессионального чиновника в сочетании с

определенной начитанностью не являлись тождественными понятию “образование” и “просвещение” уже в глазах конца людей второй половины XVIII в. О том же пишет Фонвизин, вспоминая об отце. Тот, по его словам, “был человек большого рассудка, но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя учением (подчеркнуто нами – Л.А.)”. На эту оценку не повлияли даже такие обстоятельства, что “читал он все русские книги, из коих любил отменно древнюю и римскую историю, мнения Цицероновы и прочие хорошие переводы нравоучительных книг”, а усилия его дать сыну настоящее образование “были безмерны”¹⁵.

В отличие от мелких чиновников недворянского происхождения Второвых семьи Державиных и Фонвизиных имели возможность и стремление обучить сыновей новым “наукам и языкам”, потребным для государственной службы в изменившейся России и показывавшим, что идет не XVI, не XVII, а уже XVIII век. Представившиеся к продолжению образования “случаи” и “способы” были неодинаковы для столичных и провинциальных дворян. Отец Фонвизина, московский помещик и чиновник средней руки, “не в состоянии будучи нанимать для меня учителей для иностранных языков, не мешкал, можно сказать, ни суток отдачею меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден был”¹⁶, точнее в дворянскую гимназию при Московском университете.

Молодое учебное заведение было не без недостатков, “и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает”, - писал Д.И. Фонвизин уже на рубеже 1780 х и 1790 х гг. Однако, несмотря на эти недостатки, годы, проведенные в гимназии и университете (1755-1762 гг.) оставили добрый след в памяти будущего писателя: “Как бы то ни было я должен с благодарностию воспоминать университет. Ибо в нем, обучась по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам”¹⁷. Брат писателя Павел Иванович, учившийся вместе с ним, впоследствии стал директором Московского университета.

Дети богатых саратовских дворян “учились по обыкновению у иностранцев, русской же грамоте по большей части у приказных”¹⁸. Еще более отдаленном от столиц Заволжском крае провинциальным помещикам приходилось преодолевать немало трудностей, чтобы доставить своим отпрыскам “способы” к продолжению образования.

По достижении определенного законом срока, “то есть по седьмому году”, маленького Гаврилу Державина первый раз

представили на дворянский смотр, который проводил первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев. После смотра ребенок был “отдан для научения немецкого языка, *за неимением там других учителей* (курсив снова наш – Л.А.), сосланному за какую-то вину в каторжную работу некоторому Иосифу Розе, у которого дети лучших благородных людей, в Оренбурге при должностях находящихся, мужеска и женска полу, учились”. Каторжник являлся не самым удачным учителем дворянских и офицерских детей, но выбора не было. Державин вспоминал: “Сей наставник, кроме того, что нравов развращенных, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными штрафами, о коих рассказывать здесь было бы отвратительно, был сам невежда, не знал даже грамматических правил, а для того и упражнял только детей твержением наизусть вокабол и разговоров и списыванием оных, его Розы рукою прекрасно однако написанных”. Способности и охота к учению преодолевали все недостатки этих занятий. “Чрез несколько лет, посредством такого учения, разумел уже здесь упомянутый питомец по-немецки читать, писать и говорить”, – писал о себе Державин¹⁹.

Овладев иностранным языком и в таких неблагоприятных условиях, повзрослевший Державин не желал повторения подобного учения никому. Через двадцать лет он будет содействовать тому, чтобы в Оренбургском крае появились более знающие и благонамеренные учителя из немцев. Известны письма некоторых поволжских немецких колонистов, которых ему довелось коротко узнать во время борьбы с пугачевскими повстанцами в 1773-1775 гг., с просьбой “рекомендовать их на учительские места в Оренбург” тамошнему начальству²⁰.

Умудренный опытом Державин отдавал предпочтение профессиональным педагогам. В середине 1780-х гг., будучи тамбовским губернатором, он убеждал знакомых не отдавать детей “для обучения наукам явившемуся здесь (в Тамбове – Л.А.) учителю Яну, который желал завести пенсион”, поскольку “у него не было аттестата о его искусстве”. Губернатор так и не позволил этому иностранцу “быть учителем и завести пенсион”, дождавшись прибытия в город профессора Д. Гесслинга с аттестатами на право занятия преподавательской деятельностью от Московского и германского Кильского университетов²¹.

Молодой Державин проявлял способности не только в освоении русской грамоты и немецкого языка, но и в рисовании. Общение с геодезистом, состоявшим на службе при его отце для межевания владельческих земель, сообщило ему “охоту к

инженерству". Несомненно, что атмосфера семьи способствовала успехам в учении. Если мать прихочивала сына к старославянской словесности, то отец подумывал о записи сына в кадетский корпус или об определении к обучению артиллерии и инженерному делу²².

Семейные планы дать сыну специальное образование были нарушены сначала недостатком средств, а затем более серьезным несчастьем. Служебные дела и безденежье "не позволили" в 1754 г. отцу ехать в Петербург. "Возвратился он в деревню с намерением в будущем году непременно записать сына в помянутые места..., однако же, по приезде в деревню, в том же году в ноябре месяце скончался, и тем самым пресеклись желания отца и сына, чтоб быть последнему в таких командах, где бы чему-нибудь ему научиться можно было". Будучи в крайне стесненном положении, притесняемая соседями, вдова "никогда не забывала о воспитании детей своих, но прилагала всевозможное попечение, какое только возможно было им доставить"²³.

Вновь в "Записках" Державина в этом месте встречается который уже раз фраза "*за неимением лучших учителей*". Теперь она предвещает рассказ о том, как он перешел вслед за русской и немецкой грамотой к изучению арифметики и геометрии, уроки которых пришлось брать у ученика солдатской школы Лебедева и артиллерийского штык-юнкера Полетаева. "Но как они и сами в сих науках были малосведущи, ибо как Роза немецкому языку учил без грамматики, так и они арифметике и геометрии без доказательств, то и довольствовались в арифметике одними первыми пятью частями, а в геометрии черчением фигур, не имея понятия, что для чего надлежит"²⁴.

Три основных предмета образования дворянина (русская грамота вкупе с основами вероучения, немецкий язык, начала математики), пройденные Державиным, один к одному совпадают с науками, преподаваемыми герою фонвизиновского "Недоросля", соответственно семинаристом Кутейкиным (ср. с церковниками из Яранска или Ставрополя), бывшим кучером немцем Вральманом (чем не двойник каторжника Розы), отставным сержантом Цыфиркиным (возможно, тоже получившим свои знания в солдатской школе, как и Лебедев). Разница только в том, что по закону драматургии классицизма учителя Митрофанушки появляются на сцене в течение одного дня, а не сменяя друг друга год за годом. Выдуманные персонажи Фонвизина не менее реальны, чем лица, оставшиеся в памяти мемуаристов.

Об огромной разнице в отношении к образованию в семьях Державиных или Фонвизиныных и в среде Простаковых-Скотининых не приходится и говорить, перед нами два полюса такого отношения, существующего причем в одной и той же социальной среде. Митрофан Простак и ему подобные сами не оставили воспоминаний, за них приходилось говорить другим.

В записках русского артиллериста, инженера, преподавателя Михаила Васильевича Данилова, написанных в 1771 г., есть примечательные эпизоды из царствования Анны Ивановны, которые как бы предвосхищают сцены бессмертного “Недоросля”. Пройдя в семилетнем возрасте азбуку под руководством сельского пономаря, Михаил для продолжения науки был отослан в дом родственницы вдовы Матрены Петровны, любимым развлечением которой была порка крепостных во время обеда, “видно для хорошего аппетита”. Он занимался вместе с ее племянником у учителя из крепостных и “скоро окончил словесное учение, которое состояло только из двух книг, Часослова и Псалтыри”. Злой и глупый племянник хозяйки “читать не разумел” и во время церковных служб, на которых Данилов “употреблен был ... к чтению” псалмов, “от великой ... зависти и досады” бил родственника во время чтения сапогами по ногам, доводя того до слез от боли и не получая от тетки часто никаких замечаний. В случае же провинностей племянника “в страх ему” секли невиновного учителя, а заодно и Михаила²⁵.

Учитель из собственных крепостных упоминается и в семейных преданиях потомков А.П. Рычкова, одного из сыновей первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук П.И. Рычкова. Имение младшего Рычкова, одного из первых завожских помещиков, находилось в еще малолюдном крае между Самарой и Оренбургом. “...Наставника отыскать в таком захолустье было почти невозможно (даже не было поблизости церкви, а потому и дьячку, по дальности расстояния, ездить было неудобно)”. С сыном хозяина занимался найденный среди дворовых “старый грамотей”²⁶.

Важной особенностью профессиональных школ петровского и послепетровского времени в России, характеризующей отношение значительной части общества к просвещению, было применение наряду с добровольным поступлением и практики принудительного набора в них недорослей, уклоняющихся от обучения, и наказания родителей, укрывающих своих чад от школы. Реакцией на принудительное зачисление в школы становились массовые побеги из них²⁷.

Еще одна особенность, на которую следует обратить внимание, состояла в том, что и профессиональные, и общеобразовательные учебные заведения того времени не были похожи на современные школы. В них не было классно-урочной системы. Учитель работал с каждым учеником индивидуально. В это время остальные присутствовавшие на занятиях были предоставлены сами себе. Продуктивность такого обучения была низкой, несмотря на то что учебный день длился 8-9 часов. Определенных сроков приема учащихся не было, они появлялись и уходили в течение года. Резко колебался возраст занимавшихся вместе школьников - от 7 до 20 лет. Все это затрудняло процесс обучения и отворачивало многих от получения или продолжения образования. Для дворян дополнительным стимулом к отказу от поступления в учебные заведения была возможность оказаться рядом на школьной скамье с лицами из низших сословий.

Идя навстречу дворянству и одновременно соблюдая государственный интерес, правительство узаконило право родителей выбирать для недорослей образование как в учебных заведениях, так и у домашних учителей. При этом повторялись угрозы “не радящих об учении детей штрафовать по прежним указам”, а губернаторам и воеводам предписывалось, чтобы они за теми, кто обучается дома “имели прилежное смотрение, дабы они учились, а праздно не жили”. Основные требования к проходящим обучение в любой форме заключались в следующем. Между первым и вторым смотром (от 7 до 12 лет) дети должны были “уже действительно и совершенно грамоте читать и чисто писать обучены”. К третьему смотру 16-летние недоросли, “кроме иностранных языков, которых по своему изволу учить станут, и само собою разумеющегося должного и нужного знания законов и артикулов нашей православной кафолической веры”, должны были “со основанием” изучить арифметику и геометрию. Такое образование уже открывало дорогу в государственную службу, но его можно было продолжить до четвертого смотра в 20 лет за счет изучения географии, истории, фортификации²⁸.

Схожие пути получения дворянами образования, хоть в разной последовательности и разного уровня, мы встречаем и у других мемуаристов. В записках Евграфа Федотовича Комаровского читаем: “Первым учителем моим был упраздненный священник, а вторым отставной офицер”. В восьмилетнем возрасте автор записок лишился отца, но ему повезло больше, чем Второву или Державину. Муж сестры взял Евграфа в столицу, “чтоб отдать меня в лучший

тогда в Петербурге пансион г. де Вильнёва”, после смерти которого он “поступил в пансион г-жи Люск, а оттуда к г. Массону” и уже потом в кадетскую роту гвардейского Измайловского полка. Это было образование, открывавшее дорогу к блестящей военной и придворной карьере. Среди товарищей Комаровского по учебе, например, был Виктор Павлович Кочубей, племянник знатнейшего екатерининского вельможи А.А. Безбородко, сам в будущем член Негласного комитета и министр внутренних дел при Александре I²⁹.

Такое образование, конечно было недоступно для большинства провинциальных дворян. Нужных связей в столице и средств для этого не было и у небогатой вдовы Феклы Андреевны Державиной, что впрочем не останавливало ее в стремлении помочь сыну стать достойным человеком. Как пишет исследователь биографии писателя Я.К. Грот, анализируя ее письма сыну, “видно, что грамотность только в слабой степени была ее уделом; тем не менее, она ... понимала цену образования и заботилась о воспитании детей своих”³⁰.

Державиной не удалось вовремя представить 12-летнего сына на очередной смотр и повторить попытку определить его “в помянутые места, куда отец хотел”. Однако открытие в 1758 г. Казанской гимназии изменило первоначальные планы вдовы. Она записала двух детей “в сие училище, в котором преподавалось учение языкам: латынскому, французскому, немецкому, арифметике, геометрии, танцованию, музыке, рисованию и фехтованию”. Однако обучение и здесь протекало опять же, “*по недостатку хороших учителей*, едва ли с лучшими правилами как и прежде”. Когда директор гимназии М.И. Веревкин получил задание “снять с города Чебоксар план”, то взял “Державина вместо инженера с собою, подчиня ему несколько учеников для помощи”. Но так как “они все, как выше сказано, учились геометрии без правил и доказательств, и притом никогда на практике не бывали, то приехав в город, когда должно было снимать оный на план, и стали в пень, тем паче, что с ними и астрелябии не было”. Основные усилия были направлены на то, чтоб гимназистов “научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике и быть обходительным, заставляя сказывать на кафедрах сочиненные учителем и выученные наизусть речи; также представлять на театре бывшие тогда в славе Сумарокова трагедии, танцовать и фехтовать в торжественных собраниях при случае экзаменов; что делало питомцев хотя в науках неискусными, однако же доставило людскость и некоторую розвязь в обращении”³¹.

В записках Державина и других источниках постоянно подчеркивается незнание доморощенными учителями теоретических

основ наук: “нас учили тогда вере – без катехизиса, языкам – без грамматики; числам и измерению без доказательств, музыке – без нот, и тому подобное”. В школах ощущалось отсутствие или серьезная нехватка учебников, да и вообще светской литературы, чтобы компенсировать недостатки преподавания и преподавателей самостоятельной подготовкой. Тот же Державин в годы учебы “книг, кроме духовных, почти никаких не читал, откуда бы можно было почерпнуть глубокие и обширные сведения”³².

Согласимся с тем, что “исключение из преподавания теории отнюдь не делало обучение легким, оно вело к зубрежке”, а “новая школа, хотя и стала светской, сохранила во многом средневековый характер”³³. Уточним только, что новыми в ней были предметы обучения, а традиционными, идущими из прошлых веков оставались формы их преподавания. Наизусть без понимания заучивались буквы, склады, религиозные тексты, немецкие или латинские слова, и так до сложнейших математических задач, правил архитектуры, артиллерийских баллистических расчетов. Устаревшая методика обучения была серьезным и объективно существующим препятствием к созданию массовой новой школы, наряду с причинами экономическими, социального, политического плана. Рождение новых форм школы требовало времени, опыта, воли для преодоления косности и инерции, укоренившихся в представлениях о том, каким следует быть образованию.

Если указанные недостатки и проблемы преследовали те типы школ, располагавшиеся в столицах, и в которых жизненно заинтересованы были государство и господствующее сословие, то еще более эти недостатки сказывались на состоянии массового начального обучения в провинции и особенно недворянского населения. Не случайно Державин подчеркивал, что он “был воспитан в такое время и в таких отдаленных странах империи, когда и куда не проникло еще равное нынешнему просвещение не токмо на низшие состояния, но и на то, к которому я принадлежал”³⁴. Его современник и приятель, видный государственный и общественный деятель О.П. Козодавлев писал: “По расположению самой природы, начальное учение долженствует всегда предшествовать учению вышних наук. Вышние училища как бы хорошо устроены ни были, но если нет в том же государстве достаточного числа нижних школ, в коих бы юношество приобретало первоначальные в науках знания, то науки неминуемо останутся токмо в университетах и академиях, а народ пребудет в невежестве”³⁵.

Долгое время не давали результатов попытки расширить сферу общего образования хотя бы для отдельных сословий (дворянства, духовенства, приказных служителей, купцов и мещан, нижних военных чинов) путем устройства казенных учебных заведений для усвоения элементарных знаний. Первой такой попыткой, затрагивающей и провинцию, стали цифирные школы, появившиеся в 1714 г. Вначале они предусматривались всесословными, в них не брали только крестьян. Однако вскоре от обучения в них освободили дворянских, купеческих и посадских детей³⁶.

С 1716 по 1722 гг. из учеников Московской Навигацкой школы в 42 провинции империи было разослано 47 человек в качестве учителей цифирных школ. За 1714-1722 гг. в последних пребывало 1389 чел., из которых окончили полный курс только 93 чел., остальные едва не все, особенно дети духовенства и церковников, сбежали³⁷.

Реально к 1726 г. цифирные школы существовали только в 25 провинциях. Они помещались где в архиерейских домах или монастырях, где на полковых, церковных, канцелярских или фабричных дворах, где на собственных или учительских квартирах. Количество прошедших через них учеников достигло 2012 чел. Самыми многолюдными были школы Белгородской и Тобольской провинции, где обучались соответственно 366 и 224 чел. Из провинций по Средней Волге и в Приуралье наибольшим было число учеников в Казанской – 107 чел. В остальных это число было очень незначительным: Свяжская провинция – 18 чел., Симбирская – 10 чел., Уфимская – 8 чел. Большинство в этих школах составляли дети священников и церковнослужителей (44,3%). Следующей по численности сословной группой здесь являлись дети солдат, драгунов, казаков и пушкарей (19,9%)³⁸.

Сыновья приказных служителей были на третьем месте по представительству среди учащихся цифирных школ по стране (18,5%). “Исключительно из них одних состояли школы Уфимская, Свяжская и Симбирская”. Большинство составляли они же в Казанской школе, а именно 60 чел., остальные 47 чел. были из церковников³⁹.

В других средневоложских и приуральских городах таких школ не было вовсе. Да и в перечисленных выше они не играли достойной роли в образовании населения по малой численности учеников и слабости подготовки. Из указанных 2012 чел. было “выучено и отпущено” до 1726 г. только 302 чел., продолжали учение 507 чел.,

только начинали его, будучи не умеющими читать и писать еще 131 чел.⁴⁰

Большинство же (1072 чел.) учеников выбыло по разным причинам, не пройдя обучения в этих школах. Самое значительное число среди них составляли те, о ком говорится, что они просто “отбыли”, “бежали”, “в дома отпущены и не явились” обратно. Таковых всего насчитывалось 856 чел. Оказались негодными к учению по непонятливости и по болезни 102 чел. На разные виды службы (в канцелярскую, военную, певческую, посадскую) было взято 79 чел., возможно, частично обученных. Остальные перешли в другие школы или умерли во время учебы⁴¹.

По мере становления специальных ведомственных учебных заведений для вышеуказанных сословий существование цифирных школ оказалось под угрозой из-за отсутствия притока учащихся, не говоря уже о трудностях материального обеспечения или несовершенстве форм обучения. Выходцы из духовного звания сосредотачивались в архиерейских (епархиальных) школах, из которых впоследствии выросли духовные семинарии. Для детей военнослужащих появлялись гарнизонные школы, с которыми в 1744 г. были слиты последние из остававшихся цифирных школ. Общее образование уходило на задний план. В одних школах в первую очередь воспитывались будущие священники и церковнослужители. В других готовились грамотные солдаты и унтер-офицеры, писари и мастеровые, музыканты и прочие люди, необходимые для службы в полевых и гарнизонных полках⁴².

Доступ в эти учебные заведения для лиц других сословий ограничивался, а затем полностью закрывался. Эти заведения становились не только ведомственными и специальными, но к тому же и закрытыми.

Впрочем на состояние школьного дела в Среднем Поволжье и Приуралье закрытие цифирных школ уже никак не влияло. В этом регионе к 1744 г. оставалась всего одна такая школа в Казани. Да и та еще до официальной ликвидации была переименована в гарнизонную и состояла только из солдатских и офицерских детей⁴³.

В Саратове первая попытка приступить к организации школьного дела была предпринята в отношении детей духовенства. Точно не известна дата появления здесь семинарии, а по сути дела духовного училища с обучением чистописанию, русской грамматике, нотному уставу и пению, но без преподавания высших богословских наук. Известно только, что после Пугачевского восстания она была уже упразднена⁴⁴.

Из Саратова семинарию перевели в Астрахань. Там она была открыта 6 января 1777 г. на новом основании с введением курсов богословия и философии. Считавшаяся для своего времени большим учебным заведением, астраханская семинария не могла удовлетворить образовательные потребности духовенства обширной епархии, включавшей всю Нижнюю и часть Средней Волги (губернии Астраханская и Саратовская). В 1780-е гг. в этой семинарии обучалось 195 детей священников и причта, а при отцах в домах оставалось их 1120 чел., то есть училась лишь пятая или шестая часть. Как утверждали современники, в середине 1780-х гг. «даже не было в Саратове ни одного ученого священника»⁴⁵.

По воспоминаниям семинаристов, обучавшихся как раз в последние десятилетия XVIII в., «стремление в духовенстве к просвещению тогда было не сильно». Недостаток помещений, пособий, учителей ограничивал приток в семинарии и давал многим священникам и причетникам возможность держать «сыновей своих дома ... до совершенного возраста», где их «заставляли работать, и тот из них считался счастливым, кто получал причетническое место, или, по крайнему недостатку в духовенстве и по снисхождению архиерея возводим был на степень диакона или священника». Многие из молодых поповичей и церковников «оставались почти неграмотными и записывались в крестьяне или мещане». Даже из попавших в семинарию «не все могли продолжать полный курс учения по причине устарелости, потому иных определяли в сторожа, других в причетники»⁴⁶.

Еще более затрудненным было получение духовного образования в более отдаленных от центра провинциях. К ним относилась пограничная Оренбургская губерния, «не имевшая почти никаких открытых мест воспитания юношества, даже духовных, по небытию губернского города епархиальным»⁴⁷.

Таким образом, семинарии никак не исчерпывали потенциальный контингент учащейся молодежи из духовного сословия. Просветительские возможности и традиции, заложенные в нем в течение веков, оставались еще лежать втуне.

Успешно окончившие семинарию «почти все поступали в духовное звание; редкие выходили в светское, и то по самым уважительным причинам»⁴⁸. Это учебное заведение сохраняло закрытый характер, мало участвовало непосредственно в обучении лиц других сословий. Однако влияние семинарий на распространение образования в стране было заметным, поскольку священники, церковнослужители и сами семинаристы, как известно, составляли

подавляющее большинство среди домашних и частных учителей, по сути монополизировали обучение грамоте и письму. От подготовки в семинариях и духовных училищах напрямую зависел и уровень образования этих учителей, а следовательно и успехи учеников.

Возникновение первых государственных школ в Заволжье было связано с деятельностью Оренбургской экспедиции (комиссии), продолжавшейся с мая 1734 по март 1744 гг. Местом пребывания ее руководства, служб и школ на подготовительном и начальном этапах были короткое время Петербург, Москва, Уфа, на самом долгом и основном этапе – Самара (сентября 1736 - август 1743 гг.), на заключительном – Оренбург.

В этих школах готовились кадры служащих для самой экспедиции и давалось образование детям военных, чиновников, других лиц, состоявших при этой комиссии. Не только учителя и школьная прислуга, но и сами ученики считались на государственной службе, за которую получали казенное жалованье. Учебные заведения при Оренбургской комиссии современники называли как во множественном числе “школами”, так и одной “комисской школой”. Дело в том, что в учебном процессе данные “школы” или специализированные классы были практически независимы друг от друга. В отношении же управления они являлись единой учебной командой этой комиссии. Для профессиональных ведомственных школ того времени это было обычным явлением. Так, знаменитая Славяно-греко-латинская академия в документах тоже нередко во множественном числе именовалась “Законопасскими школами”. По данным 1741 г., в Самаре при Оренбургской комиссии состояло учеников, учителей и школьных служащих⁴⁹:

“науки” и “школы”	“звания” и “чины”	Количество (чел.)
В певческой	Учитель	1
В певческой	Школьников	3
В словесной	Учитель	1
В словесной	Школьников	19
В писчей	Учитель	1
В писчей	Школьников	15
В татарской	Учитель-“ахун”	1
В татарской	Школьников	10
В калмыцкой	Школьников	5
При школах	Сторож	1
При школах	Писчик	1
ИТОГО		58

Первый руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов, признанный одним из основателей русской статистической и географической науки, уделял большое внимание школе при своем ведомстве. В ней давалась не только начальная подготовка в чтении, письме, счете. Бывший ученик Заиконоспасских школ, а затем студент университета при Академии наук Яков Виноградов был направлен к Кирилову для преподавания в этой школе латинского языка. Кирилов же еще до появления преподавателя латыни поднимал вопрос и о присылке учителя калмыцкого языка, на что получил согласие из Петербурга, но не успел привести в исполнение это намерение до своей кончины в 1737 г.⁵⁰

Руководивший после Кирилова Оренбургской комиссией В.Н. Татищев, знаменитый русский ученый и государственный деятель, также придавал большое значение изучению языков народов Поволжья. Он считал, что в городах Поволжья и Приуралья “нужно школы такие устроить, чтоб русские младенцы их языка, а их младенцы русской грамоте языка и закона божия учиться возможность имели”. При этом Татищев ссылался на шведский опыт просвещения жителей Лапландии, для которых и “книги на их языке напечатаны”, хотя лапландцы были “гораздо дичае, нежели мордва, чуваша, вотяки, тунгусы и пр.”⁵¹

Именно при Татищеве появляются в Самаре татарская и калмыцкая школы, где работали “студент калмыцкого языка” Иван Ерофеев и знаток татарского, арабского, персидского, турецкого языков ахун (учитель и богослов – Л.А.) Махмуд Абдурахманов⁵². Завершить организацию этих школ Татищеву, оставленному от комиссии в 1739 г., не удалось. В полной мере их работа развернулась после назначения руководителем комиссии В.А. Урусова.

Урусов писал в марте 1741 г. Татищеву, продолжавшего интересоваться деятельностью татарской и калмыцкой школ, из Самары: “Во всем том старается у меня г. Рычков, и ему оное поручено, которого в том охота и прилежность, надеюсь вашему превосходительству известны”. Сам Петр Иванович Рычков, видный сотрудник Оренбургской комиссии, который позже стал первым в истории Петербургской Академии наук ее членом-корреспондентом, также сообщал Татищеву: “Я ныне особливо рад, что его сиятельство (князь Урусов – Л.А.), все заведенные здесь школы, над коими никакого призрения не было, приказал в один ... дом собрать и все надсматривать приказал. В высочайший Кабинет не без основания от его сиятельства представлено о распространении здешних училищ:

ежели бы милостивая резолюция воспоследовала, то б я надеялся не малому плоду от того произрасти”⁵³.

Заботами Урусова и Рычкова произошло придание обучению более правильной организации, обеспечение учебного процесса постоянным помещением, установление должного контроля за этим делом. О высоком уровне знаний преподавателей самарской школы говорит то, что в ней велась работа над татаро-калмыцко-русским лексиконом и переводами с восточных языков, их услугами пользовалась и Академия наук. На одном из таких переводов сохранилась следующая приписка: “С татарского на русский язык переведена при учрежденной в Оренбургской комиссии татаро-калмыцкой школе в феврале месяце 1741 г.” Упомянутый Махмуд Абдурахманов до службы в Оренбургскую экспедицию был учителем и переводчиком казахского султана Эрали. Он не владел хорошо русской грамотой, поэтому его переводы осуществлялись в два этапа. Вначале ахун переводил текст на татарский язык, затем его ученики – на русский. Сам Татищев упомянул М. Абдурахманова в своей знаменитой “Истории Российской”. Рычков также очень благожелательно отзывался о татарском учителе. Оба, Рычков и Татищев, интересовались традиционным мусульманским образованием. Известно, что Рычков отослал Татищеву список предметов, изучаемых в медресе, ссылаясь на Абдурахманова и сообщив о том, что книги по этим предметам можно достать в Бухаре⁵⁴.

В связи с постройкой Оренбурга и превращением его в 1744 г. в центр новой губернии туда были переведены различные подразделения бывшей Оренбургской комиссии, включая школы. Так, татарская школа переводчиков действовала при оренбургской губернской канцелярии в течение всего XVIII века. Образование, здесь полученное, открывало возможность для дальнейшей карьеры на этой службе. Например, ее закончил будущий правитель оренбургской губернской канцелярии, “заграничных дел секретарь” Петр Чучалов⁵⁵. Именно в этой школе в детстве некоторое время учился самарский чиновник и литератор И.А. Второв.

Зачатки школьного дела в самой Самаре оказались непрочными. После выезда школ Оренбургской комиссии самарское городское общество со своей стороны стремления к распространению просвещения не проявляло. Оно и само не настаивало на заведении у себя школ, и отвергало иные способы получения образования, выходившего за рамки традиционного домашнего воспитания. В

1764 г. на предложение Комиссии о коммерции послать купеческих детей на обучение в другие города или даже за границу был получен ответ, что из самарского купечества ни среди отцов, ни самих детей желающих обучаться в иных городах и за рубежом никого не имеется. Сами составители этого ответа в Комиссию высокой образованностью не отличались. Из 16 «лутчих купцов» Самары, чьи подписи стоят под донесением, только шестеро (37,4%) смогли поставить их собственноручно, за остальных десять неграмотных расписались другие люди. По доле грамотных среди составителей купеческих ответов, полученных тогда в Комиссии о коммерции из 37 городов России, Самара занимает 32 место почти в самом конце этого списка. Для сравнения укажем, что в Уфе из 18 чел. поставили собственноручную подпись 13 чел. из 18 (72,2%), а в Оренбурге – все составители ответа⁵⁶.

Вслед за устройством школ при штабе Оренбургской экспедиции, находившемся до 1744 г. в Самаре, было решено завести школу для калмыцких детей в соседнем Ставрополе. Основанный в 1738 г. город являлся тогда центром переселенного в здешний край войска крещеных калмыков.

Ставропольскую школу можно поставить в один ряд с другими учебными заведениями для новокрещен из народов Поволжья, создаваемыми в 1730-1750-е гг. В 1732 г. были созданы школы для детей крещеных калмыков в Астрахани и в Ивановском монастыре. Учащимся в них «давалось жалованье против солдатских детей подобно как в гарнизонных школах». 25 февраля 1735 г. «велено было в Казанской губернии учредить 4 школы для обучения как новокрещеных вотяков, мордвы, чуваш, так разных народов новокрещеных детей читать и писать». Однако это распоряжение было реализовано уже при Елизавете Петровне открытием новокрещенской школы в Казани с целью подготовки национальных кадров священников и церковнослужителей для новокрещеных марийцев, татар, чуваш, мордвы. Лучшие ученики продолжали обучение в Казанской семинарии⁵⁷.

Не получив правильной организации и устойчивого обеспечения, новокрещенские школы, как правило, через определенное время исчезали. Относительно школы в Казани никаких документов о ее существовании не смогли найти уже в 1819 г. Краткую историческую записку о ней пришлось составлять по «преданию»⁵⁸.

Ставропольская школа в этом ряду отличается своей устойчивостью и долговечностью. Резолюция Кабинета Министров об этой школе появилась 6 июня 1741 г. стараниями военного

коменданта полковника Андрея Ивановича Змеева (или Змеева, как его называют архивные документы), который представлял российские власти в Ставрополе и окрестностях. Однако, инициативу проявили сами калмыки, которые, как доносил комендант еще в 1739 году, “желают обучать детей своих русской грамоте и письму”. Их правительница Анна Тайшина понимала цену знаний и сама была “яко человек между многими в науке превосходная”. Эту оценку ей дал после знакомства в 1738 году сам В.Н.Татищев в письме в Академию Наук⁵⁹.

Заслужить такую похвалу из уст человека, знакомого со всеми учеными людьми России и многими западноевропейскими коллегами, женщина-степнячка могла действительно только глубокими познаниями. Правда, речь в отношении княгини, принявшей христианство всего лишь за два года до этой встречи, могла идти только о традиционном буддийском образовании.

При полном согласии представителей калмыцких и русских властей о необходимости обучения детей, вопрос, как обычно, уперся в денежные проблемы. Змеев сетовал, что “токмо на каком тех школьников пропитании содержать и ту школу построить, и прочее потребное к тому учению ... суммы на то особливо не определено”. Но сам же комендант и нашел выход из финансовых затруднений. Он предложил выделить средства на школу за счет убавки жалованья тем священникам и церковнослужителям, определенным к кочевникам, которые не знали калмыцкого языка. В итоге получилась годовая экономия в 500 рублей, как раз необходимых для школы. Змеев предлагал, чтобы в школе шло обучение не только русскому, но и калмыцкому языку. Решение этой задачи облегчалось тем, что обучение обоим языкам в школе взял на себя образованный ставропольский протопоп Андрей Чубовский. Первоначально в школу было зачислено 10 калмыцких мальчиков. Имена восьми известны: Антон Суджа, Феодор Бурдуман, Михаил Ишиге, Иван Чемут, Григорий Ганбунг, Иван Обегон, Роман Насун, Василий Зерту. Им было положено казенное жалованье (учеба в традициях XVIII века приравнивалась к службе) по 20 руб. в год каждому и выдано “по одному сермяжному кафтану, по одному китайчетому полукафтаныю с подкладкою толстою холстинкою, по одним яловишным черным сапогам, по одним белым чулкам, по одним яловишным желтым рукавицам, по две пары рубах холстинных толстых, по одному коровьему войлоку да по одной холстинной подушке, набитой мочалами”⁶⁰.

В 1744 г. ученики жаловались на то, что денег не платят, одежда изнасилась, нет свеч и заниматься поэтому можно только днем. Не совсем, видимо, удачно шло изучение русской грамоты, поскольку сама жалоба была написана по-калмыцки и переведена в местной канцелярии. Впрочем, во всем этом сказывалось не столько пренебрежение именно школьным делом, сколько общее неустройство управления крещеными калмыками после смерти в 1742 году княгини Тайшиной, а за ней Змеева. Коллегия иностранных дел, управлявшая до того крещеными калмыками, сочла за лучшее отдать последних в ведение только что образованной Оренбургской губернии.

Первый оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев рьяно взялся за калмыцкие дела, не обходя вниманием школу. 8 ноября 1744 г. он представил доклад Сенату, после утверждения императрицей получивший силу закона. В нем предполагалось открыть несколько калмыцких школ, увеличить число учащихся в Ставропольской до 20-30 чел., “а буде пожелают, то и больше”⁶¹. Выбор учителей поручался на совместное решение губернатору, коменданту и протопопу.

В калмыцкие школы, в чем с Неплюевым согласился Сенат, должны были помещаться, кроме природных калмыков, для изучения их языка дети русских священников и церковнослужителей для подготовки их “во священство, в переводчики и толмачи для всей губернии”⁶². Это было схоже с мыслями В.Н. Татищева о совместном обучении детей разных национальностей.

Не все положения неплюевского доклада были реализованы в жизнь. В частности, школа в городе осталась для всего ставропольского калмыцкого войска единственной. Но в целом начинание Змеева, Тайшиной и Неплюева оказалось вполне жизнеспособным. Уже в 1746 г. Неплюев доносил в Сенат, что калмыки “детей своих русской грамоте и письму охотно обучают, и уже несколько из них говорить, читать и писать нарочито обученных есть, в чем ставропольский комендант и протопоп довольное имеют старание, и он то им особливо рекомендовал”⁶³.

Калмыцкая школа в Ставрополе продолжала успешно работать на протяжении XVIII - начала XIX вв. К концу 1760-х гг. ряд ее бывших учеников уже служили в “священниках, переводчиках и толмачах”, как было задумано при ее основании. Да и остальные, “будучи обучены чрез то познанию, служат в учрежденных там из народа их ротах с лутчею пользою”⁶⁴.

В 1770 г. императрица одобрила доклад Сената, подтвердивший существование калмыцкой школы в Ставрополе. Еще в 1770-х годах продолжал служить учителем в этой школе Егор Ерофеев. Он был “природой калмыцкой нации” и получил образование в Славяно-греко-латинской академии, где в 1730-е гг. вместе со своими товарищами подготовил первые переводы христианских молитв, символа веры и десяти заповедей на калмыцкий язык⁶⁶.

По описаниям того времени, школа располагалась на территории Ставропольской крепости вместе с другими зданиями общественного назначения и представляла собой деревянную постройку на каменном фундаменте. Число учеников в 1760 г. было увеличено до 50 человек. На ее содержание отпускалось ежегодно 620 руб., и сверх того провиант для учащихся. 50 учеников разделялись “на три части”, то есть отделения, “в первой и второй по 14, в третьей – 22” человека. Ученики первой части получали жалованье 12 руб. в год, второй – 10 руб., третьей – 6 руб., да месячный продовольственный паек, положенный солдату. В ней обучались и дети русских солдат “калмыцкому и российскому языкам и арифметике”, пока для них не была построена в 1776 г. особая гарнизонная школа⁶⁷.

Есть сведения о существовании в начале 1780-х гг. гарнизонных школ также в Симбирске и Саратове. К сожалению, упоминания о них в документах носят случайный и отрывочный характер⁶⁸.

В Симбирске эта школа предназначалась “для обучения здешнего гарнизона солдатских детей грамоты и арифметике”. Ее посещали, по данным на 1785 год, 213 чел. (в другом месте в том же году указано 206 чел.) Эта школа представляла “деревянной на каменном фундаменте дом, купленной от баталионной канцелярии в 1777-м году”⁶⁹.

Обучение детей нижних чинов в гарнизонных школах носило обязательный характер. Сыновья же обер-офицеров могли поступать в них добровольно и покидать по собственному желанию⁶⁹. Некоторые гарнизонные школы в других регионах разрешалось посещать также детям неслуживых жителей, однако о таких случаях по городам на Средней Волге не известно.

Во всяком случае в середине 1760-х гг. во всех гарнизонных школах России обучалось около 9000 чел. Это был наиболее массовый тип сословной школы наряду с духовными учебными заведениями, чему способствовали обязательность поступления солдатских детей в школу и содержание их там, включая обмундирование и питание, на казенный счет⁷⁰.

В гарнизонных школах ротные писари обязаны были обучать чтению, письму и пению, унтер-офицеры – строевой подготовке, офицеры – арифметике, артиллерии и инженерной науке⁷¹. Недостаток специально подготовленных преподавателей, который разве что не испытывался по муштре и шагистике, и отсутствие какого-либо контроля за учебной частью вряд ли делали эти школы действительными центрами просвещения. Однако армия так или иначе восполняла собственные основные нужды в грамотных военнослужащих. Так, перед астраханской гарнизонной школой ставилась задача, чтоб из солдатских детей можно было со временем получить людей пред нынешними искуснейших, коих и отсылать ... для определения по способности в службу”⁷².

Военные в разных чинах, выходя в отставку и даже оставаясь на службе составляли, как мы заметили, значительную часть домашних учителей, особенно если речь шла о преподавании математических дисциплин. В литературе уже обращалось внимание, что в фонвизинском “Недоросле” из трех наставников Митрофанушки положительным персонажем автор выводит только отставного Цыфиркина⁷³. В этом факте несомненно отразились определенные общественные симпатии к учителям из военных, а через них к солдатской (гарнизонной) школе.

За исключением калмыцкой школы в Ставрополе и гарнизонных школ в этом и некоторых других городах Поволжья и Приуралья дело народного образования в регионе до 1780-х гг. находилось в состоянии спячки. Это напоминало всю провинциальную Россию в миниатюре. В постоянные, массовые, общеобразовательные и общедоступные учебные заведения не переросли и зачастую даже сами не сохранились ни цифирные школы как в Симбирске, ни ведомственные школы как в Самаре, ни духовные училища как в Саратове. Состояние школьного дела, а точнее его практическое отсутствие напрямую сказывалось на местных органах управления. Историк Саратовского края А.А. Гераклитов не раз подчеркивал низкий образовательный уровень, а подчас простую безграмотность тамошнего чиновничества в середине XVIII века⁷⁴.

Однако никакие утилитарные задачи не могли ни автоматически вывести дело образования на более высокий уровень, ни заставить власти предпринять дополнительные усилия в этом направлении, ни повернуть провинциальное общество лицом к проблемам школы. Прорыв в этой области могли обеспечить только новая идеология и новая политика государства в области

образования. И закономерно, что принципы и мероприятия первой в истории России масштабной школьной реформы родились под воздействием идей, названных “философией Просвещения”, и стали воплощаться в жизнь в рамках политики, вошедшей в анналы под именем “просвещенного абсолютизма”.

§2. ПРОЕКТЫ “ПРОСВЕЩЕННОГО” АБСОЛЮТИЗМА 60-70 -Х ГГ. XVIII ВЕКА

Вторую половину восемнадцатого столетия в России и начало девятнадцатого часто именуются “Веком Просвещения”. Под Просвещением лучшие умы той эпохи понимали не просто развитие образования, но освобождение с помощью обучения и воспитания человеческого разума от средневековых догм и суеверий. Даже верховная власть во времена Екатерины II, а затем Александра I, осеняла себя ореолом “просвещенного абсолютизма”. Историки спорят о том, насколько соответствует практика “просвещенного абсолютизма” философии Просвещения. Однако, не вдаваясь в эти споры, должно признать, что принятие просветительских идей в любой форме и с любой степенью глубины неизбежно должно было обратить внимание верховной власти на самое народное просвещение в широком значении образования или школьного дела.

Взгляды Екатерины II на образование как законодателя, как политического деятеля и мыслителя не были застывшими. Их нельзя рассматривать в статике, а также в отрыве от развития общественной и педагогической мысли как России, так и Западной Европы.

В наследство от предшественников на российском троне Екатерина II получила школу, которая не являлась новой в полном смысле этого слова, поскольку опиралась на элементарную подготовку в традиционном для средневековья духе, да и преподавание современных наук и специальных предметов зачастую велось в традиционной же форме зубрежки. Имевшиеся учебные заведения не были никак сопряжены друг с другом по учебным программам, не обладали преемственностью. Эти недостатки уже имевшихся учреждений не только церковного, но и светского образования прежде всего были связаны с отсутствием профессиональной педагогической подготовки будущих учителей, незнания и неприменения более рациональных и эффективных методик, катастрофической нехватки учебников и школьных пособий.

Даже исправление указанных недостатков по привычному пути улучшения и развития сословных или ведомственных школ оставляло за рамками государственной образовательной политики основную массу населения, не предназначенную по сословным признакам к военной, гражданской или церковной службе. Обучение в этой среде, если и имело место, то носило элементарный и сугубо традиционный характер. Низшие слои русского общества не имели ни средств, ни потребностей, чтобы перейти к обновлению частной, домашней, приходской школы самостоятельными усилиями.

В самый канун воцарения Екатерины II, один из основателей и куратор Московского университета И.И. Шувалов вышел с представлением в Сенат об устройстве стройной системы образования (школы грамотности в малых городах – гимназии в больших городах – университет или кадетский корпус в столицах), но предназначенной только для дворян⁷⁵. К обсуждению вопроса были подключены другие учреждения, в том числе Академия наук. В предложениях ее членов прозвучала мысль о допуске в эти школы и гимназии наряду с дворянами также представителей “чиновных людей и знатнейшего купечества” (С.К. Котельников), купцов и зажиточных мещан (А.П. Протасов) или об устройстве наряду с дворянскими особых училищ для других сословий (И. Фишер). И.А. Браун и И.Е. Цейгер ничего не говорили про сословный состав учеников, но явно не считали, что в школах и гимназиях дворяне окажутся единственной сословной группой, поскольку давали рекомендации о наборе предметов для тех, кто готовится стать художниками, ремесленниками, купцами⁷⁶.

Особенно следует остановиться на позиции Ф.У. Эпинуса, которому предстояло сыграть особую роль в реформе русской школы. Он не подготовил тогда развернутого ответа, а присоединился к мнениям Брауна и Цейгера, предлагавших систему построенных на преемственности обучения школ разного уровня или ступеней единой школы. Однако Эпинусом делалась оговорка, может быть, тогда выглядевшая незаметной, но носившая, как оказалось, принципиальный характер. В отличие от подавляющего большинства своих как немецких, так и русских коллег по академии, не представлявших образование даже на начальном уровне без латыни, Эпинус полагал, “в нижних школах латинский язык или совсем отставить или оному только тех обучать, кои со временем учеными быть должны”⁷⁷.

Солидарным с мнением Эпинуса преподавать латынь только тем, “которые предпринимают жизнь свою посвятить наукам”

оказался только И. Фишер, хотя как профессор “истории и древностей”, казалось, именно ему следовало бы ратовать за сей учебный предмет. Без сомнения такая позиция напрямую была связана с тем, что из всех авторов проектов только Фишер прямо высказал понимание несоответствия между благими пожеланиями расширения учебного курса и реальными возможностями для этого. То же, полагаем, имел в виду Эпинус, который не привел развернутого объяснения своего отношения к преподаванию латыни.

И. Фишер предупреждал, что общество, особенно за пределами столиц, не готово к полномасштабной реформе образования: “Если бы науки в российском государстве большее приращение получили и если бы подданным совершенно было известно, на какой конец учреждаемы бывают училища, то бы я советовал стараться без упущения времени о заведении во всех главных городах каждой провинции новых школ и гимназий. Но понеже подданные не подлинно еще ведают, сколь великие и полезные плоды науки приносят государству, то я за благо рассуждаю не вдруг сие дело приводить в действо, но сперва в некоторых только городах учинить тому опыт... Тогда помалу можно оные гимназии разводить и в других городах Российской Империи”. Фишер оказался единственным из перечисленных академиков, кто обратил внимание на то, что “учителей надлежит избирать с великим рассмотрением”, требуя от них знания не только своих предметов, но и порядка обучения. Он предлагал обязательно экзаменовать учителей “в публичном академическом собрании”⁷⁸.

Практических результатов обсуждение вопроса, поднятого Шуваловым, тогда не дало, видимо, по причинам чисто политическим. Смерть Елизаветы Петровны привела к удалению ее фаворита от государственных дел. Однако мнение немногочисленного, но авторитетного ученого сообщества не прошло бесследно. Настоящим и будущим правителям, при наличии у них воли к реформе образования, Академия наук выразила заранее свою готовность к участию в этом деле. Она же указала на необходимость улучшений в обучении не только дворянства, обратила внимание на качество подготовки учителей, предупредила об утопичности планов разом охватить школьной сетью не готовую к такому повороту провинцию. Прозвучали также дальновидные предложения по устранению возможного препятствия для массового вовлечения детей в школу, каким могла стать обязательность усвоения латыни, живой для тогдашней науки, но мертвой для практической жизни.

Вместе с тем начало царствования Екатерины не предвещало принципиального изменения государственной политики в направлении кардинального расширения сферы народного образования по сравнению с предшествующим периодом. Разве что проявлялась дополнительная активность в поисках новых школьных форм (в дополнение и к без того весьма многочисленным) и развитию старых. При этом стремление опереться на университетскую или академическую науку, имевшее место при выдвижении школьного проекта Шуваловым и при его обсуждении, оказалось вроде бы в забвении.

На Россию накатилась мощная волна французского влияния, пригасив на время авторитет немецко-русской по национальному составу Петербургской Академии наук. Интеллектуальной опорой И.И. Шувалова были М.В. Ломоносов и замечательная плеяда немцев-академиков, не всегда ладившие друг с другом, но воспитанные в одной германской университетской традиции и неизбежно ориентировавшиеся на школьные образцы Северной и Центральной Европы. Такие же образованные вельможи-дилетанты, но чье возвышение пришлось на начало екатерининского царствования, предпочитали иметь в советниках остроумных и блестящих французов, не имевших того опыта, знаний, и обстоятельности, что была заложена в “республике ученых”.

1760-е гг. стали, казалось, временем торжества принципов закрытого сословного образования, проводившихся теперь в жизнь не только под давлением прямых дворянских интересов, но и под влиянием перетолкованной на российский лад просветительской идеи “воспитания новой породы людей”. Воплощением этих принципов стала государственная и педагогическая деятельность И.И. Бецкого. Ее безусловно положительным итогом следует признать создание учебных заведений для новых контингентов учащихся: сирот-разночинцев (Воспитательный дом в Москве, 1763) и девочек (Смольный институт в Петербурге, 1764). Однако рост числа учащихся численно был невелик, а территориально он продолжался только в столицах. Также эта политика не привела к коренному улучшению существующих государственных и ведомственных школ. Так, современники и историки критически оценивали управление И.И. Бецким Шляхетским (Сухопутным) кадетским корпусом, подгонявшего военное по своей сути учебное заведение под те же принципы, что были реализованы в пансионе для благородных девиц⁷⁹.

Идти напрямую против любимцев новой императрицы никто не решался. Спустя 20 лет, в изменившейся обстановке А.Л. Шлёцер не преминул вспомнить прошлое с точки зрения, сложившейся в академической среде: “Планы, собственно, были хорошими; но исполнение планов вследствие благосклонности, давления или случая часто доверялось людям, разум и чувства которых они в то время (около 1764 г. и т.д.) не затрагивали: а мудрая монархия ничего не узнавала об этом!” Особое неприятие академиков вызывали французы, “из которых один прежде был известен в Петербурге как цирюльник, другой – как маркёр в бильярде и т.д.”, назначенные Бецким “смотрителями этих просветительских учреждений, которые должны были создать для Российской Империи новые поколения”. “Это был период прожектирования в России, – продолжал Шлёцер, – тут появлялись вещи, ... проектируемые камердинерами, от которых каждому, кто имел какое-либо представление о тех вещах и был честен в отношении России, должно было стать страшно и жутко”. Хотя “почти изо всего ничего не вышло”, но по поводу состояния этих учебных заведений посылались “за границу бурные похвалы; немецкие, голландские и французские неосведомленные или даже оплаченные газетчики под звон труб печатали их: и сотни других писателей повторяли, и даже заносили это легкомыслие в компендиумы...”⁸⁰.

Знаменитый поэт и драматург А.П. Сумароков в середине 1760-х гг. примерно в тех же выражениях отзывался о помощнике Бецкого по воспитательному училищу при Академии Художеств некоем Кювилли, называя его бестией и невежей, предлагая выместить с занимаемого им места метлой. Отметим Сумароков и неприязнь между Бецким и руководством Академии наук, когда Бецкий высмеивал обучение, основанное на немецком языке, а академическое начальство – обучение на французском. Тогда же писатель Ф.А. Эмин написал сатиру на самого Бецкого, где зло издевался по поводу того, что вельможа был незаконнорожденным и насаждал иностранное воспитание потому, что, мол, не зная “числа своих отцов” и следуя моде, предполагал в своем рождении “большое участие” чужеземцев⁸¹.

Несмотря на критику, до поры до времени у Екатерины II продолжалось прежнее увлечение идеями Бецкого. Возник даже план открытия “воспитательных академий” или “государственных гимназий” в каждом губернском или крупном городе по опыту училища при Академии Художеств. В эти заведения дети должны

были поступать 5-6 лет и оставаться там до 18-летия⁸². План был совершенно невыполним, показывая весь утопизм “воспитания новой породы людей” по Бецкому в масштабах страны.

Екатерина II даже попыталась тому пренебрежению, в котором оказались предположения о создании массовой общеобразовательной школы, дать обоснование. Она писала в своем Наказе Уложенной комиссии, созданной в 1767 г. из депутатов от различных учреждений и сословий для выработки нового свода законов, что “невозможно дать общего воспитания многочисленному народу и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах”, а потому ограничила все свои предложения в области народного просвещения несколькими статьями о домашнем воспитании⁸³. Так, именно на семью возлагалась ответственность за воспитание детей в страхе божьем и знании основ православного вероучения, а также обязанность “вперяти в них любовь к отечеству и повадить их иметь почтение к установленным гражданским законам, и почитать правительства своего отечества...”

При подготовке и в ходе работы Уложенной комиссии представители разных сословий, территорий, учреждений все же не могли игнорировать развитие школьного дела, хотя вопрос о нем занимал в этой комиссии далеко не первостепенное, и даже не второстепенное место по сравнению с материальными и социально-правовыми проблемами. Из 158 наказов дворянским депутатам в 35 так или иначе затрагивался этот вопрос. В основном речь шла о государственной поддержке образования самого дворянства, особенно его бедной части, не имевшей средств для обучения детей домашними учителями или в пансионах. Однако в некоторых дворянских наказах речь шла и о школах для других сословий, даже для крестьян. В ряде наказов депутатам от городов звучали мнения о создании училищ для купечества и других их жителей. О необходимости создания школ, в том числе и в провинции говорилось в наказах Сената, Главного магистрата, Синода и других органов управления⁸⁴.

Неожиданно на заседаниях Комиссии Уложения в мае 1768 г. вопрос о школах был поднят даже депутатами, казалось, самого малообразованного сословия – крестьян. О необходимости открытия таких школ для своих собратий заговорили выходцы из Поволжья, депутаты пахотных солдат (одной из категорий государственных крестьян – Л.А.) Нижегородской провинции и г. Пензы. Их поддержали два дворянских депутата Серпейского и Клинского уездов.

Один был подвигнут на это собственным примером, поскольку завел школу для крестьянских детей в своем имении, другой руководствовался утилитарными соображениями, полагая, что образованные крепостные не будут покушаться на убийство своих господ. В отличие от них против права крестьян на образование выступили другие депутаты ведущих сословий русской провинции. Городской депутат Пензы заявил, что пахотные солдаты и без школ выучивают грамоту, становятся приказными служителями и взяточниками, забрасывая отведенные им земли. Дворянский депутат Обоянского уезда считал содержание школ отягощением для народа. Он предлагал обучать, как и прежде, детей при церквях, но только не из крестьян, об образовании которых пусть заботятся, если хотят, их владельцы⁸⁵.

Представляется, что споры о крестьянских училищах в собрании Комиссии не должны привести к переоценке активности крестьянства в этом вопросе. В наказах, которые государственные крестьяне Поволжья и Приуралья дали своим депутатам, вопрос о школах никак не поднимался. Таким образом он был инициирован лично депутатами, которые уже в силу выбора от своих собратьев, явно были люди незаурядные и выделявшиеся из общей массы сельских жителей, в том числе и своими знаниями. Некоторые из них в ходе работы в Уложенной комиссии расширяли свой кругозор настолько, что могли перейти от самых насущных нужд к пониманию дальних перспектив, в том числе и пользы просвещения. Так, в качестве дополнения к наказу новокрещеных мордовских крестьян Пензенской провинции их депутат Федор Сараев внес предложение уничтожить по селам и деревням питейные дома, а вместо них построить школы для обучения детей грамоте⁸⁶.

Впрочем наказы и выступления депутатов от дворянского или купеческого сословия, от центральных и местных государственных учреждений также не рисовали цельной системы народного образования. В подавляющем большинстве из них трудно было понять, какой хотят видеть школу составители наказов и депутаты, да вряд ли они сами в большинстве своем представляли это.

В апреле того же года было решено создать при большой Уложенной комиссии специальную (или “частную”, по терминологии того времени, – Л.А.) “Комиссию об училищах и призрения требующих”, поставив перед ней задачу разработки проекта по устройству низших (начальных) училищ, средних училищ (гимназий), высших училищ (университетов). Результаты обсуждения этих вопросов и варианты проектов, которые частная училищная комиссия или

отдельные ее члены выдвинули и представили за все время ее деятельности с мая 1768 г. по октябрь 1771 гг., включали предложения по созданию начальных школ как в городах, так и деревнях, училищ для инородцев, средних школ⁸⁷.

Предложения, вышедшие из частной комиссии 1768-1771 гг., были более систематизированы и детализированы, чем разрозненные высказывания отдельных наказов и депутатов. Однако прямых доказательств того, что императрица как-то учла эти предложения при разработке дальнейших школьных реформ, не имеется. Это освобождает от необходимости давать их подробный анализ, тем более, что вопрос о проектах преобразований в области народного просвещения уже отмечался выше среди наиболее разработанных в истории народного просвещения XVIII века.

Одни исследователи полагали, “что Императрица не видела работ комиссии (частной – Л.А.) и не слыхала о них; иначе было бы невероятно, чтобы ... не воспользовалась тем, что у нее было под рукой”. Другие, наоборот, считали, что к тому времени у Екатерины II собралась “целая коллекция записок о низших, средних и высших школах”, среди которых предложения данной комиссии не привлекли ее особого внимания⁸⁸.

Думается, что и работа Уложенной комиссии в целом, и деятельность частной “Комиссии об училищах и призрения требующих”, и проекты, которые попадали иными путями к Екатерине от других лиц и учреждений, все же сыграли свою роль, пусть даже не очевидную. С одной стороны, императрица убедилась, что стремление к образованию было вовсе не редкостью в русском обществе. В вышедшем в 1770 г. “Антидоте” Екатерина убеждала европейского читателя, “что у нас почлось бы стыдом не учить грамоте своих детей”, а также, что нельзя отвергать “в нашем народе большого желания просвещаться и еще большего – просвещать своих детей”⁸⁹. С другой стороны, различные общественные группы, не исключая представителей провинции и даже крестьянства, вынуждали верховную власть не оставлять без рассмотрения проблему создания массовой школы, выходящей за границы столичных городов, не сводить эту проблему к привычному развитию сословных и профессиональных школ, не подменять ее реальное решение благими утопиями.

Кроме конкретных педагогических и кадровых ошибок, одностороннее увлечение “воспитанием новой породы людей” в ущерб массовому образованию несло угрозу крайнего усугубления

культурного отчуждения между сословиями, между столицей и провинцией. Гибельность такого отчуждения стала особенно очевидной в годы Пугачевщины 1773-1775 гг. Для одних исследователей эти события являются “Крестьянской войной”, для других – “восстанием окраин”, но в любом случае они потребовали обратить внимание как на социальные, так и на административно-территориальные вопросы.

В свою очередь эти вопросы повлекли за собой новые подходы верховной власти в образовательной политике. В середине 1770-х годов правительство приходит к решению стимулировать и поддержать создание массовой начальной и средней школы в городах, включая провинциальные. Это было принципиальное решение, означавшее отказ от прежней политики спонтанного развития отдельных учебных заведений исключительно в утилитарных видах государства и привилегированных сословий. Законодательно этот поворот был зафиксирован в “Учреждении о губерниях”, изданном 7 ноября 1775 года, то есть в первом же акте в серии новых государственных преобразований, который стал прямым ответом на только что пережитые страной события⁹⁰.

Осведомленные современники событий писали: “Екатерина II, по случаю возникших в Низовом краю России (...) возмущений, извлекла все опыты из внутреннего, тогдашнего управления губерний и воеводств (живо, ясно и), и со сродным ей благоразумием усмотреть соизволила, ... чтоб оне в пределах своих не были столь обширны, что и сделано по усмирении в низовом краю (Пугачевского бунта, поколебавшего большую часть России именем императора Петра III) и окончании Первой турецкой войны [1768-1774 гг. – Л.А.]”⁹¹ Пересмотр административных границ сопровождался перестройкой органов управления и самоуправления на местах, вводились новые штаты, должности. Перемены призваны были укрепить органы власти на местах и роль в них дворянства.

В ходе административной реформы Приволжье и Заволжье оказались поделенными между различными территориальными образованиями, границы которых не менялись до середины XIX в. Юг Приволжья и Заволжья находился в Саратовском наместничестве, учрежденном по указу от 11 января 1780 г. 15 сентября 1780 г. был издан указ об образовании Симбирского наместничества (губернии). В него вошли обширные районы по правому берегу Волги от Симбирска до Сызрани, а также северо-западная часть Заволжья с уездами городов Ставрополя и Самары. Северо-восточные

заволжские уезды (Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский) вместе с обширными пространствами Южного Урала оказались в Уфимском^{*} наместничестве (позднее – Оренбургской губернии), созданном 23 декабря 1781 г.

Система органов управления, вводившаяся по реформе 1775 года, была уточнена и дополнена через десять лет в “Жалованных грамотах” дворянству и городам²². Исполнительная власть в уезде формировалась дворянским собранием. Дворяне из своей среды избирали капитана-исправника и заседателей нижнего земского суда, которые проводили на местах распоряжения вышестоящих губернских и столичных учреждений, исполняли полицейские функции. Город считался отдельной административной единицей. Исполнительную власть возглавлял здесь городничий, который не выбирался, а назначался вышестоящими властями. Кроме уездной и городской администрации, в городе действовали органы местного самоуправления, основными среди которых были городская дума и городской магистрат.

Главой местной администрации на уровне губернии (наместничества) являлся губернатор. Несколько губерний объединялись под управлением генерал-губернатора. Одно генерал-губернаторство составляли Уфимское и Симбирское наместничества. Саратовская губерния объединялась под властью генерал-губернатора вместе с Кавказским, а затем вместе с Воронежским наместничеством.

Среди новых учреждений губернского уровня, появившихся по областной реформе 1775 года, особого внимания в свете нашей темы заслуживают Приказы общественного призрения. Им посвящены статьи 378-394 “Учреждения о губерниях”, составлявшие его отдельную XXV главу под названием “О Приказе общественного призрения и его должности”.

Впервые в России появился орган местного управления, ответственный за развитие образования, а также социальной защиты и здравоохранения: “Приказу общественного призрения поручается попечение и надзирание о установлении на прочном основании 1. народных школ, 2. установление и надзирание сиротских домов для призрения и воспитания сирот мужеского и женского пола оставшихся после родителей без пропитания, 3. установление и надзирание гошпиталей, или больниц для излечения больных, 4. установление и надзирание богаделен...” (Ст.380). В ведение Приказов передавались также отдельные полицейские функции, а именно содержание работных и смиренных домов.

Председателем Приказа общественного призрения являлся губернатор. Членами Приказа назначались представители самых многочисленных сословий в лице заседателей сословных судов (по два от каждого): верхнего земского суда для дворян, губернского магистрата для купцов и мещан, верхней расправы для государственных крестьян (Ст.379).

Финансирование всей деятельности Приказа осуществлялось путем единовременной выдачи ему 15000 руб. из доходов губернии с тем, чтобы эта сумма была роздана под проценты, получение которых и покрывало текущие расходы. Доходы и расходы Приказа могли быть увеличены "принятием от доброхотных людей к благим установлениям доброхотного подаяния, что кому разсудится, и для которого установления кто за благо разсудит назначить, то так и употреблять" (Ст.382).

Еще одним источником финансирования Приказов общественного призрения и школ, который упомянут не в XXV-й, а в иных главах "Учреждения о губерниях", должны были стать некоторые судебные и административные штрафы (Ст.131, 179 и др.) Список таких штрафов расширился в "Жалованной грамоте городам". В нее же было включено требование использовать часть городских доходов на "содержание городских школ и других заведений, Приказу общественного призрения предписанных"⁹³.

Общественная инициатива и личная благотворительность поощрялись не только для поддержки учреждений, устроенных Приказами, но и в создании таковых самостоятельно, "буде же случится, что частный человек, или какое общество, или город, или селение захотят установить какое-нибудь" учебное, медицинское или иное заведение. "Приказ общественного призрения везде оказывать долженствует доброхотство к роду человеческому и споспешествовать по всюду делам основанным на человеколюбии; дворянские же предводители и градские главы обязаны по благотворительным предметам, о коих попечение возложено на Приказ общественного призрения, сделать по своим местам примечания и представления в Приказ общественного призрения, что к общей пользе их мест им покажется быть нужным" (Ст.392).

В "Учреждении о губерниях" впервые не только содержались общие пожелания законодателя по развитию народного образования, но детализировался сам механизм функционирования школ под ведением Приказа. Школы получали общесословный характер и предназначались "для всех тех, кои добровольно пожелают

обучаться в оных". Предполагалось их открытие "по всем городам" и наиболее многочисленным селениям государственных крестьян, "кои подсудны верхней расправе". Отвергался принцип обязательности обучения детей, "в чем однако же не чинить ни кому принуждения, но отдать на волю родителей отдавать детей в школу, или оставлять их дома". Оплата обучения устанавливалась дифференцировано, "чтоб неимущие могли учиться без платежа, а имущие за умеренную плату".

Общеобразовательный тип школ определялся списком учебных предметов, в который включалось "на первый случай" обучение "грамоте, рисовать, писать, арифметике, детей же греко-российского исповедания учить катихизису для познания оснований православной веры, толкованию десяти заповедей божиих, для вкоренения нравов учения всеобщего". Устанавливались общие нормы санитарного содержания школьных помещений и распределения занятий, чтобы дети "не претерпели в здоровье своем повреждения". Категорически запрещалось "наказывать детей телесным наказанием". Приказ общественного призрения нес ответственность за исправное снабжение школ и учителей всем необходимым, за работу педагогов с правом заменять "не радивых же и не исправных учителей" по жалобам на них на "радетельных и исправных" (Ст.384).

В общих формулировках на Приказы общественного призрения возлагались заботы об обучении и воспитании сирот (Ст.385). При этом из ведения Приказов общественного призрения были изъяты практически все уже существующие высшие, профессиональные, ведомственные и закрытые учебные заведения, "кои особыми привилегиями или жалованными грамотами снабжены, или особым правлением духовным, или светским поручены повелением императорского величества" (Ст.381).

Таким образом в момент создания Приказов общественного призрения, особенно вне столичных губерний, под их управлением не оказалось никаких уже действующих училищ. Школы, упомянутые в "Учреждении о губерниях" предстояло еще создать. Практическое воплощение законодательных норм 1775 года, относящихся к школьному делу, было отложено на несколько лет. Думается, причина состояла не в том, как считают некоторые авторы, что нормы "Учреждения" были непродуманными или демагогическими, что они представляли собой "бюрократический обрывок многосложного законодательства о губерниях, вошедший в него как бы мимоходом, для вида и приличия..."⁹⁴

Екатерина II явно не считала возможным внедрять в качестве массовой школы ни один из имевшихся в России типов учебных заведений. На эту роль по разным причинам не подходили ни традиционное элементарное обучение, ни какие-либо сословные училища, ни университетские гимназии. Именно поэтому Екатерина не поддерживала почину отдельных территориальных общин и корпораций, хотевших воспользоваться позволением “Учреждения”, чтобы открыть школу, копировавшую уже какой-нибудь известный, но малоудачный пример. Так, в ответ на предложение допустить в гарнизонную школу в Астрахани “учеников из купеческих и разночинских сирот” и выделить на это средства “из процентных денег учреждаемого для купечества в Астрахани банка” она наложила резолюцию: “Обождать до генерального положения о школах во всех губерниях”⁹⁵.

Само по себе “Учреждение о губерниях” вовсе не рисует цельной картины системы образования. Речь в нем идет о низшем элементарном школьном звене, которое остается не связанным по вертикали со средней и высшей школой, а по горизонтали с имеющимися способами начальной подготовки. Оставалось неясным, какие преимущества предъявит она, например, в споре с традиционным способом обучения той же русской грамоте, который сложился в течение веков.

Предполагаемая массовая школа должна была стать не только общеобразовательной и всесловной, но и оснащенной самой современной методикой обучения. Только это позволяло надеяться как на ее успешное внедрение, так и на использование разработанных для нее программ, руководств, учебников в сословных и ведомственных училищах, во всех уже существующих видах обучения (домашнего, церковного, закрытого, публичного), не отказываясь ни от одного из них и не упраздняя имеющиеся.

Мысль законодателя и реформатора не стояла на месте. Школьная реформа Екатерины II разрабатывалась после 1775 года еще несколько лет, прежде чем явилась в облике первой в России планомерной попытки создать сеть общеобразовательных учебных заведений в масштабах страны. Ее принципиальными вехами стали организация Комиссии об учреждении училищ, первого в истории всероссийского органа управления народным образованием, и утверждение “Устава народным училищам в Российской Империи”⁹⁶, законодательно оформившего государственную систему начальных и средних школ. Остановимся на том отрезке пути, который отделял “Учреждение о губерниях” от “Устава народных училищ”.

До конца 1770-х гг. Екатерина II пребывала в растерянности относительно дальнейшего развития школьного дела. К колебаниям разного толка добавлялось осознаваемое ею отсутствие собственного жизненного опыта человека, никогда не учившегося в публичном учебном заведении и вообще не получившего регулярного образования, талантливого и одаренного самоучки.

Долгие ожидания практической помощи от обожаемых французских писателей и философов не приносили результата. Екатерина II не без иронии и какой-то обиды писала своему самому доверенному корреспонденту барону М. Гримму в начале 1775 года: “Но послушайте, господа философы, не составляющие секты: вы были бы премилые и превосходные люди, если б сделали благодеяние и выработали план обучения молодых людей от азбуки до университета включительно. Вы скажете мне, что нескромно просить вас об этом; но мне говорят, что надо три разряда училищ (низшие, средние, высшие – Л.А.), и я, которая не училась и не была в Париже, конечно бедная сведениями и умом, и поэтому не знаю, чему следует учиться, или даже чему можно учиться и где все это почерпнуть, как не у подобных вам... Я очень затрудняюсь составить себе идею об университете, о его управлении гимназиями, школами и т.д.”⁹⁷

Слабой стороной педагогических идей и проектов французских просветителей была их умозрительность, отсутствие практического опыта их применения. Они имели мало общего с реальными образовательными учреждениями, существовавшими в тогдашней Франции. Эти учреждения и их воспитанники в качестве учителей отвергались императрицей прежде всего по причине влияния на них католического духовенства: “Всякий мыслящий русский признает за наихудших наставников для своих детей тех, которые будут дрессированы на это звание Сорбонною или всякой иной религиозною конгрегациею Римской церкви; ибо, по всей вероятности, это были бы совратители по ремеслу, или люди исполненные начал весьма противных учению Православной церкви, исповедуемому в России”⁹⁸.

Для Екатерины II все более привлекательным становился опыт, накопленный в немецкой школе как протестантских государств Германии, так и католической по вероисповеданию, но заметно секуляризованной Австрийской империи. Гримм отличался от других друзей императрицы из Франции именно тем, что за ним были немецкое происхождение и немецкий университет, и “он соединял с преимуществами французской ловкости германскую ученость и

основательность”. Даже Д. Дидро, поделившийся с Екатериной II планом образовательной реформы, предложил ввести трехступенную систему образования на немецкий манер и назвал предполагаемого исполнителя замысла – педагога, профессора классической литературы Эрнести. Последний был когда-то университетским преподавателем Гримма, что даст основание предполагать влияние Гримма и на проект Дидро⁹⁹.

Впрочем проект Дидро был отправлен в долгий ящик. Екатерина II выражала благодарность автору, но сказала, что займется его предложениями, когда придет очередь реформирования университетского образования¹⁰⁰, а до этого в ее царствование дело так и не дошло.

Когда Гримм приехал в Россию в феврале 1777 г., ему было предложено “принять управление училищами, которые Императрица намеревалась учредить и оставить под своим непосредственным заведованием”. По словам Гримма, Екатерина поднимала этот вопрос не раз, но ему “не трудно было доказать”, и это свидетельствует о его серьезности, “что незнание русского языка делало меня окончательно неспособным” к данному заданию¹⁰¹.

Собрание проектов продолжало пополняться. Императрица не могла остановить свой выбор ни на одном и уже высказывалась то ли в шутку, то ли всерьез, что приняться за произведение чего-либо из накопленного в действо не придется очень и очень долго. В 1778 г. она писала Гримму по поводу очередной рукописи, пришедшей из-за рубежа и написанной бароном Дальбергом: “Я тотчас спрятала..., не читавши ее, в ящик, где покоится коллекция доставляемых мне записок о школах, гимназиях и университетах, ...в свое время все это можно употребить в дело, особенно если Господь Бог даст мне дожить до возраста покойного слуги его Мафусаила”¹⁰². В феврале 1780 г. она все еще оправдывала свою медлительность в решении школьного вопроса: “Но перед Господом Богом тысяча лет – как одно мгновение; для государства один лишний год безделица; надо, чтобы яблоко созрело. Правда, что это скучно, но иначе нельзя, ибо для меня самой нужен по крайней мере год, чтобы ознакомиться с каждым делом”¹⁰³. Однако именно в этот год и месяц начали разворачиваться события, с которых наметился перелом в решении данного вопроса.

§3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИДЕЙНЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ (1780-1786). “УСТАВ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ” ЕКАТЕРИНЫ II

Все началось с не совсем обычного сообщения из Вены русского посла Д.М. Голицына о том, что к нему домой во время своей прогулки в коляске заехал австрийский император Иосиф II и поинтересовался, правду ли пишут газеты о предстоящем путешествии Екатерины II в Белоруссию и не сможет ли она принять его, императора, на российской территории частным образом. Екатерина II не стала пренебрегать личным знакомством с могущественным соседом и назначила местом свидания Могилев¹⁰⁴. 25 мая 1780 г. она писала оттуда Гримму, что одной из главных тем беседы с императором стали австрийские “нормальные” (образцовые – Л.А.) школы, которые представлялись Екатерине II замечательным изобретением, к ним следует только добавить “нормальных” учителей (Normalschulmeister)¹⁰⁵.

Разговор об австрийских школах возник явно не случайно. Конечно, цель визита императора была далеко не просветительская, но он знал, чем угодить и чем привлечь внимание своей собеседницы, чтобы расположить ее к себе и сделать для нее более привлекательной австрийскую политику в целом.

Иосиф срочно потребовал прислать из Вены в Могилев с первым же курьером по два экземпляра всех книг, выпущенных для нормальных школ, в самых лучших переплетах¹⁰⁶. Подарок был принят Екатериной с радостью¹⁰⁷.

Сообщение о результатах встречи в Могилеве было для западноевропейских корреспондентов русской императрицы неожиданным. Барон Дальберг заявил, что “именно к образованию нормальных школьных учителей был направлен” его проект. Он и Гримм с 1780 г. стали называть Екатерину II на смешанном французско-немецком жаргоне божественной или бессмертной “нормальной школьной учительницей” (divine, immortelle Normalschulmeisterin)¹⁰⁸. Я.К. Грот ошибался, относя появление этого прозвища к 1784 году¹⁰⁹.

В своем ответе Гримм попытался оправдаться в том, что не первым обратил ее внимание на австрийский опыт. По его словам, идея нормальных школ все равно родилась в Германии, а оттуда

попала в Австрию. Он утверждал, что его собственные проекты эту идею учитывали. Гримм напоминал о том, что говорил про австрийскую школьную реформу с императрицей еще в 1777 г., когда было не известно, что из этой затеи получится, видимо, Иосиф осведомлен теперь об этом гораздо лучше. Гримм выражал надежду, что император не ошибается в успехах школьного дела: “Впрочем из этого выйдет великое благо: народы станут образованнее, смышленнее, разумнее; только большие негодяи или презренные плуты боятся таких народов; те же кто рожден повелевать, предпочитают повелевать людям, а не зверям”¹¹⁰.

Беседа с Иосифом воодушевила императрицу. Реформа образования явно заняла место среди первоочередных задач. Екатерина II сочла необходимым сформулировать свое кредо по этому вопросу и отречься от упомянутых Гриммом “плутов и негодяев”, заявив, что ее никогда не испугает образованность народов¹¹¹.

Мнения Гримма, Дальберга и прочих западноевропейских корреспондентов об австрийской реформе были учтены, но теперь Екатерине II более надежными экспертами показались представители российских центров ученого сообщества, Московского университета и Петербургской Академии наук. Императрице была предоставлена записка первого ректора гимназии при Московском университете Б.Б. Шадена, возглавлявшего ее с основания до середины 1770-х гг., а затем организовавшего один из лучших частных пансионов Москвы. Видный ученый и педагог, среди учеников которого в разное время были Д.И. Фонвизин и Н.М. Карамзин, однозначно призвал перенять австрийские учебные методики и руководства¹¹².

Самое же сильное влияние на разработку проекта школьной реформы и “Устава народных училищ” оказала записка Ф.У. Эпинуса. Хотя ее роль среди прочих проектов высоко оценена, а сама она неоднократно рассматривалась в предшествующей литературе, однако находка русского варианта ее текста потребовала нового специального обращения к этому источнику¹¹³.

В русском рукописном варианте записки отсутствуют обширное вступление¹¹⁴, имеющееся в публикации на немецком языке, и сам ее заголовок. Вступление было составлено, по мнению Г.И. Смагиной, неизвестным лицом, а заголовок “Plan des wirklichen Stats-Rats Hr. Aepinus” она посчитала названием плана Эпинуса¹¹⁵. На самом же деле, заголовок был предпослан плану при публикации известным историком академиком А.Л. Шлёцером.

Екатерина

Собственно текст записки просто начинается со слов, говорящих о том, что разговор ведется между хорошо знакомыми и понимающими друг друга почти с полуслова людьми, а также свидетельствующих о том, что он не предполагался к широкому обнародованию и носил доверительный характер. “Без всяких околичностей к самому делу приступая, надеюсь наилучшим образом удовлетворить высочайшему намерению” (Л.577), - так начинает пересказывать Эпинус свои мысли Екатерине II. Это заставляет отнестись

к излагаемым здесь взглядам и словам с особым доверием, какого не могут вызывать официальные документы, законодательные акты, письма иностранных корреспондентов Екатерине, поскольку в них приходится подозревать наличие парадной риторики, демагогии, лести и других искажающих смысл факторов.

Записка не имеет подписи. Несомненно ее не было и в немецком оригинале. “Екатерине II был известен почерк Эпинуса” настолько хорошо, что тот никогда не подписывал своих записок, подаваемых императрице, и “лишь аккуратно ставил даты” на них¹⁶. Несомненно, что количество людей, позволявших себе такую вольность в переписке с Екатериной, было крайне ограниченным, что лишний раз подчеркивает степень доверительности отношений между двумя этими корреспондентами.

Русский текст записки можно признать если не авторским, то авторизованным, поскольку Эпинусу он был, по меньшей мере, хорошо известен. Скорее же всего и выполнен был этот вариант записки при участии самого профессора, который знал русский язык

настолько хорошо, что опираясь на это знание легко понимал книги, написанные на языках южных славян. В любом случае перед нами представлен текст записки именно в том виде, как она воспринималась русскими людьми, в т.ч. законодателем, в конце XVIII века, а не в трактовке человека конца XIX или XX вв., каким пересказ или вновь переведенные цитаты из записки предстают в книгах Д.А. Толстого и Г.И. Смагиной. Проведенные наблюдения позволили уяснить, что именно сохранившийся в архиве Воронцовых перевод записки на русский язык оказал большое воздействие на дальнейшие формулировки законов и распоряжений по школьной реформе.

Одним из подтверждений использования данного русского текста записки Эпинуса в качестве рабочего материала Комиссии являются особенности употребления специальных слов, которые затем перешли в Устав народных училищ и другие документы реформы. Например слово “die Methode”, которое переведено у Толстого “методой преподавания”, а у Смагиной ближе к современной терминологии “методами преподавания”, в русском тексте XVIII века звучит как “способ учения” (Л. 579). Именно последнее словоупотребление и встречается в дальнейшем в законах¹¹⁷ и официальных учебно-методических изданиях¹¹⁸.

Подобные наблюдения позволяют в ряде случаев лучше распознать само значение, вкладываемое в ключевые понятия реформы. Так, русскому выражению “народное училище” (Л.577, 578об. и др.), которым были затем названы общеобразовательные учебные заведения разного уровня, созданные при Екатерине II, соответствует немецкое “Nationalschule”. Видно, как вместо еще не совсем привычной русскому уху “школы” употреблено общепонятное “училище”, но еще более примечателен эквивалент слову “народный”. Становится очевидным, что в выражение “народное” училище вложен не приниженный “простонародный” смысл, как считали некоторые авторы¹¹⁹, а более приподнятая трактовка этой школы как “национальной”, то есть “государственной” или “общенародной”. Понимание “национальный” в этническом значении русскими сотрудниками Комиссии, видимо, не воспринималось. Во-первых, в России XVIII века слово “нация” употреблялось, означая прежде всего гражданство, подданство того или иного лица. Во-вторых, этнический оттенок был понятен в австрийских землях, где новая “национальная”, или, как ее еще называли, “немецкая” школа

противопоставлялось старой церковной “латинской”. В условиях же России в силу особенностей православного богослужения как традиционная, так и новая светская общеобразовательная школа являлись русскими по языку обучения. Зато выражение “народная” школа в приложении к российским реалиям конца XVIII в. приобретало дополнительное значение “ведущая обучение на живом народном языке”; “не-церковнославянская”, то есть “светская”.

Предполагаемый государственный орган управления школьным делом, названный в немецком тексте “Reichs-Schul-Directorium” и переведенный Толстым и Смагиной как “высшая учебная комиссия”, в первоначальном русском переводе звучит как “Главное над училищами правление” (Л.583). Очень похоже этот орган был назван в “Уставе” 1786 года: “Главное Училищное Правительство” или “Главное Правительство училищ”¹²⁰.

Эпинус предлагал не мудрствовать лукаво и максимально точно воспроизвести австрийскую модель реформы, оказавшуюся весьма удачной. Он писал, что “желательно ... принять и ввести в Российское государство австрийский план об училищах без всяких перемен, исключая только те, коих требуют местные обстоятельства” (Л.582).

“Неоспоримым доказательством” успехов народного образования в Австрии, по его мнению, “служит то, что с учреждением первого нормального училища в 1771 г. до 1779 г.” в Вене и прилегающих районах страны “учреждено было 848 училищ, в коих 31238 мальчиков обучалось” (Л.580об.) Эпинус полагал, “что такой опыт в самом только начале может иметь в России несколько медлительные успехи” (Л.581). Никаких же принципиальных препятствий для повторения австрийского опыта в российских условиях Эпинус не усматривал.

Началом всей реформы он полагал немедленное создание 3-4 нормальных училищ предположительно в Петербурге, Москве, Казани, Киеве (Л.582). Такие училища (в современном Эпинусу варианте перевода на общепонятный русский, “примерные училища”) не только давали бы общее образование наряду с другими типами народных училищ. Они также предназначались для подготовки педагогических кадров, которые, освоив школьные курсы, должны были дополнительно обучиться “наставлению для будущих учителей” (Л.578об.)

Особое внимание к подготовке педагогов – краеугольное отличие “австрийского” проекта от всех предыдущих, рассматривавшихся в России. Учитель должен был знать не только свой

предмет, но и то, как учить ему детей по новой методике - “способу учения”.

Нашему современнику трудно представить себе, что в число новейших методик “способа учения”, не знакомых тогда даже образованным русским людям, входила задача “занимать учащихся всех вдруг” (Л.579), то есть учитель должен работать одновременно со всем классом, а не с каждым отдельным учеником по очереди, как это было в традиционной школе. Такой метод работы требовал снабдить учеников одинаковыми учебниками, а учителей – одинаковыми руководствами, научить тех и других пользоваться наглядным материалом в виде таблиц или других пособий, работать с классной доской и мелом. Соответственно в классе должны были находиться дети одного уровня подготовки, вместе осваивающие одну и ту же программу и переходящие из класса в класс. Необходимо было создать школу нового времени, массовую не только по количеству учащихся, но и по характеру обучения.

Принципиальным отличием нового “способа учения” от традиционной ориентации детей на бездумное заучивание наизусть стало требование “приучать их к собственному рассуждению”, а на опросах и экзаменах “узнавать их понятие о предлагаемых вещах” вместо механического воспроизведения вызубренного (Л.579). “Самый образованный человек в Академии наук”, как А.Л. Шлёцер называл Эпинуса¹²¹, писал об австрийских школах: “Способы обучения (Methoden), в них наблюдаемые, суть удобно понятны и на практических предъусмотрениях основаны; при том сколько мне по собственным моим опытам известно ... совершенно соответствуют к отвращению обыкновенных и легко вкрадывающихся в училища недостатков и злоупотребления” (Л.580 и об.) Другим следствием из признания преимуществ “способа учения” должен был стать запрет заниматься учительской деятельностью всем, “кроме обучившихся и удостоившихся в нормальном училище”.

Еще одна важная позиция, точно определенная Эпинусом, заключалась в том, что “способ учения” нельзя было перенять заочно, даже изучив все выпущенные по нему руководства. Эта методика, названная Саганской, по имени августинского монастыря в Силезии, где настоятелем и руководителем школы был один из создателей “способа учения” Фельбигер, передавалась новым учителям через практическое знакомство с ней и ее носителями в уже существующих новых школах: “Сим образом получают такие люди, кои знают совершенно все учреждения не только умозрительно но и практи-

чески, выгода которая всякого уважения достойна. Каждый здравого рассудка человек признается, что в делах сего рода опыт научает более, нежели до чего можно достигнуть остротою разума и прилежнейшим рассуждением” (Л.582).

Эпинус указывал, что в Австрийской империи среди перенявших Саганскую методику есть люди, которые говорят на славянских языках и исповедуют православие. Их и надо попросить у императора прислать для начала подготовки первых русских учителей: “И сие обстоятельство было бы весьма щастливо, дабы в противном случае народ, увидя первых учителей римско-католического вероисповедания, не получил бы, по худо воспринимаемой ревности в вере, отвращения к сим новоустановленным училищам” (Л.582об.)

План Эпинуса был представлен императрице на первой неделе марта 1781 г. Для более широкого обсуждения он был переведен на французский и русский языки¹²². Видимо, один из списков этого русского перевода и сохранился в архиве Воронцовых.

Записка Эпинуса стала предметом беседы между ним и Екатериной, которая сделала собственноручные записи по результатам этого разговора. Характерна последняя фраза в этих записях: “...А вот тое все, что с Эпинусом сложили”. Все остальное в записях императрицы – ее конкретные указания по реализации намеченных при обсуждении с Эпинусом мероприятий. Они излагаются в следующей последовательности. В Петербурге должна быть учреждена в качестве образца одна “средняя” или “нормальная” школа, первоначальное содержание которой Екатерина принимала лично на свой счет. Для начала занятий в ней необходимо было перевести все книги, предназначенные для австрийских нормальных школ. Императрица окончательно приняла решение о создании специального органа по осуществлению образовательной реформы, который здесь назван “школьной комиссиею”¹²³.

Упомянутой комиссии предписывалось представить план “для школ Петербурхской губернии”, рассмотреть и отредактировать переведенные с немецкого языка учебники, особенно по закону Божьему и родному языку, способствовать подготовке других необходимых переводов и сочинений. Любопытно замечание Екатерины об изучении опыта частного училища, открытого в Петербурге масонским кружком, который сложился вокруг журнала “Утренний свет”, издававшегося Н.И. Новиковым. В записях императрицы заостряется внимание на выявление “нужд и

недостатков” этого училища, чтобы не допустить их повторения в “нормальной” школе¹²⁴.

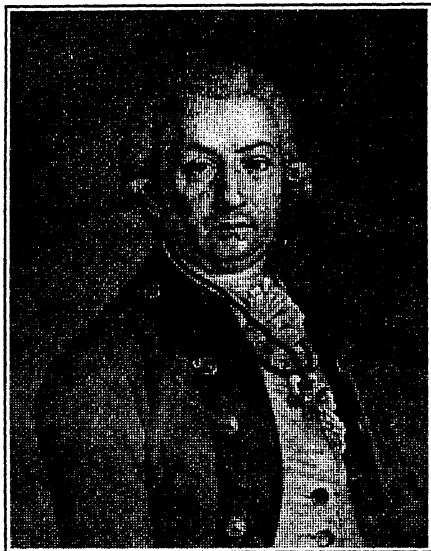
В результатах беседы Екатерины и Эпинуса ничего не говорится о том, что существование новиковского училища как-то особо задевало императрицу и побуждало ее к ответным действиям. Это лишний раз ставит под сомнение встречающееся в литературе мнение, что педагогическая деятельность Новикова была “своего рода вызовом Екатерине II”¹²⁵. Источники не дают оснований для установления причинно-следственной связи между училищами на средства “Утреннего света” и готовившейся школьной реформой.

По результатам беседы с Эпинусом императрица решила “писать к князю Голицыну (послу в Вене – Л.А.), чтоб старался нормальных школ учителей достать нашего закона (вероучения – Л.А.) и оных просил у самого цесаря” (императора Иосифа II – Л.А.) для укомплектования хотя бы “одной нормальной школы”¹²⁶. Расчет получить из Австрии сразу несколько опытных преподавателей из православных славян не оправдался. В Россию приехал только один педагог, но по знаниям и энергии он стоил многих.

Среди подаренных Иосифом Екатерине книг было и руководство на славянском сербском языке для православных школ “Ручная книга потребна магистрам Иллирийских неуниатских малых школ”. Во время встречи двух императоров в Могилеве прозвучало и имя ее автора – сербского просветителя Ф.И. Янковича де Мириево¹²⁷. Ему и предстояло стать живым носителем традиций Саганской системы применительно к русской школе.

8 августа 1782 г. император Иосиф сообщил Екатерине: “Вы дали мне знать, ... что желаете иметь в Петербурге человека, который был бы в состоянии составить план преподавания по методе нормальных школ и привести его в исполнение, и чтоб он был греческой (православной – Л.А.) веры. Я избрал для этого ... директора моих иллирийских школ, по имени Янкович... Лучше его я никого не имею, можно сказать даже, что он единственный для этого человек среди своего племени (славянского - Л.А.)”¹²⁸ В начале сентября Янкович прибыл в российскую столицу и был принят императрицей¹²⁹.

Уже 7 сентября того же года последовал первый законодательный акт новой реформы о создании особой Комиссии для учреждения народных училищ¹³⁰. Ее возглавил бывший фаворит и статс-секретарь Екатерины граф П.В. Завадовский. Членами были назначены академик Ф.У. Эпинус и сенатор П.И. Пастухов. Янкович

Фредерик Яковлев Глинка

первоначально не являлся собственно членом комиссии, а выполнял роль эксперта, что не мешало стать ему самым деятельным работником на ниве школьной реформы.

Петербургская академия наук торжествовала двойной успех. Во-первых, был создан особый государственный орган по управлению школьным делом, на чем она настаивала долгое время. Еще в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. ею были направлены "статьи, содержащие в себе то, что сделать надлежит прежде учреждения училищ". В них предлагалось учредить училищное правительство, подотчетное непосредственно им-

ператрице¹³¹. В 1780 г. по итогам инспекции частных пансионов и школ Петербурга комиссия, составленная из членов Академии наук, вновь просила императрицу "ввести в действие особое правительство" по контролю и за действующими учебными заведениями и за учреждением новых, а также для аттестации учителей¹³². Во-вторых, осуществление реформы пошло по пути, предложенному одним из членов академии.

Выразителем победных настроений в академической среде выступил А.Л. Шлёцер. Предпринятая им публикация плана Эпинуса связывалась с появившимися в европейской печати сообщениями о призвании Яковича в Россию, чем было "начато во имя просвещения и, таким образом, во имя истинного блага такого большого государства как Россия, предприятие, которое интересует все человечество: итак я полагаю, что надежное известие о том, как приступили к делу, заслуживает упоминания..."¹³³

Шлёцер не преминул неодобрительно отозваться о предыдущих училищных проектах. Екатерина II "сама поняла, что все, что до сих пор произошло при ее правлении с такими большими расходами во имя истинного просвещения народа ее безграничной

империи, не совпало с ее намерениями. Убежденная в необходимости использования других средств, создания других учреждений и выполнения многих больших дел, императрица, наверное, уже опросила об этом многих ученых и уважаемых мужей: и, наконец, разумно выбрала лучшее среди этого. Достойный муж, план которого прежде всего получил одобрение императрицы, и план которого я Вам здесь прилагаю, т.к. я сумел раздобыть точный список оного, – это знаменитый действительный статский советник г-н Эпинус”. Шлёцер предрекал школьной реформе в России большое будущее. “Теперь, кажется, находятся на пути, который обещает больше прогресса, чем все другие русские проекты, предпринятые в течение 20 лет: и каждый, кто несколько знает мир из истории и отважится пророчествовать *ex analogia eventuum similium*, согласится, что из всех дел, которые отличают правление Екатерины II, ни одно не окажет на потомков более непреходящего влияния, ни одно не будет более тщательно занесено в мировые анналы, чем 1. Победы Румянцева над турками и 2. Создание школ по всей империи. Благодаря последнему вернулись времена Ярослава (Мудрого – Л.А.), который сделал своих русских именно с помощью таких учреждений более образованными людьми, чем были в то время итальянцы, французы, немцы и британцы”¹³⁴.

Влияние академических традиций на народную школу персонифицировалось в фигуре не только Ф.У. Эпинуса, но чуть позднее и Осипа Петровича Козодавлева. Тот не принадлежал к числу видных ученых, однако, имел за собой учебу в Лейпцигском университете, являлся советником (помощником директора – Л.А.) Академии наук в 1783-1784 гг., издателем журнала “Собеседник любителей российского слова” и академического собрания сочинений М.В. Ломоносова. Козодавлев являлся активным сотрудником Комиссии с 1784 по 1797 гг. сначала в качестве директора петербургских народных училищ, а затем и члена ее самой¹³⁵.

Начало работы Комиссии было весьма активным. Уже 21 сентября императрице был подан доклад комиссии и приложенный к нему “главный план к единообразному установлению народных училищ в Российской Империи”, который был составлен “из предложений призванного сюда Федора Янковича, директора таковых училищ во владении Его Величества Императора Римского, кои по рассуждению комиссии могли быть приняты полезными и удобными”. Комиссия просила императрицу “указать приступить

ныне ко исполнению только того, что полагается для преподавания наук, а не распространять еще на сей раз высочайшего утверждения на все то, что в плане сказано о предметах политических и хозяйственных”. Вопросы политико-административного и хозяйственно-финансового плана Комиссия предлагала решать практически и постепенно “по удостоверению в течении дел, и когда несколько уже училищ в новом их учреждении открыты будут”¹³⁶.

Официально документ, представленный комиссией, назывался “План ко установлению народных училищ в Российской Империи”. Немного исправленный и одобренный Екатериной, он выполнял роль временного закона, действовавшего до принятия окончательного “Устава народных училищ”. Срок его действия, таким образом, охватывал подготовительный период школьной реформы. Для исследования нашей темы План 1782 года дает также только предварительный и сравнительный материал, поскольку подобно всем предшествующим экспериментам в сфере образования разворачивался в столичном городе и в ближней его округе. План детализировал и уточнял ряд положений записки Эпинуса. Например, Янкович еще раз подчеркивал преимущества Саганской системы, заключающиеся, например, “в совокупном наставлении, коим

- а. все учебное время в пользу каждого ученика употребляется,
- б. исправляются погрешности всех учеников,
- в. ученики ко вниманию привлекаются,
- г. наука легка и приятна им бывает”¹³⁷.

Упомянутая Комиссия уделила большое внимание изданию учебных пособий по всем предметам, изучавшимся в народных школах. Впервые в России был создан полный комплект учебников и пособий по всем предметам и для всех классов общеобразовательной школы. Все документы Комиссии нацеливали на создание законченной школьной системы с единой методикой преподавания и учебными планами. Малое народное училище соответствовало двум первым классам главного народного училища. Окончившие малое училище могли продолжать учебу в двух старших классах главного (четырёхклассного) училища.

Комиссия же разработала “Правила для учащихся народных училищ” и “Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи”. Руководство это было составлено Янковичем по австрийскому образцу. Оно еще более подробно раскрывает новые для России принципы классно-урочной

системы: “Под совокупным наставлением разумеется то, чтобы учителя нижних школ не учили учеников одного за другим порознь, но показывали б всем тем вместе, кои одно учат; чрез что будут все они внимательны к тому, что учитель говорит, опрашивает или пишет”. Это накладывает определенные требования к учителю, который “должен все слова выговаривать громко, плавно и ясно, глаза обращать всюду и ходить около всех учеников, дабы видеть, все ли прилежно его слушают и дело свое исполняют”. Обязательно все “дети должны иметь одинакия книги”. Не принимались односложные ответы “да” или “нет”, требовалось от учеников отвечать “полною речью”. Предпочтительным было, “если они отвечают исправно своими словами, нежели теми самими, какие находятся в книге; ибо из того видеть можно, что они дело понимают”. Подлежали заучиванию наизусть только символ веры, молитвы и десять заповедей Божиих. Еще одна современная школьная примета – поднятая рука школьника, обращающего на себя внимание учителя – в отечественную школу она пришла оттуда же, из “Руководства” Янковича 1783 года: “Если ученик хочет что-нибудь сказать, или встать с своего места, то должен он наперед дать знать оное поднятием руки, и ожидать позволения от учителя. Без позволения же никто говорить не должен”¹³⁸.

В документах Комиссии важное место отводилось использованию различных форм и методов преподавания. Именно в Руководство 1783 года были включены разработки переводчика Академии наук В. Светова, умершего во время подготовки учебника по русской грамматике. Вместо вековечных “аз”, “буки”, “веди” и прочих древнерусских названий букв дети теперь их запоминали под простыми звукоподражательными именами “а”, “бе”, “ве” и т.д. Вопреки всему предшествующему опыту “мастеров грамоты” обучение чтению начиналось с букв гражданской, а не церковной славянской печати, поскольку “печать гражданская имеет перед церковною то преимущество, что она как в чтении, так и в складах легче, так и в азбуке проще и короче”¹³⁹.

Безоговорочно подтверждался запрет на любые виды телесных наказаний учеников. Более того он дополнялся запрещением употреблять “все посрамления и честь трогающие устыжения, как-то: уши ослиные, и название скотины, осла и тому подобные”. Руководство 1783 года постоянно напоминало, что речь идет о всесословной школе с совместным обучением мальчиков и девочек. При этом оно предостерегало от дискриминации учащихся по

Быть по сему.

*В. С. н. Грн. Силко
г. 1782.*

РОССИЙСКИЙ БУКВАРЬ
для обученія юношества чтенію
изданный
при учрежденіи народныхъ училищъ
въ **РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ**,
по высочайшему повелѣнію
царствующей Императрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.

Цѣна безъ переплета Коп:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1782
Года .

Обложка Российского Букваря, изданного Комиссией народных училищ, с резолюцией Екатерины II: "Быть по сему".

состоянию родителей и полу: “1. В рассуждении состояния, а) учитель не должен делать никакого различия в прилежании своем и верности между детьми бедных и богатых родителей. б) Он поступит противу должности своей, когда из корыстолюбия или недостойного угождения станет ради учеников богатых родителей не радеть о бедных. 2. В рассуждении пола ... учитель обязан как учеников, так и учениц наставлять с равным усердием; то же чему в нижних школах учат, и без того равно обоему полу нужно”¹⁴⁰.

Принципиальным и сложным вопросом была подготовка учительских кадров. Просвещенным сословием, кроме духовенства, в России рассматриваемого периода было дворянство, но оно в подавляющем большинстве игнорировало ученую и педагогическую стезю. Редко меняли традиционные виды деятельности на преподавательский труд, да и не были, как правило, подготовлены к нему образованные представители мелкого чиновничества, армейских нижних чинов, горожан, других общественных слоев.

Выпускники первых светских учебных заведений, открывавшихся в течение XVIII столетия и носивших в основном специальный профессиональный характер, находили применение своим знаниям, прежде всего, в армии и на государственной службе, в промышленности, торговле и на транспорте, в медицине и “свободных искусствах”. Лица, получившие высшее университетское или общее среднее образование в гимназиях и частных пансионах, были весьма немногочисленны и редко привлекались в учебные заведения нижних ступеней. Не могло быть и речи об использовании в массовой школе учителей-иностранцев.

Единственными учебными заведениями, готовившими к труду на ниве просвещения, а не только к пастырской службе, были различные училища духовного ведомства. За XVIII век они претерпели сами немало перемен. Их программы пополнились светскими предметами, позволявшими выпускникам получать не только специальное, но и общее образование, более соответствующее требованиям времени. Бывшими семинаристами пополнялся не только клир и причт, но и чиновный аппарат, университетская и академическая наука, преподавательский состав гражданских и военных училищ. Отвечая на обвинения русского духовенства в невежестве, Екатерина II возражала: “Вы воздерживаетесь сообщить, что дети священников с малолетства помещаются в семинарии, что их там учат, что из этих училищ ежегодно выходят весьма дельные люди”¹⁴¹. Наконец, имелась устойчивая привычка всех слоев

населения России получать при желании начальное внешкольное и домашнее образование у лиц именно этого сословия.

Внимание распространителей и реформаторов русской школы было обращено к духовному сословию. В ходе обсуждения проектов создания общегосударственной системы образования тем же Эпинусом было выдвинуто предложение, чтобы будущих преподавателей для них “набрать из разных духовных семинарий”, дать им необходимую подготовку “на казенном иждивении и назначить их всех к заступлению учительских мест”¹⁴².

Правда, Екатерина II намечала и другие представлявшиеся возможными пути привлечения учительских кадров в общеобразовательные школы. В ее записях сохранилось предложение разослать запросы по этому поводу куратору Московского университета И.И. Шувалову, в Рижскую городскую школу, в три кадетских корпуса, в гимназию при Академии наук¹⁴³. Однако реальной оказалась только подготовка будущих преподавателей из воспитанников духовных учебных заведений.

При этом обязательно требовалась переподготовка бывших семинаристов. Во-первых, они обладали недостаточными знаниями в светских предметах, особенно естественного научного профиля. Во-вторых, для новой школы были неприемлемы недостатки учебного процесса, существовавшие в семинариях. По воспоминаниям тех, кто прошел обучение в семинариях поволжских городов во второй половине XVIII века, “учебники, или классные книги, были весьма недостаточны: учитель сообщал ученикам по своему предмету кое-что от себя; основательных руководств не было, да и негде было взять их”¹⁴⁴. Учебный процесс постоянно разрывался ваканциями, рекреациями и праздниками, так что “учебных дней в году было не больше 150”¹⁴⁵. Все это, как раз и шло вразрез с вводимым в народных училищах современным “способом учения”.

Созданная в сентябре 1782 г. Комиссия об учреждении народных училищ поспешила реализовать предложение Эпинуса и уже 1 октября затребовала из столичной Александро-Невской семинарии 20 воспитанников, которые явились 8 и 11 октября. 6 человек из числа присланных оказались непригодны из-за малого возраста и по болезни. С остальными начал занятия сам Янкович и закончил их к 15 декабря. Первая группа подготовленных учителей была отослана в уже существовавшие 7 малых народных училищ Петербурга для перестройки занятий в них по новой методе¹⁴⁶.

В течение 1783 г. комиссия вытребовала 100 человек в число воспитанников учительской семинарии (ее также в документах

называли гимназией), открытой при первом в стране главном народном училище в Петербурге. Подавляющее большинство составили учащиеся различных семинарий, коллегийумов и духовных школ. Однако среди них были отдельные чиновники и канцелярские служители, а также четыре студента Московского университета. Последние оказались к учительской должности негодными и скоро были отосланы назад в университет¹⁴⁷. В начале 1786 г. состоялся новый вызов свыше 100 новых воспитанников в учительскую гимназию из духовных семинарий и школ¹⁴⁸.

Таким образом, Петербургское главное народное училище было первым и единственным “нормальным” училищем России. Оно являлось не только образцовым для создания других общеобразовательных школ в столице и провинции, но одновременно и в первую очередь выполняло роль специализированного педагогического учебного заведения¹⁴⁹. В июле 1786 г. Учительская семинария выделась из состава этого главного училища и стала самостоятельным учебным заведением.

Ко второй половине 1786 г. подготовительные работы Комиссии в основном закончились. Была подготовлена нормативная, кадровая, учебно-методическая база для повсеместной деятельности народных училищ. В докладе, поданном на имя императрицы, указывалось на успешное распространение таких учебных заведений в Санкт-Петербургской губернии, выступившей в качестве пробной для общероссийской реформы: “...Не только в здешней столице, но и во всех уездных городах заведены училища, коих числом кроме главного девятнадцать. Наличное число обучающихся в училищах сей губернии состоит из 1917 юношей и из 277 девиц... Число таковых обучившихся в сей столице учеников простирается до 904 человек... Комиссия доносит, что сверх употребленных уже к учительским должностям 80 человек приуготовлены еще 100 человек студентов, кои поступить могут учителями к составлению двадцати пяти главных народных училищ по губерниям собственно от Вашего Величества назначенным, и коим при сем прилагается реестр. В каждое училище назначает Комиссия по 4 человека, кои обучать будут всем положенным в оных наукам. Таким образом двадцать пять наместничеств сверх здешней губернии, будут иметь в каждом губернском городе по одному полному Главному народному училищу”¹⁵⁰.

Комиссия могла бы добавить, что по ее методе и учебникам работали не только упомянутые 19 народных училищ. Фактически

на новый “способ учения” перешли многие учебные заведения, непосредственно Комиссии не подведомственные, как в столице, так и за ее пределами. В знак особого доверия к Янковичу императрица прежде других предложила изменить учебную часть в своем любимом педагогическом детище – Смольном институте, который официально назывался Воспитательным обществом благородных и мещанских девиц. Проведенные там через год публичные экзамены показали “приметное приращение успехов, снисканных воспитанницами со времени расположения у них учения на языке Российском по образцу в народных училищах введенному”. Учителя, освоившие австрийскую методику получили денежные награды, а учитель физики М. Головин – золотую табакерку. Самому Янковичу, “при распоряжении учения в сем Обществе трудившемуся”, был пожалован орден Владимира 4-й степени. Вслед за Смольным под наблюдением и при участии Комиссии в 1783-1785 гг. были пересмотрены учебные планы Инженерного и Сухопутного кадетского корпусов, школы при лютеранской кирхе святого Петра (преобразована в Главное народное немецкое училище), всех частных пансионов Петербурга, Казанской гимназии¹⁵¹.

От людей, информированных о работе Комиссии, в губернии стала проникать информация о предстоящей реформе. Она зачастую сопровождалась чиновничьей игрой в определение своих людей на новые должности. О.П. Козодавлев, директор училищ Санкт-петербургской губернии, предупреждал в письме от 4 августа 1786 г. Г.Р. Державина, бывшего тогда губернатором в Тамбове: “Устав народных училищ, думаю, на сих днях будет конфирмован, по которому будут в каждой губернии директора народных училищ, зависящие от губернатора и имеющие бессменно заседать в Приказах общественного призрения с жалованьем по 500 р. на год... Вот бы место нашему Грибовскому”, которого Козодавлев с иронией, но всерьез предлагал сделать “вождем просветителей Тамбовской губернии”¹⁵². Козодавлев при этом не забывает и о пользе дела. “Вы ту будете иметь выгоду, - обращается он к Державину чуть позже, - что он может здесь (в подведомственных Козодавлеву петербургских училищах - Л.А.) самолично увидеть распорядок учения и все к этому принадлежащее, и я его могу наставить в чем надлежит”¹⁵³. Обещал “всеми силами узнать в подробность должность директора народных училищ” в случае своего назначения и А.М. Грибовский¹⁵⁴. Забегая вперед заметим, что это назначение не состоялось, поскольку против него выступило лицо, с которым Козодавлеву было не тягаться в

чиновничьих интригах, а именно директор Академии наук княгиня Е.Р. Дашкова¹⁵⁵.

Само же предсказание Козодавлева очень скоро сбылось. Вместо слухов из столицы пришли сами новые законы. 5 августа был высочайше подтвержден поднесенный при докладе Комиссии Завадовского “Устав народным училищам в Российской империи”¹⁵⁶.

Устав, являвшийся для столичных и заграничных умов итогом долгих размышлений и споров, для провинциальных чиновников и рядовых жителей рисовал высочайше утвержденный идеал школы, который еще только предстояло проверить в реальных условиях. Более того внимательное прочтение Устава недвусмысленно убеждало, что приведение в жизнь школьной реформы в большей мере зависит теперь именно от местных администраций, сословных корпораций, территориальных общин, а не от верховной власти. Последняя очертила законодательные рамки реформы, оказала помощь в создании педагогических кадров и пособий, стимулировала создание первых школ и оставила за собой функции контроля. Дальше в школьное дело должны были включиться различные группы русского общества.

В Уставе 1786 года безусловно утверждались принципы всесословной бесплатной школы с совместным обучением детей обоего пола и преподаванием на родном языке. Школа носила характер общеобразовательной, сочетала воспитательные и собственно учебные задачи. В преамбуле Устава было заявлено: “Воспитание, просвещая разум человека различными другими познаниями, украшает его душу; склоняя же волю к деланию добра, руководствует к жизни добродетельной и напояет наконец человека такими понятиями, которые ему в общежитии необходимо нужны”.

Не подлежали изменению указанные в Уставе учебные предметы, порядок их изучения, “способ учения”, предписанные учебники и руководства. В качестве приложения за №8 к Уставу был издан “Наказ содержателям домашних училищ и Учителям, имеющим у себя воспитанников”, обязывавший все частные школы и пансионы перейти на “способ учения” для народных училищ и на учебную литературу, изданную Комиссией об учреждении училищ.

В каждом губернском городе обязательно указывалось “быть одному Главному народному Училищу из 4-х разрядов или классов” (§1)¹⁵⁷. Срок обучения – пятилетний, поскольку 4-й класс в отличие от предшествующих – двухгодичный (§42). Малые народные училища, двухклассные и двухлетние по сроку обучения, “должны

существовать как в губернских городах, где одного Главного не довольно, так и в уездных городах, и где еще по усмотрению Приказа Общественного Призрения на первой случай могут надобны” (§24). В главном училище предусматривалось 6 учителей: два для 3-4 классов вместе, по одному – для 1 и 2 классов отдельно, по одному – для преподавания рисования и иностранного языка (§§18-23). В малом предполагалось “быть двум учителям, одному в первом и одному во втором розряде..., но если число учеников будет невелико, в таком случае и одного довольно. – Рисованию обучает один из них же, который сие искусство разумеет; а иначе принимается и особый” (§26). Преподавание иностранного языка в малых училищах не было предусмотрено (§24).

Способы основания главных и малых народных училищ на практике принципиально различались друг от друга, о чем не говорил Устав. Список городов, где организовывались главные училища, утверждался по представлению Комиссии Завадовского лично императрицей и не подлежал обсуждению. Кадры для них готовились под наблюдением той же Комиссии в петербургской Учительской семинарии. Устройство малых народных училищ столичные органы в свои обязанности никак не вменяли. На главные училища всех городов возлагались функции не только общеобразовательной школы, но и подготовки учителей для элементарного звена системы образования. На местные власти перекладывались все заботы о заведении этого элементарного звена.

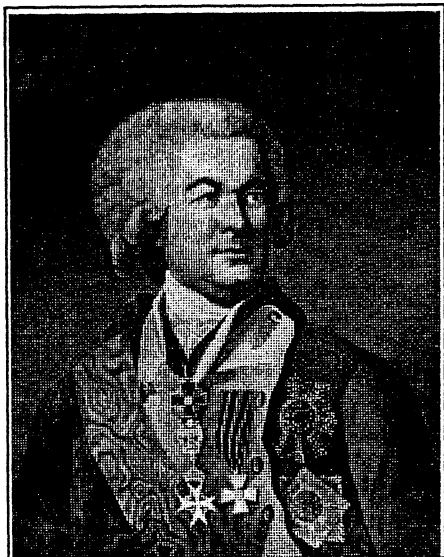
В докладе Комиссии Завадовского говорилось: “В сих (главных – Л.А.) училищах не только будет преподаваться школьное учение, но образуемы будут и учителя нижних двух классов для малых училищ, кои по примеру Санктпетербургских каждый Генерал Губернатор по учреждении главного училища может завести без затруднений в короткое время в уездных городах и других селениях, соображаясь с местоположением и с расходами, на содержание таковых потребными”¹⁵⁸. Устав 1786 года также подтверждал, что “приуготовляются в каждом Главном училище к должностям Учительским желающие быть в малых училищах Учителями”, для чего “тут обучаются они способу учебному”, а затем здесь же “в знаниях своих испытуются” и получают с ведома Приказа общественного призрения¹⁵⁹ от директора народных училищ губернии специальное свидетельство (§10).

В указах генерал-губернаторам, разосланных накануне открытия главных народных училищ, давалась рекомендация

набирать для подготовки будущих учителей низших классов “семинаристов или других добровольно желающих”¹⁶⁰. Устав 1786 года возлагал эту обязанность прежде всего на губернатора, чья должность теперь автоматически сопровождалась назначением не только председателем Приказа общественного призрения, но и Попечителем народных училищ губернии или наместничества (§63). “Одна из первейших должностей Попечителя есть стараться о распространении Народных училищ от Главного, в Губернском городе находящегося, не токмо по городам уездным, но и по другим селениям, колико то способы ему то позволять будут”, - предписывал Устав. Будущих учителей предполагалось набирать “с воли желающих”, а за отсутствием таковых “из Духовных Семинарий своего наместничества” (§64). Весьма показателен факт, что при рассылке в 1786 г. по губерниям печатных экземпляров “Устава народным училищам” Комиссия П.В. Завадовского исходила из следующего расчета: один – в главное народное училище, другой – директору народных училищ, остальные – по количеству уездов в данной губернии для будущих малых народных училищ¹⁶¹.

Таким образом забота о заведении малых народных училищ, их материальном обеспечении и учительском составе перекладывалась полностью на органы местного управления. Далеко не все губернские администрации, как показано ниже, были озабочены устройством школ данного типа, требовавших для своего появления дополнительных административных усилий и денежных средств.

После открытия народные училища поступали в ведение Приказа общественного призрения, входившего, как уже говорилось, в состав губернской администрации. При этом был “оный не токмо обязан иметь смотрение за исполнением сего Устава во всей своей силе но и пеcись сам о содержании оных, изобретая к тому все потребные способы” (§94). А изобретательности требовалось действительно много. Приказ отвечал за содержание в “чистоте, исправности” училищных зданий, за то, чтобы они отвечали потребностям учебного процесса и проживания учителей (§95). Из средств Приказа производилось “жалованье всем к училищам принадлежащим чинам и служителям”, шло снабжение школьных помещений и учителей “дровами и свечью и прочими ... надобностями” (§102). Приказ должен был “содержать всегда в готовности довольное число потребных училищам учебных книг, которые он закупает в книжной лавке Народных училищ, и хранит оные как для продажи, так и для безденежной раздачи бедным ученикам” (§103).

Г. М. Швачкин.

Устав не подсказывал Приказу никаких способов, за счет чего должны были покрываться все расходы, но один из возможных источников, плату за обучение, запрещал сразу и бесповоротно. Учителя должны были "всех в классы их приходящих учеников и учениц обучать, не требуя от них никакой платы за обучение" (§28). Правда, за свой счет "все ученики должны снабдить себя книгами к классу их принадлежащими; а при том иметь с собою в готовности бумагу, перья и другие к письму, рисованию и иным наукам принадлежности" (§57,59).

Однако, как указывалось выше, бедным ученикам книги могли выдаваться во временное пользование бесплатно. На практике же, за казенный счет они даже иногда пользовались расходными писчебумажными материалами (перья, карандаши, чернила, краски, бумага).

Предупреждая возможное нежелание заниматься школьным делом на местах, в своих рескриптах генерал-губернаторам от 12 августа императрица заранее предупреждала провинциальные органы власти и самоуправления, что никакие отговорки от участия в развитии образования, в т.ч. финансового плана приниматься не будут. Екатерина II понимала, что далеко "не везде Приказы общественного призрения столь достаточные капиталы имеют, чтобы из процентов их удовлетворять всем предметам, попечению их предоставленным". Однако это означало только то, что "при добрых и усердных стараниях начальства и обществ" данные доходы "от времени далее могут умножаться". Императрица напоминала, что Жалованная грамота городам снабдила те "разными выгодами", чтобы удовлетворить доходами "их надобности". По утверждению Екатерины, "между таковыми надобностями – просвещение

народное одною из первых почитаться долженствует; содержание же народных училищ не требует большого иждивения...”, тем более, что пока они открываются только по губернским и некоторым уездным городам¹⁶².

П.В. Завадовский, пославший вслед за рескриптами Екатерины II, свои разъяснения генерал-губернаторам, обращал их внимание, что в Петербургской губернии “многие ревнительные о благе общем граждане ... добровольным подвигом одни выстроили, другие дали на школы дома, некоторые же и денежные подаяния учинили”. Председатель Комиссии об учреждении училищ советовал “подвигнуть подобное благотворение и в ваших губерниях средствами, поощряющими усердие и благодать”, а пока занять под училища свободные казенные или монастырские строения¹⁶³.

Под контроль Приказов общественного призрения, правда, не хозяйственный, а учебно-методический переходили и все частные учебные заведения, их педагогический персонал. Все формы этого контроля подробно расписывались в приложенном к Уставу 1786 года “Наказе содержателям домашних училищ”.

Комиссия настояла на том, чтобы, вверив “главное на месте об училищах попечение Губернаторам, яко председателям Приказов общественного призрения”, все же ввести специальное должностное лицо по школьной части. Она предложила поручить “особливое над училищами смотрение Директорам народных училищ, бессменно в Приказах заседать имеющим”. Для лица, занимающего должность директора управление делом народного образования в губернии становилось прямой служебной обязанностью. Эта должность вводилась в структуру местной власти, “поелику столь обширное и неусыпного бдения требующее заведение необходимо требует и особых надзирателей, которые бы не сменяясь могли вникнуть в свою должность и могли быть определяемы Генерал Губернаторами из людей по знаниям своим к отправлению сего служения способных”¹⁶⁴.

В соответствии с докладом Комиссии в Устав 1786 года вносился следующий пункт: “Директор Народных училищ выбирается и определяется Генерал-Губернатором. Он должен быть любитель наук, порядка и добродетели, доброхотствующий юношеству и знающий цену воспитания. Он заседает в Приказе Общественного Призрения по делам до училищ касающихся” (§69). Обращает внимание тот факт, что назначение генерал-губернатором несколько повышало статус директора училищ и обеспечивало некоторую независимость положения в губернской администрации.

Должность директора была штатной и оплачиваемой, что делало ее достаточно привлекательной для чиновников. К тому же в Уставе ничего не говорилось о запрете совмещать эту должность с другими видами службы, в т.ч. и в местной администрации. Это открывало возможность занимать ее по совместительству, не покидая ради нее более престижных и доходных мест.

Зато малопrestiжной выглядела должность смотрителя уездных народных училищ, выбираемого Попечителем, то есть губернатором из жителей городов, где имелись малые народные училища (§86). Ее носитель не получал ничего, кроме обязанностей контролировать учителей, учеников, училищные здания и нужды, собирать и отправлять в Приказ общественного призрения различные сведения об училище, прочих хлопот (§87-93). Надо было предполагать огромную и бескорыстную любовь к просвещению для того, чтобы эта должность приносила удовлетворение лицу, ее занимавшему. Но думать так означало явно переоценивать просветительские настроения в уездном городе конца XVIII века. Впрочем предстоящий экзамен на "просвещенный" характер этого столетия, уже подходившего к концу, держали не только отдельные смотрители и попечители, директора и учителя, местные и высшие чиновники, а целые общественные слои и группы.

Спонтанное развитие русской светской школы на путях профессионального и сословного образования, начатое Петром I и его ближайшими преемниками, не затронуло основную массу населения городов, не говоря уже о селе. Даже значительная часть дворянства, особенно провинциального, была вынуждена удовлетворяться традиционными и домашними формами обучения. Создание научного центра в лице Академии наук и основание первого русского университета в Москве не смогли сами по себе стимулировать развитие общего массового образования, соответствовавшего новому времени.

Со своей стороны российское общество оказалось не способным ни подтолкнуть традиционную школу мастеров грамоты к эволюции в более развитые формы, ни предложить новые виды частных или общественных учебных заведений. Инициативу в деле развития общего образования, как и в отношении образования специального, должно было взять на себя государство. Однако оно могло сделать это, только преодолевая узкие прагматические и корпоративные представления о роли школы.

Спустя 24 года после прихода к власти Екатерины II, режим российского "просвещенного" абсолютизма начал самую

просветительскую реформу в своей истории. Насколько важное значение придавала ей сама императрица, свидетельствуют высказывания, зафиксированные в дневнике ее секретаря А.В. Храповицкого. Она считала, что заведение и утверждение народных школ приведет к тому, что “в 60 лет все расколы исчезнут”, а “невежество истребится само собой”, при этом “разнообразные в России обычаи приведутся в согласие и исправятся нравы”¹⁶⁵.

Еще дальше в объяснении планов императрицы, на которое не решалась она сама даже в беседах с доверенным секретарем, пошел генерал-майор, прокурор Военной коллегии Иван Никитич Болтин. Как раз в 1786 г., когда началась школьная реформа, он писал свои “Примечания” на книгу Леклерка о России, которые были опубликованы в 1788 г. В них говорилось следующее: “Прежде должно учинить свободными души рабов, говорит Руссо, а потом уже тела. Мудрому сему правилу последовала великая Екатерина: желая снять узы с народов, скипетру ее подверженных, предначинает сие великое и достойное ее намерение освобождением душ их от тяжелой и мрачной неволи невежества и суеверия. Не на иной конец устроятся, по высочайшей ее воле, по всему государству училища для нижних чинов состояний, дабы приуготовить души юношества, в них воспитываемого, к восприятию сего великого и божественного дара, дабы учинить их достойными вольности и способными к снесению ее. Не могу сказать, какое из двух благодетельств есть вящее: то ли, чтоб дать вольность рабу, или то, чтоб открыть ему таинство учиниться счастливым, то есть, чтоб научить его употреблять вольность на пользу самого себя и вкпе на пользу ближнего и отечества. Боже, помоги делательнице премудрой и человеколюбивой то и другое совершить, и сподоби вкусити плоды трудов своих”¹⁶⁶.

Книга Болтина была издана в России и на русском языке, обращена была она не к европейским просветителям, а к образованной российской публике. Думала ли так, как он писал, сама императрица, с полной уверенностью сказать, конечно, нельзя. Но, безусловно, что Болтин выразил мнение тех своих современников, кто именно подобным образом воспринимал стратегическую цель школьной реформы и, видимо, имел на то основания. Нет также сомнений, что Екатерина II не возражала, чтобы, по крайней мере, часть русского общества воспринимала появление народных училищ как первый шаг на пути отмены крепостного права. Во всяком случае, не известно возражений против оценки, предложенной Болтиным,

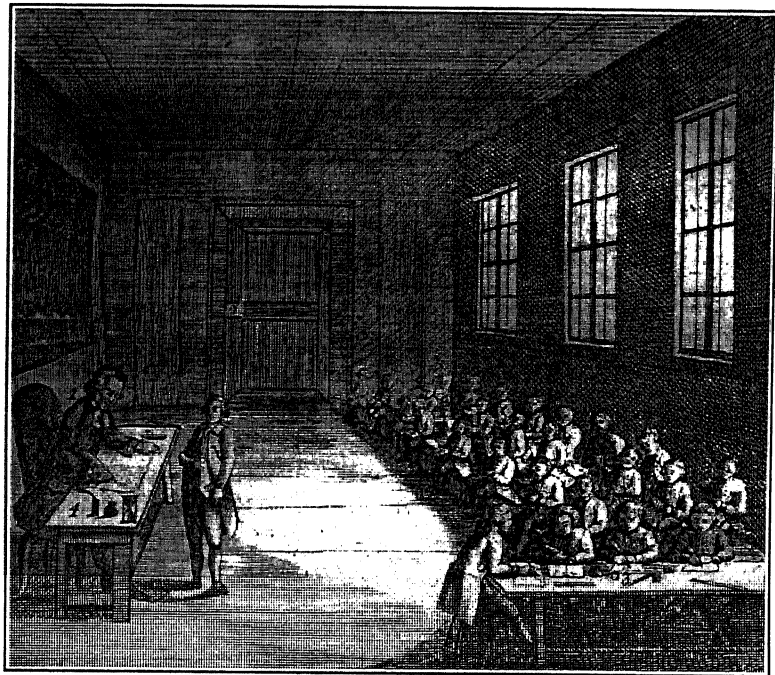
ни со стороны императрицы, ни кого-либо из ее окружения. Более того, Екатерина II отдала распоряжение напечатать книгу Болтина за государственный счет.

Просвещение как необходимое условие освобождения и первый шаг к нему – довольно частый мотив в сочинениях и западно-европейских мыслителей, даже весьма радикально настроенных. Г. Рейналь, выдвигавший революционные идеи и оказавший заметное влияние на взгляды А.Н. Радищева, тем не менее, из уроков восстания Е.И. Пугачева делал вывод о том, что в России «хорошие законы и просвещение должны предшествовать свободе»¹⁶⁷.

В соответствии с философскими идеями “века Просвещения” среди деятелей, привлеченных Екатериной II к реализации школьной реформы, было распространено убеждение, что право на образование принадлежит к числу естественных прав человека. Например, по мнению О.П. Козодавлева, “путь к просвещению ... не долженствует быть возбранен ни единому человеку”, включая “несвободных”, то есть крепостных людей¹⁶⁸.

Тем временем планы Екатерины II и ее сотрудников, какие бы они ни ставили цели, вступали в непростой контакт с российской реальностью. Местная администрация была обязана, по закону, взять на себя основное бремя забот по обустройству и содержанию народных училищ. Провинциальное общество и, прежде всего, его основные сословия, дворянство и духовенство, горожане и мелкие служилые люди, должны были дать ответ о своем восприятии новой школы, выходившей за городскую черту столицы.

ГЛАВА 2.

**ПРОСВЕЩЕНИЕ И
ПРОВИНЦИЯ: ПЕРЕХОД К
ПРЯМОМУ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ**

§1. НАЧАЛО МАССОВОГО ВНЕДРЕНИЯ НОВОЙ ШКОЛЫ В РОССИЙСКУЮ ПРОВИНЦИЮ (1786-1788)

12 августа 1786 года были разосланы рескрипты генерал-губернаторам с повелениями о подготовке помещений и о других надлежащих мерах к учреждению училищ¹. С этого момента собственно только и началась полномасштабная реформа. Она уходила в провинцию, где за училищами уже не было постоянного пригляда императрицы и ее доверенных лиц. Там и только там в полной мере могли быть проверены все ее административные и организационные звенья, кадровые и методические приготовления, общественная востребованность.

В число первых двадцати пяти наместничеств и губерний, в административных центрах которых открывались вслед за Санкт-Петербургом главные народные училища, Комиссия Завадовского определила: 1. Новгородское наместничество; 2. Тверское; 3. Олонецкое; 4. Архангельское; 5. Псковское; 6. Смоленское; 7. Тульское; 8. Калужское; 9. Орловское; 10. Курское; 11. Ярославское; 12. Вологодское; 13. Владимирское; 14. Костромское; 15. Нижегородское; 16. Пензенское; 17. Казанское; 18. Вятское; 19. Симбирское; 20. Саратовское; 21. Воронежское; 22. Рязанское; 23. Тамбовское; 24. Пермское; 25. Московская губерния². Комиссия испрашивала от императрицы распоряжений генерал-губернаторам, чтобы те позаботились “о приуготовлении домов заблаговременно для училищ” к 22 сентября 1786 г. Это был праздничный день коронации Екатерины II, к которому и приурочивалось открытие всех 25 главных народных училищ³.

Примером приведения в исполнение распоряжений центральной власти на местах могут послужить действия администрации двух поволжских губерний, Симбирской и Саратовской. Симбирская губерния включилась в мероприятия по осуществлению школьной реформы после соответствующего распоряжения генерал-губернатора Симбирского и Уфимского О.А. Игельстрома губернатору П.М. Баратаеву под училище “приготовить дом, по крайней мере в четырех или пяти покоях состоящий”⁴. Уже по поручению Баратаева комендант Симбирска и городской магистрат отыскивали “дом, способный для преподавания наук” у симбирского купца Ивана Карташева. Тот предоставил здание “без всякой платы” и с

одним только условием, чтобы освободить другой его, Карташева, дом от постоя⁵. Отданный под училище дом находился на Панской улице в приходе церкви Вознесения⁶.

В Саратове “за невыстройкою настоящего училищного дома” главное народное училище было помещено “в наемном от Приказа общественного призрения доме коломенского мещанина Назара Туманова, состоящем внутри города близ Воздвиженского собора”⁷. Как вспоминал один из учителей, “дом, в котором училище помещено при его открытии, был деревянной, ветхой...”⁸

С 1788 г. это училище разместилось “в казенном Саратовскому Приказу общественного призрения принадлежащем доме внутри города близ главного Троицкого собора и рынку”⁹. Постройка эта когда-то принадлежала Конторе опекунов иностранных, упраздненной при открытии Саратовского наместничества в конце 1780 г.¹⁰ Указания на городские храмы давались не только в качестве топографических ориентиров. По Уставу народных училищ предписывалось “быть училищам сим по близости церквей” (§99).

14 и 15 сентября в Симбирск прибыли четыре учителя “с книгами, изданными для народных училищ в Российской Империи и некоторыми инструментами”, сразу явившись по приезде к губернатору Баратаеву¹¹. Учителями высших классов училища, то есть третьего и четвертого, с жалованьем по 400 руб. были назначены Спиридон Петрович Цветков и Андрей Иванович Тихонравов. Первый определен к преподаванию арифметики, российской грамматики, латинского языка, геометрии, механики, физики и архитектуры, второй – истории естественной, всеобщей и российской, географий всеобщей, российской и математической. Учитель 2-го класса Емельян Демидович Шутихин получал 200 руб. жалованья и учил пространному катехизису, священной истории, чистописанию, первой части арифметики, Книге о должностях человека и гражданина, а также “упражнял учеников в III классе в законе христианском”. Учитель 1-го класса с жалованьем в 150 руб. Николай Матвеевич Веревкин обучал букварю, правилам для учащихся, сокращенному катехизису, священной истории и руководству к чистописанию. Также учителя младших классов вели со своими учениками занятия по латинскому языку. Кроме Шутихина, которому исполнилось 22 года, всем остальным симбирским учителям было по 19 лет¹².

Указанное распределение предметов строго соответствовало Уставу народных училищ и составляло нагрузку учителям высших

классов в 23 часа в неделю каждому, учителю 2 класса – 29 часов, учителю 1 класса – 27 часов (§19-21). Предусмотренные в Уставе учителя рисования и иностранного языка для главных народных училищ губернских городов не были подготовлены в Петербургской учительской семинарии.

Вышеперечисленные четверо учителей были уроженцами соответственно Владимирского, Казанского, Вятского, Тверского наместничеств. Все они были выходцами из духовного сословия, учились в семинариях, откуда “взяты в Санкт-Петербург в 1783 году в учительскую гимназию для обучения знаниям, нужнейшим в общежитии”¹³.

Все четыре учителя в Саратове, как и в Симбирске, происходили из детей священников. “Учитель высших классов математических наук” Саратовского училища Андрей Иванович Шестаков и учитель второго класса Яков Иванович Полянцов были самыми старшими из четырех по возрасту (в середине 1787 г. им указано соответственно 24 и 25 лет). Оба являлись уроженцами Казани, где поступили в местную семинарию, первый – в сентябре 1772 г., второй – в ноябре 1771 г., а 26 апреля 1783 г. выбыли “из оной семинарии в Санктпетербургскую учительскую гимназию”. “Учитель высших классов историко-географических наук” Василий Иванович Скворцов происходил из г. Алексина Тульского наместничества, был помоложе двух его вышеназванных товарищей, в середине 1787 г. отмечено, что ему 23 года. С марта 1775 г. он учился в Коломенской семинарии, а в учительскую гимназию поступил 23 ноября 1783 г. Самым же молодым (на середину 1787 г. ему был 21 год) оказался учитель первого класса Петр Алексеевич Васильевский, родом из Переславля-Залесского Владимирского наместничества, с марта 1777 г. учившийся в Переславской семинарии. Он меньше других пробыл в Санкт-Петербургской гимназии, куда попал только с 1 марта 1786 г. Все саратовские учителя были определены к своим должностям 15 августа 1786 г.¹⁴

А.И. Шестаков вспоминал в 1818 г. о первых днях Саратовского училища: “В то время Саратовская Губерния именовалась Наместничеством; должность Генерал-губернатора правил господин Генерал-поручик и разных орденов кавалер Павел Сергеевич Потемкин; а Губернатором был господин Генерал-поручик и Святые Анны Кавалер Иван Игнатьевич Поливанов. Господин Потемкин находился тогда на Кавказской линии; и открытие училища препоручено им было Господину Губернатору. Учители с достаточ-

ным количеством учебных пособий присланы из Комиссии о учреждении Народных училищ, учившиеся в Санкт-Петербурге под ее ведением... Господин Губернатор принял их с отличною ласковостию, как любитель учености”¹⁵.

Очень скоро пришлось искать замену учителю Полянцову, умершему в конце 1787 г.¹⁶ По результатам испытания в знании предметов второго класса, проведенного учителями высших классов в присутствии генерал-губернатора Воронежского и Саратовского В.А. Черткова и правителя Саратовского наместничества И.Г. Нефедьева, на эту должность перевели П. Васильевского. На место последнего “по таковом же испытании” был определен переведенный из учителей Харьковских народных училищ Василий Тимофеевич Решетников, уроженец уездного города Городища Киевского наместничества. Решетников стал первым в городах Средневожья учителем, не происходившим из духовенства, поскольку был сыном отставного сотенного старшины. Еще одним его отличием от прочих учителей был уже имевшийся у него чин губернского регистратора¹⁷.

Открытие главных народных училищ состоялось в назначенный срок. “Итак 22-й день сентября есть тот день царствования Екатерины II, в который положено основание просвещения в Симбирской губернии”, - писал современник¹⁸. В тот же день начало действовать и Саратовское училище¹⁹.

Это событие было обставлено с надлежащей торжественностью. В Симбирске данная церемония происходила следующим образом: “...Правитель губернии с членами Приказа общественного призрения, записав в журнал учителей и учеников вступивших, так же как и все присланные книги для учения, совокупно спешили в первенствующую Троицкого собора церковь для принесения ... теплых молитв, а за сим и учителя со своими учениками, ведя их порядком по два в ряд, откуда таковым же порядком возвратились в дом училищной, где, по учинении водосвящения и по окроплении святою водою от Протоиерея Краковского, один из учителей ... говорил ко всему собранию, родителям, покровителям и начальникам речь, изъявляющую цену Матернего Ея чадолюбия к младому юношеству, а притом и видимое благо для всех подданных. Наконец ученики, каждый вступив на свое место, и в первом классе показывано первоначальное учение к крайнему зрителей удовольствию, а потом и в прочих классах по порядку тем самым способом, каковой был угоден Самой Насадительнице сих верто-

градов. По окончании всей церемонии вступившие в училище дети были довольствованы от Его Сиятельства правителя и попечителя обеденным столом для большего их обласкания”²⁰.

Шесть дней между прибытием в Симбирск учителей и открытием там школы велась запись будущих учащихся. “Кого не восхищало таковое объявление, а наипаче чадолюбивых родителей! Все как родители, так и опекуны спешили каждый своего представить...”, - пафос этого современного сообщения выглядит несколько преувеличенным. В большом губернском городе нашлось 63 ребенка, кого взрослые решили отдать в училище²¹.

Реально же в числе первых было принято и приступило к занятиям 52 ученика. В конце декабря и начале января, как это предусматривалось Уставом, по новому набору зачислено еще 38 чел. Как отмечали современники, “ученики, здесь обучающиеся, как природою, состоянием, так и возрастом суть различны”²². Девочек среди воспитанников главного народного училища первоначально не было вовсе²³.

В начальном наборе, состоявшемся при самом открытии Симбирского училища в сентябре 1786 г., безусловно преобладали купцы и мещане, составлявшие до трех четвертей пришедших учеников (38 из 52). В этом сентябрьском наборе указано также 4 дворовых человека, среди которых были крепостные симбирского коменданта, а также прокурора верхней расправы²⁴. Судя по тому, что в январе 1787 г. трое из названных дворовых были переведены во 2 класс, они уже при поступлении были достаточно грамотными. Видимо, их обучению хозяева уделяли внимание и до открытия училища²⁵. Остальные ученики были детьми дворян, офицеров, чиновников и священнослужителей.

Заметный же приток детей из полярных социальных групп – привилегированного сословия и дворовых людей произошел при дополнительном наборе “в последних числах декабря 1786 г. и в начале января..., когда по учинении предписанного Уставом в оные дни испытания открыт был вновь прием для нижних классов”²⁶. Число дворовых среди учеников увеличилось тогда на 26 чел., дворянских и офицерских детей – на 8 чел. При дополнительном наборе в Симбирское училище не пришло ни одного нового ученика из купеческой или мещанской семьи. Оказалось, что все желающие учиться из городских сословий были взяты уже при самом открытии.

В Саратове, по воспоминаниям А.И. Шестакова, главное народное училище было открыто также “с приличным, духовным и

светским торжеством, при котором речь говорил учитель Шестаков. Господин Губернатор сделав на оную краткое приветствие, желая употребить все меры возвысить училище, принял на себя звание Директора”²⁷. Принятие губернатором, кроме предусмотренной Уставом должности попечителя, еще и директорских обязанностей носило, конечно, временный характер. Шестаков был прав в том отношении, что это была чрезвычайная мера, направленная на повышение авторитета новой школы. Для понимания сложившейся ситуации следует сравнить положение с набором в Симбирское и Саратовское училища.

На первый взгляд, первый набор в Саратовское училище выглядел даже более результативным, хотя заметно иным по сословному составу, чем в Симбирское училище. С 22 сентября начали занятия 118 детей. Из них 72 чел. или почти две трети являлись сыновьями солдат и других нижних чинов армии. К купцам, мещанам, мастеровым относилось всего 8 чел., то есть только шестнадцатая часть набора. Их было почти вдвое меньше, чем дворовых (14 чел.) или дворянских и офицерских детей (15 чел.). Четверо дворовых при этом оказались сразу принятыми во второй класс. В ноябре-декабре в эту школу было принято еще 11 чел. разного происхождения, из которых самую заметную группу составляли дети дворовых – 4 чел.²⁸

Объяснения такого социального состава Саратовского училища в официальных документах того времени отсутствуют. Однако спустя 30 с лишним лет, Шестаков раскрыл эти недоумения. Открытие училища в Саратове оказалось тогда на грани срыва, поскольку “несмотря на все благонамеренные Господина Губернатора усилия очень немногие на то (поступление детей в народное училище – Л.А.) согласились”. Дворяне считали неприличным смешение их детей с разночинцами в школе, “а разночинцы из учреждения училищ публичных выводили разные нелепые толки”, подогреваемые начетчиками-раскольниками, которые фактически монополизировали традиционные формы обучения в Саратове. Губернатор “приказал собрать в свой дом многих из сих последних учителей (домашних школ – Л.А.) и лучших граждан. Первым строжайше приказал, чтоб они не учили, а последним внушал монаршую милость и пользу, какую получить могут, ежели детей своих станут записывать в учреждаемое училище”. Ни угрозы, ни обещания не дали желательного быстрого результата. Как писал Шестаков, “губернатор, затрудняясь невозможностию набрать ко

времени открытия училища” необходимое “количество учеников, принужден был употребить на это солдатскую школу”. Таким образом контингент Саратовского главного народного училища составил “из малого числа детей гражданских, а больше увеличась детьми солдатскими”²⁹.

Большое количество солдатских детей в Саратовском главном народном училище ввело в заблуждение известного исследователя М.Д. Рабиновича. Тот посчитал список учеников этого учебного заведения, происходивших из солдатских детей, за свидетельство существования в городе в последнее десятилетие царствования Екатерины II отдельной гарнизонной школы. Ученого удивил “удельный вес гуманитарных наук”, а также “полное отсутствие каких бы то ни было военных предметов и экзерциций”³⁰. Однако не трудно убедиться, что список предметов, перечисленных в статье этого историка, полностью соответствует курсу главного народного училища. Упоминаемые им имена тех, кто якобы вступил в 1786 г. в гарнизонную школу, например, Михаила Крыгина, регулярно с указанного года можно встретить в списках учеников Саратовского народного училища³¹. То, что Рабинович посчитал “совершенно новым типом учебных заведений XVIII в., еще не известным в нашей исторической литературе”, и “своеобразной военной гимназией, существовавшей минимум за семьдесят лет до появления пореформенных милютинских военных гимназий”, оказалось обычным главным народным училищем со своеобразным сословным составом учащихся.

Насколько разнообразными были условия комплектования главных народных училищ, становится заметнее при сравнении представительства некоторых сословий в составе школьников поволжских губерний и Московского главного народного училища. При открытии в 1786 г. училища в древней столице в нем преобладали дети дворовых и крестьян. Они составляли 60 чел. из общего количества в 105 учеников, или 57% учащихся. Вторыми по численности были дети солдат – 12 чел., или 11%, только третьими дворянские дети – 10 чел., или 9,5%. Затем по количеству шли дети священников и церковнослужителей – 8 чел., или 8%, и только за ними купцов и мещан, составляя на всю Москву 7 чел., или 7% учеников главного народного училища³². Низкая численность представителей основных городских сословий в Московском училище сопоставима с данными по Саратову.

Открытие училищ не только в поволжских городах, о которых уже шла речь, но и в других регионах было обставлено с достаточной

торжественностью. Наглядный пример того, какой общественный резонанс хотела вызвать верховная власть в ходе этой компании, был показан при открытии главного народного училища в недалеком от Поволжья Тамбове.

Тамбовский губернатор Г.Р. Державин был заранее предупрежден директором Санкт-петербургских училищ О.П. Козодавлевым о том, что императрица и П.В. Завадовский уже отдали распоряжения генерал-губернатору тамбовскому и рязанскому И.В. Гудовичу открыть училище 22 сентября. Козодавлев советовал своему приятелю не только “все к сему числу приуготовить”, но и дать этому событию выигрышное освещение в отечественной и зарубежной прессе, для чего “краткий артикул (статью – Л.А.) об открытии прислать в петербургские и московские газеты, также и немецкий артикул пришлите ко мне для отсылки в Гамбург”³³. За неделю до открытия училища Державин скромно писал, что “народное училище готово и конечно в 22 число открыто будет торжественно, а затем каких-нибудь (статей – Л.А.) для сообщения в газеты ... не ожидайте, ибо, право, писать некогда”³⁴.

Действительно, заметка из Тамбова об открытии училища появилась в Санктпетербургских Ведомостях далеко не среди первых, к тому же оказалась краткой и сухой. Известия об открытии народных училищ шли в этой газете из номера в номер с 9 октября по 10 ноября в следующем порядке: из Калуги и Тулы, из Архангельска и Петрозаводска, из Москвы, из Твери и Новгорода, из Смоленска, Курска и Орла, из Вологды, Ярославля, Воронежа, Саратова и Казани, из Вятки, Нижнего Новгорода и Пензы, из Рязани и Тамбова, из Симбирска³⁵.

Зато тамбовский губернатор приятно удивил П.В. Завадовского и саму императрицу неожиданным отступлением от обычной церемонии открытия. Наряду с речами священнослужителя и учителя в Тамбове прозвучало выступление рядового однодворца (государственного крестьянина – Л.А.) Петра Михайловича Захарьина о пользе учения. С просьбой выслушать его однодворец обратился неожиданно в тот момент, когда после молебна и водосвятия священники, местные власти и публика уже было собрались покинуть училище. Державин предложил собравшимся уделить внимание новому оратору. Речь была произнесена “перед портретом Императрицы порядочно”. Особенно эффектен был тот ее момент, “где он предавал в покровительство Государыне сына своего”. При этом “жена его, стоявшая за ним с малолетним

младенцем, отдала ему оно, а он положил его перед портретом, говоря со слезами”³⁶.

Текст речи однодворца был отправлен генерал-губернатору, а от него в Петербург. Речь “привела Государыню столько в умиление, что она с удовольствием пролила слезы”³⁷. С высочайшего одобрения в Петербурге это сочинение стали превозносить “до высочайшей степени”, а “просвещеннейшие здешние особы” находить в нем “таковые мысли, каких и покойный Ломоносов нигде не изобразил”³⁸. Петербургский губернатор П.П. Коновницын не без зависти, но и не без иронии поздравлял своего тамбовского коллегу Державина с достигнутым успехом: “Речь, вашим однодворцем говоренная, принята здесь с признанием; но в публике считают, что твои проказы, а славно. Прости мою откровенность...”³⁹

Слухи, на которые намекал Коновницын, о том, что настоящим автором речи однодворца был сам Державин, не снижали ее значения в развернувшейся пропагандистской компании, сопровождавшей открытие народных училищ. П.В. Завадовский писал генерал-губернатору И.В. Гудовичу, что, если речь сочинена и не самим однодворцем, то “славы своей она не теряет”. Завадовский при этом сообщал, “что оную речь переводят на иностранные языки”, чтобы всем было видно стремление всех слоев русского общества к просвещению⁴⁰. Об уже готовом переводе этой речи на немецкий язык для Гамбургского политического журнала извещал Державина в ноябре 1786 г. О.П. Козодавлев, также верно догадывавшийся об авторстве сочинения, которое решили представить европейскому читателю⁴¹.

Действительно, как оказалось, речь была написана от имени Захарына самим Державиным и им же отрежиссирована. Однако обвинять прославленного поэта во лжи не приходится. Знакомство таких разных людей, как государственный крестьянин и высший представитель местной администрации, произошло еще до 22 сентября 1786 г. на почве любимого ими обоими стихотворства. Захарын носил Державину свои стихи, а тот, судя по всему, не отказывался их прочитывать. По его воспоминаниям, однодворец сам заранее предложил выступить при открытии училища, но первоначальный текст Державину совершенно не понравился, а потому был написан им заново. Губернатор же отвел речи определенное место в сценарии открытия училища. Однодворец действительно может считаться “соавтором” Державина по прогневшему на всю Россию представлению. Косвенное

подтверждение тому, что Захарьин по своим знаниям и способностям был вовсе не рядовым жителем тамбовской глубинки, является умелое воспроизведение сложного книжного текста, написанного по правилам ораторского искусства, и достаточно добротная актерская игра на публику⁴².

Поддерживать общественный интерес к школьному делу были призваны не только акты открытия училищ, но и публичные испытания, завершающие по Уставу каждое учебное полугодие. Публичные экзамены впервые состоялись в Симбирском главном училище 2 января в присутствии генерал-губернатора, губернатора, вице-губернатора “и всего благородного дворянства обоих полов”⁴³. Перед началом испытаний была прочитана приветственная речь, а затем “ученики третьего класса были экзаменованы из начальных оснований Российского и Латинского языков, из арифметики, географии и истории со всеобщей всех присутствующих похвалою; по окончании испытания учеников III-го класса двое из учащихся читали разговор в похвалу заведения народных училищ”. После чего проведены были экзамены по предметам младших классов⁴⁴.

Начиная с экзаменов 1787 г. в Симбирске вошло в обычай отмечать “отличившихся успехами учеников награждением книжек за подписанием директора”⁴⁵. Директором же народных училищ Симбирского наместничества тогда являлся капитан артиллерии А.П. Соковнин. Он приступил к своим обязанностям 23 декабря 1786 г., предъявив в Приказе общественного призрения “полученное им на сей случай... письмо” от генерал-губернатора⁴⁶.

В Саратове публичные экзамены были проведены 17 января в присутствии правителя наместничества генерала-поручика Ивана Игнатьевича Поливанова и “многих других именитых особ”. В церемонию также были включены речи учащихся. Перед началом экзаменов говорил пятнадцатилетний ученик 4 класса Николай Мальцов, а по их окончании тринадцатилетний ученик 2 класса Иван Власов⁴⁷.

Не совсем очевидным выглядит по документам критерий подбора учеников для произнесения торжественных слов. Мальцов был сыном капитана, Власов – купца. Первый характеризовался хорошими способностями и хорошим поведением, способности второго оценивались словом “непонятен”, а поведение – “резв”. Впрочем оба считались учениками прилежными⁴⁸.

Двадцати лучшим школьникам Саратовского училища были пожалованы губернатором книги. Все собравшиеся на экзамены

гости, довольные успехами детей, выразили “учителям благодарность, а ученикам похвалу”⁴⁹.

Торжественность обстановки экзамена, участие в нем губернатора, награды лучшим ученикам из его рук – все это оказало должный эффект. Как вспоминал учитель Шестаков, в Саратове “с того времени граждане начали детей своих отдавать в училище охотнее”. С губернатора теперь посчитали возможным снять обязанности директора саратовских училищ. Василий Алексеевич Чертков, вступивший на место Потемкина в должность генерал-губернатора, поручил в 1787 г. исполнение этой должности “на время саратовскому губернскому землемеру господину надворному советнику Ханыкову”. Да и сам попечитель училищ был заменен, поскольку новым саратовским губернатором стал в том же году генерал-майор Илья Гаврилович Нефедьев⁵⁰.

Уже в этом составе губернское высшее и школьное начальство присутствовало на публичных испытаниях летом 1787 г., проведенных в Саратове в доме наместника. Генерал-губернатор “был столь доволен успехами училища, что при всей публике дал позволение носить учителям шпаги, а отличных учеников награждал книгами”⁵¹.

Впредь торжественное “с обыкновенною церемониею” проведение экзаменов с участием губернского начальства и почетных гостей, с награждением лучших школьников стало постоянной практикой не только в главных, но и в открывшихся позже малых народных училищах. “Открытые испытания учащимся и самих над училищами надзирающих” преподавателей было велено проводить дважды в год – с 26 декабря по 6 января и с 29 июня по 3 июля⁵². По объективным причинам, например, “за болезнь учителей” публичные испытания иногда проводились “не в назначенное уставом время” несколько позже вышеназванных сроков в течение июля или января⁵³.

Экзамены учащимся могли устраиваться и вне вышеназванных сроков. Так, по отдельным предметам и в разных классах директор Саратовских народных училищ проводил испытания и в августе, и в октябре, и в ноябре⁵⁴. Почетные посетители посещали не только экзамены, но и занятия, как, например, это произошло 5 октября 1788 г. в Саратовском главном училище, где “знатные дворяне с немалым количеством знатных дам ... весьма внятно слушали” урок географии в 3 классе⁵⁵.

В январе 1787 г. после впервые проведенных экзаменов и нового набора в первом классе Симбирского училища числилось 55

учеников (в сентябре 1786 г. их было 26), во втором – 27 (было 18), а в третьем – только восемь детей⁵⁴. В основном были укомплектованы низшие классы главного народного училища, поскольку “ученики в училище” все собраны такие, кои или только читать могли и писать, или ни того, ни другого, для сей причины оно теперь состоит из трех только классов или разрядов, учеников же в четвертый класс готовых еще нет”⁵⁷.

Возраст учеников колебался в самых широких пределах – от 6 до 17 лет. Однако большинство из них в Симбирске, а точнее 72% (65 из 90) имели 8-10 лет от роду. Эта возрастная группа преобладала, прежде всего, среди учеников младших классов. На нее приходилось 80% первоклассников (44 из 55) и 70% второклассников (19 из 27). Лишь в третьем классе больше половины (5 из 8) приходилось на учеников в возрасте от 13 до 15 лет, и не было никого моложе 10 лет. Дети от 6 до 7 лет (4 чел.) отмечены только среди учащихся первого класса⁵⁸.

В числе этих 90 детей более трети (37%) составляли сыновья купцов и мещан (33 чел.), треть – дворовые люди (30 чел.), менее трети (до 27%) – дети дворян и офицеров (24 чел.). Среди учеников были также по одному человеку из сыновей нижних чинов армии, а также двух сословных категорий государственных крестьян – однодворцев и пахотных солдат.

Постепенно налаживалась работа училищ, удовлетворялись их потребности. 29 октября 1786 г. симбирский Приказ общественного призрения рассматривал представление директора народных училищ, “коим описывал нужности при главном народном училище в столах, лавках, черных досках, мелу, губках, в дровах для топления училища и свечах для учительских покоев и о прочем...” Эти просьбы были выполнены.

Важнейшей целью развернутой в конце 1786 г. компании в поддержку народных училищ стало также привлечение к школьному делу средств местных благотворителей. Так директор петербургских училищ Козодавлев совершенно прозрачно намекал тамбовскому губернатору о желательности таких жестов: “В Москве, Смоленске и в Твери сделаны училищам превеликие подаяния, за что как наместники, так и податели приобрели монаршее благоволение”⁵⁹.

Генерал-губернатор симбирский и уфимский, “не упуская ни на час из виду усердствовать заведениям Екатерины II, скоро мог разобрать и увидеть недостаток Приказа” в средствах и убедил симбирское дворянство в течение трех лет внести на создание и

поддержку народных училищ 20 тыс. руб. Благодарственную речь по данному поводу произнес после окончания публичных экзаменов 2 января 1787 г. один из учителей⁶⁰.

Через месяц на инициативу симбирских дворян откликнулась и верховная власть. 11 февраля генерал-губернатор получил письмо Екатерины II⁶¹. В нем высказывалось удовлетворение “добрыми намерениями вспомоществовать Приказу общественного призрения”, выражалась благодарность дворянам губернии “за сии толико похвальные подвиги” и содержались уверения, “что просвещение и благоденствие” подданных являются целью всех желаний императрицы⁶².

По предложению того же генерал-губернатора⁶³, еще раньше городское общество решило “ознаменовать начало учения внесением на первой случай из следующего к получению градскому обществу по силе высочайшего городского положения из двух лет, 1785 и 1786-го, дохода 440 рублей 67 ³/₄ коп. и впредь повсягодно из годового дохода уделять половинное число”⁶⁴. Кроме того, общество бесплатно предоставило квартиры для учителей⁶⁵.

Обещанные городом деньги были внесены в Приказ в феврале 1787 г. в несколько измененном размере – 437 руб. 46 коп.⁶⁶. Однако уже 25 февраля симбирский городской магистрат то ли под впечатлением щедрости местного дворянства, “также соревнуя таким благодеяниям незабвенным”, то ли под новым нажимом Игельстрёма, решил, что установленных прежде отчислений на содержание училищ “из получаемой питейного дохода с прибыльной суммы денег половинного числа” недостаточно⁶⁷. Городскому обществу было предложено внести тысячу рублей “из присвоенных к городу доходов на сей 1787-ой год”⁶⁸. Правда, взносы по этой сумме длились довольно долго и окончательно она была выплачена только весной 1789 г.⁶⁹

24 марта 1787 г. первая часть взноса симбирского дворянства в размере 10 тыс. руб. была доставлена в Приказ общественного призрения⁷⁰. Вкупе с пожертвованиями городского общества и другими доходами Приказа это позволило вплотную подойти к устройству школ в административных центрах ряда уездов: “Приказ, таким подкреплен будучи благодеянием, нашел, что и малые народные училища в уездах могут быть открыты без излишнего отягощения общественной казны, почему и благоволил учредить оные в знатнейших Симбирского наместничества городах”⁷¹.

В некоторых источниках есть указания, что инициатором в деле открытия новых школ выступил не Приказ, а лично все тот же

генерал-губернатор⁷². В таком свете его обращение к дворянству и городским сословиям, да и давление на сам Приказ выглядят частями общего тактического замысла по накоплению денежных средств и подготовке почвы для расширения сети народных училищ в губернии. Игельстром достаточно уверенно выполнял установки императорского рескрипта от 12 августа 1786 г., разосланного всем генерал-губернаторам. В нем Екатерина II выражала уверенность, что ее наместники сумеют обеспечить “нужное сих училищ содержание без отягощения казны и без оскудения и для других полезных заведений”⁷³.

Однако внешне Игельстром обставлял собственные административные успехи как проявление активности общества и низовых звеньев местного управления. Он знал, что императрице будет приятно слышать не только и не столько о роли властей в школьном строительстве, сколько об общем энтузиазме и благодарности в ответ на ее стремления к распространению просвещения в стране.

Первоначально предусматривалось открытие школ в трех уездных городах наместничества, по два учителя в каждой⁷⁴. Для назначения на учительские должности в уездных школах были вытребованы шестеро казанских семинаристов, которые прибыли 17 февраля и сразу же приступили в главном народном училище Симбирска к освоению “способа учения”⁷⁵. Положительный и скорый ответ на данное требование был получен, во многом благодаря личному обращению генерал-губернатора к казанскому архиепископу Амвросию⁷⁶.

Кандидатуры будущих учителей были выбраны и одобрены ректором и префектом семинарии. На время обучения в главном училище им полагалось жалованье, выполнявшее роль стипендии, – 3 руб. в месяц⁷⁷. Расходы на их обучение и содержание брал на себя симбирский Приказ общественного призрения⁷⁸.

14 июня губернатор Баратаев в Приказе общественного призрения, председателем которого он являлся, ссылаясь на приказание Игельстрёма, отдал устные распоряжения о внесении изменений в первоначальный план учреждения малых училищ⁷⁹. Вместо ранее предполагаемых трех, они открывались в четырех уездных центрах губернии: “Сызране, Алатыре, Тагае и Ставрополе, определяя в оных в оба класса по одному учителю”⁸⁰, поскольку в таком случае учителей из расчета по два на каждую школу не доставало. Было решено поручить в каждом малом училище ведение

занятий в обоих классах одному и тому же учителю с жалованьем в 150 руб. Еще 60 руб. выделялось каждому училищу на содержание школьных зданий и другие нужды⁸¹.

Сначала 15 июня лично губернатор, а повторно 16 числа все члены Приказа и приглашенные почетные гости в присутствии директора экзаменовали лиц, подготовленных на учительские должности. Из них отобрали четверых для отправки в города губернии, где было назначено открытие малых училищ (Х. Воскресенского в Сызрань, П. Козмодемьянского – Ставрополь, П. Хворостова – Алатырь, Н. Комарова – Тагай)⁸², “снабдя их некоторым количеством нужных книг”. Среди них были уже взрослые люди. Хрисанфу Ивановичу Воскресенскому было около 32 лет, Николаю Аксентьевичу Комарову – 25, Петру Михайловичу Козмодемьянскому – 19⁸³.

“Июня 28-го дня все сии уездные города, коим жребий определил вкушать плод благоволения Ея Императорского Величества Екатерины II, в открытии народных училищ состоящий, не преминули торжествовать день сей с особенным расположением сердец”, – писал современник⁸⁴. Открытие малых училищ было назначено на указанный день, потому что на него приходилась годовщина восшествия Екатерины II на престол⁸⁵. К занятиям приступили в Тагае 6 чел., в Сызрани – 15, Ставрополе – 14, Алатыре – 28, а всего 63 ученика⁸⁶.

В возрастном отношении состав малых народных училищ несколько отличался от такового в главном. Учащиеся от 8 до 10 лет не составляли в них подавляющего большинства, как это было в младших классах Симбирской школы. Их было 16 из 40 первоклассников (40%) и 12 из 23 второклассников (52%). В уездных училищах гораздо большим, чем в губернском центре, оказалось число детей 6-7 лет, а именно 17 – в первом классе и 2 – во втором. Остальным ученикам было от 11 до 14 лет⁸⁷.

Жителям тех уездов, где малые народные училища еще не были устроены, рекомендовалось отдавать своих детей в уже существующие: Самарского уезда - в Ставрополь, Канадеевского - в Сызрань, Сенгилеевского - в Симбирск и т.д. Впрочем окончательный выбор оставлялся “на волю родителям, детей своих отдавать в которое училище сами изберут”⁸⁸. Правда, случаи обучения иногородних школьников в имеющихся у нас ведомостях не отмечены.

Малые училища включались в общую систему школ губернии, что подчеркивалось постоянным контролем за их деятельностью и

оказанием им помощи из губернского центра. 8 июля 1787 г. Приказ предложил директору “осмотреть малые народные училища”⁸⁹. Итогом стало доношение Соковнина в Приказ “о усмотрении им при обозрении в уездных городах в малых народных училищах недостатков, что есть в столах, в губках и в протчем”, с просьбой об их исправлении. В результате “все потребности, до училищ касающиеся, исправлены в тех же местах, а каких вещей отыскать было в уездных городах невозможно, по искуплении же в губернском городе отосланы в которое училище, что потребовалось”⁹⁰.

В мае 1788 г. по инициативе губернатора Баратаева, требовавшего соблюдения нормы Устава об осмотре малых народных училищ директором не реже одного раза в год, несмотря на болезнь директора Соковнина, Приказ предложил вместо него провести ревизию Тагайской и Алатырской школ учителю высших классов Симбирского училища Цветкову, а учителю Шутихину – Ставропольской и Сызранской школ⁹¹. Эти поездки, как и прошлые инспекции самого Соковнина, преследовали цели не только надзора, но и практической помощи малым училищам. Учителя главного училища отправились в уездные города, получив не только инструкции о ревизии, но и “потребное количество книг, разных экземпляров для снабдения оными те училища”⁹².

22 мая 1788 г. капитан А.П. Соковнин попросил по болезни отставку с должности директора симбирских народных училищ. Его обязанности временно были поручены учителю Цветкову⁹³. 23 сентября генерал-губернатор Игельстром на это место назначил служившего в казенной палате надворного советника Т.Г. Масленицкого, который 30 сентября приступил к новым обязанностям⁹⁴.

Подбор директора народных училищ был делом непростым. Требовались люди не только хорошо образованные, что само по себе было тогда довольно редким явлением для русской провинции, но и понимавшие необходимость просвещения, проявлявшие сами склонность к исследовательской и педагогической деятельности. К числу таких и относился Масленицкий. Его назначение стало настоящей удачей для развития народного образования в Симбирско-Самарском Поволжье. За плечами этого исключительно образованного и преданного делу науки и просвещения человека была долгая служба инженера-гидростроителя и чиновника, перевод на русский язык “Гидравлической архитектуры” Б. Белидора – популярного справочника и учебника, работа над “Топографическим

описанием Симбирской губернии” – сводом краеведческих сведений статистико-географического и историко-этнографического характера. Поставить столь грамотного и опытного администратора исключительно к делам по народному образованию губернское начальство не могло, и Масленицкий совмещал директорскую должность с другими служебными обязанностями⁹⁵. На время его длительного отсутствия по другим делам назначался исполняющий его обязанности (“правлящий над училищами директорскую должность”⁹⁶) из учителей старших классов главного народного училища или заседателей Приказа общественного призрения.

В том же году произошла и смена начальника Саратовских народных училищ. На эту должность вместо “директора губернского землемера Петра Исаевича Ханыкова” 3 августа вступил “Царицынской расправной судья Захар Острожский”⁹⁷.

Острожскому в то время было около 34 лет. Он происходил из малороссийской шляхты, был помещиком Саратовской губернии. В губернии этой появился по роду службы, которую начал в конторе опекунства иностранных, занимавшейся расселением немецких колонистов в Поволжье. На его назначение директором училища повлияло хорошее образование, которое он получил сначала в Петропавловской немецкой школе Петербурга, затем в Большой школе г. Дерпта в Прибалтике, а затем в одном из германских университетов, где он изучал медицину, юриспруденцию и философию⁹⁸.

Для содержания малых народных училищ в городах Симбирской губернии городничими и комендантами были выбраны смотрители “из граждан тех городов лучших людей”⁹⁹. В должности смотрителей на основании § 86 Главы 7 Устава 1786 года они были утверждены губернатором. В их числе оказались в Сызрани и Ставрополе купцы И.В. Кудряшев и С.П. Кузнецов, а в Алатыре и Тагае – мещане П.С. Ивакин и С.Г. Стаканов¹⁰⁰.

В литературе высказывалось предположение, но оно осталось без должной проверки, о том, что состав учащихся в малых народных училищах был “более демократическим”, чем в главном¹⁰¹. Если под этим подразумевается меньшая доля лиц привилегированных сословий и большая – сословий податных, то основания для изложенного предположения выглядят по Симбирской губернии не очень убедительно.

Дети дворян и офицеров (15 чел.) составляли 24% или почти одну четвертую часть воспитанников четырех малых народных

училищ Симбирской губернии, что очень мало уступает их доли в главном губернском училище, насчитывавшей, как уже указывалось, чуть менее 27%. Другая четверть учеников этих четырех училищ приходилась на сыновей нижних военных чинов (10 чел.), чиновников и канцеляристов (6 чел.). Более четверти школьников уездных городов были выходцами из мещан и других городских податных сословий (19 чел., или 30%), что в относительных числах меньше доли этих сословий в Симбирском училище, где их было до 37%. Еще меньшей, чем в главном, была в уездных училищах доля выходцев из дворовых людей (7 чел.) и государственных крестьян – пахотных солдат (1 чел.), а именно менее 13%. Совокупная доля дворовых и крестьян в главном училище составляла почти 36%. В отличие от главного народного училища в малых имелись также дети духовенства и церковнослужителей (4 чел.)¹⁰²

Наблюдались заметные отличия в составе учащихся по разным уездным городам. Так, в Сызрани дети дворян и офицеров составляли почти половину школьников (7 из 15 чел.) В Тагайском училище практически не было лиц городских сословий, и только один ученик происходил из мещан. Алатырь был единственным уездным городом, не считая губернского Симбирска, где в школе числились дворовые люди, составлявшие здесь четверть всех учащихся (7 из 28 чел.) и больше трети учеников второго класса (5 из 14 чел.) Лишь в Ставропольском училище в то время среди учеников имелись дети священнослужителей (3 чел.), в т.ч. сын местного протопопы. Малое количество детей иереев в светских школах объясняется наличием у духовенства традиционного домашнего обучения и сословных учебных заведений. По схожим причинам дети нижних армейских чинов составляли в уездных городах более заметную часть учеников по сравнению с Симбирском, где имелась для них отдельная гарнизонная школа.

Интерес представляет сравнение сословного состава учащихся в разных губерниях. В трех городах Ярославского наместничества (Ростов, Углич, Рыбинск) насчитывалось в 1787 г. 120 школьников. Среди них практически не было детей священнослужителей (всего 2 чел.), как и в симбирских училищах. Практически также не было дворян и офицерских детей (только 5 чел.), что объясняется более близким расположением этих трех городов к столицам, а следовательно и более благоприятными возможностями для устройства детей в закрытые дворянские учебные заведения или для отыскания домашних учителей. В старинных городах Ярославского

края торговое и ремесленное население преобладало над военно-служилым в отличие от городов близ юго-восточной границы России. В малых училищах Ярославской губернии большинство учащихся составляли дети купцов и мещан (66 чел.)¹⁰³

В приведенной ниже таблице даны сведения за первую половину 1787 г. о происхождении учеников в школах Симбирской губернии¹⁰⁴ и в Саратовском главном народном училище¹⁰⁵:

Классы	В пяти школах Симбирской губернии				В Саратовском главном народном училище			
	3	2	1	все	3-4	2	1	все
Происхождение								
Всего (чел.)	8	50	95	153	9	25	88	122
%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
в т.ч. дети:								
дворян и офицеров (чел.)	0	12	16	28	2	5	8	15
%	0,0%	24,0%	16,8%	18,3%	22,2%	20,0%	9,1%	12,3%
чиновников и канцеля- ристов (чел.)	2	6	11	19	6	1	7	14
%	25,0%	12,0%	11,6%	12,4%	66,7%	4,0%	8,0%	11,5%
священников и церков- нослужителей (чел.)	0	2	2	4	0	1	0	1
%	0%	4,0%	2,1%	2,6%	0,0%	4,0%	0,0%	0,8%
казаков, сторожей и проч. неподатных (чел.)	0	1	0	1	0	0	1	1
%	0%	2,0%	0%	0,7%	0%	0%	1,1%	0,8%
нижних военных чинов (чел.)	0	2	8	10	0	5	47	52
%	0%	4,0%	8,4%	6,5%	0%	20,0%	53,4%	42,6%
купцов, мещан и др. город. сословий (чел.)	6	18	26	50	1	3	9	13
%	75,0%	36,0%	27,4%	32,7%	11,1%	12,0%	10,2%	10,7%
крестьян (чел.)	0	1	2	3	0	2	0	2
%	0%	2,0%	2,1%	2,0%	0%	8,0%	0%	1,6%
дворян (чел.)	0	8	29	37	0	8	16	24
%	0%	16,0%	30,5%	24,2%	0%	32,0%	18,2%	19,7%
не указано (чел.)	0	0	1	1	0	0	0	0
%	0%	0%	1,1%	0,7%	0%	0%	0%	0%

Обращает на себя внимание уже отмечавшееся и объясненное выше преобладание в Саратовском училище детей нижних армейских чинов. При этом следует учесть, что еще до конца учебного полугодия и подачи использованной для наших подсчетов ведомости из этого училища 11 марта 1787 г. уже выбыли на военную службу с аттестатами об окончании различных классов школы 25 солдатских сыновей¹⁰⁶. Из них четверо оставили 1 класс, по одному – 3 и 4 классы, остальные – 2 класс, соответствующий уровню малого народного училища.

Для сравнения с количеством учащихся Саратовского училища в следующем 1788 г.¹⁰⁷ ниже приведены опубликованные в научной печати одновременные данные по главному народному училищу в Рязани¹⁰⁸:

Классы	В Саратовском главном народном училище				В Рязанском главном народном училище			
	3-4	2	1	все	3-4	2	1	все
Происхождение								
Всего (чел.)	12	33	60	105	36	61	70	167
%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
в т.ч. детей:								
дворян и офицеров (чел.)	1	4	4	9	9	11	15	35
%	8,3%	12,1%	6,7%	8,6%	25,0%	18,0%	21,4%	21,0%
чиновников и канцеляристов (чел.)	2	3	7	12	12	11	2	25
%	16,7%	9,1%	11,7%	11,4%	33,3%	18,0%	2,9%	15,0%
священников и церковнослужителей (чел.)	0	0	0	0	1	3	2	6
%	0%	0%	0%	0%	2,8%	4,9%	2,9%	3,6%
казаков, сторожей и проч. неподатных (чел.)	0	1	0	1	0	0	5	5
%	0%	3,0%	0%	1,0%	0,0%	0,0%	7,1%	3,0%
нижних военных чинов (чел.)	5	10	37	52	1	8	10	19
%	41,7%	30,3%	61,7%	49,5%	2,8%	13,1%	14,3%	11,4%
купцов, мещан и др. городских сословий (чел.)	1	3	0	4	3	5	8	16
%	8,3%	9,1%	0%	3,8%	8,3%	8,2%	11,4%	9,6%
крестьян (чел.)	0	1	0	1	2	5	6	13
%	0%	3,0%	0%	1,0%	5,6%	8,2%	8,6%	7,8%
дворовых (чел.)	3	11	12	26	8	18	21	47
%	25,0%	33,3%	20,0%	24,8%	22,2%	29,5%	30,0%	28,1%
не указано (чел.)	0	0	0	0	0	0	1	1
%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	1,4%	0,6%

По Саратову и Рязани более или менее близкими выглядят доли среди учащихся дворовых людей, детей чиновников и канцеляристов. По всем остальным сословиям расхождения являются очень существенными. Саратов опережает Рязань по абсолютной численности и доли детей нижних военных чинов, но заметно уступает как по количеству, так и проценту дворянских и офицерских детей, выходцев из духовного звания, городских сословий, крестьян.

Численность школьников в Рязанском главном народном училище сопоставима с вышеприведенной общей их численностью во всех школах Симбирской губернии. Можно заметить, что по этим двум регионам незначительно отличаются относительные и абсолютные общие числа дворян и офицеров, священников и церковнослужителей, чиновников и канцеляристов, хотя они могут разниться при распределении по классам. Намного больше в Симбирской губернии была численность и доля лиц городских

сословий среди школьников, зато заметно уступало Рязани количество среди них детей крестьян и дворовых, нижних военных чинов.

Возвращаясь к вопросу, где был более “демократичен” состав учеников, можно сделать вывод, что решить его однозначно на основании вышеприведенных цифр невозможно. К тому же и корректность постановки данного вопроса остается под сомнением. Зато выявляются некоторые общероссийские тенденции, свойственные разным регионам, столичным, губернским и уездным городам. Среди них следует отметить реальную всесословность народной школы, заложенную и реализованную в екатерининской реформе, и значительную долю непривилегированных сословий, особенно крепостных слуг среди учащихся народных училищ.

В связи с этим более определенно можно возразить на другое утверждение. В советской литературе некоторые авторы считали “высокий удельный вес детей дворовых и крепостных крестьян” в народных школах неожиданным, поскольку “устав этих школ не предусматривал принятие их (дворовых и других крепостных людей – Л.А.) в училище”¹⁰⁹. Однако Устав народных училищ не содержал никаких указаний на запреты или предпочтения по сословному признаку при приеме школьников. В его тексте вообще нигде не упоминались сословия, существовавшие в российском обществе. К тому же руководители школьного ведомства давали толкования Уставу только в духе всесословности обучения.

П.В. Завадовский, председатель Комиссии об училищах, согласно § 108 Устава 1786 года выполнявшей роль “Главного Правительства училищ в Российской Империи”, прямо писал, что “народные училища по самому своему названию суть такие места, которые назначены для образования юношества всякого состояния (сословия – Л.А.)”¹¹⁰. Еще более определенное мнение по вопросу об обучении дворовых и крестьян имел бывший директор петербургских училищ, а с 1786 г. сотрудник Завадовского по той же Комиссии О.П. Козодавлев. В одном из проектов Комиссии, им сочиненном и поднесенном в 1787 г. императрице, говорилось: “В древние времена, когда варварские законы лишали несвободных людей права человечества..., тогда и путь к приобретению просвещения затворялся им рукою жестокой власти. Но в просвещенный век ... не может путь к просвещению возбранен быть и несвободным людям, яко человекам и членам российского народа... Путь к просвещению отверзается каждому, лишь бы желающий просветиться был человек,

имеющий неповрежденный ум". В качестве наглядного примера Козодавлев напоминал о судьбе Ломоносова¹¹¹.

К сожалению, имеющиеся источники не уточняют, каким образом крепостные попадали в народные училища городов Поволжья. Бесспорно, что в подавляющем большинстве случаев этого не могло произойти без ведома хозяев или управляющих. Однако остается неясным, чья инициатива была преобладающей, самих ли дворовых, или их владельцев. По некоторым регионам отдельные сведения об этом встречаются, но они извлечены из вотчинных и личных дворянских архивов, а потому говорят только об определении зависимых людей в школы по воле помещиков. Так, в 1788 г. в Пермское главное народное училище из имений князей Голицыных было направлено 20 детей крепостных слуг. Они получали от вотчинной администрации этих имений на время учебы жалованье и жилье в городе¹¹². В начале 1789 г. граф А.Р. Воронцов, родной брат директора Петербургской Академии наук Е.Р. Дашковой и крупный помещик Тамбовской губернии, благодарил губернатора Г.Р. Державина за сведения о своих крепостных мальчиках, "кои обучаются в тамбовском народном училище"¹¹³.

Из приведенных выше таблиц видно, что в главных училищах и Симбирска, и Саратова, и Рязани проявлялась тенденция уменьшения численности учащихся в старших классах. Эта тенденция вызывалась далеко не учебными причинами, не трудностями освоения школьной программы. Один из наиболее осведомленных современников О.П. Козодавлев прежде всего обращал внимание на отсутствие установки у значительной части общества на продолжение образования в старших классах главного народного училища: "Родители и свойственники учащихся... почитают, что детям их нужны токмо предметы двух нижних классов, да и то по причине чтения и чистописания, а прочие науки почитают они бесполезными или по крайней мере не нужными"¹¹⁴.

То же негативное отношение к обучению в старших классах отмечалось в литературе по столичному Московскому главному народному училищу 1787-1788 гг. Правда, данному факту было дано весьма одностороннее в социальном плане объяснение: "Многие из крестьян и мещан не считали нужными продолжать обучение своих детей в старших классах..., вследствие этого два старшие класса были малолюдны"¹¹⁵. Источники не дают оснований для столь категоричного утверждения. О.П. Козодавлев, на собственном опыте прекрасно изучивший ситуацию в народных училищах, называл

совершенно иные сословные группы, пренебрегавшие возможностями образования в старших классах. Он показывал и подвергал осуждению превратные понятия о “полезности” образования, которые бытовали не в крестьянской или мещанской, а в дворянской и чиновной среде: “Всякий знает, что для снискания места в гражданской службе нужно одно токмо чистописание, почему и невозможно ожидать, чтоб многие детей своих посылали в высшие классы”¹¹⁶.

Словам Козодавлева можно найти подтверждение и в других материалах. Из приведенных выше таблиц видно, что доля дворянских и офицерских детей среди учеников старших классов в Саратове или Рязани почти не отличалась от их доли среди школьников в целом. В Симбирске первоначально в старших классах выходцев из этих сословных групп вообще не было.

Одной из главных проблем, стоявших перед директорами народных училищ, была финансовая. Она оказалась гораздо более серьезной, чем казалась при начале школьной реформы. Поток денежной поддержки, благотворительных взносов быстро мелел.

При открытии малых народных училищ Симбирской губернии было внесено “от доброхотных дателей” всего 88 руб. 13 коп. Эта сумма была составлена из следующих взносов по отдельным городам: Ставрополь – 17 руб. 35 коп., Тагай – 2 руб. 37 коп., Алатырь – 11 руб. 91 коп., Сызрань – 56 руб. 50 коп.¹¹⁷

В начале 1787 г. генерал-губернатор Игельстром разрешил Приказу требовать “чрез наместническое правление из получаемых уездными городами по городовому положению питейных с прибыльной суммы доходов”. Приказ тогда же обратился за своей частью доходов, но “оных денег не доставлено” было ни в этом году, ни в следующие¹¹⁸.

В 1788 г. Приказ решил снять с себя заботы о выплате жалованья учителям малых народных училищ. Городовое положение (ст. 152) предусматривало отчисление одного процента годового дохода от питейной продажи на народные училища, но реально эту сумму, поступавшую в казну органов местного самоуправления, те тратили на самые разные городские нужды. Приказ, исходя из этого, предписал ставропольскому коменданту, городничим тагайскому, алатырскому и сызранскому впредь требовать деньги на учительское жалованье от магистратов или городских дум из их средств¹¹⁹. Однако переложить расходы по содержанию училищ на небольшие и небогатые города не получилось.

Местные органы самоуправления отказались делать такие расходы, получив в этом поддержку наместнического правления, поскольку по указу от 8 января 1788 г. было запрещено городовым думах употреблять деньги из городских доходов ни на какие посторонние издержки. До этого “запретительного насланного из наместнического правления указа было получено от симбирского градского общества 1708 руб. 41,25 коп., от дум ставропольской 16 руб. 63 коп., сызранской – 62 руб., алатырской – 82 руб. 90,25 коп., тагайского городского магистрата – 7 руб. 43 коп., а всего 1871 руб. 37,5 коп. С тех пор, как констатировалось уже в 1791 г., “Приказ сей ни от которой думы на содержание училищ и ныне сумм не получает”. Учителям, что видно по документам, жалование продолжали высылать из Приказа, а не выдавали из средств местных органов управления¹²⁰.

Для сравнения можно указать, что при открытии малого народного училища в г. Великом Устюге (Вологодская губерния) было собрано 1660 руб. благотворительных взносов. Вместе с отчислениями из винной прибыльной суммы в этом городе на нужды училища составил капитал, насчитывавший в 1795 г. 3700 руб., а в 1804 г. – 4700 руб. Проценты с этого капитала и позволяли содержать малое училище¹²¹.

Малые же училища Симбирской губернии могли существовать только на средства Приказа общественного призрения. При этом было “должно употребляться по статуту, изданному ... при Уставе народных училищ, то есть на жалование учителям и директору, на содержание домов и библиотеки в каждый год по 2990 руб., в которое число за неимением других доходов в Приказе, как только с розданных в ссуду процентов итого в год приходит не более как 800 руб., употребится из настоящей капитальной суммы, которая год от году может совершенно истощиться”¹²². Это означало, что Приказу приходилось тратить не только проценты со своего основного капитала, но и сам основной капитал.

Расходы Приказа общественного призрения увеличивались не только, когда открывались новые училища, но и когда выявлялись обстоятельства, затруднявшие работу уже существующих учебных заведений. Особенно остро вставала проблема помещений для работы школ, непродуманно отодвинутая на задний план при начале реформы. Так, ни в одном из уездных городов Симбирской губернии не удалось первоначально найти за подходящую цену наемные дома под школы и жилье учителям. Городничими помещения, чтобы

занятия начались в установленный срок, были “отведены у обывателей” в принудительном порядке в рамках несения жителями квартирной повинности¹²³. Лишь позднее для школ были наняты дома, находившиеся, как и было положено, “в близости приходских церквей”¹²⁴. Однако избавление от тяготившего жителей училищного постоя пришло не само по себе.

В Ставрополе хозяин отведенного под училище дома в 1788 г. просто продал его другому горожанину, у которого была большая семья. Проводить занятия в этом помещении из-за тесноты стало невозможно, и комендант Цызырев предложил принять условия секретарши Конковой, согласной сдать дом под училище за 1,5 руб. в месяц. Приказ общественного призрения попенял коменданту, что раз народные училища заведены “ко всенародной пользе”, а в Приказе на их содержание “состоит немалой в деньгах недостаток”, то следовало бы под училище бесплатно “отвести хорошую обывательскую квартиру”. Только если таковой не отыщется, то Приказ соглашался на найм, но требовал от городничего “склонять секретаршу за дом на понижение цены”. В итоге этот дом был снят под училище за 1,3 руб. в месяц¹²⁵. Согласия Конковой на сдачу дома под школу и уступки в цене с ее стороны, видимо, удалось добиться не без личных связей, поскольку она оказалась тещей учителя Козмодемьянского¹²⁶.

В том же 1788 г. в Алатыре встал подобный вопрос, когда учитель главного училища Цветков, осмотревший местную школу, нашел отведенную под нее квартиру неподходящей. По требованию Приказа, городничий сумел отвести под занятия временно другую квартиру, но постарался подыскать какое-либо уже имеющееся казенное строение под постоянное помещение училища. Найденное в итоге здание было признано ветхим, но еще годным для школьных занятий¹²⁷.

Ситуация с помещениями для школ не отличалась в разных регионах. В северных губерниях Новгородской, Псковской, Вологодской, Архангельской и Олонецкой большинство малых училищ также разместились “в обывательских домах по найму или в виде казенного поста”¹²⁸. Если же под школу на постоянной основе и предоставлялись отдельные помещения, то это были такие здания, как, например, в Великом Устюге, где училищу отдали “старое заброшенное строение в Архангельском монастыре”¹²⁹.

Проблемы с помещениями стояли не только перед малыми, но и перед Симбирским главным народным училищем. Первый же

дополнительный январский прием в симбирское училище в 1787 г. привел к тому, что “ощутилась приметная теснота в классах”. Генерал-губернатор предписал Приказу начать строение нового каменного здания “по плану, нарочито для сего сделанному по его ж приказанию” губернским архитектором И.П. Тоскани. 11 июня симбирские купцы А.С. Борисов и И.Н. Данилов предложили построить дом главного училища за 17385 руб. “своими материалами и рабочими людьми”¹³⁰.

Предложение купцов было передано генерал-губернатору. Последний оставил решение о выгодности этого предложения на усмотрение Приказа, который с ними согласился и заключил договор на строительство¹³¹. 7 июля “положено основание училищному каменному дому с обыкновенною духовных особ церемониею и в присутствии всех граждан”¹³².

Так вкратце выглядела история с началом строения здания училища в изложении чиновников Приказа общественного призрения. Она достаточно точно передает последовательность событий. При этом умалчивалось об одном – попытке Приказа растянуть это дело на неопределенный срок, что выразилось в предложении генерал-губернатору не торопиться со строительством, а первоначально утрясти денежные дела Приказа, провести постепенную заготовку строительных материалов, пусть медленно, но зато добываясь самых дешевых цен, выбрать удобное время для поиска более выгодного подрядчика. На эти доводы последовала жесткая и однозначная реакция генерал-губернатора и Приказу было велено “выполнить данное о построении дома предложение без всякого отлагательства”¹³³. Который уже раз принципиальные и решительные шаги в деле народного образования предпринимались в Симбирске именно по инициативе и под нажимом высшего должностного лица, а не учреждения, собственно предназначенного для деятельности в области просвещения.

Были и случаи, когда, кроме собственно школьных дел, сам Приказ общественного призрения брал на себя заботу о других способах “к расширению пределов ума”. Так он принял “на свое попечение книжную от компании лавку, в смотрении здесь у господина полковника Ивана Петровича Тургенева находящуюся”, заключив с последним 29 апреля 1787 г. соответствующий контракт¹³⁴.

В контракте предусматривалось, что компания в качестве “благодетеля училищу” снижает ему на четверть книжные цены. В

свою очередь Приказ по этому договору обещал завести в училище библиотеку, для которой уже в июне закупил некоторое количество книг¹³⁵.

Соглашение с книготорговой компанией приносило пользу не только училищу. Оно в целом стимулировало продажу литературы в провинции, благодаря появлению оптового покупателя. Однако всеми необходимыми книгами симбирские торговцы снабдить училище не могли, поэтому в декабре Приказ послал в Санкт-Петербург своего секретаря Е. Высоцкого, снабдив его суммой в 2,5 тыс. руб., “для закупки книг и прочих нужных инструментов”¹³⁶. Эти деньги являлись очередным взносом симбирского дворянства на содержание народных училищ в счет обещанных 20 тыс. руб. и были получены Приказом 7 декабря 1787 г.¹³⁷

Вернулся Высоцкий только в марте 1788 г. Принято от него было в библиотеку главного училища книг на 1011 руб. 51 коп.¹³⁸

Часть привезенных книг была отправлена в уездные школы, о чем уже просили их учителя, испытывавшие недостаток в учебниках и пособиях. Так, смотритель Тагайского училища в январе 1788 г. сообщал о нехватке различных учебных изданий: “пространных катехизисов, священной истории, арифметики..., таблиц церковной и гражданской печати”¹³⁹.

Всего в Симбирское главное училище с момента открытия до декабря 1788 г. поступило “разных учебных книг” на сумму в 1664 руб. 20 коп., в т.ч. из них было отправлено в малые училища Симбирской губернии на 664 руб. 20 коп., в Уфимскую губернию на 238 руб. 48 коп., осталось в губернском городе на 788 руб. 93 коп. Хотя книги ученикам выдавались не бесплатно, но те начинали пользоваться ими с самого начала занятий еще до внесения денег. Последующий сбор платы за учебники представлял трудную задачу, помогать в решении которой учителям и смотрителям приходилось городничим и комендантам уездных городов¹⁴⁰. В губернском Симбирске взысканием денег с не расплатившимися по книгам лицами занималась Управа благочиния, то есть полицейское ведомство¹⁴¹.

Наблюдение за образовательными учреждениями, соответствующей деятельностью директора народных училищ или Приказа общественного призрения осуществляли не только руководители местной администрации, но и прибывавшие в губернию столичные сановники. 6 мая 1787 г. Симбирское главное училище посетили сенаторы А.Р. Воронцов и А.В. Нарышкин. Увиденным они остались

довольны, а встреча, им оказанная, с приветственными речами учеников в каждом классе была вельможным “любителям просвещения не противна”, о чем они отзывались как устно, так и письменно: “Осматривая заведения Приказа общественного призрения и народные училища нашли мы оные на довольно изрядной ноге; все сие приписываем неусыпному старанию и попечению Правителя губернии”¹⁴².

13 мая оба сенатора осмотрели главное народное училище в Саратове. Их сопровождал правитель наместничества, а “при входе сих посетителей на крыльцо училища говорил речь высших классов учитель Андрей Шестаков”¹⁴³.

По уже сложившейся традиции высоких гостей приветствовали речами и сами ученики. Среди них были уже выступавшие во время публичных январских экзаменов купеческий сын Иван Власов и офицерский сын Николай Мальцов, а также шестилетний первоклассник Петр Образцов, сын капитана, характеризовавшийся как “слабый” по способностям, “средственного” прилежания, но хорошего поведения¹⁴⁴.

После январских экзаменов 1788 года впервые в Симбирском главном училище был открыт 4-й класс “с духовною церемониею, молебствием и водоосвящением”¹⁴⁵. Однако в училище так и не началось преподавания рисования и иностранного языка “по недостатку суммы”¹⁴⁶. Зато обучение в малых народных училищах губернии включало некоторые предметы, не предусмотренные в программе первых двух классов: латинская грамматика, поэзия, философия, риторика, география, греческий язык¹⁴⁷.

В четвертом классе одна половина учеников имела возраст от 12 до 14 лет, другая – 15 лет и старше. Также ровно половина приходилась на детей, чьи родители имели классные чины на военной (4 чел.) или гражданской службе (4 чел.), то есть принадлежали к привилегированной части провинциального общества, а половина – на сыновей нижних армейских чинов (4 чел.), горожан купеческого и мещанского сословий (3 чел.), дворовых (1 чел.)¹⁴⁸.

Первые итоги усилий властей и общества в развитии системы образования всей России были подведены в докладе Комиссии об учреждении народных училищ, поданном на имя императрицы в октябре 1788 г. К нему был приложен обстоятельный перечень школ, подведомственных Комиссии, с показанием числа учеников и учителей в них, включая получившие официальное признание домашние училища и частные пансионы¹⁴⁹.

Эти статистические сведения, несмотря на время подачи их Комиссией, относятся к более раннему периоду и в основном фиксируют ситуацию не на осень, а на середину 1788 г., поскольку составлены на основании ведомостей за первую половину года. Так, именно с такими полугодовыми ведомостями от Симбирской губернии совпадают приведенные в докладе цифры по школам данной территории. 125 учеников занималось в Симбирске (рост на 38,9% по сравнению с серединой 1787 г.), 18 – в Сызрани (на 20%), 14 – в Ставрополе (та же численность), 34 – в Алатыре (рост на 21,4%), 22 – в Тагае (рост на 266,7%), а всего в Симбирской губернии - 213 чел. (на 39,2% больше, чем в 1787 г.)

В Саратовской губернии отмечена обратная тенденция. За период с июля 1787 г. по июль 1788 г. год количество учеников в единственном здешнем училище сократилось со 122 до 81, то есть на треть.

Всего же в отдельных народных училищах как Симбирской и Саратовской, так и ближайших Пензенской и Казанской губерний в середине 1788 г. насчитывалось учителей и учеников:

Тип училища	Город	учителей (чел.)	учащихся (чел.)
Главное	Саратов	4	81
Главное	Пенза	4	190
Малое	Саранск	1	45
Главное	Симбирск	4	125
Малое	Сызрань	1	18
Малое	Алатырь	1	34
Малое	Ставрополь	1	14
Малое	Тагай	1	22
Главное	Казань	4	154

В докладе Комиссии справедливо указывалось на то, что “паче прочих процветают училища в губерниях Новгородской и Тверской, Рязанской и Тамбовской, а за оными в Ярославской, Вологодской и Курской; во первых старанием управляющих сими губерниями, а потом и тщанием избранных от них к училищам директоров”¹⁵¹. По нашим подсчетам, это действительно были губернии с наивысшими, не учитывая столичные регионы, показателями для страны: от 6 до 12 народных училищ, в них 10 и более учителей и от 345 до 642 учащихся. По числу учителей и учеников им не уступали показатели Пермской губернии, но в ней училища имелись только в двух крупных городах, Перми и Екатеринбурге. Основные цифры из доклада Комиссии и подсчеты, сделанные на их основании по России в целом и ее отдельным губерниям, представлены ниже в следующей таблице:

Местонахождение народных училищ (первая половина 1788 г.)	число учи- лищ	% от числа народ- ных училищ	учи- телей (чел.)	% от учите- лей на- родных училищ	уча- щихся (чел.)	% от учени- ков на- родных училищ
1 В Санкт-Петербургской губернии ¹⁵⁰	24	17,8%	79	25,7%	2801	27,5%
2 В Московской	14	10,4%	22	7,5%	945	9,6%
3 В Новгородском наместничестве	8	6,0%	13	4,5%	624	6,3%
4 В Тверском	7	5,2%	13	4,5%	507	5,1%
5 В Псковском	4	3,0%	7	2,4%	209	2,1%
6 В Смоленском	3	2,2%	6	2,1%	268	2,7%
7 В Тульском	2	1,5%	6	2,1%	234	2,4%
8 В Калужском	3	2,2%	8	2,7%	247	2,5%
9 В Орловском	3	2,2%	7	2,4%	338	3,4%
10 В Курском	7	5,2%	11	3,8%	358	3,6%
11 В Воронежском	1	0,7%	4	1,4%	119	1,2%
12 В Тамбовском	6	4,5%	11	3,8%	345	3,5%
13 В Рязанском	12	9,0%	19	6,5%	458	4,6%
14 Во Владимирском	1	0,7%	4	1,4%	134	1,4%
15 В Костромском	1	0,7%	4	1,4%	124	1,3%
16 В Ярославском	9	6,7%	18	6,2%	411	4,2%
17 В Вологодском	6	4,5%	10	3,4%	221	2,2%
18 В Архангельском	3	2,2%	8	2,7%	142	1,4%
19 В Олонекском	4	3,0%	7	2,4%	173	1,8%
20 В Нижегородском	4	3,0%	10	3,4%	263	2,7%
21 В Пензенском	2	1,5%	5	1,7%	235	2,4%
22 В Симбирском	5	3,7%	8	2,7%	213	2,2%
23 В Казанском	1	0,7%	4	1,4%	154	1,6%
24 В Вятском	2	1,5%	7	2,4%	147	1,5%
25 В Пермском	2	1,5%	12	4,1%	419	4,2%
26 В Саратовском	1	0,7%	4	1,4%	81	0,8%
Итого народных училищ	135	100%	307	100%	10170	100%
В различных городах пансионы и домашние училища немецкие или русские	30	22,2%	87	28,3%	988	9,7%
Всех учебных заведений под ведени- ем или контролем Комиссии об уч- реждении народных училищ	165		394		11158	

Вместе с тем Комиссия обращала внимание и на очевидные недостатки в деле организации училищ “в губернии Московской, изю всех богатейшей, едва и в половине городов оные заведены, да и в самой Москве малых и народных училищ, да и то не самым лучшим образом содержимых, считается только шесть, число ни пространству, ни многолюдству города не соответствующее”¹⁵². Еще менее удачным был опыт ряда других регионов, к числу которых можно отнести Саратовскую губернию. Единица в графе числа школ означает существование только главного училища, открытого по прямому указанию верховной власти и усилиями прежде всего столичной училищной Комиссии. Эта цифра указывает на полное

отсутствие инициативы местной администрации и городских обществ в школьном деле.

Впрочем доклад самой Комиссии прямо не давал оценок школьному делу в поволжских губерниях, поскольку его аналитическая часть была составлена в основном по результатам осмотра народных училищ Северо-Запада и Центра России, то есть территорий, прилегающих к столичным городам. Этот осмотр произвел О.П. Козодавлев, освобожденный от непосредственного руководства петербургскими школами и полностью переключившийся на работу в самой Комиссии об учреждении училищ.

Несмотря на то, что инспекция Козодавлева не охватила все регионы, она показала некоторые общероссийские проблемы, проявившиеся и в Поволжье. Это заставляет внимательно обратиться к ее результатам.

Среди подвергавшихся проверке вопросов, наряду с общими методическими или кадровыми, ставились вопросы социального порядка, демонстрировавшие верность идее максимальной доступности образования в школьной политике. Вызывает в связи с этим внимание следующий пункт в инструкции, данной Козодавлеву: “Смотреть, все ли ученики снабжены книгами, и как бедные ученики достают оные: буде получают оные от Приказа общественного призрения безденежно, то отобрать списки... , наведываясь притом у учителей, получили ли дети сии книги действительно”. Запрещалась также продажа учебных книг сверх установленной Комиссией цены. Книгопродавцы должны были быть удовлетворены уступкой в 20%, которую получали от Комиссии оптовые покупатели ее учебной продукции¹⁵³.

В своем окончательном отчете Козодавлев предложил еще более льготные меры по отпуску на места учебных книг, нежели предписывались ранее. В частности речь шла о том, что в силу финансовых затруднений Приказов общественного призрения следует предоставлять им не только скидки по цене учебников, но и рассрочки по оплате их стоимости¹⁵⁴. Комиссия выразила согласие на то, чтобы “высылать Приказам учебные руководства в долг”¹⁵⁵.

Среди отмеченных в отчете Козодавлева недостатков были названы также продолжающаяся практика домашнего обучения церковнослужителями, недостаточное обеспечение уездных училищ из средств городских общин, низкое число малых училищ и учащихся в них¹⁵⁶. Замечания, представленные в отчете Козодавлева, если их сопоставить с представленным в данной работе материалом, могут

быть отнесены к училищам Симбирской и Саратовской губерний, хоть и в разной мере.

Развитие школьного дела в Саратовской губернии шло не очень удачно, судя уже по отсутствию иных народных училищ, кроме главного в губернском городе. Данные же по Симбирской губернии на общероссийском фоне немногим уступали показателям числа училищ и учителей в Вологодском или Тамбовском наместничествах, которые Козодавлев и Комиссия народных училищ называли среди лучших. По этим двум позициям Симбирская губерния опережала всех своих ближайших соседей – губернии Саратовскую, Казанскую, Пензенскую, немного уступая, правда, последней по количеству учащихся. Как было показано выше, за прошедший год в губернии была неплохая динамика роста числа учащихся (почти на 40%).

Удачи в школьном деле были налицо. Трудности еще не заслонили их. Из доклада Комиссии народных училищ, поданного в октябре 1788 г. видно, что недостатки в развитии народного образования пока казались результатом всего лишь недостаточного рвения на местах: “И если бы повсюду ревность исполнения подкрепляла благое дело, просвещение народное уже бы в России восходило на лучшую степень”¹⁵⁷.

§2. РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В 1789-1790 ГГ.

Императрица и Комиссия народных училищ были готовы придать реформе новый импульс. Успехи первой волны массового устройства училищ позволили Комиссии с оптимизмом смотреть на привлечение к этому делу дополнительно 16 губерний.

Еще в 1786 г. для губерний, не вошедших в список тех, где открывались первые главные народные училища, Комиссия Заводовского просила императрицу “о повелении выслать из духовных семинарий сто человек учащихся для обучения и образования их в Санкт-Петербургском главном народном училище”. Она заверяла, что из оставшихся “в здешнем же Главном училище казенных студентов, кои не совершили еще своего учения, и из вновь присылаемых” она “назначать будет по мере успевших и учение совершивших в учителя для наместничеств, так что и в остальных могут быть открыты главные народные училища чрез короткое время”¹⁵⁸.

Как и было обещано, для новой очереди подключавшихся к реформе регионов было подготовлено еще 100 учителей, о чем

сообщалось в октябрьском докладе 1788 г. на имя императрицы¹⁵⁹. Их ожидали губернии Выборгская, Ревельская, Рижская, Полоцкая, Могилевская, Новгородская-Северская, Черниговская, Киевская, Харьковская, Екатеринославская, Кавказская, Уфимская, Колыванская, Тобольская, Иркутская, область Таврическая, а также земля донских казаков¹⁶⁰. В том же докладе говорилось, что “от Вашего Императорского Величества на сей раз испрашивает Комиссия токмо, дабы высочайше повелено было управляющим оными губерниями к открытию в них главных народных училищ сперва все нужное по содержанию их приуготовить, а потом оные действительно открыть теми учителями, коих Комиссия с нужными книгами и прочим немедленно ... отправит к ним”¹⁶¹. На доклад Комиссии последовал 3 ноября 1788 г. императорский указ, придавший положениям этого доклада силу закона¹⁶².

Для генерал-губернатора Игельстрома, показавшего столь заметную активность при насаждении народных училищ в Симбирском наместничестве, стояла задача проявить эту активность во второй из подведомственных ему губерний – Уфимской, которая только входила в школьную реформу. Надо отдать ему должное, к этому шагу он стал готовиться заранее до официального решения о расширении сферы действия реформы.

В целях материального обеспечения училищ еще одной губернии генерал-губернатор добился указа Сената о передаче на их содержание части поступлений “по Уфимской губернии в пользу городов с прибыльной питейного дохода суммы, также с привозимых и отвозимых товаров дохода”¹⁶³. Весной 1788 г. Игельстром затребовал из Казани 8 семинаристов для подготовки к учительским должностям в Симбирском главном училище, но на этот раз для школ Уфимского наместничества¹⁶⁴. Чтобы не терять времени, дожидаясь подготовки этой группы, было решено в первую очередь отправить в Уфу двух студентов предшествующего набора, которые остались после распределения учителей по уездам Симбирской губернии¹⁶⁵. Их снабдили “нужными ко открытию на первой случай книгами ... с заплаотою от Уфимского Приказа” общественного призрения. Выплату жалованья, размером в 3 руб. в месяц, для содержания будущих учителей также возложили по месту их будущего назначения на Уфимский Приказ¹⁶⁶.

Указанного жалованья едва хватало на жизнь. Выданное в мае 1788 г. по прибытии семинаристов в Симбирск за два месяца вперед “для необходимых надобностей”¹⁶⁷, оно скоро было израсходовано.

Студенты просили вновь выдать его за следующие два месяца вперед же. Им пошли навстречу, “чтоб они в пропитании себя не имели нужды”¹⁶⁸.

Обучение будущих преподавателей малых народных училищ вел в Симбирске учитель старших классов Цветков. Он же рапортовал в январе 1789 г., что из упомянутых восьми семинаристов шестеро “должное им учение окончили и должность свою с похвалою могут отправлять”. Двое же по болезни сильно отстали от остальной группы, что не позволило их аттестовать вместе с товарищами. В дальнейшем предполагалось, что они оба после окончания учения, за что продолжал нести ответственность тот же Цветков, могут заменить тех учителей в уездных городах, которые оказались неспособными к педагогической деятельности¹⁶⁹. Например, доходили сведения, что в Тагае и Алатыре учителя “поведением не соответствуют званию учительскому и нарушают правило честности”¹⁷⁰. Пока же не было готово замены провинившимся, то тамошние городничие должны были позаботиться “о неослабном смотре за ними, чтоб они находились как в преподавания учения юношеству, так и в поведении в сходственность Устава народных училищ”¹⁷¹.

Всего же в главном народном училище Симбирска за 1787 и 1788 гг. было подготовлено 12 учителей для школ своей и Уфимской губерний. Все они были аттестованы как знающие латинскую грамматику и синтаксис, поэзию, риторику, арифметику, географию, христианский закон, философию, греческий язык и учебные предметы I и II классов малых народных училищ. В Уфимский Приказ общественного призрения подготовленные здесь учителя были отправлены 22 июня 1788 г. и 20 января 1789 г.¹⁷²

Отличием проведения реформы в южноуральском регионе, которое бросалось в глаза, стало создание нескольких малых народных училищ в уездных приуральских городах даже раньше главного народного училища в Уфе. Первоначально в губернском городе 14 сентября 1788 г. было открыто малое народное училище, которое 10 июля 1789 г. было преобразовано в главное народное¹⁷³. Малые училища в уездных Мензелинске и Челябинске стали работать уже с 21 апреля, а в Оренбурге с 29 июля 1789 г.¹⁷⁴. На открытии главного Уфимского училища присутствовал губернатор генерал-майор Александр Александрович Пеутлинг, который затем прибыл и в Оренбург, где также присутствовал при открытии училища уже вместе с генерал-губернатором Игельстромом и “с тамошним

генералитетом и прочими воинскими и гражданскими чиновниками”¹⁷⁵.

В Оренбург при открытии школы были переведены учителя первоначального малого народного училища из Уфы, подготовленные в Симбирске. В Уфу же для главного училища прибыли новые учителя, обученные в Петербургской учительской семинарии. Там им пришлось столкнуться с серьезными бытовыми трудностями: “Четверо из учителей Главного Народного училища по прибытии своем в Уфу должны были 4 месяца жить на квартире в одной малой избе, потом в двух небольших покоях, далее трое в неспособном одном, после каждый имел по комнате, а напоследок два старших одну”¹⁷⁶.

Первоначально исполнять обязанности директора народных училищ Уфимской губернии был временно назначен один из двух дворянских заседателей здешнего Приказа общественного призрения секунд-майор Сергей Васильевич Иглин¹⁷⁷. Недолгое время эту должность занимал надворный советник Гагемейстер¹⁷⁸. 12 ноября 1789 г. уже постоянно директором уфимских училищ определили бывшего до того адъютантом при генерал-губернаторе капитана Федора Федоровича фон Кабрита¹⁷⁹. Капитан Кабрит был потом назначен советником Казенной палаты в чине коллежского асессора. Как считали современники, “новая должность уже препятствовала ему заниматься делами училищными”, да и сам он предпочитал службу в казенной палате деятельности по школьному ведомству¹⁸⁰.

Выбор Оренбурга, Челябинска, Мензелинска для устройства уездных школ Уфимской губернии не был случаен. Считалось, что “города сии, имея между собою значительные расстояния от 300 до 900 верст и почитаясь в числе лучших городов губернии, конечно могли быть способнейшими и приличнейшими местами для народных училищ, скорее способствовать распространению народного просвещения и образованию юношества и след[овательно] соответствовать предмету учреждения училищ”¹⁸¹. Самыми многочисленными в губернии были главное училище в Уфе и малое – в Мензелинске, в которые при открытии были зачислены соответственно 134 и 101 чел.¹⁸²

Несомненно быстрому устройству сразу нескольких вышеупомянутых училищ Южного Урала помог организационный опыт и кадровый потенциал, накопленные при осуществлении школьной реформы в Симбирской губернии. Как сообщалось в ведомостях о школах Уфимской губернии, “все учителя главного

народного училища, выключая учителя татарского языка, быв собраны из разных духовных семинарий, обучались в Санкт-Петербургской учительской семинарии..., малых народных училищ учителя, быв вытребованы из Казанской духовной семинарии до открытия еще здесь главного народного училища, наставляемы были учебному способу в Симбирском главном народном училище”¹⁸³.

Среди тех, кто таким образом стал одним из первых учителей в городах Южного Урала, были не только выпускники упомянутого училища, но и уроженцы Симбирской губернии. Так, сын священника из Сызрани Алексей Адоратский был определен учителем 2 класса в Челябинске, а такого же класса в Мензелинске – Василий Топорнин, “Симбирского наместничества Канадейской округи села Топорнина диаконский сын”¹⁸⁴. Остальные были детьми священников различных сел и уездов Казанской губернии.

Подготовка учительских кадров в Саратовском училище не приняла такого масштаба, как в Симбирске, прежде всего из-за того, что в самой губернии не открылись малые училища, а для соседних губерний здесь также никого готовили. Единственным учителем, получившим здесь профессиональные навыки и знания стал Дмитрий Федоров. Для учителей первых русских общеобразовательных школ его биография была весьма необычной. Он происходил “из священнических детей”, но не имел за собой семинарии, а “обучался до вступления в учительскую должность у разных партикулярных людей немецкому языку, российской грамматике, чистописанию, арифметике и рисованию, и бывши наставлен методу преподавания учения в Саратовском главном народном училище поступил в оное учителем 1789 декабря 31-го”. В год начала учительской службы ему было около 38 лет, из которых он 10 лет провел в армии солдатом Моздокского мушкетерского полка, а 5 лет – на канцелярской службе¹⁸⁵.

Последним местом службы Д. Федорова до перехода в училище была должность столоначальника Саратовской казенной палаты. Он заменил в качестве учителя первого класса и рисования В. Решетникова, который, покинув школу, “выбыл в уездные землемеры”¹⁸⁶.

Главные училища должны были служить образцом и местом подготовки кадров не только для малых народных училищ, но и для других учебных заведений, например, военного ведомства. Так, по отсылке на учительскую работу из Симбирска бывших семинаристов продолжали проходить в училище этого города общеобразовательную и педагогическую подготовку солдаты Симбирского батальона,

которые должны были получить знания для того, чтобы в будущем обучать своих однополчан¹⁸⁷. Они появились здесь 14 февраля 1787 года, когда симбирский комендант Чуфаровский “для заведения порядка школьного и способа народного в преподавании учения по силе Устава о народных училищах в гарнизонной школе прислал из оной четырех человек”, которых определили в первый класс училища¹⁸⁸.

В конце 1790 г. “того ж баталиона три человека солдат Михаила Федоров, Яков Сурков и Андрей Жаринов, окончив учебные предметы IV класса”, занимались повторением и готовились к занятию учительских должностей¹⁸⁹. В связи с необходимостью выдачи для их занятий учебников “каждому по одному экземпляру грамматики российской, географии российской, географии вообще, 1-й части геометрии, архитектуры, механики, физики и естественной истории обеих частей” учитель главного народного училища Цветков просил разрешения снабдить указанных солдатских детей этими пособиями бесплатно из-за бедности родителей в соответствии со 103-й статьей Устава народных училищ, предусматривающей обеспечение книгами “неимущих учеников безденежно”. Однако Приказ принял точку зрения, изложенную в рапорте директора Масленицкого, “что означенные солдатские дети отданы из баталионной школы не иначе, как по воле баталионного командира для общей той школы пользы, да и школа оная состоит на особом праве, а не под ведением Приказа, где на обучение таковых учеников чаятельно имеется сумма”. По изложенным причинам Приказ отказался предоставлять просимые учебники бесплатно и предложил потребовать “наперед от баталионной школы или командира потребное число денег”¹⁹⁰.

В ведении губернского Приказа общественного призрения числилась и калмыцкая школа в Ставрополе. В Приказ постоянно присылались войсковой канцелярией рапорты и ведомости о состоянии этой школы, ее учителях, учениках, служителях¹⁹¹. Без ведома Приказа не разрешалось забирать из школы учащихся в другие заведения и в службу¹⁹². Однако в организационном и в методическом отношении она реально не контролировалась губернским школьным начальством до тех пор, пока летом 1789 г. войсковая канцелярия Ставропольского калмыцкого войска сама не попросила Приказ принять в Главное училище Симбирска предварительно выбранных Масленицким двоих учеников местной калмыцкой школы Н. и В. Ягодинских “для обучения изданным

правилам". Приказ объявил канцелярии, что "для приготовления и обучения учебных предметов и нормальных правил"¹⁹³ та может прислать столько учеников, "сколько ей рассудится и нужно будет", и подчеркнул, что ему "приятно видеть желание калмыцкой войсковой канцелярии и во исполнение монаршей воли введением в сию школу нормального учения"¹⁹⁴.

Братья Ягодинские происходили из детей церковников. В 1790 году они одновременно проходили предметы II класса и обучались "учительским должностям для малых народных училищ"¹⁹⁵.

Шагом к установлению единообразия в обучении был также переход учеников калмыцкой школы на учебники, разработанные для малых народных училищ. Известно, что уже в 1789 г. канцелярия Ставропольского калмыцкого войска переводила в Приказ общественного призрения деньги за книги, проданные подведомственным ей ученикам¹⁹⁶.

Перевод ведомственных школ на "способ учения" и учебники народных училищ соответствовал общероссийской тенденции. Сама Комиссия народных училищ отправляла подготовленных ею учителей не только в народные училища, но и другие учебные заведения. Так, в октябре и декабре 1788 г. такие учителя были отосланы в Санкт-Петербургскую и Киевскую духовные академии, Могилевскую духовную семинарию и Колывано-Воскресенское горное училище по просьбе начальства этих заведений¹⁹⁷.

Кроме казенных военных и национальных школ власти попытались установить контроль за традиционной религиозной мусульманской школой. Еще в сентябре 1785 г. Екатерина II отдала распоряжение Игельstromу при построенных в Оренбурге и Троицкой крепости мечетях устроить школы по образцу казанских¹⁹⁸. В ноябре 1786 г. она уточнила, чтобы в этих школах ввели учение по правилам, заимствованным из Устава народным училищам, и при содействии Комиссии об учреждении училищ¹⁹⁹.

Обращение Игельstromа в Комиссию Завадовского в декабре 1786 г. с просьбой о распоряжениях по введению "нормального" обучения в школах для киргизов (так называли казахов – Л.А.) и о переводе для них в Комиссии нужных книг осталось без исполнения²⁰⁰. Перевести учебники и руководства на язык, понятный киргизам, Комиссия об учреждении училищ оказалась бессильной.

В итоге в 1789 г. была открыта только одна школа в Оренбурге для детей казахов Малого Жуза. Ввести современный "способ учения" здесь не удалось за отсутствием опыта его внедрения в

мусульманскую тюркоязычную среду. Учителями стали казанские муллы, отличавшиеся религиозным традиционализмом, и эта школа не выделялась из ряда других мусульманских училищ²⁰¹.

В свою очередь генерал-губернатор Игельстром в начале 1789 года обратил внимание на мусульманские школы не только Приуралья, но и Поволжья. Он указал симбирскому Приказу общественного призрения на то, что “Симбирской губернии в селениях, людьми магометанского закона занимающих, при каждой почти мечети имеются заведенные школы для обучения по их книгам чтению и закона”. Генерал-губернатор запросил Приказ, имеет ли тот “какое сведение о находящихся в школах магометанского закона учителях и обучающихся, и имеют ли учителя знание и способность”²⁰². Он также предложил собрать необходимые сведения от мулл, при чьих мечетях такие школы устроены, для чего дать соответствующие поручения городничим, комендантам и земским исправникам, а впредь обязать самих учителей религиозных мусульманских школ доставлять требуемые сведения директору народных училищ раз в полгода²⁰³.

В ответ на запросы генерал-губернатора и Приказа от властей городов и уездов пришли сообщения, что “у них в ведомстве магометанского закона школ не имеется”²⁰⁴. Это, конечно, не соответствовало действительности. Мусульманское духовенство не захотело ставить религиозное образование под контроль светских властей, а местные органы управления не стали проявлять усердия в деле, им непривычном, удовлетворившись формальными отрицательными ответами мулл. Единственным исключением стал Курмышский уезд. Тамошний нижний земский суд представил в Приказ общественного призрения “обучающихся в школах магометанского закона ... полугодовые ведомости”²⁰⁵.

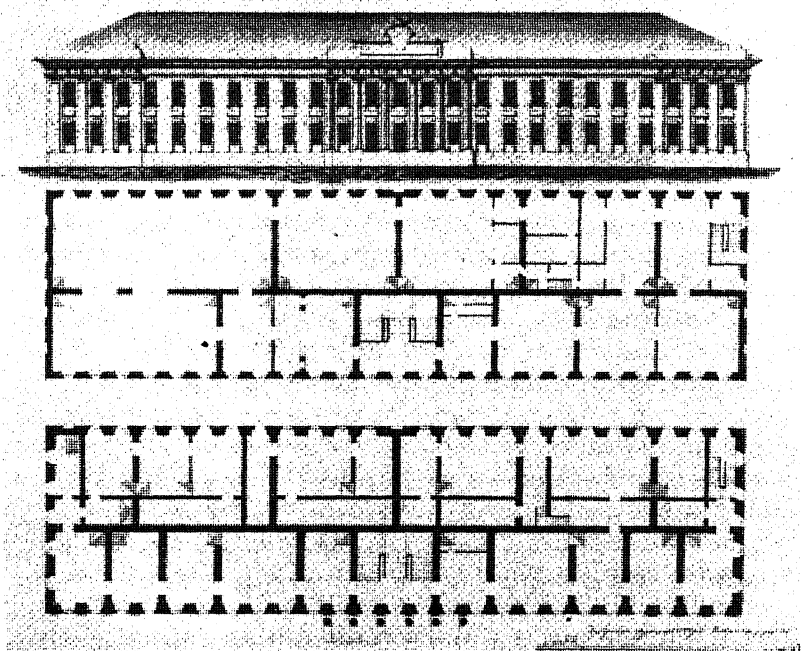
Любопытно, что одновременно с этими попытками местных властей поставить под контроль традиционную мусульманскую школу в столице разгорелся конфликт по поводу перевода на общероссийские учебники немецких школ. Комиссия народных училищ указала Управе немецких училищ на слишком замедленную работу по переводу учебных пособий на немецкий язык, из-за чего многие предметы, входившие в курс народных училищ, плохо или совсем не преподавались в немецких школах. Из Управы немецких училищ был получен грубый ответ, удививший дело в сторону национальных оскорблений. В нем говорилось, что “немцы имеют во всех частях учености не только самые сходственнейшие и основа-

тельнейшие сочинения к чтению (учениками – Л.А.), чего, конечно, российскому народу при начатом за немного лет учреждении публичных народных училищ доселе еще не достает, и потому для оных сочинение учебных до наук касающихся книг столько же есть нужно, сколько перевод оных излишен для немцев”²⁰⁶. Комиссия разумно не приняла такой тон полемики и постановила вернуть ответ Управе. Ради пользы просвещения Комиссия отправила в Управу переводы учебников, сделанные преподавателем Общества благородных девиц Волмером под редакцией Ф.И. Янковича, и оплатив работу переводчика из собственных средств²⁰⁷.

Симбирское главное народное училище, игравшее особую роль в обширном регионе от Приволжья до Южного Урала, пользовалось особым вниманием местных властей и лично генерал-губернатора, несмотря на появление новых школ и районов, включавшихся в школьную реформу. Заканчивалось строительство училищного дома. В нем предполагалось наличие стольких помещений, сколько школа еще не могла использовать, поэтому по просьбе директоров “симбирского Благородного клуба” и по предложению генерал-губернатора, часть их была сдана за 250 руб. в год под дворянский клуб и театр. Приказ общественного призрения охотно пошел в 1790 г. навстречу этой просьбе прежде всего по причине недостатка денежных средств²⁰⁸. Масленицкий, со своей стороны, указал на малое количество учеников, отсутствие “учителя соседственного языка”, а значит и соответствующих занятий. Это позволило директору народных училищ сделать вывод, что при размещении в здании театра и клуба “тесноты и помешательства в учении никакой быть не может”²⁰⁹. Как бы то ни было, но дому главного народного училища предстояло стать не только образовательным, но и общественным и культурным центром губернии.

Отметим, что по обеспеченности собственным помещением Симбирское училище опережало даже столичное Московское главное народное училище. Последнее было переведено из наемного дома в собственный, пожалованный императрицей и отремонтированный на средства Приказа общественного призрения, только в октябре 1795 г.²¹²

На сохранившемся чертеже фасада и планов училищного дома в Симбирске стоит подпись архитектора М. Рушки²¹⁰. Однако автором проекта этого здания являлся И.П. Тоскани, которого Рушка сменил на должности губернского архитектора только в 1792 году²¹¹.

Фасад и план Главного народного училища в Симбирске

При этом сам дом народного училища в Симбирске являлся не просто редким для России XVIII века примером постройки, специально предназначенной для общеобразовательной школы. Эта постройка по праву вошла в историю русской архитектуры. Она относилась к еще более редкому типу очень представительных школьных зданий, особенностью которых стала «их трактовка как одного из главных сооружений города». В силу градостроительного значения таких сооружений «по своим размерам они подчас не уступают присутственным местам или крупным городским особнякам». Симбирское главное народное училище представляло собой «вытянутый в длину корпус, украшенный строгими дорическими колоннами и аттиками с барельефами». Оно резко выделялось, по оценке историков архитектуры, «на фоне рядовой жилой застройки, невысоких плоскостно трактованных домов»²¹³.

«В дополнение главного народного училища каменного дому» в 1789 г. было решено возвести внутри здания дополнительные

перегородки и огородить школьный двор. На объявление Приказа, данное через управу благочиния, явиться на торги никто из подрядчиков не откликнулся. Приказ обратился к А.С.Борисову, тому самому симбирскому купцу, который являлся подрядчиком основного строительства училищного здания. Переговоры прошли в самом Приказе. За дополнительную работу купец сначала запросил 1000 руб., но “по многому увещанию присутствующих на понижение цены” сбавил ее до 650 руб. “и ниже сей взять не согласился и от торгу отказался”. Приказ принял последнее условие Борисова и заключил с тем контракт²¹⁴.

Во внутренней планировке корпуса училища появились помещения в два ряда, проходящие вдоль главного и дворового фасадов, “при этом преобладала анфилада с частичной изоляцией комнат”²¹⁵. До завершения строительства нового здания училища в Симбирске из-за тесноты в старом, генерал-губернатор назначил летние экзамены 1789 года у себя в доме²¹⁶.

Однако уже следующие публичные испытания в этом главном народном училище прошли с 27 декабря 1789 г. по 2 января 1790 г. с особыми торжествами “на случай обновления в Симбирске воздвигнутого иждивением дворян огромного училищного каменного дома”. Еще большую представительность событию придал тот факт, что оно совпало по времени с губернским дворянским собранием и выборами. Экзамены производились “в присутствии попечителя и директора и при собрании съехавшегося к перемене судей многочисленного дворянства и граждан”²¹⁷.

По результатам этих экзаменов, учеников, “отличивших себя успехами, благонаравием и поведением”, наградили книгами. Перечень их названий и цены представлен ниже²¹⁸.

Учащиеся старшего четвертого класса были награждены:

Класс	Название	Рубли	Копейки
4	Сказания о мореплавании	1	54 ½
4	Храм всеобщего баснословия	1	59 ½
4	Сокращение всех наук	1	54 ½
4	Детская философия	1	30
4	Достопамятное в Европе	1	59 ½
4	Избранные места немецких писателей	1	44 ½
4	Христианская школа		89 ½
4	Путешествие разума	1	29
4	Размышление о греческой истории		93
4	Последование характеров	1	49 ½
4	Житие Григория Назианзина		89 ½
	Итого 11 ученикам 4-го класса на сумму	14	53

Учащимся остальных трех классов были подарены следующие книги:

Класс	Название книги	Рубли	Копейки
3	Сокращение богослужения Римлян	1	54 ½
3	Храм древности	1	29
3	Училище благополучия	1	24
3	История Лигурии	1	5 ½
3	Сокращение стихотворческой истории	1	3
3	Книга премудрости	1	3
3	Радостные мысли Гарвоода		77 ½
	Итого 7 ученикам 3-го класса на сумму	7	96 ½
2	Ористид или Истинной патриот		61 ½
2	Предопределение человека		51 ½
2	Перевод с латинского и шведского языков		46 ½
2	Прямая глава		46 ½
2	Путеводитель юношества		46 ½
2	Сокращение жизни Иисуса Христа		40
2	Евтропия сокращение римской истории		46 ½
2	Исторические известия о городе Вологде		46 ½
	Итого 8 ученикам 2-го класса на сумму	4	27
1	Путь к добродетельной жизни		46 ½
1	Таинственное путешествие в остров Добродетели		46 ½
1	О происхождении зла		36
1	Письмы Цицероновы		34
1	Искусство поваренные травы готовить		31
1	Истинное сердечное показание		31
1	Святейшее рассматривание божественных свойств		26 ½
	Итого 7 ученикам 1-го класса на сумму	2	51 ½
	Речь Демосфена о Венце		77 ½

Всего книги были вручены 34 ученикам Главного народного училища на сумму 30 р. 5,5 коп. Значение таких наград подчеркивалось еще одним обстоятельством. Все книги были лично подписаны попечителем симбирских народных училищ, то есть самим губернатором²¹⁹.

Предоставление резиденции высшей местной администрации для публичных школьных актов было принято и в Саратове, где положение с училищным зданием и прочим обеспечением учебы было гораздо хуже, чем в Симбирске. Шестаков вспоминал как угнетающе состояние школы действовало на родителей и на учителей: “Крайнее стеснение и безобразие его производило в публике отвращение... Приводить его в лучшее устройство во всех частях было мало внимания, даже учебных пособий только и было, что учителя привезли с собою пред открытием училища из Санкт-Петербурга от

Комиссии об учреждении народных училищ... Учителя нуждаясь во всем, кроме жалованья, а наипаче видя, что училище как бы оставлено на произвол судьбы, и не имея возможности достигать цели его основания, слабели под тягостию безуспешности”²²⁰.

Впрочем реальные проблемы часто не проглядывали за парадными описаниями публичных актов. Характерно описание открытых испытаний, состоявшихся в июле 1789 г. в Саратове. “Все особы, состоящие в пятом, шестом, седьмом и осьмом классах, были приглашены” персонально, “прочему же благородству, также и мещанам дано о сем знать чрез объявление от управы благочиния”²²¹. Дворяне и горожане собрались в доме правителя наместничества в приготовленном для экзамена зале, “причем учениками, нотному пению обучающимися, пет был приличествующий сему случаю кант, после чего учитель “высших классов” Василий Скворцов “говорил речь о распространении наук Всероссийской империи”²²². Затем слово для приветствия было предоставлено 15-летнему ученику 4 класса Гавриле Войникову, сыну канцеляриста”²²³. Его класс держал экзамен “из истории естественной, истории всеобщей, географии Российской и общей и из физики”. Третьеклассники экзаменовались тоже по истории и географии, а также арифметике и грамматике. Ученики второго класса показали свои знания пространного катехизиса, книги “О должностях человека и гражданина”, арифметики, таблиц чтения и правописания, а первого класса – сокращенного катехизиса, правил для учащихся, складов по азбучным таблицам”²²⁴.

По окончании экзаменов речь говорил 11-летний второклассник Александр Поликарпов, сын секретаря, “а в заключении всего пет был учениками благодарственный кант”. При этом, по словам современника, “все собрание столько было довольно успехами учеников, что не было во оном ни одного такого человека, который не приносил всемилостивейшей своей государыне своей благодарности” за распространение “просвещения как достаточествующих, так и стелящих под игом бедности всех равномерно”²²⁵.

По описанному выше сценарию прошли экзамены в Саратове 26 января 1790 г. Речи говорили те же ученики, что и в прошлом году. Единственным отличием было то, что Поликарпов к этому времени являлся учеником уже 3 класса. Несколько иным был и набор предметов, вынесенных на экзамен, что соответствовало учебной программе данного полугодия. Добавлением к процедуре публичных испытаний стала выставка рукописей и рисунков учеников, представленная почетным гостям”²²⁶.

На июльских экзаменах того же года в Саратове присутствовал со своей свитой архиепископ Астраханский и Ставропольский Никифор, приглашенный на них “через личный зов” губернатора Нефедьева²²⁷. Гостей приветствовали учитель Скворцов пространной речью “о делах царствующей ныне императрицы Екатерины II”, 15-летний ученик 4-го класса солдатский сын Семен Косорин и ученик 2 класса Матвей Степанов, сын регистратора. Причем выступление последнего 10-летнего школьника было воспринято публикой “столь хорошо, что Преосвященный, господин губернатор и многие другие удостоили его аплодирования и изустной похвалы”. Удовлетворенный своим посещением архиепископ “приносил свою благодарность в самосильнейших выражениях, во-первых, господину губернатору, яко главному попечителю училища, потом директору и, наконец, учителям, яко причинствующим лицам в успехах учеников, да и сих последних не оставил без похвалы и благодарности за их изящные успехи”²²⁸.

Новый шаг реформы во всероссийском масштабе, длиною в два года (1789-1790), был отражен в ведомости, приложенной к рапорту Комиссии на высочайшее имя, представленном в январе 1791 года²²⁹. Сравнение с губернскими полугодовыми отчетами показывает, что в ведомости использованы сведения на середину 1790 г.²³⁰

В отдельных школах четырех соседних поволжских губерниях численность учителей и учащихся, а также соотношение с данными 1788 г. представляло следующую картину:

Тип училища	Город	учителей	учащихся	учащихся (% к 1788 г.)
Главное	Саратов	4	141	174,1%
Главное	Пенза	5	149	78,4%
Малое	Саранск	1	36	80,0%
Главное	Симбирск	4	65	52,0%
Малое	Сызрань	1	15	83,3%
Малое	Алатырь	1	9	26,5%
Малое	Ставрополь	1	12	85,7%
Малое	Карсун	1	38	вновь открыто
Малое	Тагай			упразднено
Главное	Казань	5	121	78,6%
Малое	Чебоксары	1	43	вновь открыто

Заметный рост числа учеников почти на три четверти по сравнению с отметкой двухлетней давности отмечен и в Саратовской губернии, хотя речь шла по-прежнему об одной единственной школе на всю губернию. Саратовское училище восстановило численность своих учащихся, упавшую в 1788 г., к июлю 1789 г., когда в нем насчитывалось 119 чел.²³⁵, что составляет 97,5% от количества школьников в 1787 г. и 146,9% от их количества в 1788 г. К середине

1790 г. число саратовских учеников увеличилось еще более. В целом же по стране изменения числа школ, учителей и учащихся выглядели таким образом:

1 Местонахождение народных училищ (по годам открытия 1790 г.)	2 число учи- лищ	3 % от числа училищ в 1788 г.	4 учащи- лей (чел.)	5 % от учащихся в 1788 г.	6 учащих- ся (чел.)	7 % от учащих- ся в 1788 г.
1 В Санкт-Петербургской губернии ²¹	28	117%	94	119%	3106	111%
2 В Московской	28	200%	49	223%	1899	201%
3 В Новгородской ²²	13	163%	20	154%	606	97%
4 В Тверской ²³	8	114%	15	115%	589	116%
5 В Псковской	4	100%	7	100%	193	93%
6 В Смоленской	6	200%	9	150%	404	151%
7 В Тульской	2	100%	7	117%	187	80%
8 В Калужской ²⁴	4	133%	7	88%	361	146%
9 В Орловской	9	300%	13	186%	672	199%
10 В Курской	7	100%	13	118%	338	94%
11 В Воронежской	4	400%	8	200%	212	178%
12 В Тамбовской	7	117%	12	109%	301	87%
13 В Рязанской	12	100%	18	95%	460	100%
14 Во Владимирской	5	500%	8	200%	252	188%
15 В Костромской	4	400%	8	200%	185	149%
16 В Ярославской	11	122%	22	122%	372	91%
17 В Вологодской	6	100%	10	100%	217	98%
18 В Архангельской	4	133%	9	113%	173	122%
19 В Олонецкой	4	100%	6	86%	160	92%
20 В Нижегородской	3	75%	9	90%	323	123%
21 В Пензенской	2	100%	6	120%	185	79%
22 В Симбирской	5	100%	8	100%	139	65%
23 В Казанской	2	200%	6	150%	164	106%
24 В Вятской	5	250%	10	143%	187	127%
25 В Пермской	9	450%	19	158%	755	180%
26 В Саратовской	1	100%	4	100%	141	174%
Итого по губерниям, где народное училище от- крыто в 1786-87 гг. или раньше	193	143%	397	129%	12583	124%
27 В Выборгской	6	"	17	"	290	"
28 В Ревельской	1	"	4	"	34	"
29 В Рижской	1	"	4	"	71	"
30 В Полоцкой	1	"	6	"	128	"
31 В Могилевской	1	"	4	"	92	"
32 В Черниговской	3	"	9	"	308	"
33 В Новгородско-Северской	3	"	10	"	274	"
34 В Киевской	1	"	4	"	119	"
35 В Кавказской	2	"	9	"	169	"
36 В Харьковской	5	"	13	"	279	"
37 В Уфимской	4	"	10	"	325	"
38 В Тобольской	7	"	11	"	344	"
39 В Копыловской	1	"	4	"	63	"
40 В Иркутской	1	"	5	"	108	"
41 В земле донских казаков в Черкасках	1	"	4	"	167	"
Итого всех народных училищ	231	171%	511	166%	15354	151%
В различных городах помещичьи и дворянские учи- лища помещичьи и дворянские	38	127%	118	136%	1171	119%
Всего учебных заведений под ведомством или кон- тролем Комиссии об учреждении народных учи- лищ	269	163%	629	160%	16525	148%

* - народные училища в губернии открыты после подачи ведомости 1788 года

Налицо несомненные успехи, проявившиеся в увеличении числа народных училищ на 71%, учителей в них – на две трети, а учащихся – более чем в полтора раза. Впечатляли успехи в деле образования в ряде губерний, в т.ч. Московской, Владимирской, Орловской, Воронежской, Пермской, чьи результаты за 1786-1788 гг. выглядели скромно. Пермская губерния по числу учеников народных школ вышла на следующее место после двух столичных регионов. Выросло также количество пансионов и домашних училищ, которые открылись не только в столичных, но и в некоторых губернских городах: Рязани, Твери, Курске, Новгород-Северске.

Из губерний, где училища были только что учреждены, следует обратить внимание на соседствующую с приволжским регионом Уфимскую. Учеников в ее 4 школах в 1790 г. оказалось больше (325 чел.), чем в открытых ранее 6 училищах Симбирской и Саратовской губерний вместе взятых (280 чел.)

Первые шаги школьной реформы в южноуральском регионе были сделаны не менее активно, чем в Симбирском Поволжье в 1786-1787 гг. Это не удивительно, учитывая нахождение обеих территорий под административным руководством генерал-поручика барона Осипа Андреевича Игельстрома, генерал-губернатора Симбирского и Уфимского, весьма активно включившегося в осуществление реформы народного образования, о чем уже говорилось выше.

Опыт школьного строительства, накопленный на первом этапе реформы, положительно сказывался как в двух названных губерниях, управлявшихся Игельстромом, так и по стране в целом. В свою очередь новые главные училища создавали возможность расширить и число малых, которое впрочем продолжало расти и в губерниях, включившихся в школьную реформу еще в 1786 г., в т.ч. по Волге, Каме, Вятке и на Урале (Казанская, Пермская, Вятская), что расположены по соседству с рассматриваемым нами регионом.

§3. ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Несмотря на успехи в распространении образовательной реформы на Уфимскую и другие губернии, на кажущееся благополучие в отношении увеличения числа детей, охваченных обучением, в целом по стране стали проявляться некоторые отрицательные тенденции в школьном деле. Рост количества учащихся происходил в основном за счет открытия новых школ и,

особенно, на только что приступивших к реформе территориях. Прирост учащихся в губерниях, открывших первые народные училища в 1786 г. или раньше, составил по сравнению с ведомостью 1788 г. 24%, а 27% в общероссийское увеличение числа учеников дали регионы, где школы появились позже подачи упомянутой ведомости. В ряде губерний, где реформа началась в 1786 г., при сохранении и даже некотором увеличении числа школ и учителей снизилось количество учащихся: Новгородской, Псковской, Курской, Тамбовской, Ярославской, Вологодской, Олонецкой, Симбирской.

В Симбирской губернии сокращение школьников в относительных показателях оказалось наибольшим, составив в 1790 г. более трети от количества учеников в 1788 г. На ее примере проследим, как развивались и в силу каких причин складывались указанные отрицательные тенденции.

С 1786 г. до конца 1788 г. через училища Симбирского наместничества успело пройти 316 учеников, в том числе две девочки²³⁶. К середине 1789 г. указанное число возросло до 349 чел., при этом количество наличных учеников из них составило 197 чел., а выбывших – 152 чел.²³⁷

Количество учеников, которые уже успели покинуть школы, функционировавшие всего-навсего от года до трех лет, указывает на то, что полного курса обучения эти дети явно не успели пройти. В официальных сводках прямо говорилось, что “многие, не dokonчав учение, выходили, иные в купечество, иные в мещанство, иные в приказное звание, иные в военную службу”²³⁸.

Выбывшие из школ до окончания обучения представляли пеструю картину как по причинам ухода, срокам обучения, полученным знаниям или возрасту, так и по происхождению. В ноябре 1788 г. из Саратовского училища “выбыл к отцу без аттестата и не окончив наук” купеческий сын Михайло Зимевин, ученик 4 класса, 13 лет, характеризовавшийся “острым” по своим способностям²³⁹. Выбытие “к своим родителям” было самой частой формулировкой при уходе ученика из школы. Во второй половине 1789 г. с таким пояснением то же училище покинули 12 человек, а еще один был взят “в воинскую службу”²⁴⁰

Солдатские дети могли убыть также “в свою команду”, то есть в распоряжение военного ведомства без уточнения, взяты ли они на службу или возвратились к родителям. Данное обозначение чаще применялось в тех случаях, когда инициатива исключения принадлежала не армейскому начальству или семье школьника, а

руководству училища, например, “за худое поведение” ученика²⁴¹.

Формулировка об отправке из училища “к своим родителям” редко применялась в отношении дворовых людей, которые, как правило, по документам выбывали “к своим господам”. Действительно, пребывание в школе крепостных людей полностью зависело от их владельца. Так, “22 апреля 1790 г. выбыл из училища ученик 2-го класса Никифор Устинов по воле своего господина”²⁴².

По ведомости первой половины 1789 г. из первого класса Симбирского главного училища ушло 6 чел., среди которых были господские люди, мещане, сын офицера и сын пастора в возрасте от 6 до 10 лет, научившиеся читать и писать. Подавляющее большинство тех, кто покинул второй класс, составляли дворовые (10 чел.), остальные трое были сыновьями офицера, чиновника, мещанина. Выбывшим второклассникам было от 9 до 14 лет, и, кроме грамоты и письма, некоторые из них успели освоить также первые действия арифметики. По одному человеку выбыло из учеников третьего и четвертого классов – сыновья дворового и капрала 15 и 16 лет, прошедшие программу предыдущих классов и отдельные предметы последнего класса, в котором они учились²⁴³.

По той же ведомости из Сызранского училища убыл, не закончив курса, ученик второго класса, сын приказного, 12 лет, а из Тагайского – ученик первого и 3 ученика второго класса, все четверо прошли только предметы первого класса, им было от 9 до 14 лет и они являлись детьми соляного пристава, канцеляриста, прапорщика и дворового. И только из школы в Алатыре выбыло 11 человек, полностью окончив программу малого народного училища. Среди последних было 8 господских людей, а также сыновья монастырского служки, дьячка и казака²⁴⁴.

То, что окончание училища с полным завершением курса не стало правилом, весьма беспокоило директора симбирских народных училищ. В 1789 г. Масленицкий сообщал в Приказ общественного призрения, ссылаясь на рапорты учителей школ в уездных городах, о том, что “из находящихся при произведении учебных предметов учеников иные, окончив учение, а прочие, не произведя предписанных предметов, из училища выбыли и по неоднократному ... родителям их напоминанию в училищах не бывают”²⁴⁵.

Приказ обратил внимание, что в Уставе народных училищ вообще не было предусмотрено исключение из школы тех, кто не окончил курса обучения, а в Правилах для учащихся прямо запрещалось самовольно оставлять училище даже “по окончании

учебных предметов". Тем не менее с реальностью приходилось считаться, а потому Приказ предписал директору "учеников, по воле родителей, опекунов и властей, от коих они зависят, хотя бы они учебных предметов и не окончили, из училища увольнять по просьбам и из списка выключать и впредь таковых уже не принимать". Иначе решался вопрос "об отлучившихся без ведома и согласия на то родителей и опекунов". О таковых учениках и причинах, побудивших их покинуть школу, следовало "разведывать учителям". Тех же, кого учителя не могли разыскать в городе, должны были разыскивать власти: директор и смотрители народных училищ, управы благочиния и нижние земские суды. Об отысканных надлежало собрать сведения, "зачем они долговременно в училище хождения не имели и будут ли во оное присланы, с написанием, что, если учиненной трехмесячной отлучке доставлены в училище не будут, таковые из списков выключаются и впредь приняты не будут". Единственной уважительной причиной продолжительного отсутствия ученика признавалась болезнь²⁴⁶.

Одним из средств для предотвращения выбытия из школ не прошедших курса учеников стали дополнительные занятия с теми, кто по различным причинам не мог окончить обучение "в определенное время". Таковых велено было понуждать к дополнительным занятиям с учителями. Так, в августе 1790 г. смотритель Алатырского училища подтвердил "о хождении учителю Хворостову в классы в среду и в субботу после обеда для обучения не окончивших учение учеников"²⁴⁷.

Все же досрочное выбытие учеников являлось далеко не единственной проблемой школы. В середине 1789 г. по отдельным школам и в Симбирской губернии в целом наличных учеников насчитывалось²⁴⁸:

Город	Симбирск	Сызрань	Ставрополь	Алатырь	Тагай	Всего
Количество	104	24	20	35	14	197
в % к 1787 г.	115,6%	160,0%	142,9%	125,0%	233,3%	128,8%
в % к 1788 г.	83,2%	133,3%	142,9%	102,9%	63,6%	92,5%

Успехи в развитии школьного образования, к мысли о которых можно прийти в результате сравнения показателей 1789 и 1787 гг., становятся менее очевидными при сравнении данных 1789 с предыдущим годом. При продолжавшемся росте числа школьников в 3 малых народных училищах впервые отмечено сокращение их

численности в главном училище, одном из малых и по губернии в целом. Хотя это сокращение было невелико, но само по себе являлось первым тревожным сигналом определенных недостатков в проведении школьной реформы.

Происхождением ученики народных училищ по-прежнему заметно отличались друг от друга, о чем свидетельствуют следующие данные:

Классы	В 5 школах Симбирской губернии (1789 г.)				
	3-4	2	1	всего	% к 1787 г.
Происхождение					
Всего (чел.)	37	91	69	197	128,8%
%	100%	100%	100%	100%	
в т.ч. дети дворян и офицеров (чел.)	10	15	5	30	107,1%
%	27,0%	16,3%	7,2%	15,2%	
Чинowników и канцеляристов (чел.)	8	12	2	22	115,8%
%	21,6%	13,2%	2,9%	11,2%	
Священников и церковнослужителей (чел.)	2	11	2	15	375,0%
%	5,4%	12,1%	2,9%	7,6%	
нижних военных чинов (чел.)	5	12	11	28	280,0%
%	13,3%	13,2%	15,9%	14,2%	
купцов, мещан и др. городских сословий (чел.)	6	9	9	24	48,0%
%	16,2%	9,9%	13,0%	12,2%	
крестьян (чел.)	0	1	1	2	66,7%
%	0%	1,1%	1,4%	1,0%	
дворовых (чел.)	6	30	38	74	200,0%
%	16,2%	33,0%	55,1%	37,6%	
не указано (чел.)	0	1	1	2	200,0%
%	0%	1,1%	1,4%	1,0%	

Обращает на себя рост числа дворовых людей среди школьников. Их количество выросло вдвое, доля вместе с крестьянами достигла 39% от всех учащихся, а среди первоклассников – 56,5%. Заметно увеличилась численность и доля детей священников и церковнослужителей, солдат и унтер-офицеров. Несколько выросло количество, но одновременно снизилась доля дворянских и офицерских детей. Безусловным и резким было снижение абсолютной и относительной численности лиц городских сословий.

Можно заметить, что некоторые показатели сословного состава школ Симбирской губернии стали по сравнению с 1787 г. более похожими на данные, отмеченные нами выше в главных народных училищах Рязани и Москвы. Прежде всего это относится

к росту доли крепостных людей и крестьян, а также нижних армейских чинов при одновременном падении доли среди учеников детей дворян, офицеров, купцов, мещан. Не согласимся только с выводом историков 1950-х гг. о складывании такого социального состава учащихся как безусловно положительном процессе в русской школе, поскольку в нем проявлялись “демократические” тенденции²⁴⁹. На самом деле этот процесс нес угрозу для народной школы в российском городе, поскольку был следствием низкой заинтересованности привилегированных и городских сословий в образовании, предлагаемом реформой Екатерины II. Данные сословия составляли основу уездного и городского обществ тогдашней России, опору органов местного управления и самоуправления. Школы, утратившие частично или полностью поддержку местного дворянства, гарнизонного офицерства, верхушки провинциального чиновничества, городской податной общины, должны были столкнуться с практически непреодолимыми трудностями в своем существовании.

При этом снижение доли соответственно привилегированных и городских сословий происходило неравномерно в малых и в главном училище. По сравнению с данными 1787 года, численность и доля детей дворян и офицеров в главном училище в 1789 г. даже несколько увеличились – с 13 до 16 чел. и с 14% до 15%. Одновременно в главном училище резко уменьшилось число лиц из городских сословий – с 33 до 8 чел. и с 37% до 8 %. В то же время в малых училищах абсолютное количество выходцев из этих сословий уменьшилось несущественно, хотя относительная доля снизилась заметно: дети дворян и офицеров – с 15 до 14 чел. или с 24% до 15%, купеческие, мещанские и прочие дети горожан – с 17 до 16 чел. или с 27% до 17%.

Количество же дворовых (вместе с крестьянами) быстро росло среди учеников и главного, и малых училищ, хотя их доля в губернском городе оставалась выше. В Симбирском училище в 1789 г. по сравнению с 1787 г. этот рост составил с 32 до 46 чел. или с 36% до 44%, а в малых училищах – с 8 до 30 чел. или с 13% до 32%.

Выше отмечалось, что в 1787 г. дворовые люди были среди учеников только одного из малых училищ. В 1789 г. учащиеся данного происхождения были уже во всех уездных школах, составляя в одних еще незначительную часть (в Сызрани – 5 из 24 чел., в Ставрополе – 1 из 20 чел.), а в других – до половины учащихся (в Алатыре – 17 из 34 чел., в Тагае – 6 из 14 чел.)

Сохранялись и некоторые другие особенности состава училищ в отдельных городах. Половина учащихся малых училищ из детей дворян и офицеров приходилась на Сызрань (7 из 14), почти все учащиеся из детей церковно- и священнослужителей, чиновников и канцеляристов – на Ставрополь, а из солдатских и унтер-офицерских детей – на Сызрань и Алатырь вместе. В Тагайском училище не осталось ни одного ребенка из городских сословий.

Интересные сведения, раскрывающие уровень нацеленности на получение школьного образования лицами разных сословий, могут дать данные о награждении лучших учеников. Так, по результатам второго полугодия 1789 г. в Ставрополе среди награжденных были единственный дворовый среди тамошних школьников, 2 из 3 поповичей, 2 из 4 купцов и мещан, 1 из 2 детей канцеляристов. Тогда же в Сызрани получили награды по результатам экзаменов все 4 школьника из мещан, купцов, государственных крестьян, 2 из 3 капральских и унтер-офицерских детей и 1 дворовый. В обоих названных городах между лучшими учениками не оказалось ни одного дворянского или офицерского сына²⁵⁰. На следующих экзаменах через полгода в Ставрополе были отмечены опять-таки двое из троих поповичей и все трое обучавшихся здесь горожанина из мещан или купцов²⁵¹.

Численность школьников в народных училищах указанной губернии на середину 1790 г. в абсолютных величинах и в соотношении с предыдущими годами показана в следующей таблице²⁵²:

Город	Симбирск	Сызрань	Алатырь	Ставрополь	Карсун ²⁵³	Всего
учащихся	65	15	9	12	38	139
% к 1788 г.	52,0%	83,3%	26,5%	85,7%	172,7%	65,3%
% к 1789 г.	62,5%	62,5%	25,7%	60,0%	271,4%	70,6%

Для Симбирска, где наибольшим число учащихся было в 1788 году, это число за два года сократилось почти вдвое. В трех уездных городах, в которых самым успешным по охвату учащихся был 1789 год, падение этого показателя за год превысило треть (Сызрань, Ставрополь) и даже приблизилось к трем четвертым (Алатырь).

Следует заметить, что летом 1790 г. ситуация в Симбирской губернии выглядела даже несколько лучше по сравнению с весной того же года, когда учеников в ее народных училищах оставалось совсем мало – 125 чел., т.е. на 40% меньше, чем в 1788 г.²⁵⁴

Кстати и в исторической литературе полувековой давности отмечалось падение количество школьников в Рязанской губернии, где за все последующие годы до 1801 включительно общее число учащихся главного и малых народных училищ не только не превысило, но даже не достигло уровня 1788 года. Указанному явлению не было, правда, дано оснований на источниках объяснений, кроме предположения о его чисто техническом характере, вызванном разовым притоком в только что открытые училища сразу большого числа учеников разных возрастов, после чего “пополнение числа учащихся шло за счет более узкого возрастного контингента”²⁵⁵.

С последним предположением можно согласиться лишь частично. Действительно в самые первые наборы был исчерпан круг детей, кому родители и опекуны хотели, но не могли до открытия народных училищ дать систематическое образование. Однако это предположение ничего не говорит о том, что мешало затем расширить этот круг заинтересованных в школьных знаниях.

К тому же в действительности разновозрастность первоклассников сохранялась. Так, в Сызранском училище в середине 1789 г. их было 5 чел. в возрасте 7-8 лет, 8 чел. – 9-10 лет, по 1 чел. – 11 и 14 лет²⁵⁶. В конце того же года возраст первоклассников в Симбирском училище колебался от 7 до 17 лет, в Тагайском – от 9 до 16 лет, в Алатыре – от 7 до 13 лет²⁵⁷.

В середине 1790 г. также не заметно “сужения” возрастного контингента первоклассников не только в новом Карсунском училище (от 6 до 13 лет), но и в старом Алатырском (от 7 до 12 лет). В Сызрани среди 5 первоклассников лишь один был 7 лет, трое – 13 лет, а один – вообще 17 лет²⁵⁸. Во втором полугодии в той же Сызрани в первом классе преобладали десятилетние дети, а в январе 1791 г. приступили к занятиям 7 чел. нового набора в возрасте от 9 до 15 лет²⁵⁹.

Тенденция к дальнейшему уменьшению числа школьников была предопределена падением приема учеников в первые классы. При этом речь в ряде училищ шла уже не о снижении набора, а почти о полном его прекращении, чего уже нельзя объяснить чисто демографическими обстоятельствами.

В середине 1789 г. только в Сызрани учеников в первом классе было больше, чем во втором (соответственно 15 и 9 чел.). Во всех других училищах губернии это соотношение было иным: Симбирск – 32 и 35 чел., Алатырь – 16 и 19 чел., Тагай – 4 и 10 чел., Ставрополь

– 2 и 18 чел.. Особенно неблагоприятной представлялась ситуация в двух последних городах, где прием в первый класс практически не состоялся²⁶⁰.

Через полгода ситуация в Ставрополе стала критической, первого класса в училище просто не стало за отсутствием учеников. В Тагае число учащихся двух классов, правда, временно выровнялось (по 9 чел. в каждом), но в остальных городах ситуация оставалась неблагоприятной, включая теперь и Сызрань, где на 11 второклассников приходилось всего 6 первоклассников. В Симбирске на 31 чел. во втором классе приходилось 28 чел. в первом, а в Алатыре соответственно на 13 чел. – 4 чел.²⁶¹

В середине 1790 г. в главном народном училище Симбирска первый класс насчитывал уже только 8 чел. (второй – 21), а в малом училище Сызрани – 5 чел. (второй – 10). В Алатыре, наоборот, неким было пополнить второй класс, и все 9 учеников числились в первом²⁶².

В Ставрополе “вновь желающих” в первый класс так и не объявилось²⁶³. Как уверял приехавшего в город с ревизией Масленицкого тамошний комендант, на поступление в училище новых учеников “и надежды нет”. В качестве основных причин при этом назывались две: “мещане бедны и к просвещению не склонны”; “гарнизонных чинов и калмыцкие дети обучаются особо для них в заведенных школах”²⁶⁴.

В условиях включения в школьную реформу новых территорий и иных типов школ материальное обеспечение народных училищ оставалось непростой задачей. Источники их обеспечения не были обильны. В этой ситуации 5 марта 1789 г. у симбирского наместнического правления было еще раз Приказом общественного призрения “прошено о доставлении в сей Приказ из городских доходов на содержание училищ и на прочие заведения его постановления, и на оное сообщение в соответствии о постановлении никакого не получено”²⁶⁵.

Желанной оказывалась любая поддержка. В 1789 г. в Сызрани мещанином П. Ермолаевым были найдены три бумажные ассигнации по 10 руб. каждая. Поскольку хозяин потерянных денег так и не отыскался, то сызранская управа благочиния передала их в городское малое училище²⁶⁶.

Одним из источников, хотя и скудным, дополнительных средств для нужд училищ стали добровольные пожертвования прихожан, собираемые в специальные ящики, которые были установлены в церквях. Так, по рапорту алатырского городничего

Чуфарова, в тамошних храмах в пользу малого народного училища с сентября по декабрь 1789 г. было собрано 4 руб.²⁶⁷ Городничий сетовал, что “собирается из ящиков денег весьма малое число, которые и употребляются только на покупку для училищ дров, свеч, бумаги и прочего”²⁶⁸. Тогда же в Сызрани подобный сбор составил 1 руб. 80 $\frac{3}{4}$ коп.²⁶⁹ В течение следующего 1790 г. эти сборы во всех городах не достигали и одного рубля в месяц, составляя от 31,5 до 81 коп.²⁷⁰

Источником пополнения школьных средств оказывались также пени, взыскиваемые с чиновников за различные служебные и прочие проступки. В начале 1790 г. на трех лиц, присутствующих в Сызранском уездном суде, был наложен штраф за разрешение копиисту Белилину уехать в Казань, данное без дозволения наместнического правления, в размере 25 руб. Эти деньги вместе с некоторыми другими пенями были переданы из уездного казначейства городничему для выдачи в качестве жалованья за январскую треть года тамошнему учителю Воскресенскому. С получением Воскресенским жалованья за следующую треть получилась задержка именно из-за того, что никого у чиновников вычеты не были сделаны и денег учителю не достало. Приказу пришлось от себя высылать деньги в Сызрань для Воскресенского, а тамошнему казначею было подтверждено, “чтобы он по прежнему Приказа предложению к городничему денег не отсылал, а по вычете все пенные деньги доставлял в Приказ без удержания”²⁷¹. Для покупки дров в Карсунское училище в конце 1790 г. было предложено городничему употребить “из имеющихся у него взысканных с бывшего расправного судьи Стрелкова в пеню денег 10 руб.”²⁷²

Под угрозой штрафа могли оказаться и сами учителя. В октябре 1790 г. учителю главного народного училища Цветкову Приказ выговорил за запоздалую присылку ведомости имущества училищного дома. Учителю указали, что на основании пункта 1 указа от 31 июля 1766 г. за каждый случай отсутствия или запоздалого ответа на требования Приказа его надлежит штрафовать в размере 10 руб., но на сей раз его простили с предупреждением, “чтоб он все посылаемые ему повеления выполнял в положенное время без малейшего упущения”, ибо “за нерадение и беспечность не избегнет законного взыскания и положенного штрафа”²⁷³.

На содержание школ шли также добровольные пожертвования родителей и опекунов учащихся. Впрочем самые благие намерения и обещания еще не означали реальных денег, собранных в пользу

школы. К концу 1790 г. среди обещавших “отдать в пользу Приказа на содержание училищ” добровольные взносы за учение детей и обязавшихся “в исправном оных платеже подписками тех городов учителям” по губернии числились: в Алатыре уездный землемер прапорщик Мордвинов (3 руб.) и бобыль Михайла Симбиренин (1 руб.), в Ставрополе присяжный уездного казначейства Алексей Илусов (2 руб.), отставной прапорщик Георгий Аверкиев (4 руб.), батальонный прапорщик Иван Смердов (2 руб.), купец Семен Плеханов (4 руб.), которые этих “денег и поныне не платили”. Приказ рассматривал таких добровольных неплательщиков как обыкновенных должников, а потому и было “ставропольскому коменданту и алатырскому городничему предписано, чтобы они сказанные деньги со означенных по именам людей непременно взыскали в скорости”²⁷⁴.

Подобные ситуации, когда благотворители не хотели или не могли выполнить свои обещания, случались и в других регионах. Так в г. Ростове Ярославской губернии 76 местных купцов и мещан подписались на 651 руб. 50 коп. в пользу открывшегося малого народного училища. Из этой суммы остался не отданным 241 рубль. Среди тех, кто не внес деньги, оказались и рядовые жители, и гласные городской думы²⁷⁵.

Недостаток средств вовсе не означал прекращения роста материальной базы учебного процесса, но требовал аккуратности и осторожности в расходовании средств. Весной 1790 г. Масленицкий попросил Приказ общественного призрения “снабдить училище физическими инструментами: астролябией, ватерпасом, воздушным насосом, электрическою машиною, барометром, термометром и зрительною трубою”. Приказ не отказал в этом приобретении, но велел “ожидать верной оказии до Москвы и, если кто возьмется означенную покупку исправить, снабдить потребною суммою”²⁷⁶.

Комплектование учебными пособиями шло не только через столицу. В Симбирске “Приказу общественного призрения для главного народного училища к лучшему преподаванию естественной истории” хотелось “иметь все роды вещей ископаемого царства..., какие найти могут в России”²⁷⁷. Он надеялся “получить те вещи без всякой за них платы”. Однако начальники отдаленных горных заводов ответили, “что из них драгоценных без особого повеления ... отпустить не могут, а другие не стоят провоза при доставлении”²⁷⁸. Нерчинский начальник даже соглашался собрать различные руды и камни, но не имел возможности доставить все это в Симбирск, “поелику де он на то заводской суммы употребить не смеет”²⁷⁹.

Лучше обстояло дело с получением минералов от уральских соседей. 2 июля 1790 г. в Симбирске были “получены из Пермской казенной палаты Приказом общественного призрения для доставления в кабинет главного народного училища разных пород шурфы и цветные каменья, коих числом: золотых руд 8, медных 3, железных 6, шиферов 2, мраморов 3, порфиров 2, агатов 3, кварцев 3, горных пород 4, ... аметисты, яшмы и топазы”²⁸⁰. 9 сентября того же года “директор народных училищ представил Приказу общественного призрения два куска илецкой соли ... со особым о сей соли изъяснением, которые и отправлены ... в кабинет главного народного училища”²⁸¹.

17 ноября пришло “сообщение из Уфимского наместнического правления, при котором доставило при описи медным и железным рудам, следуемым для здешнего народного училища, рудные штуфы и каменной лен”. Эти “руды и присланные металлы” в Приказе были “освидетельствованы обще с господином директором народных училищ и отданы те вещи в библиотеку под сохранение учителя Тихонравова”²⁸².

Продолжал приносить пользу контракт, заключенный ранее с полковником Тургеневым, представлявшим типографию Московского университета. Вышеупомянутый контракт использовался прежде всего для приобретения учебной литературы. 23 октября 1790 г. учитель Шутихин подал в Приказ требование на покупку учебных книг для школьников на сумму 372 руб. 15 коп. Приказ же обратился именно к Тургеневу, “прося о доставлении книг требуемых”²⁸³.

Однако из типографии Московского университета поступала не только учебная литература. По требованию Масленицкого, считавшего, “что необходимо должно иметь в училище Ведомости с Историческим словарем”, было решено Приказом “послать, что подлежит, денег ... в университетскую типографию” за доставку указанных изданий²⁸⁴. Подписка на 1791 год и присылка их из Москвы обошлись Приказу в 15 руб.²⁸⁵

В январе 1791 г. Масленицкий вновь представил “ведомость о книгах, необходимо для училищ ныне потребных, суммою на 350 руб.” Подобные просьбы решались в Приказе, как правило, быстро: “Когда господин директор в означенных книгах находит необходимую нужду, то следуемые за них деньги 350 руб. ... Московской университетской типографии в компанию с приложением регистра отправлены при сообщении и требовано как оных, так и по прочим требованиям книг в присылку..., о чем и член той типографии господин бригадир Тургенев уведомлен”²⁸⁶.

Как и прежде, при отсутствии необходимой литературы и пособий в Симбирске или Москве их получали из северной столицы. 26 февраля 1789 г. Масленицкий подал в Приказ реестр, испрашивая “в покупку разных учебных книг, ландкарт, чертежей, инструментов и мебели”. Только в августе подвернулась оказия в лице посыльного от казенной палаты, с которым та отправляла в Петербург свои отчеты. Масленицкий, сам служивший в казенной палате, узнав об оказии решил ею воспользоваться, чтобы купить хотя бы из того реестра “одне книги, ландкарты и рисунки животных и прозябаемого царства по примерной цене ... 148 руб. 65 коп., да еще два экземпляра книги Зрелище Вселенное”. При этом деньги “в училищное правительство”, то есть Комиссию об учреждении народных училищ отправлялись почтой, а посыльному на руки там должны были выдать издания, “кои вышли из печати”²⁸⁷.

Книгохранилище этого училища уже могло привлечь к себе внимание знатоков и любителей книги. Именно его захотел осмотреть архиепископ Казанский Амвросий во время своего приезда в Симбирск в августе 1790 г.²⁸⁸

Книг для учебных занятий требовалось много. Сравнительно небольшое Алатырское училище получило их с момента своего открытия в 1787 г. по январь 1791 г. 879 экземпляров на сумму 145 руб. 8 коп. Из указанного числа почти половина, а именно 409 экземпляров на 76 руб. 64 коп. находилось на руках учеников²⁸⁹. Фактически этими книгами многие ученики пользовались бесплатно, поскольку родители не отдавали за них деньги, хотя и обязаны были их оплатить, за чем поручено было наблюдать смотрителю училища.

Покупка книг осуществлялась не только для пополнения училищной библиотеки и обеспечения учебных занятий, но и для награждения отличившихся учеников. Среди подарков, выданных в качестве награды лучшим школьникам, преобладали издания серьезного содержания. Так, 3 июля 1789 г. одному из школьников, отличившихся при публичном испытании в Симбирске, была вручена книга “Нынешний способ лечения от уязвления бешеной собаки”²⁹⁰.

Награждение учеников книгами являлось, пожалуй, одним из немногих действенных способов сделать привычным хотя бы для части горожан чтение новой светской литературы, поскольку попытки расширить книжную торговлю были не очень успешными, а в уездных городах встречали откровенное равнодушие тамошних жителей. Симбирский Приказ знал об этой ситуации не понаслышке, поскольку сам проводил торговлю книгами, имеющимися в его рас-

поряжении. Первоначально продажу осуществлял симбирский мещанин Шапошников на рынке в нанятой лавке²⁹¹.

Результаты деятельности книжной лавки Приказа общественного призрения в Симбирске в течение трех с лишним лет вплоть до ее ликвидации в 1791 г. были следующие. От Приказа сидельцем было принято всего 2069 экземпляров книг на 1787 руб. 39 коп. Вырученной собственно от продажи наличности Приказ получил 339 руб. 40 коп. По распискам согласно распоряжениям Приказа игумену Иустину и протопопу Краковскому отдано 243 экземпляра на 274 руб. 17 коп. “Господину директору и учителям для награждения при испытаниях учеников и для библиотеки” выдано книг на 213 руб. 32 коп., а для нужд самого Приказа – на 5 руб.²⁹²

Доходы от книжной лавки были невелики, поскольку цена книгам в ней “состоит самая малая”, что делало невыгодным содержание в ней сидельца, которому надо было платить за работу²⁹³. Правда, оплата эта осуществлялась своеобразным способом. Жалованья Шапошников от Приказа так и не получил, а потому из вырученных за книги 142 руб. 26 коп. “употребил их себе на пропитание”, что при расчете с ним было признано чиновниками вполне справедливым. Еще 9 руб. 65 коп. было “заплачено за караулы лавки”²⁹⁴.

Оставшиеся книги велено было “принять учителю Шутихину и стараться употреблять в продажу желающим ... и деньги представлять в Приказ при рапорте”²⁹⁵. При этом библиотека училища получила по одному экземпляру всех книг, имевшихся в продаже в Симбирске, на 317 руб. 81 коп.²⁹⁶

В книгохранилище самого училища за исключением учебников и пособий, розданных ученикам, было решено Приказом оставить по одному экземпляру “из учебных книг, рисунков и чертежей”. Прочие были “отданы для продажи в книжную лавку учителю Шутихину”. Всего книг, предназначенных к продаже как хранившихся в библиотеке, так и “не состоящих прежде в книгохранилище”, оказалось в распоряжении Шутихина на 383 руб. 56 коп.²⁹⁷

Предполагалось продать книги, прописи, таблицы, чертежи, рисунки родителям “имущих учеников или желающим людям”. Самому Шутихину обещали в резолюции Приказа от 23 октября, что “в случае продажи оных за его старание и прилежность не останется он без должного воздаяния”²⁹⁸.

К середине декабря Шутихин продал книг на 83 руб. 72 коп.²⁹⁹ В основном они разошлись в губернском городе. Распространение литературы за его пределами шло без видимых успехов

Через местные управы благочиния в 1790 г. было дано знать жителям уездных городов о реестре имеющихся в продаже книг. Однако “к покупке таковых никого желающих не явилось” даже в тех городах, где имелись школьники, например, в Ставрополе, Карсуне или Тагае³⁰⁰. Не было также выказано желание купить ни одной книги из указанных в реестре как со стороны дворян, так и “помещичьих равно и коронного ведомства крестьян” разных уездов³⁰¹.

Серьезные трудности, с которыми действительно столкнулось школьное дело, еще ярче проявились в ситуации вокруг малого народного училища в уездном городе Симбирской губернии Тагае. Материальные затруднения училища в Тагае прежде выглядели более серьезными, чем в других городах, так же как и неумение или нежелание местных властей и горожан содействовать его работе.

В октябре 1788 г. Приказу пришлось удовлетворить просьбу тагайского городничего Уварова о присылке добавочных 25 руб. на содержание школы³⁰². При этом, на следующий год с последнего же взыскано 10 руб. пени “за оказавшиеся в присланных ... приходных и расходных книгах тамошнего малого народного училища книгах неисправности”³⁰³. Учитель из всего имущества и средств малого народного училища распоряжался только книгами и был ответственным только за них: “А сколько на училище ... поступает сумма в приход и из нее употребляется в расход, поступаемая сумма хранится у городничего, который и сведения о том имеет”³⁰⁴.

В Тагайском училище к апрелю 1790 г. осталось всего три ученика. Учитель Н. Комаров полагал, что причиной тому стало, во-первых, напугавшее родителей предписание Приказа общественного призрения предложить тем из них, кто позажиточнее, внести деньги за обучение своих детей в качестве добровольного взноса, которое жители восприняли как введение обязательной платы³⁰⁵. Во-вторых, несмотря на прошлогоднее требование Приказа “отвести городничему к тому способную обывательскую квартиру” для школьных занятий³⁰⁶, оказалось, что и в 1790 г. это училище было “помещено в темной и тесной избе”³⁰⁷. В-третьих, городские сословия менее других оказались заинтересованными в школе, и уже в 1789 г., о чем уже говорилось, в Тагае не было среди школьников никого из купцов или мещан, а в 1790 г. среди них остались вообще только дворовые люди³⁰⁸. Избранный же от городского общества смотрителем училища мещанин Обухов, “кроме невежества и незнания, замечен был во весь день полупьяным”³⁰⁹. Впрочем тот сам уже просил освободить его от смотрительских обязанностей, но тамошние город-

ний и магистрат другого взамен его никого из горожан не нашли³¹⁰. В-четвертых, директор училищ губернии Масленицкий утверждал, что и учитель Комаров “оказался во всех предметах малознающим”, да еще “дурного поведения”³¹¹.

Все указывало на три основные проблемы, которые выявились в ходе проведения школьной реформы: кадровую, материального обеспечения, равнодушия к делу народного образования со стороны значительной части общества, и особенно, что было особенно болезненно, представителей благородного и городских сословий. Со своей стороны, Масленицкий и губернская администрация наметили меры, которые в состоянии были осуществить местные власти, чтобы уменьшить воздействие негативных причин на новую школьную систему. Во-первых, было запрещено “всякое требование и воспоминание родителям учащихся о платеже за учение детей их в пользу Приказа общественного призрения, а примали бы только от тех оную, кои добровольно вносить станут”. Во-вторых, учителям предложили, чтобы те “усугубили бы прилежание к научению детей”. В-третьих, было предписано управам благочиния “известить всех граждан, склоняя оных ко отдаче в народные училища детей своих, устроенные для собственного их блага”. В-четвертых, через полицию подтверждалось “воспрещение частным людям, не имеющим от директора народных училищ свидетельства и дозволения Приказа общественного призрения, содержать учеников”³¹².

Обращает на себя внимание жесткая позиция Приказа в отношении традиционной домашней школы, которая рассматривалась как конкурент народным училищам. За три года до этого, когда только начиналось становление государственной школы в крае, Приказ предложил в середине 1787 г. коменданту Ставрополя запретить в городе домашние частные школы. Тот не стал спешить с исполнением этого предложения, а переслал снятую с него копию генерал-губернатору³¹³.

Игельстром тогда фактически заступился за самодеятельных распространителей грамоты, поскольку предписал, не прекращая пока занятий, прислать “учителей для экзамена в Симбирское главное народное училище” и, “если по испытании окажутся достойными, в таком случае содержать им домашние училища позволить”³¹⁴. Нет никаких свидетельств, что такие экзамены состоялись. Да и не могли местные грамотеи выдержать испытание на уровне специальной педагогической подготовки, которую давали главные народные училища, да еще только тем, кто предварительно проучился в духов-

ной семинарии. Однако предписание генерал-губернатора дало возможность на время игнорировать официальный запрет на несанкционированную властями учебную деятельность.

Директор народных училищ в связи с “тагайским делом” посчитал нужным напомнить о нормах закона и использовать административные методы борьбы со старинными школами “мастеров грамоты”. 20 июня 1790 г. “в Приказе общественного призрения резолюцией заключено и посланным в наместническое правление сообщением требуется о воспрещении чрез городничих и нижние земские суды, чтобы живущие в городах и уездах обыватели ни под каким видом никто без позволения Приказа и свидетельства Директора училищ не заводили, а кто пожелает, тот должен явиться в Приказ о исходатайствовании позволения”³¹⁵.

Впрочем, взаимоотношения традиционной и новой школы были не только проблемой Тагая, но всех городов, где размещались малые народные училища, и решить ее административным окриком было нельзя. Не прошло полутора месяцев как в Приказ пришел рапорт алатырского учителя Хворостова, “коим просит о уничтожении ... домашних училищ, не имущих учителями аттестатов директорских и дозволения от сего Приказа”. Это сообщение вызвало замешательство в Приказе, в котором вдруг выяснилось, что тот оставался в неизвестности даже о том, “чинено ль было в те места предписание”, а тем более о действенности собственной резолюции от 20 июня. Но и на этот раз пришлось ограничиться новой просьбой к наместническому правлению об исполнении прежней резолюции Приказа, поскольку сам он не обладал средствами для применения полицейских и административных мер к нарушителям³¹⁶. В январе 1791 г. симбирское наместническое правление сообщило Приказу общественного призрения, что городничим и нижним земским судам посланы указы “о учинении воспрещения содержателям домашних училищ, не имеющим свидетельства и дозволения от сего Приказа, заводить домашние училища”³¹⁷.

Пример принятия подобного рода мер показал исполнявший обязанности самарского городничего секунд-майор Молостов. Он ответил в ноябре 1790 г. на обращение Приказа по поводу домашних учителей тем, “что обучающиеся в городе Самаре у женки тамошних жителей дети отобраны, отданы в народное училище”, которое предполагалось к открытию в этом городе³¹⁸.

Предпринимаемые Приказом меры по улучшению деятельности народных училищ уже не могли помочь сохранить школу в

Тагае. Решение о ее закрытии было обусловлено не просто малым числом учащихся. Приказ общественного призрения с особым неудовлетворением констатировал преобладание среди школьников господских людей³¹⁹. 29 апреля остававшиеся в училище школьники “по воле своих родителей и опекунов из училища выбыли в свои дома”, а 1 мая Приказ общественного призрения предписал учителю Комарову сдать все дела и имущество Тагайского училища и явиться с отчетом в Симбирск³²⁰. 28 мая Приказ получил рапорт тагайского бургомистра со списком “принятым казенным вещам от учителя Комарова”³²¹.

Та же судьба постигла Ставропольское училище. Кроме уже упоминавшихся выше трудностей с набором, эта школа столкнулась и с другими, в т.ч. характерными для прочих училищ.

Безрезультатными оказались поиски кандидатуры, подходящей на должность смотрителя этого малого народного училища. Приказ первоначально пресекал попытки городских обществ приравнять эту службу к другим должностям, занимаемым по выбору жителей. Весной 1789 г. на очередных выборах в органы местного самоуправления горожане Ставрополя самостоятельно избрали вместо прежнего смотрителя народного училища купца Кузнецова нового – мещанина А. Степанова. Приказ отменил этот выбор, указав, что по Уставу народных училищ, их смотрителей избирают не общины, а попечители, каковыми являются руководители губернской администрации, и оставил Кузнецова в прежней должности³²².

Однако через год свою жесткую позицию Приказ был вынужден частично пересмотреть, когда Кузнецов был выбран в бургомистры Ставрополя. От Приказа было “ставропольскому коменданту предписано с тем, чтоб он выбрал обще со гражданским обществом на место его другого”³²³. Как вариант, в других случаях городничему предлагалось сделать выбор смотрителя “обще с городовым магистратом”³²⁴. Таким образом, должность смотрителя малого народного училища хотя и не вошла полностью в число городских выборных служб, но заметно приблизилась к ним по форме и статусу.

Новый смотритель училища Бузыцкий показался директору Масленицкому человеком ненадежным, с чем согласились местные чиновники, но при этом заявили, что “лучшего из мещан, по уверению их, выбрать некого”³²⁵. Ставропольский же комендант Цызырев отказался от обязанностей “попечителя тамошнего народного училища в рассуждении возложенных на него немалых должностей”. Кроме него, “благородных особ, жительствоющих в городе”, для занятия этой должности отыскать не удалось³²⁶.

Тем не менее директор настоял на замене смотрителя. В уведомлении ставропольского коменданта от 6 марта 1790 г. было прямо сказано, что именно “гражданским обществом” был выбран очередной смотритель – мещанин Иван Савин. Приказ согласился с этим и предписал “вновь выбранному на место” смотрителя принять у прежнего дела и вещи³²⁷.

Частая смена смотрителей, во-первых, шла не на пользу училищу. Во-вторых, она свидетельствовала о нежелании городских жителей заниматься делами своей школы, у которой нарастали проблемы. Так, в начале 1790 г. выяснилось, “что в нанятом для училища доме у канонира Максимова в покое учителю того училища поместиться не можно”³²⁸. У того же хозяина сняли еще одно помещение под квартиру учителя, удвоив цену найма и доведя ее до 24 руб. в год. Однако достаточно просторное для малого числа учеников помещение имело серьезный недостаток для занятий в виде слишком низкого перекрытия³²⁹.

Оба училища, в Ставрополе и Тагае, в итоге были закрыты, а оставшимся ученикам предложено доучиваться в училищах других городов губернии³³⁰. Правда, сведений о том, что кто-нибудь этим предложением воспользовался, не имеется. Все ученики в Ставрополе, где уже раньше был прекращен набор в первый класс, о чем говорилось выше, были выпущены “в сентябре 1790 года, окончив все предметы I и II классов, в дома родителей с аттестатами”³³¹. 18 сентября в Приказ общественного призрения был подан рапорт директора народных училищ, к которому прилагались свидетельства об окончании школы для приложения к ним печатей. На основании рапорта “представленные свидетельства по приложении печатей отосланы” были в Ставрополь учителю Козмодемьянскому³³².

Последним ученикам Тагайского училища повезло меньше. 11 человек, находившиеся там в последнее полугодие его работы, не окончили полностью школьных предметов ни первого, ни второго классов, были выпущены без аттестатов даже не к своим семьям, а “в дома господ своих”, поскольку все являлись дворовыми людьми³³³.

Вместо двух закрытых в 1790 г. были учреждены училища в уездных городах Самаре и Карсуне. Должности их смотрителей, чтобы избежать затруднений с подбором таковых из дворян или горожан, были возложены на тамошних городничих³³⁴.

В Карсун из Тагая перевели учителя Комарова. Тому тагайскими властями были возвращены все школьные вещи, принятые от него в свое время, и даны две пары лошадей для переезда и перевозки старого училищного имущества на новое место³³⁵.

Любопытно, что Комарова первоначально собрались было уволить и отправить на военную службу, но замены ему не нашлось. Дважды Приказ общественного призрения просил архиепископа Амвросия о присылке в Симбирск “из семинаристов достойного” к подготовке “в учительское звание” для Карсунской школы, но казанский владыка на сей раз не ответил. Потому Комарова оставили в прежней должности, пригрозив, что, если не проявит “усердие и прилежность”, то другой раз уж точно “не избегнет воинской службы”³³⁶.

Недостаток учителей заставлял Приказ смотреть сквозь пальцы на обвинения их в самых серьезных проступках. В 1789 г. Сызранский уездный суд через Симбирское наместническое правление сообщил о начале следствия над местным учителем Х. Воскресенским “за усильное им одного уездного суда канцеляриста Семена Дьякова дочери Марфы растление”. Приказ общественного призрения ответил только требованием “о скорейшем произведении о вышеозначенном учителе Воскресенском следствии, и когда он потребен будет к ответу в уездный суд, то б оной по отбирании от него ответов, не продерживая его в суде излишней минуты, отпускал к своей должности, потому что в случае медленности не остановить в тамошнем училище в преподавании уношеству учения”. Единственно, в чем Воскресенский и был ущемлен своим начальством, то только в том, что на время нахождения под следствием ему выдавалось не полное, а половинное жалованье³³⁷.

Видимо, Комаров оказанное ему доверие оправдывал, поскольку в ведомости за вторую половину 1790 г. о нем сказано, что “в поведении и прилежании поправляется”³³⁸. Дело же Воскресенского не привело к серьезным последствиям.

Уже в феврале 1791 г. Масленицкий отмечал обоих учителей за “особое благоповедение, рачение и успешность в порученных должностях” и просил о награждении Комарова чином подканцеляриста, а Воскресенского – канцеляриста. К последнему чину был представлен и учитель Козмодемьянский, переведенный к тому времени из Ставрополя в Самару. В числе представленных к награждению более высоким чином губернского регистратора оказались три учителя главного училища: Тихонравов, Шутихин, Веревкин³³⁹. Правда, правитель наместничества А.Д. Карпов считал возможным присвоить им более низкие чины: Тихонравову – канцеляриста, Шутихину и Веревкину – подканцеляриста, Козмодемьянскому, Воскресенскому и Комарову – копииста³⁴⁰.

Из всех учителей народных училищ губернии не были тогда удостоены от Масленицкого похвалы “в воздаяние за усердное их

служение” только двое, Цветков из главного народного и Хворостов из малого алатырского³⁴¹. Еще по итогам 1788 года директор народных училищ счел, что “в поведении своем” Хворостов “не заслуживает никакой похвалы”³⁴². Через два года о нем было сказано в официальной ведомости, что он “ленив и нерадетелен, да и должность учителя отправлять не желает”³⁴³. Тот сам заявил директору народных училищ 4 декабря 1790 г., что предпочел бы перейти на “статскую или военную службу”³⁴⁴. В итоге Приказ принял решение “его, Хворостова, за неспособностью на основании Указа 1788 года апреля в 19 день состоявшегося отослать к написанию в напольные полки в солдаты”³⁴⁵.

Мера, предпринятая в отношении Хворостова, практиковалась властями и в других подобных случаях. Так, от своей должности был отрешен один из учителей Казанского главного народного училища и отдан в солдаты “в страх и воздержание прочих тамошних учителей”³⁴⁶.

В самом начале 1791 г. от Масленицкого был предложен “на место неспособного алатырского учителя Хворостова здешней мещанин Григорей Сапожников, находящейся прежде в главном народном училище в учениках и прошел все предметы учения, которой ныне находится в писцах в гражданской палате”. Это предложение получило поддержку Приказа, со стороны которого была высказана просьба исключить Сапожникова из Симбирского мещанского общества “к помещению в учительскую должность”³⁴⁷. Такое согласие от симбирского городского магистрата было получено³⁴⁸. Симбирская гражданская палата уволила Сапожникова с должности писца, вернула “данный ему от училища аттестат” и выдала собственный аттестат “о добропорядочном его бытии и отправлении должности” на прежнем месте службы³⁴⁹.

Пока шла переписка по его делу, Сапожников распоряжением директора Масленицкого с 4 января на время вернулся “для наставления к учительской должности” в Симбирское училище. Масленицкий объяснял свое решение тем, что, “хотя и находит его достойным, но как уже он выбыл из училища еще 4-го апреля прошлого года, то ... не забыл ли уже учебных предметов I и II классов, а в учительской должности тогда и не экзаменован был, и того для отослал его на испытание и поправление по силе Устава народных училищ § 47 и 72 к учителям главного народного училища”. Из этого училища пришел вскоре отзыв, “что Сапожников выслушал способ учения учеников, в арифметике

наставлен довольно хорошо, а притом и в предметах, касающихся до двух первых классов, успел нарочито, почему и может занять место учителя малых народных училищ”³⁵⁰.

Контракт с Григорием Никитичем Сапожниковым на преподавательскую работу в Алатыре был заключен в марте 1791 г. Ему было тогда около 18 лет³⁵¹. Впервые учителем в одном из поволжских городов стал выходец не из духовного сословия, без семинарского образования и прошедший весь курс обучения в новой светской школе, созданной в результате реформы Екатерины II. При этом Сапожников не выбыл из податного состояния, обязавшись только перейти из мещанского сословия в купеческое³⁵².

В 1789 г. заседатель Приказа общественного призрения от дворянства поручик Милохов, временно замещавший Масленицкого и потому ежедневно бывавший в главном народном училище, как требовал § 80 Устава, “для смотра как за учениками, так и за учителями и чтоб наблюдался в учении порядок и были успехи в учении”³⁵³, счел, что учитель С. Цветков не исполняет должным образом свою работу “и в классе во время учения почти совсем не бывает, и ученики у него учатся сами собою по своей воле, да и в прочих классах учение идет посредственно”³⁵⁴. Учителя главного училища были вызваны в Приказ, где Цветкову “сделан за неприлежность к должности, ему порученной, выговор”, а всем преподавателям сделано внушение и предупреждение, что у тех, кто впредь “окажутся в должности своей нерадивыми”, будут производиться вычеты из жалованья³⁵⁵. Выговор, видимо, не возымел должного действия. В отчете за вторую половину 1790 г. было сказано, что “Цветков обленчив и непослушен”³⁵⁶.

Несмотря на нерешенные проблемы с учительскими кадрами, энергичное вмешательство директора народных училищ и усилия местной администрации оживили работу школ. Вслед за неутешительными данными, попавшими в общероссийскую ведомость и приведенными выше, в столицу пришел рапорт из Симбирска, показавший, что к концу 1790 г. в училищах налицо состояло 167 чел., а после нового декабрьского набора в январе 1791 г. общее количество учащихся в пяти школах возросло до 204 чел.³⁵⁷ Это было ниже данных ведомости 1788 г., но почти на две трети больше, чем в плачевной ситуации весной 1790 г. По городам губернии данные за январь 1791 г. соотносятся со сведениями предшествующих полутора лет следующим образом:

Город	Симбирск	Сызрань	Алатырь	Самара ³⁵⁸	Карсун ³⁵⁹	Всего
Учащихся (чел.)	90	20	9	35	50	204
% к июню 1789 г.	86,5%	83,3%	25,7%	175,0%	357,1%	103,6%
% к апрелю 1790 г.	120,0%	117,6%	100,0%	269,2%	454,5%	163,2%
% к июню 1790 г.	138,5%	133,3%	100,0%	291,7%	131,6%	146,8%

Для сравнения с ближайшими соседями укажем, что в Саратовском главном народном училище сохранялась довольно высокая численность. На январь 1791 г. она составляла 134 чел.³⁶⁰, что меньше на 5%, чем на ее пике, пришедшемся на середину 1790 г., но почти на 13% больше июньских данных 1789 г.

Хотя рост численности школьников отмечался во всех училищах Симбирской дирекции, кроме Алатырского, по губернии в целом его обеспечили прежде всего новые училища в уездных городах, сначала Карсунское, а затем Самарское. Они и стали самыми большими по численности после главного училища в губернском центре.

Училище в Карсуне было открыто 12 июня 1790 г.³⁶¹ Еще в мае в Приказ общественного призрения сообщалось о желании жителей города записать в школу 11 детей³⁶². Особенно в пополнении контингента учащихся отличился прапорщик А. Дурасов, который подал прошение сразу, как “уведомился, что там будет училище”, о приеме “во него дву сыновей и двух дворовых мальчиков”³⁶³.

Всего же в Карсунское училище за вторую половину того года поступило 41 чел., да в январе следующего года к ним еще добавилось 9 чел., что в сумме многократно превышало число школьников в Тагае в 1789-1790 гг. Среди учеников Карсунского училища при открытии оказались 4 девочки. Три из них поступили в первый класс. Им было по 6-8 лет, они являлись дочерьми прапорщика и канцеляриста. Одна девочка 9 лет, дочь губернского регистратора оказалась сразу во втором классе³⁶⁴.

При открытии училища в Карсуне предполагалось, что в него будут также набраны школьники из соседнего г. Котякова и его округи. Однако сначала котяковский городничий, а затем и нижний земский суд уведомили что ни из горожан, ни из жителей уезда никто не пожелал отдать детей в новую школу³⁶⁵. Не нашлось таковых и среди уездных жителей в округе самого Карсуна. При этом их не особенно и спешили найти. Приказ общественного призрения сообщил в наместническое правление, что карсунские власти на “предложение Приказа сего господам дворянам и государственным

поселянам, не имеет ли кто из них желания отдать для обучения грамоте детей своих ... в народное училище” ответил “с лишком спустя 5 месяцев” и потребовал подтвердить, чтобы “впредь нижний земский суд по требованиям Приказа незамедлительное делал выполнение”³⁶⁶.

Выговоры от Приказа за попытку уклониться от школьных дел дважды получал и карсунский городничий. В первом случае дело состояло в следующем. Для училища в городе присмотрели дом, который и был куплен за счет Приказа общественного призрения за 270 руб.³⁶⁷ Имеющиеся при доме строения, не нужные для деятельности училища, было решено продать с торгов для частичной компенсации затраченных казенных средств³⁶⁸. Однако городничий Голенкин попытался уклониться от этой обязанности. Со стороны Приказа было “оному городничему предложено с тем, чтоб он не отговаривался ничем и не наводил более затруднения, а продажу строения с нижним земским судом с публичного торгу учинил без малейшего промедления”³⁶⁹. Однако городничий “по причине многих его по должности обязанностей к продаже излишнего в училищном доме строения” так и не приступил³⁷⁰. Приказ вынужден был доверить выполнение этого дела “одному оному суду”, а “о взыскании за невыполнение городничим требований Приказа” сообщить “куда надлежит”³⁷¹.

Отметим, что разборка и продажа ненужных построек для поправки финансовых или строительных прорех в школьном хозяйстве, не обеспеченном зданиями, которые были бы специально построены для учебных целей, стали обычным делом. Тогда же на сообщение алатырского городничего надворного советника Елавицына, “коим, прописывая, что бывший воеводский, а ныне училищный дом уповательно по его ветхости и огромности” требует слишком больших затрат на ремонт, предлагал не заниматься его починкой, а купить новый готовый за 300 руб., Приказ ответил отказом и распоряжением поправить хотя бы часть здания, а оставшуюся разобрать и продать³⁷².

Второй раз упоминавшемуся городничему Голенкину выговорили за поданное им представление о том, что он вообще не может выполнять обязанности смотрителя малого народного училища, “ибо он и без того своею должностю обременен”. По мнению губернских чиновников, это на самом деле означало, “что карсунский городничий, не хотя выполнить требованием Приказа настоящим делом, и к затруднению Приказа делает излишнюю переписку”. Из

Симбирска последовало напоминание, что в статье 254 Учреждения о губерниях городничему вменяется в обязанность приводить “в действие повеления правления, решения палат и прочих судов”³⁷³. Согласно Уставу народных училищ смотрителей школ в уездных городах избирает попечитель народных училищ³⁷⁴, чья должность на основании того же Устава возложена на губернатора, “с позволения коего о выборе в смотрители Приказом” и принято решение относительно Голенкина³⁷⁵.

Чтобы у Голенкина не оставалось никаких поводов отказываться от смотрительских обязанностей 25 ноября 1790 г. “в присутствии Приказа общественного призрения председатель генерал-майор и наместничества здешнего правитель” А.Д. Карпов отдал распоряжение о назначении городничего смотрителем малого народного училища. Приказ же составил документы по этому поводу с соблюдением всей формы³⁷⁶.

Голенкину оставалась надежда на освобождение от этой должности, отношение к которой он не скрывал. Когда учитель Карсунской школы явился к нему по предписанию Приказа как к смотрителю училища и стал зачитывать “из Устава народных училищ параграфы, относящиеся до его должности”, городничий заявил, “что ему, де, и без их правил трудно”. Смотрительскими делами Голенкин заниматься не спешил, а предлагал “определить вместо себя в должность сию тамошнего протопопа”, но безуспешно³⁷⁷.

Карсунскому городничему все-таки пришлось вплотную заняться хозяйственными делами училища. В октябре 1790 г. он сообщал Приказу о необходимости починки “на училищном доме крыши, потолка и прочих вещей и о нанятии пригорода Карсуна пахотного солдата Максима Петрова”. Приказ в свою очередь указал Голенкину нанять “Петрова к работе той..., однако с тем, чтобы он прежде окончил работою в покоех потолки, дабы учащимся не сделать чрез то дальнейшей остановки, а потом уже крыл крышу и другие поделки. Наблюдать при том, чтобы было работано прочно и твердо. Следующие ж по договору на расплату деньги 30 руб. истребовать от казначея из следующих к доставлению Приказу пенных денег..., подрядчику по окончании работы выдать и Приказу донести, о чем ему, городничему, об отпуске денег и казначею предложено”³⁷⁸.

Интересно, что обнаруженное при покупке отсутствие плана самого училищного дома и участка при нем не смутило директора

народных училищ, приехавшего в Карсун. Масленицкий лично за день до открытия здесь училища снял планы самого здания и “всему на оном месте находящемуся строению”³⁷⁹. Он же назначил к разборке дощатые перегородки и полаты внутри здания, а из полученного материала велел изготовить недостающую школьную мебель³⁸⁰.

Следующий раз в Карсуне Масленицкий появился уже в конце 1790 г., попав сюда 6 декабря на праздник Николая Чудотворца. “За роспуском жительствующих в деревнях на тот день субботу и воскресенье” в училище было наличных 15 чел. из всех 42 школьников. Среди них “большая часть оказались ... довольно успешными в чтении и письме”. Директор с удовлетворением отметил, что “училищный дом перекрывается с прибавкою вновь драни и лубья, и половина уже перекрыта”. Вместе с тем он по-хозяйски обнаружил незамеченные по летнему времени недостатки, обратив внимание на плохое состояние печей, недостаток столов со скамьями для учащихся, отсутствие зимних окончин. Приказ, чтобы не осложнять необходимый ремонт и возникающие при этом финансовые вопросы, распорядился на исправление этих недостатков истратить 15 руб. денег, собранных в Карсуне за учебные книги с учеников³⁸¹.

Вопрос о переводе другого малого народного училища из Ставрополя в Самару директор Масленицкий поднял в июне 1790 г. Первым шагом Приказа общественного призрения стало поручение “самарским городничему и нижнему земскому суду, чтоб они ото всех живущих в городе и уезде обывателей отобрали сведение, желают ли кто именно детей своих и воспитанников, если учредится в Самаре народное училище, отдать во оное как мужеска, так и женска полу детей”³⁸².

В начале августа от городничего Буткевича пришел рапорт, что “желающих ко отдаче в будущее в Самаре училище детей своих и воспитанников никого не оказалось”, в чем он сослался на сообщения местных учреждений. Приказ этого сообщения не принял, посчитав пустой отговоркой. Городничему в достаточно резкой форме напомнили, что от него требовалось опросить самих жителей о нужде в школьном обучении, а не справляться “о том с присутственными местами”, и предложили “употребить лучшее внимание к сделанному от Приказа предписанию”, которое необходимо “во всех частях выполнить”³⁸³.

В начале сентября Буткевич вновь шлет Приказу общественного призрения сообщение прежнего содержания, но измененной формы, извещая, что самарские жители действительно не хотят отдавать

детей в училище теперь со ссылкой на них самих, поскольку никого для записи в школу “желающих еще не является”. Приказ вынужден был даже приостановить подготовку к открытию здесь малого народного училища. В решении от 7 сентября было записано: “Как о переводе из Ставрополя в Самару по необъявившим желанием к отдаче учеников надежды не предвидится, то и оставлено оное на прежнем положении”³⁸⁴.

Дело по открытию училища в Самаре все же не осталось стоять на мертвой точке. 23 сентября Приказ вернулся к рассмотрению рапорта Буткевича, сочтя его на сей раз “сумнительным или худо истолкованным для граждан о пользе народных училищ”. При этом Приказ принял во внимание, что по 4-й ревизии в городе насчитывалось 111 душ м.п. купцов, 255 мещан, 232 цеховых, 37 церковников и 666 разночинцев, а всего 1301. Кроме того, как стало известно, “в присутствии попечителя господин Самарской округи дворянской предводитель Путилов уверял в противном” тому, о чем писал Буткевич³⁸⁵.

Было принято новое решение Приказа общественного призрения, которое возобновило и ускорило подготовку к открытию училища в Самаре. Прежде всего было указано “самарским городничему и магистрату, чтоб они под училище на первый случай отвели обывательскую или общественную квартиру, состоящую только из двух теплых покоев, сеней и чулана, для помещения в одном училища, в другом – учителя”, а также обеспечили отопление этих помещений дровами³⁸⁶.

Горожанам Самары, а также уездным жителям из благородного, духовного и крестьянского сословия было “велено истолковать” еще раз со стороны местной администрации и органов самоуправления, “что Приказ, споспешествуя монаршей воле о распространении народного просвещения всей губернии, ничего не требуя от граждан, кроме добротных даятелей, по учреждении там училища обучать станет детей обоего пола”. Ставропольскому коменданту отдавалось распоряжение, чтобы тот “учителя Козмодемьянского со всеми училищными пособиями, выдав на 4 лошади указные прогоны по истребованию оных от уездного казначея, отправил в Самару при сообщении к тамошнему городничему”³⁸⁷.

15 октября самарский магистрат уведомил Приказ, что поручил градской думе поиск “под училище и учителя покоев”³⁸⁸. Уже 21 октября учитель Козмодемьянский “в показанной от градской думы дом для училища и его перешел” и составил опись тому дому³⁸⁹. Тем временем подступили холода, и 18 ноября 1790 г. в ответ на подкреплявшие друг друга просьбы магистрата и Козмодемьянского Приказ распорядился

о выделении средств на покупку дров только для двух печей, одной в комнате учителя и другой для учащихся, суммою на 14 руб. в год³⁹⁰.

Переезд учителя в Самару позволил более успешно организовать набор будущих школьников. То, что не могла или не хотела сделать местная администрация, удалось осуществить Козмодемьянскому. Наглядной иллюстрацией стали документы из Самары, одновременно полученные Приказом общественного призрения в декабре. Если в рапорте самарского городничего Буткевича который уже раз сообщалось, что в городе “к отдаче в училище детей из тамошних граждан никого не оказалось”, то в ведомостях от Козмодемьянского был представлен достаточно многочисленный список явившихся для записи в школу³⁹¹.

Еще не началась постоянная работа школы, а Козмодемьянскому было поручено будущих учеников, “кои из них до открытия училища обучаться пожелают, с таковыми, не тротя времени, начать и учение и приложить встетщательнейшее старание к выполнению своей обязанности”. По распоряжению Приказа, “когда учеников, явившихся в Самарское училище, наберется довольно количество, тогда заключено директору народных училищ предложить об отправлении в Самару и об открытии там народного училища и о избрании и о представлении на утверждение попечителю смотрителя для оного”³⁹².

Окончательное решение “об открытии в Самаре малого народно-го училища на место Ставропольского” Симбирский Приказ общественного призрения принял 11 декабря 1790 г. Церемония состоялась через неделю 19 числа³⁹³.

В закрывшемся училище в середине 1790 г. насчитывалось 12 чел. В Самарское же было принято практически в три раза больше, а именно 35 чел.³⁹⁴

Состав и уровень знаний школьников, набранных в Самарское училище, довольно подробно указаны в ведомости и представляют несомненный интерес. По происхождению и возрасту школьники Самары делились на следующие группы:

Происхождение/Возраст	всего	6 лет	7 лет	8 лет	9 лет	10 лет	11 лет	12 лет
офицеры и дворяне	1					1		
нижние чины армии	9	1	5		2			1
казаки	6		3	2				1
мещане	6	1	3	2				
дворовые и крепостные	13	2	1	3	3	3	1	
Итого	35	4	12	7	5	4	1	2

По сравнению с первым набором в Симбирское училище (1786) заметна тенденция к более раннему началу обучения. Дети в возрасте 7 лет и младше в Самаре количественно равны тем, кому от 8 до 10 лет (по 16 чел. или 46%), в то время как вторая из названных возрастных групп безусловно первоначально преобладала в Симбирске.

По сословному составу Самарское училище выделялось из прочих заметным числом казаков, которых до его открытия практически не было среди школьников губернии. Даже единственный сын дворянина и офицера в этом списке Александр Углицкий был сыном казачьего сотника. Большая доля также приходилась на детей служащих или отставных солдат и капралов (9 чел. или 26%). В итоге сыновья казачьих начальников и рядовых вместе с солдатскими детьми составляли 16 чел. или чуть менее половины самарских школьников. Высокий процент в Самарском училище детей дворовых (37%) и низкий – горожан (17%) вполне соответствовали основным тенденциям комплектования школьников, уже отмечавшимся выше как по Симбирской, так и по другим губерниям.

По степени подготовки принятых учеников к школьным занятиям в Самаре вырисовывалась такая картина:

Происхождение	Всего (чел.)	До прихода в школу обучались:			
		ничему	азбуке	часослову и псалтири	писать
дворяне	1			1	
нижние чины	9	5	2	1	1
казаки	6		2	4	
мещане	6	4	0	2	
дворовые	13	6	3	4	
Итого	35	15	7	12	1

Любопытно, что среди казачьих детей, включая сына сотника Углицкого, не было таких, кто не прошел хотя бы азы грамоты. То же можно сказать и о большинстве дворовых, пришедших в школу. Наоборот, большинство солдатских детей и мещан до поступления в школу грамоте не обучались вовсе. Писать из всех поступивших умел лишь сын канонира Петр Карнаков, 12 лет.

Для двух новых училищ власти и общины постарались завести постоянные помещения, не прибегая к постое и временному найму домов. Самарское училище расположилось “в Проломной улице в подаренном от купечества деревянном” здании, а Карсунское – “на

Звание учеников	Въ	Самарскомъ	маломъ народномъ училищѣ	Обучавшимъ учениковъ	и въ то время
По Малому По Самарскому					
Изъ поступившихъ при открытїи оного 19 Декабря г. 1790					
Яковъ Еуркинъ	8	мѣсяцъ	16	Самарскому	
Михайло Салкинъ	7	мѣсяцъ	16		
Никифуръ Антодоровъ	7	мѣсяцъ	19	писателю	
Филиппъ Федоровъ	7	мѣсяцъ	21		
Димитрій Егнатовъ	7	мѣсяцъ	21		
Андрей Младуновъ	6	мѣсяцъ	21	Самарскому	
Кушма Петровъ	6	мѣсяцъ	21	писателю	
Николай Салкинъ	7	мѣсяцъ	21	Самарскому	
Александръ Шилкинъ	10	мѣсяцъ	21		
Кушма Ивановъ	12	мѣсяцъ	21	писателю	
Семёнъ Карасковъ	9	мѣсяцъ	21		
Пётръ Карасковъ	12	мѣсяцъ	21	писателю	
Никифуръ Шалашинъ	7	мѣсяцъ	21	абзукъ	
Иванъ Гусенинъ	8	мѣсяцъ	21	писателю	
Василій Гусенинъ	7	мѣсяцъ	21	абзукъ	
Пётръ Карактесовъ	7	мѣсяцъ	21	абзукъ	
Прохоръ Толухинъ	7	мѣсяцъ	21	писателю	
Григорій Младуновъ	8	мѣсяцъ	21		
Пётръ Калеткинъ	8	мѣсяцъ	21	Самарскому	
Пётръ Каваловскій	7	мѣсяцъ	21		
Иванъ Подуровъ	7	мѣсяцъ	21	абзукъ	
Протофей Тиминъ	6	мѣсяцъ	21		
Евстафій Божинъ	6	мѣсяцъ	21		
Григорій Кокушинъ	8	мѣсяцъ	21	писателю	
Дорофей Халкинъ	7	мѣсяцъ	21		
Автомонъ Гусковъ	9	мѣсяцъ	21	Самарскому	

Списокъ учениковъ Самарскаго малого народнаго училища при
его открытїи 19 декабря 1790 г.

Большой улице в купленном доме от Приказа”³⁹⁵. Оба при этом состояли “из двух классов, в одном покое помещенных”³⁹⁶.

Т.Г. Масленицкий лично провел церемонии открытия Карсунского и Самарского училищ и изложил обстоятельства этого события в своих рапортах. Проведение этих церемоний было похоже, и вот как описывает директор народных училищ это событие в Самаре³⁹⁷. На церемонии, начавшейся поутру в соборной церкви, присутствовали 33 из 35 записанных в школу учеников, которые “ведены были во оную учителем по два в ряд. По отслужении литургии и благодарного собором молебствия всевышнему читаны были из Устава народных училищ да из Наказа содержателям домашних училищ пункты с 1-го по 7. Потом ученики ведены были из церкви в училище тем же порядком, сопровождаемые множеством граждан, по прибытии в которое началось водоосвящение. А по совершении оного учитель Козмодемьянской к посетителям говорил речь, изъясняя в ней высокоmaterнее попечение августейшей нашей императрицы ко просвещению Ея поданных и koliko должны быть граждане тамошние благодарны за щедрые дары, от Ея Величества изливаемые на детей своих просвещением учения, заключил прошением, чтобы родители побуждали чад своих к прилежанию в науках и благонравию”. Как говорилось выше, занятия в школе начались раньше ее официального открытия, и в рапорте Масленицкого сообщается, что в тот же день “вступившие ученики в исходе октября, ноябре и декабре месяцах в училище испытаны были при собрании довольного числа граждан в начальных познаниях совокупного чтения по таблице о складах и в письме, кратком катихизисе, в священной истории, книги “О должностях человека и гражданина”, в дефиниции об арифметике и числах, чем граждане весьма довольны были”, тем более что “напоследок у градскаго головы для бывших при открытии училища благородных и купцов приготовлен был обеденный стол на 20 кувертов (приборов – Л.А.)”.

Открытие школы вызвало благожелательное отношение со стороны ряда самарских администраторов и жителей. Собравшиеся горожане “в доказательство усердия своего к распространению просвещения изъявили желание подарить тот дом, в котором помещено было временно училище, стоящий 400 руб. в пользу Приказа общественного призрения. А господин городничий Буткевич подарил в училище часы с кукушкою. Господин же нижнего земского суда заседатель Сколков обещал построить училищные столы со скамьями и треножник под черную доску. И тогда ж

началась подписка от благородных особ в денежном для училища пособии и собрали до 36 руб., а продолжать оную взял на себя труд господин городничий, равно как и в должность смотрителя над сим училищем”. Более подробные сведения о благотворительной подписке были получены затем от самарского городничего: “Господин уездный судья секунд-майор Молостов 10 руб., одного ж суда заседателя господин секунд-майор Скрябин 2 руб., Бобров 5 руб., нижнего земского суда заседатель господин Сколков 10 руб., уездный казначей господин Андреев 5 руб., соляной пристав Аристов 2 руб., штатный прапорщик Никитин 1 руб., вдова капитанша Богданова 6 руб., содержатель питейных сборов купец Неудачин 5 руб., а всего 46 руб.”

При внимательном рассмотрении открытой в Самаре школы Масленицкий не обошел в своем рапорте вниманием обнаруженные недостатки: “При обозрении сего училищного дома, состоящего из трех небольших жилых покоев, двух сеней и ветхой черной избы, покрытым глаголем, оказалось, что кровля ветха и училищный покой тесен по числу и нынешних учеников... Во окончинах нашлось шесть разбитых стекол... В училище сем недостает сторожа, черной другой доски и грецкой губки. Учитель не снабжен бумагою, сургучом и свечьми. Да нужно отправить в оное пространных катихизисов до 50-и и толикое число священных историй”.

Несмотря на имевшиеся трудности и проблемы, известие о новых школах губернии симбирский Приказ общественного призрения на основании рапорта Масленицкого посчитал необходимым обнародовать в столичных газетах: “Об учреждении на место Тагайского в Карсуне, а Ставропольского в Самаре со отписанием от граждан последнего оказанных при открытии училищ благодетелей сообщено в газетные экспедиции Санктпетбургскую и Московскую и прошено о припечатании в публичных ведомостях”.

Под угрозой закрытия вслед за Тагайским и Ставропольским оказалось Алатырское училище, в котором не обошлось без уже знакомых трудностей как материального, так и организационного порядка. Директор Масленицкий жаловался на городские власти, что те постоянно игнорируют “неоднократные постановления сего Приказа” о приведении “в лучшее состояние Алатырского малого народного училища”³⁹⁸.

В свою очередь алатырский городничий сетовал на отсутствие средств на такие элементарные вещи, как починка крыльца и найм сторожа. Даже когда расходы можно было оплатить, некоторые виды

работ, например, оконпачивание стен и вставка окон не выполнялись только потому, что “охочих людей” из-за наступивших холодов в городе не нашлось. Впрочем, проблемы ремонта и охраны училищного здания оказались не самыми серьезными. Приказ общественного призрения обещал алатырскому городничему, что “не оставит его снабдить должною суммою”, а по поводу нежелания горожан работать на поправке училища предложил использовать административные методы “и требовать таковых мастеров от тамошней ремесленной управы”³⁹⁹.

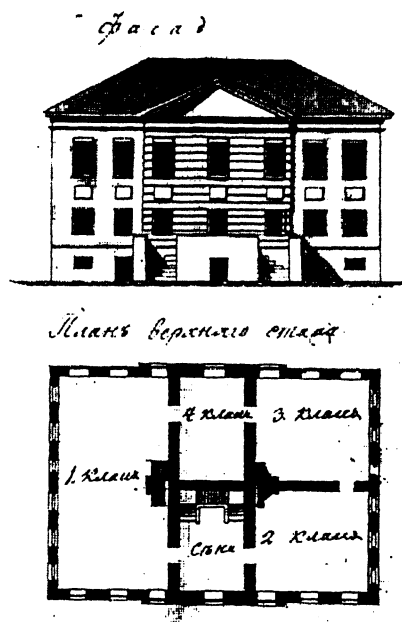
Гораздо более острыми оказались проблемы привлечения в школу детей. Во время обозрения Алатырского училища в начале декабря 1790 г. директор Масленицкий увидел на занятиях только 5 учеников. Все они “худо” успевали не только в письме, но и в чтении, а “арифметики же ни один не начинал”, несмотря на то, что “по ведомости, кроме одного, все значатся понятными”⁴⁰⁰.

Попытка увеличить число школьников в Алатыре тогда же оказалась вообще неудачной. “По повестке обывателям через городской магистрат и управу благочиния желающих не оказалось” никого. “Уменьшение учеников по сему училищу” Масленицкий относил к следующим причинам:

- “нерадению учителя”;
- “ветхости и холоду училищного дома”;
- “желанию тамошних граждан обучать детей своих единственно читать и писать и более ничему”⁴⁰¹.

В поисках места перевода училища из Алатыря директор заезжал по поручению губернатора в г. Ардатов, который показался более подходящим для развития образования. В его уезде, как считал Масленицкий, “множество находится недостаточных дворян”, не имеющих возможности дать своим сыновьям образование дома или частным порядком. Директор симбирских училищ пришел к выводу, “что если там устроится училище и снабдно будет хорошим учителем, то в учениках недостатка не будет”⁴⁰².

Директор выяснил, что под училище в Ардатове можно было снять квартиру за 30 руб. в год или построить новую связь из двух изб с сениями и прочими подсобными помещениями за 300 руб.⁴⁰³ Однако в целях экономии казенных средств появился также вариант передать под малое народное училище помещение духовной школы, имевшейся в Ардатове. Последнее предложение вызвало резкое несогласие церковных властей и настроило их против открытия общеобразовательной школы. Надежды на проявление ардатовскими

Фасад и план Главного училища в Саратове, построенного в 1801 г.

жителями желанія отдать детей в малое народное училище также не оправдались. В рапорте городничего, полученном в Симбирске в самом начале января 1791 г., сообщалось, что местное дворянство, купечество и мещанство не пожелали никого отдать в будущее училище, “по неимению благородное общество у себя детей, а гражданство, как они имеют хлебопашество”⁴⁰⁴.

Не имея согласия от архiereя и получив отрицательный отзыв от ардатовскаго городничего, Приказ не стал предпринимать дальнейших шагов к переводу малого народнаго училища в Ардатов. Было принято постановление сохранить “то училище по-прежнему в Алатыре”⁴⁰⁵.

Алатырским властям было рекомендовано “отыскать в наем квартиры под училище и учителя, кои теплее были бы нынѣшняго училищнаго дому”. Как уже говорилось выше, к этому времени удалось решить вопрос и о замене учителя в здѣшней школѣ⁴⁰⁶. После того как старый училищный дом в Алатыре был продан за 120 руб., были отысканы помещения не только под саму школу и учительскую

квартиру, но и “для хранения училищных книг и прочих вещей отведена из обывательских особая квартира”⁴⁰⁷.

Не совсем удовлетворительным нашел Масленицкий в конце 1790 г. и положение в четвертом из малых народных училищ губернии в Сызрани. Здесь оказалось 17 учеников, из которых, на что с особым недовольством обратил внимание директор, только 4 были выходцами из городских сословий, “а из духовных ни одного”. Местный городничий и старший из священников главными причинами малого числа учеников в целом и из указанных сословий назвали: “грубость граждан”; многочисленность в городе раскольников, “по правилам которых грешно называть буквы латинским произношением, потому что латынь проклята”; “а церковники затем не отдадут, что не учат часовнику и псалтыри, кои нужны им для скорого чтения в служении”. Единственно, что смог реально предпринять Масленицкий для предотвращения негативного воздействия вышеуказанных причин, – это попросить начальствующих лиц Сызрани “о приложении старания к разогнанию невежества граждан и к преклонению отдавать детей в училище”⁴⁰⁸.

Положение народных училищ в городах, где было сильным влиянием старообрядцев, осложнялось и в других регионах страны. Так, “невежество жителей, между которыми было много староверов, едва не уничтожило” училище в Старой Русе (Новгородская губерния)⁴⁰⁹.

Таким образом, за первые пять лет (1786-1790) осуществления школьной реформы в народном образовании произошли серьезные изменения к лучшему, главным из которых можно считать создание в России и ее регионах системы начальных и средних учебных заведений, обеспечение их педагогическими кадрами, основными учебниками и методической литературой.

Конечно, для огромной страны число училищ, преподавателей и учащихся оставалось явно недостаточным. Однако, добившись даже таких скромных результатов, молодая русская школа столкнулась с серьезными трудностями, не только тормозившими ее развитие, но и грозившими свести на нет первые успехи. Уходили неоправданные ожидания стремительного шествия просвещения если не по всей России, то по ее городам. Становилось ясно, что на этой ниве деятелям образования предстоят новые тяжелые труды, от властей потребуются настойчивость в поисках и употреблении действенных рычагов для достижения целей реформы, обществу – более глубокое осознание самой необходимости школы и знаний.

ГЛАВА 3.

НАРОДНАЯ ШКОЛА В ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

§1. УЧАЩИЕСЯ, АДМИНИСТРАТОРЫ, УЧИТЕЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1790-Х ГГ.

Наполненные бурной подготовительной работой Комиссии народных училищ и открытием по стране народных училищ 1780-е годы закончились. На смену энтузиазму, истинному или напускному, новизны пришла повседневная рутинная деятельность, являвшаяся не менее серьезной проверкой жизнеспособности образовательной реформы, чем запуск ее механизмов. За последующее десятилетие произошли очень незначительные изменения в сторону увеличения числа народных училищ, преподавателей и школьников в них, о чем свидетельствует следующая таблица¹:

Год	Главных и малых училищ, сельских школ и пансионов в России (кол-во)	В них учащихся (чел.)	В них учащихся (чел.)	Главных и малых училищ, сельских школ и пансионов в России (% к 1790 г.)	Учащих (% к 1790 г.)	Учащих (% к 1790 г.)
1790	269	629	16525	100,0%	100,0%	100,0%
1791	288	700	17787	107,1%	111,3%	107,6%
1792	302	718	17500	112,3%	114,1%	105,9%
1793	311	738	17297	115,6%	117,3%	104,7%
1794	302	767	16620	112,3%	121,9%	100,6%
1795	307	716	17097	114,1%	113,8%	103,5%
1796	316	744	17341	117,5%	118,3%	104,9%
1797	285	664	15628	105,9%	105,6%	94,6%
1798	284	752	16801	105,6%	119,6%	101,7%
1799	281	721	17598	104,5%	114,6%	106,5%

Как явствует из таблицы, постоянный ежегодный рост всех основных количественных показателей школьного дела, продолжавшийся с 1786 г., прекратился в самом начале 1790-х гг., в частности в 1793 г. – в отношении количества школ, а в 1794 г. – учителей. К 1791 г. была достигнута наивысшая численность учащихся народных училищ и частных пансионов. В дальнейшем за десятилетие происходили определенные колебания значения этих показателей, тенденции к росту и падению которых по времени не всегда совпадали друг с другом.

Так, наибольшим количество школ стало в 1796 г., чтобы затем вновь уменьшиться. Ближе всего к максимальному числу учителей, отмеченному в 1794 г., подошли данные 1798 года. Вслед за наибольшей численностью учеников 1791 года стоит их численность в 1799 г. Наименьшие значения, если не брать 1790 г., соответственно были показаны по числу училищ в 1799 г., а преподавателей и школьников – в 1797 г.

Очевидное снижение всех основных показателей школьного дела падает на 1797 год, что дает основание считать произошедшую в 1796 г. смену правителей на российском престоле важным фактором, повлиявшим на ход школьной реформы. Можно принять последние годы царствования Екатерины II и короткое правление Павла I за выделяющиеся в силу определенных внутренних причин периоды при рассмотрении народного образования в последнее десятилетие XVIII в.

В течение 1791-1796 гг. число народных училищ в трех соседних губерниях Симбирской (5), Саратовской (1) и Уфимской (4) оставалось неизменным с 1789 г. В сумме в этих губерниях насчитывалось 3 главных и 7 малых народных училищ.

Не изменялся в 1791-1796 гг. список городов, где размещались училища Симбирской и Саратовской губерний. В первой из них численность учащихся по отдельным школам и в целом составляла в разные годы следующее количество человек¹:

Год	Месяц	В главном народном училище в Симбирске	В малых народных училищах					Итого в губернии
			Всего	Алатырь	Самара	Сызрань	Карсун	
1791	январь	87	114	9	35	20	50	201
1791	июнь	73	95	13	32	16	34	168
1791	июль	91	133	36	40	23	34	224
1791	декабрь	73	103	32	35	17	19	176
1792	январь	84	116	32	38	20	26	200
1792	июнь	62	96	37	35	12	12	158
1792	июль	87	134	49	37	20	28	221
1792	декабрь	86	117	44	29	19	25	203
1793	январь	99	147	50	29	38	30	246
1793	июнь	86	114	36	21	34	23	200
1793	июль	96	143	40	25	45	33	239
1793	декабрь	83	97	22	23	36	16	180
1794	январь							209
1794	июнь	89	90	21	17	30	22	179
1794	июль	113	107	25	17	32	33	220
1794	декабрь	98	70	20	8	19	23	168
1795	январь	106	94	24	8	29	33	200
1795	июнь	88	72	21	6	21	24	160
1795	июль	111	100	27	11	31	31	211
1795	декабрь	86	82	18	23	19	22	168
1796	январь	108	107	23	35	23	26	215
1796	июнь	89	89	21	33	16	19	178
1796	июль	121	99	21	35	19	24	220
1796	декабрь	105	67	17	19	16	15	172

Показатели января и июля каждого года всегда выше декабрьских и июньских, поскольку включают новонабранных учеников в конце каждого полугодия. Цифры на декабрь и июнь показывают наличное количество учеников без учета уже выбывших в течение учебного полугодия.

Январские числа по губернии в целом колеблются в основном от 200 до 215 чел. Исключение составляет 1793 г., когда одновременно в школах губернии числилось 246 чел., что является вообще самым высоким показателем за рассматриваемый период. Среди июльских чисел этот год выделяется тоже – 239 чел. В другие годы июльская численность составляла от 211 до 224 чел.

Самая низкая численность учеников в губернии отмечена в июне 1792 г. – 158 чел. В остальные годы диапазон колебаний количества учащихся в этот месяц – от 160 до 200 чел., а в декабре – от 168 до 203 чел.

Можно сделать однозначный вывод, что численность учеников с учетом сезонных факторов (отчисление – набор) менялась незначительно. Налицо явная стабилизация школьного дела, отсутствие явных спадов в комплектовании контингента учеников народных училищ при одновременном отсутствии и расширения этого контингента.

По отдельным училищам можно заметить более резкие колебания в численности учащихся. Например, в главном народном училище количество школьников на июнь 1792 и июль 1796 гг. отличалось почти в два раза (62 чел. и 121 чел.) Однако кажущаяся резкая разница нивелируется, если учесть отмеченные выше сезонные скачки и падения численности.

После 1793 г., пожалуй, можно отметить только одну достаточно очевидную тенденцию. Численность школьников в главном народном училище догнала общую их численность в четырех малых училищах, а в отдельные моменты даже превышала последнюю. Это свидетельствует, что положение малой народной школы все же было не столь устойчиво, как училища в губернском центре.

Для некоторых уездных народных училищ можно отметить годы, когда численность в некоторых из них учеников становилась критически малой. Вместе с тем трудные годы для одного училища не совпадали с таковыми же для другого. В Алатыре это была первая половина 1791 г., в Самаре – конец 1794 – 1795 гг., в Сызрани – середина 1792 г.

В результате общая численность учащихся всех четырех малых училищ губернии колебалась менее заметно, чем каждого в

отдельности. К тому же исправление ситуации с набором могло произойти очень быстро, впрочем как и ухудшение этой ситуации. Сравните 12 чел. в Сызранской школе в июне 1792 г. и 34 чел. - в июне 1793 г., 9 чел. – в Алатырской в январе 1791 г. и 50 чел. – в январе 1793 г.

Не менее разительные перепады зафиксированы и в Самарской школе. К началу 1795 г. в Самаре насчитывалось 6 чел. во втором классе и только двое первоклассников, которые остались непереукомплектованными “за многократным в класс нехождением по потачке родителей”. Вновь поступивших в школу в январе вообще никого не было³.

7 марта прибывший в Самару директор народных училищ нашел на занятиях налицо только 3 учеников (все - второго класса), остальные были в отлучке, из них только один по уважительной причине, поскольку был болен. Директору пришлось лично заняться агитацией за сохранение школы, “и для того граждане увещеваемы были на отдачу детей их в училище”. Кроме того, он предложил и местной администрации сделать письменное обращение к самарским жителям о необходимости обучения детей в народном училище⁴.

К июню первый класс остался совсем без учеников, на занятия ходили только шесть учеников второго класса. Вынужденной мерой в этих обстоятельствах стало увольнение прежнего учителя, потеря доверия к которому стала одной из причин нежелания горожан отдавать детей в школу⁵. Рост числа учащихся начался с июля 1795 г., когда их стало 11 чел., а в январе и июле 1796 г. в Самаре насчитывалось уже 35 школьников, после чего начался новый спад численности.

Несмотря на то, что в Уфимской губернии число училищ осталось прежним, но произошел перевод одного из них на новое место. Первое училище в заволожской части этой губернии появилось в уездном Бузулуке 28 июня 1794 г. Оно было открыто взамен упраздненного Челябинского училища, закрытого “за неимением там более учеников”. Все обучавшиеся в последнем или закончили курс обучения, или “были взяты родителями для употребления в звании их по купеческому и мещанскому состояниям”. “Вновь других” никого больше в Челябинское училище не поступило⁶.

Кстати, перспектива такого перевода стояла и перед Самарским училищем в 1795 г.⁷ Однако там, как сказано выше, эта угроза была отведена усилиями школьного начальства и увеличением набора.

Генерал-губернатору А.А. Пеутлингу ничего не оставалось, как, “учиня тамошним (челябинским – Л.А.) гражданам выговор”, предложить уфимскому Приказу общественного призрения “перевести тамошних учителей в город Бузулук”. Данное решение официально было принято по просьбе дворянства этого заволжского города. Со своей стороны бузулукские горожане избрали смотрителем училища мещанина Ивана Чертопрудова. Первоначально в училище “вступило разного звания отцов детей 12 человек”⁸.

Судя по документам, инициатором открытия Бузулукского училища все же являлась не местная дворянская корпорация, а губернская власть. Здешние представители благородного сословия согласились на открытие школы после обращения правителя наместничества к уездному предводителю Булгакову. Одновременно от “правлящего в Бузулуке комендантскую должность майора Бельнского” поступила просьба “о сделании для тамошнего училища потребных столов и прочих вещей”, на что от Приказа было дано разрешение на проведение необходимых трат, но “без всякой для казны в цене передачи”. Бывшим челябинским учителям Алексею Адоратскому, уроженцу Сызрани, и Николаю Страгматовскому, выходцу из семьи священника Тетюшского уезда Казанской губернии, предписывалось, “чтоб они немедленно отправились в город Бузулук”⁹.

Кроме Бузулукского в этой губернии существовали еще три народных училища. Уфимское и Оренбургское в связи с преобразованием Уфимского наместничества в Оренбургскую губернию в 1797 г. поменяли свой статус. Первое из главного было преобразовано в малое, а второе было, наоборот, превращено в главное. Малое народное училище также действовало в Мензелинске.

Сведения по данной губернии в полугодовых ведомостях приводились по-иному по сравнению с Симбирской губернией. Они, как правило, давались без учета выбывших в течение данного полугодия. Проще говоря, данные Уфимской губернии, например, за второе полугодие 1794 г. больше всего соответствуют по времени материалам Симбирской губернии за июль того же года. Численность учащихся в городах губернии составляла следующее количество человек¹⁰:

Год и полугодие	Уфа	Оренбург	Мензелинск	Бузулук	Всего
1794, 1 пол.	55	46	13	12	126
1794, 2 пол.	40	45	25	25	135
1795, 1 пол.	46	42	15	37	140
1795, 2 пол.	74	44	33	38	189
1796, 1 пол.	95	27	91	39	252
1796, 2 пол.	96	27	93	33	249

Тенденция к росту общей численности школьников в Уфимской губернии является очевидной. За 1794-1796 гг. их число удвоилось. Особенно значительно выросло число учащихся в школах Мензелинска, а также Уфы. Успешно, судя по количеству учеников, становилось на ноги училище в Бузулуке. Единственным городом, где преобладали негативные тенденции в развитии школьного дела за эти годы был Оренбург.

Директором народных училищ Уфимской губернии с 26 мая 1795 г. стал полковник Федор Петрович Арапов. Это назначение мало служило пользе школьного дела. Полковник “не мог войти в подробное состояние училищ, получив место директора на время”, в ожидании “помещения на комендантскую в Симбирске ваканцию, когда она откроется”¹¹.

Не совсем удачный выбор директора компенсировался вниманием к училищам со стороны Уфимского гражданского губернатора, которым с конца 1794 г. стал князь Иван Михайлович Баратаев. Высокую оценку заботам Баратаева о школьном деле повторяли лица, служившие под его ведомством, в высказываниях, сделанных спустя десятилетие: “Справедливость требует отдать в сем (деле – Л.А.) честь некоторым из них патриотам, в число коих бывший Гражданский Губернатор князь Баратаев с благодарностию воспоминается всеми чиновниками училищ. При всяком объезде губернии в уездных городах посещал он несколько раз училища, вникал в состояние их, поощрял чиновников и учеников и немедленно исправлял приходившее в упадок, в его управление построены были почти все для училищ приличные и удобные дома”¹².

На всю обширную Саратовскую губернию приходилось, как и прежде, всего одно училище - главное народное в губернском центре. Для сравнения с соседними регионами привлечем сведения о численности учащихся в Саратове за 1791-1795 гг.¹³ Самый низкий показатель численности учеников Саратовского училища приходится на вторую половину 1793 г. (107 чел.), самый высокий – на первую половину 1792 г. (139 чел.). Остальные полугодовые данные за рассматриваемые годы колеблются от 108 до 130 чел. Колебания численности здесь выглядят еще менее резкими, чем в Симбирске. Тенденции к очевидному росту или снижению количества учеников так же не выявляются.

К сожалению, в ведомостях по Саратовской губернии не указано, дается ли численность с учетом или без учета нового набора, то есть следует ли проводить сравнение по полугодиям с данными

Симбирской губернии на декабрь и июнь или на январь и июль. Несмотря на отсутствие унификации учета школьников в рассмотренных трех губерниях, постараемся выявить общее число школьников в них на конец царствования Екатерины II в сравнении с данными середины 1790 г. В качестве наиболее соответствующих этой задаче представляются данные в ведомостях Симбирской на декабрь и Уфимской губерний за 2 полугодие 1796 г. По Саратовской губернии ведомостей того же года не сохранилось, поэтому следует использовать сведения 1795 или начала 1797 гг., тем более что они дают совершенно одинаковые цифры¹⁴.

Таким образом, общая численность учащихся в этих губерниях составляла следующее количество человек:

ГОРОДА И ГУБЕРНИИ / ГОДЫ	1796	1790	в % к 1790
Симбирск	105	65	161,5%
Сызрань	16	15	106,7%
Самара (1790 г. – Ставрополь)	19	12	158,3%
Алатырь	17	9	188,9%
Карсун	15	38	39,5%
Всего в Симбирской губернии	172	139	123,7%
Уфа	96	110	87,3%
Оренбург	27	47	57,4%
Мензелинск	93	99	93,9%
Бузулук (1790 г. – Челябинск)	33	69	47,8%
Всего в Уфимской губернии	249	325	76,6%
В Саратове	108	141	76,6%
Всего в трех губерниях	529	605	87,4%

Количество учеников в Симбирской губернии за последние годы царствования Екатерины II в итоге выросло примерно на четверть, хотя так и не достигло уровня 1788-89 гг. Одновременно на четверть же в относительных цифрах сократилось за это время число учащихся в Саратовской и Уфимской губерниях. Всего же в огромном приволжско-южноуральском регионе школьников в 1796 г. стало в целом немногим меньше, по сравнению с 1790 г. Количественные показатели хода школьной реформы к моменту смерти ее инициатора выглядят не очень успешными.

Представляют интерес сведения о сословном составе учащихся народных училищ Симбирской губернии в декабре 1796 г. Сделанные подсчеты для понимания долгосрочных тенденций даются ниже в сравнении с данными за 1787 и 1789 гг., которые приводились выше в соответствующих разделах данной работы, а для демонстрации возможных краткосрочных изменений – в сравнении с июнем 1796 г.¹⁵ Сравнение облегчается схожестью абсолютного числа школьников

в указанные моменты времени. Среди учеников всех пяти школ губернии представители различных сословных групп составляли следующее количество и долю:

Происхождение	3-4 класс	2 класс	1 класс	всего	в % к 1787 г.	в % к 1789 г.	в % к 1-й половине 1796 г.
Всего (чел.)	27	69	76	172	112,4%	87,3%	96,6%
%	100%	100%	100%	100%			
в т.ч. дети: дворян и офицеров (чел.)	1	9	1	11	39,3%	36,7%	84,6%
%	3,7%	13,0%	1,3%	6,4%			
чиновников и канцеляристов (чел.)	0	10	8	18	94,7%	81,8%	90,0%
%	0,0%	14,5%	10,5%	10,5%			
священников и церковнослужителей (чел.)	0	0	3	3	75,0%	20,0%	60,0%
%	0,0%	0,0%	3,9%	1,7%			
нижних военных чинов (чел.)	21	14	17	52	520,0%	185,7%	94,5%
%	77,8%	20,3%	22,4%	30,2%			
казаков, сторожей и проч. неподатных (чел.)	0	2	2	4	400,0%	*	100,0%
%	0,0%	2,9%	2,6%	2,3%			
купцов, мещан и др. городских сословий (чел.)	2	5	16	23	46,0%	95,8%	104,5%
%	7,4%	7,2%	21,1%	13,4%			
крестьян (чел.)	0	3	1	4	133,3%	200,0%	80,0%
%	0,0%	4,3%	1,3%	2,3%			
дворовых (чел.)	3	19	17	39	105,4%	52,7%	108,3%
%	11,1%	27,5%	22,4%	22,7%			
отпущенников	0	1	2	3	*	*	100,0%
%	0,0%	1,4%	2,6%	1,7%			
воспитанники Приказа	0	6	9	15	*	*	100,0%
%	0,0%	8,7%	11,8%	8,7%			

* - в указанном году лиц данного происхождения среди учащихся не было

В сравнении с уже отмечавшимися особенностями социального состава учащихся следует обозначить некоторые новые явления. Продолжало снижаться количество выходцев из привилегированных сословий, причем детей дворян и офицеров, священников и церковнослужителей – очень заметно, детей чиновников в классных рангах и канцеляристов – в незначительной мере.

К первоначальному уровню 1787 г. вернулась численность учеников из дворовых, упав вдвое по сравнению с рубежом 1780-

1790-х гг. Однако сокращение удельного веса дворовых, взятых вместе с крестьянами отпущенниками среди школьников Симбирской губернии составило 26,7% в 1796 г. против 38,6% в 1789 г., то есть менее одной трети. При этом выходцев из названных сословных групп в народных училищах все равно оставалось вдвое больше, чем детей купцов и мещан. Само количество учащихся из городских податных сословий в школах Симбирской губернии за 1789-1796 гг. стабилизировалось, но на очень невысоком уровне. На основании этих подсчетов следует поставить под сомнение тезис, высказанный в научной литературе, что в народных училищах “с 1792 г. удельный вес детей дворовых и крестьян резко сократился, а детей купцов и мещан значительно возрос”¹⁶.

Явную тенденцию к росту проявляла численность солдатских и унтер-офицерских детей. Количество лиц из прочих неподатных сословий (казаков и т.п.) даже при некотором увеличении оставалось совершенно незначительным. Появились выходцы из социальной группы, не отмеченной среди школьников в 1780-е гг., а именно воспитывавшихся в учреждениях общественного призрения сирот. Последних было, например, больше, чем детей дворян, офицеров и священнослужителей вместе взятых.

Характерной для категории воспитанников Приказа является судьба Неофита Иванова. Его как незаконнорожденного взял на воспитание сержант Петр Иванов с женой Евгенией, когда служил “Кавказского наместничества Новомосковского уезда в казенной слободе Камышевой”. После смерти мужа, оказавшись в Симбирске без средств к существованию, сержантская вдова “просила о приеме его в дом призрения неимущих и о доставлении ему пропитания”, что и было удовлетворено в феврале 1791 г. Числясь среди призреваемых по дому неимущих, Иванов стал учеником главного народного училища. Из четвертого класса он был отчислен в июле 1794 г. по достижению 14-летнего возраста. Директор Масленицкий считал, что к дальнейшему учению Иванов “худую показывает способность”. На основании мнения директора Приказ принял следующее решение: “Дабы оный, приходя в совершенный возраст, не мог остаться без всякого нравования и бесполезным обществу, из списка он по дому неимущих исключен и отослан в наместническое правление” для определения “его в такой род жизни, как высочайшими узаконениями повелевается”¹⁷.

Падение численности учащихся из дворян и офицерских детей определило и снижение их доли среди школьников Симбирской

губернии: 18,3% в 1787 г., 15,2% в 1789 г., 7,3% в первой половине 1796 г., 6,4% во второй половине того же года. При этом в малых народных училищах в 1796 г. их насчитывалось 1-2 чел., а в Карсуне учеников из высшего сословия не было вовсе. Данный год не был исключением. В Самарском училище число дворян и офицерских детей за 1791-1796 гг. никогда не было больше 2 чел., а с конца 1793 до середины 1795 гг. таковых там не имелось вовсе. На протяжении тех же годов в Сызранском училище их также было обычно 1 или 2 чел., иногда увеличиваясь до 3 чел., а временами не оставалось совсем. .

Следует при этом учесть, что школьное начальство проявляло особые усилия к привлечению в число учащихся детей дворян и офицеров, особенно занимающих видное место в местном управлении. Внимание к таким ученикам было особое. 29 ноября 1793 г. директор симбирских народных училищ специально поставил перед Приказом общественного призрения вопрос о братьях земского исправника, то есть главы уездной администрации Сызранского уезда Ивашева. Оказалось, что еще за год до этого директор потребовал от смотрителя Сызранского училища опять включить отчисленных из него братьев Ивашевых в число учеников. От сызранских смотрителя и учителя “ему, Ивашеву, об оном неоднократно было объявлено, но оной Ивашев не представляет”. За помощью в этом деле школьные служители обращались дважды в управу благочиния, но и та не смогла ничего добиться от исправника. Приказ, рассмотрев этот вопрос, вынужден был констатировать, что по Уставу народных училищ родителям и опекунам “отдано на волю обучение их детей, следовательно и Ивашева братьев записать в училище сверх его, Ивашева, воли невозможно”. Только после принятия соответствующей резолюции Приказа сызранский учитель исключил из списков местной школы братьев исправника¹⁸.

По ведомостям Уфимской губернии сословный состав учащихся ее школ представить удастся только в самых общих чертах и без точных выкладок. В этих ведомостях нет именных списков, по которым можно было бы пересчитать лиц того или иного происхождения. Как писали сами составители ведомостей, в Уфимской губернии “во всех училищах обучаются дети дворян, обер-офицеров, купцов, мещан, солдат, казаков и дворовых людей, все мужеского пола и все вообще от 4-х до 15 лет возрастом”¹⁹.

Краткие полугодовые ведомости Саратовского главного народного училища за эти годы, кроме общей численности учащихся,

дают описательный материал только в связи с публичными испытаниями. Последние в Саратове по-прежнему проводились в один день, в присутствии, как правило, губернатора. По принятому порядку особ, состоящих в 5 и 6 классах Табели о рангах приглашал лично директор, прочие дворяне и офицерские чины меньших рангов оповещались письменно “через билеты”, а духовенство и горожане приходили по объявлениям управы благочиния²⁰.

Объявления о проведении публичных испытаний в школах поволжских городов, например, Симбирской губернии передавались также “в Санкт-Петербургскую и Московскую печатные экспедиции и прошено о припечатании в публичных от том Ведомостях”²¹. Отметим, что публичные экзамены в Симбирске приобретали несколько иной вид, чем в Саратове. Их приходилось проводить в течение двух-трех дней, из которых высшее губернское начальство посещало не каждый, а потому эти дни не все были обставлены одинаково торжественно, хотя происходили они в одном месте – в отданной под дворянский клуб и театр части здания главного народного училища²².

В конце июня 1791 г. губернатор и большое количество публики присутствовали только на экзамене в 1 и 2 классах “из совокупного наставления в письмо, краткого катехизиса, священной истории и арифметики 1-й части”. В качестве поощрения “по окончании испытания читаны были имена отличившихся учеников”, из которых часть (4 школьника в первом и 2 во втором классах) была награждена книжками. Экзамены в 3 и 4 классах прошли без губернского начальства “при малом числе посетителей”²³.

На зимних экзаменах в декабре испытания в старших классах проходили в присутствии губернатора “при многолюдном собрании”. Для большего впечатления экзамен по архитектуре сопровождался показом зрителям чертежей, выполненных учениками 4 класса²⁴.

В первых числах июля 1792 г. губернатор “с довольным числом посетителей” опять-таки присутствовал в старших классах и только в один из двух экзаменационных дней. Остальные испытания прошли “в присутствии директора и небольшого числа посетителей”²⁵.

В конце 1792 г. губернатор предпочел прибыть на публичные испытания только в первом и втором классе. В старших классах они прошли при особенно малом числе посетителей и с большим перерывом между двумя днями экзаменов, что объяснялось происшедшими именно в это время переменами в руководстве губернской администрации²⁶.

БЫТЬ ПО СЕМУ.

Сокращенный Катихизис
для обученія Юношества
Православнаго Закона Христіанскаго
изданный
при учрежденіи Народныхъ Училищъ
въ Россійской Имперіи
въ Царствованіе Благоуспѣвшей
Государыни Императрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Цѣна безъ переплета Коп.
въ Санктпетербургѣ 1782. Года.

Обложка Сокращенного Катихизиса, изданного Комиссией народных училищ, с резолюцией Екатерины II: "Быть по сему".

В июне следующего года на публичные испытания не прибыл губернатор “за увольнением господина попечителя в домовый отпуск”. Отсутствовал по болезни и замещавший его чиновник. Тем не менее экзамены, проводившиеся под руководством директора, прошли в Симбирске с участием “многих посетителей, благородных, духовных и граждан с успехом средственным, причем отличившихся 13 учеников читаны были имена и розданы книги в награждение”²⁷.

Летом 1794 г. губернатор посетил открытые испытания во всех классах. Правда, это обстоятельство не привлекло на сей раз большого количества посетителей “за непогодой”. Зато число награжденных учеников увеличилось до 30²⁸.

Награждение учеников книгами по-прежнему оставалось одной из действенных мер распространения светской печатной продукции в провинциальном обществе. Как и раньше, предпочтение при этом отдавалось книгам философского и нравоучительного содержания, не исключалась научная и учебная литература, а также художественные произведения. В 1796 г., например, в отличие от 1790 г. сократилось количество названий книг, выданных в награду, поскольку ученикам теперь часто выдавались несколько экземпляров одного и того же издания. Среди наград указанного года довольно неожиданной для времени борьбы с французской революцией выглядит полученная учеником 4 класса Иваном Антоновым книга “Смерть и последние речи Жан-Жака Руссо”. Из прочих наград для 4 класса упоминаются следующие названия: “Парнасская история”, “Трагедия Афаля”, “И весело, и полезно”, “Философические рассуждения”, “Краткое понятие о мифологии”, “Трагедия Гипермнестра”; для 3 класса: “Наставление отца к сыну”, “Стихотворения Алексея Колмакова”, “Трагедия Ярополк”, “Трагедия Ярополк и Димида”; для 1-2 классов: “Дружеские советы молодому человеку”, “Российская грамматика”, “Таблицы о оправдании правоторных”, “Истинное человеческое зеркало”, “2 часть Арифметики”²⁹.

В малых народных училищах требования Устава по поводу экзаменов не всегда соблюдались. По докладу, представленному в симбирский Приказ общественного призрения от 2 августа 1796 г., “нередко им замечено, что испытаниями теми ... умедливают господа смотрители и учителя”. Испытания в Самарском училище в тот год состоялись 11 октября, хотя не должны были проводиться позже 3 июля³⁰.

15 января 1795 г. экзамены в Симбирске посетило самое высокое за рассматриваемые годы начальство. Здесь присутствовал

“правлящий должность генерал-губернатора г. генерал-поручик, сенатор и кавалер Сергей Кузьмич Вязьмитинов”. На него посещение Симбирского главного училища произвело самое благоприятное впечатление, которое вылилось в объявление благодарности присутствовавшим здесь же губернатору Карпову, директору Масленицкому, учителям. В свою очередь Приказом общественного призрения об этом событии “о припечатании в публичных Московских и Санкт-Петербургских ведомостях сообщено в канцелярию Московского университета”³¹.

Для системы народных училищ губернатор был далеко не номинальным начальником и не просто почетным попечителем или посетителем. Все важнейшие вопросы школьной жизни требовали его санкции. Его отсутствие в губернии тормозило принятие насущных решений. Это касалось, например, обеспечения школ помещения или учительскими кадрами. С весны до осени 1796 г. Приказ никак не мог отправить архитектора “для свидетельства” в Карсун для начала работ по перестройке здания школы “по причине отсутствия господина попечителя”, почему “отправление оного оставлено до прибытия его превосходительства”³².

Только губернатор мог поддержать просьбу к духовным властям по поводу присылки будущих учителей из семинарий. Так, в августе 1796 г. испытывавший нужду в такой присылке симбирский Приказ общественного призрения единственно констатировал, что следует “о представлении к казанскому архиепископу ожидать повеления от попечителя господина генерал-поручика и кавалера Александра Дмитриевича Карпова, но как его превосходительство находится в отсутствии, то по прибытии его в Симбирск доложить не преминет”³³.

Большинство текущих вопросов жизни училищ решали директор или Приказ общественного призрения, часто делая это совместно. Например, это делалось в случае, когда вставал вопрос о разрешении учителю отправиться в отпуск. 5 февраля 1793 г. сызранский учитель Воскресенский просил Приказ дать ему отпуск “для свидания с родителями своими Казанского наместничества в город Царевококшайск сроком на 29 дней”. Приказ не возражал, но предложил директору народных училищ Масленицкому сначала сообщить, “кому во время отбытия учителя Воскресенского поручить класс”. Масленицкий, в свою очередь, потребовал, чтобы отпустили Воскресенского не раньше, чем директор сам посетит Сызранское училище, “и не более как на три недели”. С этим Приказ вполне

согласился и дальнейшее конкретное решение об отпуске Воскресенского, в том числе выдачу паспорта возложил на Масленицкого³⁴.

Последний в итоге отложил свою поездку в Сызрань и дал согласие на предоставление Воскресенскому отпуска на просимые тем 29 дней. Приказ не возражал и против такого решения, “для того сызранскому смотрителю предложено с тем, чтоб он по получении оного без промедления, приняв от учителя все имеющееся на отчете его, препоручил должность одному из старших учеников 2-го класса, более других успевавшему в учебных предметах, и учителя того от должности уволил”. Как затем сообщил смотритель, учительская “должность препоручена одному 2-го класса из учеников Никифору Орлову”³⁵.

В свою очередь и сам Масленицкий продолжал совмещать обязанности директора народных училищ Симбирской губернии с другой деятельностью в аппарате местного управления, что создавало определенные сложности. Так, 16 февраля 1793 г. он “просил позволения отлучиться для обозрения училищ Самарского и Сызранского, но удержан по причине отправления должности председателя верхнего земского суда обоих департаментов”. К тому же “господин попечитель училищ намеревался сам осмотреть города сии, да и осматривал, отзываясь Приказу, что учителей и училища нашел в желаемом порядке, а потому и директором обозреваемы не были”³⁶.

Всякий отъезд директора народных училищ по делам, включая осмотр училищ в уездных городах, сопровождался испрашиванием разрешения от Приказа общественного призрения и препоручением должности одному из дворянских заседателей Приказа. Так, в 1793-1795 гг. во время поездок Масленицкого в города губернии обязанности директора в Симбирске неоднократно исполнял капитан Карамзин. Последний даже продолжал исполнять директорскую должность в начале 1796 г., хотя уже не являлся к тому времени заседателем Приказа³⁷.

Кадровый вопрос вообще оставался для школы одним из самых важных. Мнение директора симбирских народных училищ о работе большинства учителей оставалось самым благоприятным до рубежа 1791-1792 гг. При подаче ведомости за первое полугодие 1791 г. он сообщил “Приказу общественного призрения, что из учителей... Цветков в прилежании и поведении себя поправил, а при открытом испытании как он, так и прочие успехами учеников доказали свое старание, из полугодовых же списков видны успехи и по малым училищам, особенно по Самарскому”. Директор предло-

жил “в воздаяние трудам” учителей просить правителя наместничества о повышении их чинами. Эту просьбу Приказ поддержал. Губернатор согласился с данным представлением и 13 января 1792 г. произвел учителей главного народного училища Цветкова, Веревкина, Шутихина в канцеляристы, а Тихонравова – в губернские регистраторы³⁸.

10 марта 1792 г. Масленицкий вновь подал просьбу о повышении чинами на сей раз учителей малых народных училищ, так как “учители в Сызрани Воскресенский, в Самаре Козмодемьянский в поведении, прилежании к должности одобрены ему от смотрителей и засвидетельствовано сие гражданами, да и он с своей стороны, находя учеников довольно успевшими, судя по времени вступления, за нужное почитает, отдавая тем учителям должную справедливость”. Приказ передал вопрос на рассмотрение губернатора, а со своей стороны изъявил через городскую администрацию благодарность самарскому учителю “за прилежное обучение” школьников. 26 мая 1792 г. сызранский и самарский учителя получили чины канцеляристов³⁹.

Представление же Масленицкого о награждении карсунского учителя Комарова чином подканцеляриста в 1791 г. Приказ общественного призрения отказался поддержать. Тому указывались две причины. Первая состояла в том, что из присланных списков было усмотрено “по училищу Карсунскому противу прежнего великое уменьшение учеников”. Вторая стала следствием “прежде оказанных им дурных поступков”. Приказ пришел к заключению по поводу Комарова, что “подает он теперь к его лености и нерадению сумнение, а посему до предбудущего усмотрения его успеха и прилежности и аттестовать к награждению теперь Приказ не может”⁴⁰.

Ожидаемого исправления поведения и работы Комарова не произошло. На него вновь пошли жалобы. Городничий Голенкин, исполнявший должность смотрителя Карсунского училища, “дал знать, что учитель Комаров от дурных поступков и пьянства не воздерживается”. Приказ же, “не усматривая в нем более надежды к поправлению, рекомендовал директору приискать на место его другого”⁴¹.

В свою очередь Комаров сам жаловался на Голенкина, утверждая, что городничий распустил по домам школьников в конце июня, включая “и тех самых, коим назначено при испытании говорить речи”, поэтому провести экзамены в предусмотренные

Уставом народных училищ сроки не удалось. Плохая репутация Комарова, по мнению Приказа, не позволяла принимать на веру его жалобы и объяснения. Да и Голенкин в ответ на жалобу Комарова заявил, “что он учеников в дома ... не увольнял и о том повеления никому не давал”⁴².

Конфликт временно утих в связи со сменой карсунского городничего. На это место был назначен секунд-майор Копытов, который в апреле 1792 г., идя навстречу предложению Приказа, сообщил, “что с удовольствием приемлет смотрительскую должность” в местном училище. В июне он был утвержден на смотрительской должности губернатором Карповым⁴³.

От карсунского смотрителя потребовали более тщательного контроля за деятельностью учителя. Последнему было “предписано, чтоб ... никаких ведомостей и представлений сам собою никуда не делал, а всегда относился чрез тамошнего городничего”. Городничему же предложили тщательно проверять просьбы и сообщения Комарова “и впредь без самоличного освидетельствования ни о чем Приказу не представлять и на одном учителевом показании не утверждаться, а чрез то и Приказ излишними переписками не беспокоить”⁴⁴.

Директор народных училищ мог и сам предложить провести замену смотрителя малого училища. Однако губернские власти не спешили в подобных случаях следовать его рекомендациям.

Еще в марте 1791 г. Приказу общественного призрения стало “известно, что алатырский смотритель нередко из города отлучается, должности ж его в противность закона остаются без выполнения”. Хотя городничему отправили распоряжение “о невыпуске никуда из города смотрителя”, положение не исправилось и в последующее время. 1 сентября 1792 г. Масленицкий прямо обратился с предложением определить Алатырскому училищу “в смотрители на место мещанина Никонову, коего заметил он к должности не усердным”, другое лицо. Решение по данному поводу не было принято, и Масленицкий в декабре, прибыв на экзамены в Алатырь, вновь обращал внимание на отсутствие в городе смотрителя Никонова, с которым ему даже в такой ответственный момент не удалось встретиться⁴⁵.

Произошла смена смотрителя в указанном городе уже по инициативе городской общины, которая выбрала на место Никонова мещанина Алексея Ивановича Тепловодского. Результаты выборов не могли быть сами по себе основанием для назначения на смотри-

тельскую должность, так “как по силе Устава народных училищ 86 статьи во оную должность велено избирать самим попечителям народных училищ, а здесь попечителем правитель наместничества, и для того о утверждении в смотрители помянутого Тепловодского представлено ему, господину правителю наместничества и прошено его благоволения”. По предложению Приказа эта кандидатура в январе 1793 г. была уже официально “избрана” и утверждена губернатором. Последний при принятии решения прямо указал на то, что полностью положился на выбор, сделанный “алатырским градским обществом”⁴⁶.

Отказ смотрителя от своей должности властями не рассматривался всерьез и не принимался. На этой почве в 1795 г. даже возникли разногласия между директором симбирских народных училищ и Приказом общественного призрения, когда “находящийся в Сызранском училище смотритель Кудряшев за многовременным его исправлением должности просил увольнения”. Директор Масленицкий, исходя из интересов школьного дела, считал, что не стоит принудительно удерживать его на смотрительской должности и согласился удовлетворить эту просьбу. Иного мнения придерживались в Приказе: “Сызранского смотрителя, хотя и просит от порученной ему должности свободы, но как он выбран на основании высочайшего Устава народных училищ обществом градским и утвержден господином попечителем, то покудова не избран будет на место его другой достойный, Приказ переменить не может”. Единственной правильной процедурой освобождения смотрителя от должности признавались его перевыборы “градским обществом”, которые было предложено организовать городовому магистрату в Сызрани, “и когда кто выбран будет, представить Приказу”. В итоге в Сызрани на место смотрителя Кудряшова был выбран купец Кувшинов, что и было утверждено губернатором⁴⁷.

Чиновники Приказа даже не заметили, что в своем решении они приписали законодательству отсутствующую в нем норму. В Уставе народных училищ ничего и нигде не говорилось об избрании городскими общинами смотрителей народных училищ, как это было принято в отношении должностных лиц местного самоуправления. Ошибка была сама по себе очень характерной и наглядно демонстрировала тенденцию превращения заботы о школьном деле в одну из городских служб-повинностей. Таким образом, смотрительская должность, если даже не по форме, то по существу все ближе оказывалась к традиционному кругу городских служб, замещаемых

по выбору жителей или органов самоуправления. Отрицательной стороной данного явления стала угроза отношения к ней со стороны населения как к очередной досадной и навязанной властями повинности.

Возможность несанкционированного отъезда зрителей, принадлежавших по происхождению городским сословиям, ограничивали весьма жесткими мерами. В отношении купца Ивана Кувшина, ставшего в 1795 г. зрителем Сызранского училища, Приказ общественного призрения потребовал от городского магистрата, чтоб тому “письменных и печатных паспортов во всю бытность в зрителях не давал, и никуда ни на какое время из города без особого повеления Приказа не увольнял”⁴⁸. Можно представить, насколько стеснительным было такое ограничение передвижения для торгового человека.

Обязательная замена требовалась для зрителя малого народного училища “из благородных” в случае его временной отлучки. Так, в 1794 г. городничий Буткевич, отпущенный из Самары на 4 месяца, сдал прапорщику самарской штатной команды Никитину не только свою основную должность, но и обязанности зрителя. В ситуации, когда по какой-либо причине зрителя в училище не было, его обязанности практически автоматически возлагались на лицо, пусть даже временно состоящее в должности городничего⁴⁹.

Служба по городу, возникшая не из внутреннего осознания потребностей общества, а воспринимаемая как прихоть властей, обеспечивалась не общественным, а административным контролем. Не случайно, что даже в тех случаях, когда руководитель города сам не являлся по совместительству зрителем малого народного училища, ему приходилось держать школьные дела под своим наблюдением. В ноябре 1792 г. алатырский городничий Овсянников не согласился официально принять обязанности зрителя училища, и симбирский Приказ не стал настаивать, предложив выбрать “в зрители достойного из граждан”. Однако Приказ одновременно просил, чтобы “сверх того зрителя и сам он, городничий, за училищем и учителем имел надзирание”⁵⁰.

Попытки зрителей оправдать невыполнение хотя бы отдельных поручений по своей должности объективными обстоятельствами также решительно пресекались властями. Когда в 1794 г. сызранский зритель сослался на то, что он не получил одно из распоряжений Приказа, последний проследил всю цепочку корреспонденции от собственной канцелярии через симбирский

почтамт до сызранской почтовой конторы. Выяснилось в итоге, что искомый “конверт сызранскому смотрителю Кудряшеву действительно отдан распискою”. Городничему было повелено вызвать смотрителя и потребовать письменных объяснений, “почему он, получа действительно тот конверт, Приказу рапортовал, что его в получении не имеет”⁵¹.

Вообще именно с городничих, независимо от того, являлись ли те смотрителями или нет, прежде всего требовали строгой финансовой отчетности о деятельности народных училищ. В начале 1793 г. Приказ выразил недовольство деятельностью “алатырского, а паче всего карсунского городничих”, которые “в прошлом 1792-м году месячных отчетов в Приказ не доставляли”, а последний не представил и годовой “отосланной на записки прихода и расхода книги”. Приказ просил наместническое правление “за неисполнение с карсунского и алатырского городничих учинить законное взыскание”⁵².

Чиновники Приказа были весьма удивлены в 1796 г. присылкой уведомления из сызранской управы благочиния о необходимых средствах на содержание училища, “поелику в должности сей управы ничего о сем не предвидится”. Свой ответ Приказ использовал только для того, чтобы напомнить сызранскому городничему, что финансовая сторона деятельности училища входит именно в его компетенцию и что от него со смотрителем начиная с 1795 г. не получено никаких отчетов по денежному приходу и расходу на школу⁵³.

Приказ общественного призрения предупреждал комендантов и городничих, наделенных большими полномочиями по ведомству народного образования, от злоупотреблений со средствами, которые предназначались на школьное дело. Он требовал, чтобы руководитель местной администрации “подлежащих до Приказу денег ни мало у себя не удерживал и без повеления Приказа в расход никуда не употреблял, а доставлял в Приказ”⁵⁴.

Местным властям Приказ общественного призрения пытался также привить хотя бы внешнее уважение к учителям и оградить их от произвола. После случая с Козмодемьянским, посаженным под арест в самарской управе благочиния 31 мая 1795 г., администрации и полиции в уездах было предписано “впредь же отнюдь учителей по собственным взысканиям и в учебные часы так, как ныне открылось с Козмодемьянским, в управу не забирать и не сажать под караул, а поступать с ними, яко носящими на себе трудные и важные должности воспитателей сыновей Отечества”. Властям было

велено обращаться с учителями “благосклонно и стараться от дурных поступков удерживать только словами; а если ... и от увещаний в первый и другой раз не исправится, то о сделанном третий раз дурном поступке представлять уже Приказу и господину директору училищ и требовать резолюции”. Приказ грозил самыми серьезными взысканиями, если местные чиновники еще раз проявят “таковое самовластие и меудовольствие для учителей”⁵⁵.

Документы училищного ведомства середины 1790-х гг. показывают все большее разочарование в сложившейся системе опеки местной администрации и смотрителей над школами уездных городов. Из Самары в 1796 г. пришла жалоба, что “там училищный казенный дом, по несмотрению господина городничего, пришел в совершенную ветхость”. Хотя обо всем этом “господину городничему было неоднократно докладывано, ... но и по сие время еще не имеется печности о поправлении оногo”. Городничий отрицал факт обращений к нему по поводу состояния дома, но не мог отрицать действительно плачевного состояния училища⁵⁶.

С учетом весьма равнодушного отношения ряда городничих и смотрителей к школьным делам училищное начальство начинает предлагать учителям действовать более инициативно, даже дает поручения, связанные с серьезными денежными тратами. Так, предписав городничему и смотрителю в Карсуне заняться починкой школьного здания, Приказ тут же дублировал это распоряжение: “Но дабы все то могло выполнено быть скорее, то предложено учителю, чтоб он в случае медленности в том городнической постарался сам отыскать к тому желающих за умеренную плату и заставил работать..., почему и не оставит Приказ снабдить его требуемою суммою”⁵⁷.

В октябре 1795 г. Масленицкий высказался за отмену принципа назначения смотрителями народных училищ как представителей местной администрации в лице городничих, так и выборных из городских сословий. Он доказывал свою мысль на примере двух смотрителей: “В Карсуне должность смотрителя отправляет господин городничий Копытов, а в Алатыре мещанин Тепловодский, из которых первый обязан многими заботами по городнической должности, а другой о науках нимало не сведущ и слаб”⁵⁸.

Директор обратился к Приказу общественного призрения “со испрашиванием сношения с епархиальными начальниками, дабы позволили заступить смотрительские должности ученым духовным”. Понимания такая позиция в администрации не встретила, и “Приказ,

утвердивши смотрителей на основании высочайшего Устава, с епархиальными начальниками сноситься ни малого резону не нашел, а рекомендовал господину директору, чтоб усугубил попечение в прилежном их исправлении должностей и делал о том почасту свои предписания”⁵⁹.

В литературе уже обращалось внимание на одно серьезное отличие народной школы в России от австрийского прототипа. Речь идет о роли духовенства. Сам создатель Саганской методики и австрийской системы общеобразовательной школы Фельбигер, многие его ученики и последователи, возглавившие новые школы, являлись католическими священниками. Из этого сословия в Австрии назначались инспекторы училищ и члены училищных комиссий. Православное русское духовенство было полностью отстранено от прямой преподавательской деятельности в общеобразовательной школе и от участия в контроле за ее деятельностью. Даже уроки Закона Божьего вели светские учителя. Сведения о единственном преподавателе народных училищ – священнике, которые нам удалось встретить, относятся к Тобольской главной школе, где священник И. Гиганов был учителем татарского языка⁶⁰.

При этом и сама Екатерина II, и Комиссия народных училищ в целом, и ее конкретные члены, включая иностранцев (Янкович) и иноверцев (Эпинус), были не только абсолютно свободны от какой-либо негативной тенденции в отношении православной церкви, но более того всячески заботились о религиозном воспитании учащихся. По мнению Д.А. Толстого, само тогдашнее русское “духовенство апатично бездействовало” в деле народного образования⁶¹.

С.В. Рождественский был согласен с Д.А. Толстым в том, что инициаторы и проводники школьной реформы в России ограничили роль духовенства в народных училищах не по каким-либо идейным мотивам, но и не полагал тому причиной собственное бездействие церкви. В учебный процесс священники не были вовлечены, как считал историк, в целях сохранения чистоты “способа учения”, которым они не владели. Училищное заведование же не могло быть поручено им даже в ограниченной мере, поскольку Учреждение о губерниях, на которое опирался Устав 1786 года, не предусматривало никакого участия духовного сословия в местном управлении и самоуправлении⁶². Представителей этого сословия не было ни среди заседателей Приказов общественного призрения, ни среди выборных лиц городских общин, а потому власти не видели причин делать исключения из этого правила в области школьного дела.

Полное сохранение сложившейся практики назначения смотрителей или из горожан, или из руководителей администрации было продемонстрировано в самом начале 1797 г. В связи с просьбой директора симбирских училищ о замене выбывших со службы городничих и одновременно смотрителей малых училищ Буткевича в Самаре и Копытова в Карсуне на смотрительские места были утверждены соответственно “по выбору граждан”, от имени которых решение принимал самарский магистрат, купец третьей гильдии Пономарев и карсунский расправный судья титулярный советник Кисловский⁶³.

Найти замену профессиональному учителю, как и прежде, все же было гораздо сложнее, чем решать, кого назначить смотрителем. Симбирский Приказ, выражал, как говорилось уже выше, недовольство службой Комарова в Карсуне. Однако прежде чем решиться и окончательно отказать последнему от преподавательского места, Приказ вынужден был ему на замену потребовать “в присылку два человека от Нижегородской консистории для приготовления к учительским должностям”⁶⁴.

Требование, посланное из Симбирска, осталось без всякого ответа, даже отрицательного. Просто “от нижегородского преосвященного и уведомления никакого не получено”. Насколько можно судить по имеющимся документам, Нижегородский архиерей ни разу не сделал шага навстречу кадровым нуждам светской школы на Средней Волге. Более конструктивной вновь оказалась позиция Казанской епархии, но ей самой пришлось сталкиваться с более низким престижем учительской службы среди семинаристов по сравнению с церковной или государственной: “Хотя де один способный к учительской должности для отсылки в Приказ и был назначен, но, по собственному его к тому нежеланию, для определения в статскую службу отослан в Казанское наместническое правление, других же способных ... не имеется”⁶⁵.

Повторное обращение симбирского губернатора Карпова к архиепископу Амвросию в 1794 г. вначале осталось без положительного ответа, поскольку пришло, когда семинаристы были “все распущены на ваканциальное время (каникулы – Л.А.) по домам родственников своих”. Впрочем этот отказ не был окончательным и сопровождался обещанием вернуться к данному вопросу в сентябре с возвращением студентов к началу занятий. Действительно это обещание было выполнено и осенью того же года вновь в Симбирск прибыли два семинариста для подготовки к работе в народных училищах⁶⁶.

В самом Симбирске к концу 1791 г. не осталось никого из “обучающихся учительским должностям”. В ведомости за второе полугодие 1791 г.⁶⁷ были подведены итоги деятельности Симбирского главного народного училища для подготовки преподавательских кадров для школ младшего звена на первых ступенях школьной реформы. Всего же за 1787-1791 гг. здесь “обучались учительских должностей” 20 чел., в том числе и ранее упоминавшиеся:

- учителя малых народных училищ Симбирской губернии Комаров, Воскресенский, Козмодемьянский, Хворостов,
- окончательно определенный 6 марта 1791 г. на место Хворостова в Алатырь Григорий Сапожников,
- выпущенные летом и осенью того же года с аттестатами в Симбирский батальон “для заведения в гарнизонной школе нормального учения” М. Федоров, Я. Сурков и А. Жаринов,
- с этой же целью отправленные 12 сентября 1791 г. с аттестатами в калмыцкую школу два брата Ягодинские,
- подготовленные в учителя для школ Уфимской губернии и отосланные туда 8 чел.

Кроме того, по различным причинам некоторые из проходивших подготовку на учительские места так и не были на них определены. Из присланных от симбирского коменданта солдатских детей Михаил Леонов был в 1788 г. “из 3 класса взят в полевые полки без аттестата”. Симбирский мещанин Степан Пинеев, хотя и прошел полный курс подготовки, но “за несовершеннолетием к учительской должности не удостоен Приказом”.

В соседних губерниях, Саратовской и Уфимской, подготовка преподавателей для школ не велась вовсе. “Учебному способу со времени открытия здешнего главного народного училища никто в оном обучаем не был и теперь никто не обучается”, – сообщалось, например, в ведомостях Уфимского наместничества⁶⁸.

Все же недовольство работой все того же Комарова заставило симбирское школьное начальство вернуться к подготовке преподавателей малых народных училищ. На экзамене в декабре 1792 г. в Карсуне, где присутствовал Масленицкий, первоклассники “оказались в чтении и письме слабыми и буквы произносят старым названием”, второклассники “в арифметике прошли только до именованных чисел, из Книги о должностях человека и гражданина отвечать не могли”. Жалобы же на недостойное учителя поведение Комарова теперь последовали от нового городничего и зрителя Копытова. Все это заставило Масленицкого обратиться в Приказ с

предложением “о приготовлении на место Комарова в Карсуне из воспитанников Приказа по главному училищу IV класса ученика Ивана Петрова”. Пока что этот ученик, закончивший все предметы школьного курса, “находился в том училище помощником всех классов”⁶⁹.

Даже опытным и хорошо зарекомендовавшим себя учителям не всегда удавалось справиться со своими обязанностями. За дополнительную работу в рисовальном классе к основному жалованью учителя высших классов Симбирского училища Цветкова в 400 руб. было добавлено еще 150 руб. в год. Оказалось, что добавочное жалованье он отработывал не всегда добросовестно. 4 декабря 1792 г. директор Масленицкий, “прибыв в класс рисовальный училища, не нашел в нем учителя Цветкова”, которого не застали и на его квартире. Продав час “и не могли дожидаться, поручив учеников одному из старших”, директор уехал, “а Цветков во все время учения того числа в классе не был”. Явившийся на следующий день к директору, он честно признался, что вместо службы был в бане, получив за то “крепкий выговор с подтверждением, дабы впредь должность исполнял усерднее и прилежнее”. В связи с этим случаем всех учителей главного народного училища вызвали в Приказ и взяли подписку, “чтобы они должности свои исправляли с усердием и прилежностью и отнюдь бы назначенных к обучению часов не пропускали”⁷⁰.

По результатам первого полугодия 1793 г. Масленицкий выразил недовольство тем, что без перевода в следующий класс Симбирского училища остались “без довольной и по объяснению учителей причины по первому классу 23, а по второму 12 учеников, что приписывал он к ослаблению в должностях учителей Веревкина и Шутихина”. Директор вынужден был провести дополнительное “частное испытание оставшихся без переводу учеников”, в ходе которого “1-го класса большая часть оказалась совсем почти читать не знающими и в письме весьма слабыми”. Веревкин оправдывался тем, “что научать учеников чтению и письму в годичное время невозможно ради разнообразного знания учеников, поступающих в его класс”, где состоит более 40 человек. Масленицкий предложил Приказу придать в помощь Веревкину пономарского сына Филиппа Петрова “для наставления в чтении и письме вновь поступающих учеников и приготовления его чрез то к учительской должности на случай неимения оных”. Филипп был братом уже упоминавшегося выше Ивана Петрова⁷¹.

Оба брата Петрова поступили на содержание Приказа общественного призрения 5 августа 1785 г. малолетними детьми. Еще школьниками они привлекались к делам училища, в частности делали копии книг и документов⁷².

По поводу Ивана Петрова Масленицкий тогда же вновь повторил свое предложение о назначении его на место учителя в Карсун. Там вновь с не лучшей стороны очередной раз показал себя Комаров, поскольку июньские экзамены сорвались “за отлучкою учеников ради бываемой там ярмонки о Троицыне дне”. По требованию директора экзамены в Карсунском малом училище все же состоялись. Но это произошло только в конце июля и в них из 23 школьников приняли участие всего 10 человек. Даже из этого малого числа некоторые отвечали слабо по причине многократных пропусков занятий. В конце августа Приказ пошел навстречу запросам Масленицкого и принял резолюцию, на основании которой братья Петровы начали в ноябре занятия с преподавателями главного народного училища по подготовке “к учительским должностям”. Веревкина же и Комарова недовольный директор в официальной полугодовой ведомости о состоянии народных училищ аттестовал “нерадивыми”⁷³.

В Карсуне продолжались взаимные жалобы смотрителя и учителя друг на друга. Комаров заявил приехавшему сюда в ноябре 1793 г. Масленицкому, “что господин смотритель Копытов никогда не посещает училища”. Последний не стал этого отрицать, объясняя все “недосугами по должности городнической в смотре за училищем”, но все же полагал главной бедой школы и “причиною уменьшения учеников пьянство и лень учителя”⁷⁴.

Сцены выяснения отношений между двумя самыми ответственными за просвещение в Карсуне лицами становились все более безобразными. 12 апреля 1794 г., как жаловался учитель, “вдруг пришедши к нему в дом ... двоим солдат и, взяв его без всякой виновности и не разобрав никакого между ими дела, посадили под караул так как какого преступника, а потом на другой день тамошний господин городничий секунд майор Копытов, приехав и призвав его, Комарова, к себе в дом, кричал всякими скверными и непотребными словами, также и угроживал побоями”⁷⁵.

К концу 1793 г. Масленицкий счел возможным изменить свое мнение о работе Веревкина. Тот наряду с другими учителями главного училища, а также малых Самарского и Сызранского был охарактеризован хорошим прилежанием. Прилежание Комарова и

алатырского учителя Сапожникова аттестовано “средственным”. Поведение всех учителей получило хорошую оценку, кроме также “средственной” у Сапожникова. Следует добавить, что к этому времени половина учителей Симбирской губернии были женаты и имели детей (Веревкин, Шутихин, Козмодемьянский, Комаров). Остальные так и не обзавелись собственными семьями и детьми. В середине 1794 г. директор представил всех четырех учителей главного народного училища к награждению чином коллежского регистратора “за 8-летнее в учительской должности пребывание, прилежность и благоповедение”, а учителей Самарского и Сызранского училищ к чину губернского регистратора. Губернатор, сославшись на указ Правительствующего Сената от 18 марта 1793 г. о чинопроизводстве учителей, предложил о награждении их чинами просить Главное училищное правление в столице⁷⁶.

Кадровый вопрос неожиданно усугубился тяжелой болезнью одного из упоминавшихся учителей главного народного училища. В сентябре 1794 г. по освидетельствованию “от медицинских чинов” оказалось, что Веревкин пребывает “в чахотной лихорадке, за чем и к продолжению службы способным быть не может”. Веревкина тем не менее попросили “употребить до перемены его другим все силы” и одновременно рекомендовали “подать объяснение, на чьем пропитании и где жить намерен”, на что тот ответил о желании перебраться к своему родному брату Федору Матвееву, работавшему учителем малого народного училища в Вышнем Волочке или к дяде Алексею Павлову, жительствовавшему в Твери. Пока что помогать Веревкину определили из учеников Филиппа Петрова⁷⁷.

Брат последнего Иван не оправдывал возлагавшихся на него надежд “по молодым его летам и оказанной им во изучении учительских должностей обленчивости и неблагонравного поведения”. Однако 2 октября Масленицкий все же предложил Приказу определить на службу обоих братьев Петровых и просил “о снабдении их на учительское звание свидетельством”. Филиппа предлагалось направить помощником в 1-й класс, “где состоит более 50 учеников” и “одному управиться с успехом невозможно”, и в рисовальный класс, “в котором учеников из трех классов обучается немалое число и к которому Петров оказывает склонность”. Ивана же, “поправившегося в поведении и прилежности”, директор рекомендовал вновь назначить учителем в Карсун вместо Комарова. Приказ со своей стороны указал, что 15-летнего Ивана нельзя определить к этой службе, хотя не стал возражать на выдачу ему

просимого свидетельства. К тому же наконец прибыли затребованные из Казанской семинарии студенты Ефибовский и Крачков “ко изучению учительских должностей”. Именно их стали рассматривать в качестве будущей замены Веревкина и Комарова. Более того Ефибовский уже 9 октября “по засвидетельствованию учителей главного народного училища и директора” был “утвержден Приказом в учителя 1 класса”, а Веревкин “уволен за болезнию на свое пропитание”⁷⁸.

От роду Василию Федоровичу Ефибовскому, новому симбирскому учителю, было тогда 19 лет. Быстрое определение его в школу, возможно, означало не столько хорошую его подготовку, сколько крайне сложное положение с преподавательскими кадрами вообще. Во всяком случае Ефибовскому уже летом 1796 г. сделали замечание в виде характеристики его “в списке за первую половину сего года неприлежным и неблагонравным”. Основанием тому послужили полученная на него и оказавшаяся справедливой жалоба, а также признание “обленившимся к должности”⁷⁹.

Официально “в должность помощника по первому и рисовальному классу” Филипп Петров “по резолюции Приказа вступил” 20 октября 1794 г. Эта должность не улучшила его довольно скудного содержания, полагавшемуся воспитаннику дома призрения неимущих. Ему выдавали одежду, 12 руб. кормовых в год и разрешили жить в покоях учителя Цветкова “под дозированием” последнего. Просьба Масленицкого уравнивать Петрова жалованьем и квартирой с учителем 1 класса оставлена была Приказом без удовлетворения. У Филиппа, “по недостатку в одежде и обуви”, зимой 1795 г. часто даже не было возможности приходить в училище и вести занятия в классах⁸⁰.

Весьма скоро было принято еще одно кадровое решение. В начале марта Масленицкий заявил, что более “не находит он нужды в помощнике” для учителя 1 класса. Приказ рассмотрел вопрос о Филиппе Петрове и согласился с решением о его “увольнении от учительской должности к другим должностям”⁸¹.

Его старший брат Иван еще раньше был отчислен из главного народного училища, “исключен из списка по дому неимущих и в сходстве требования наместнического правления отослан к распределению в казенную палату”. С 20 октября 1794 г. он “в той палате был писцом”, а 10 апреля 1795 г. произведен в копиисты. В то же учреждение следовало отослать и Филиппа. Однако, поскольку “Приказ же во время содержания его употребил немалую на него

сумму, да и в канцелярских служителях имеет теперь недостаток”, то пятнадцатилетнего Петрова-младшего решили оставить на службе в самом Приказе общественного призрения. В наместническое правление из Приказа 5 марта ушла просьба определить его в чин подканцеляриста с соответствующим жалованием. Однако вскоре это решение было изменено, поскольку Петров выразил “желание продолжать статскую службу в числе канцелярских служителей в палате гражданского суда”. Приказ общественного призрения отправил его в наместническое правление “при сообщении с тем, чтоб ... определить его сходственно желанию”⁸².

2 февраля 1795 г. свидетельство о прохождении курса подготовки в главном народном училище на занятие учительской должности в 1 и 2 классах было вручено “вытребованному из Казанской семинарии ... Илье Крачкову”. Приказ общественного призрения утвердил его на место Комарова в Карсунскую школу. По происхождению Крачков был сыном священника из Симбирской губернии⁸³.

Комаров, ожидавший своего увольнения со дня на день, потопился предварить это решение с выгодой для себя. В середине января он подал прошение в Приказ общественного призрения с просьбой о переводе его с учительской должности в Карсуне на место канцелярского служителя в казенную палату Симбирска. Причинами своей просьбы он обозначил недостаточность учительского жалования для содержания семьи и желание осесть по соседству с родственниками, проживающими вблизи губернского города. Несмотря на все свои претензии к службе Комарова в Тагайской и Карсунской школах, Приказ общественного призрения поддержал ходатайство о назначении бывшего учителя на статскую службу в казенную палату после того, как его заменит Крачков⁸⁴.

Над назначенным в Карсун новым учителем установили со стороны городничего беспрецедентную опеку. От Приказа Копытову было указано: “Хотя он и уверяет, что училищный дом со всеми в нем находящимися вещами и книгами поручен смотрению вновь определенного учителя Крачкова, но как он молодых еще лет, то положить во всем на одного его невозможно, а предложено ему, городничему, с тем, чтоб и он имел почасту дозирование как за домом, так и за всем, находящимся в училище, да и за поведением учителя, и в случае его каковых шалостей от оных стараться удерживать”⁸⁵.

Однако следующая неприятность директору народных училищ Симбирской губернии от нерадения подчиненных пришла с другой

стороны. Как сообщила самарская управа благочиния, числившийся у Масленицкого прежде на хорошем счету учитель Козмодемьянский был замечен “в беспорядках и пьянстве”. 11 июня 1795 г. Приказу общественного призрения было предложено “об отрешении его от сей должности яко человека, потерявшего доверие граждан”. Учителя вызвали “для ответов в Приказ” и предложили на время отсутствия, чтобы “поручил бы должность свою старшему из учеников”. Было решено затем вовсе отстранить Козмодемьянского от учительских обязанностей и вновь “просить Казанского преосвященного, дабы благоволил прислать способного в сию должность семинариста”⁸⁶.

Козмодемьянский, как и ранее Комаров, не стал тихо дожидаться увольнения, а сам заявил о своем отказе “быть больше в учителях”. В отличие от Комарова, он объяснял свое решение не материальными, а моральными причинами, умаляющими учительский труд. В числе основных причин он называл произвол местной администрации и полиции и их нежелание помогать школе, неприятие нового образования горожанами, собственное неверие в перспективный просвещения провинциального общества. Приказ общественного призрения и на этот раз не стал препятствовать достойному уходу бывшего учителя на другую службу и поддержал его просьбу о переводе в канцелярские служители, для чего и отослал Козмодемьянского в наместническое правление⁸⁷.

Пока выяснялись обстоятельства, связанные с увольнением самарского учителя, занятия в этой школе продолжались “при посредстве малолетнего Карсакова в назначенные дни и часы”. Впрочем в отличие от долго тянувшегося дела Комарова замену в Самарском училище произвели очень быстро. Туда был определен в начале июля окончивший 4 класс главного народного училища 18-летний обер-офицерский сын Михаил Федорович Тюрин, “доколе другой на место отрешенного Кузьмодемьянского определен не будет”. Прежний учитель сдал Тюрину все дела по Самарской школе 22 июля 1795 г.⁸⁸

Это было первым и единственным за все время существования народных училищ примером в истории средневожских школ, когда на учительскую работу назначался выходец из “благородного” сословия. К последнему Тюрин принадлежал, поскольку отсутствуют более точные сведения, если не по рождению, то по офицерскому чину, выслуженному отцом, который был адъютантом Симбирского гарнизонного батальона⁸⁹.

Высокий социальный статус Тюрина-младшего подчеркивался рядом обстоятельств. При нем в Самаре находился “во услугах солдат Павел Андреев”. Одновременно сам Михаил Тюрин числился вместе

с Андреевым в том же батальоне в звании сержанта⁹⁰. Нет сомнения в том, что солдат был придан Тюрину от командования симбирского гарнизона, видимо, по настоянию отца в качестве ординарца и дядьки. Учитывая молодой возраст и то, что Тюрин явно не нес действительную воинскую службу, поскольку последние годы провел в главном народном училище, мы имеем дело с обычным в екатерининское время примером накапливания выслуги лет и прохождения младших военных чинов заочно. Подобную возможность карьеры во время пребывания в отпуске “для науки” могли реализовать только дворяне, да еще обладающие определенным положением и связями.

Тюрин числился в школе не постоянным служащим, а как “правлящий должность” учителя. Не был он выключен и “из списка по училищу” в Симбирске⁹¹. В документах его продолжали именовать учеником.

Опыт пребывания представителя правящего сословия в роли школьного учителя оказался не очень удачным. Запутанный статус Тюрина не мог в полной мере устроить училищное начальство. К тому же директор выражал недовольство “по случаю медленного доставления ... полугодичных списков и рапорта об успехе испытания” из Самары летом 1796 г. Масленицкий и Приказ общественного призрения подтвердили намерение заменить Тюрина, как только будет прислана замена из казанских семинаристов. Попытки Тюрина показать достаточно серьезное отношение к своим основным обязанностям, проявление озабоченности состоянием вверенного училища, видимое из его рапортов, не смогли переломить негативную оценку его деятельности⁹².

Самарский городничий Лукин сообщал о том, что видел гулявшего учителя в часы, предназначенные для учебных занятий, так тому было “делать нечего, потому что ученики в класс не собираются”. 16 октября 1796 г. он доложил Приказу общественного призрения “о неприлежности и неблагонравии” Тюрина, чем вновь поднял вопрос о его замене⁹³.

Было предложено вновь обратиться к представителям симбирского гарнизона, довольно многочисленным в главном народном училище, и направить в Самару солдатского сына Кожевникова, обучавшегося в 4 классе. Губернатор, к которому обратился Приказ, в принципе не возражал, но предложил прежде получить согласие на назначение Кожевникова у симбирского коменданта, “в воле которого он состоит”⁹⁴. Однако этого не понадобилось.

Вопрос о преподавателе для Самары разрешился довольно неожиданно. Бывший воспитанник симбирского Приказа общественного призрения и выпускник главного народного училища, которого в свое время готовили для занятия учительской должности в Карсуне, а затем копиист губернской казенной палаты Иван Петров, получивший вместе с братом Филиппом при переходе на статскую службу фамилию Пульхеровский, сам попросил “о помещении его на имеющуюся в Самарском малом народном училище учительскую ваканцию”. На перевод его из казенной палаты в школьное ведомство изъявил согласие вице-губернатор. По сообщению самой казенной палаты, “аттестуется он способным и к повышению чина достойным”⁹⁵.

Проситель представил “данное ему свидетельство от здешнего Приказа на окончание всех учебных предметов 4 класса и на изучение учительских должностей 1 и 2 классов”. 15 ноября Пульхеровский был определен “в учительское звание”. Ему тогда было уже 19 лет, и он являлся достаточно взрослым, самостоятельным и женатым человеком. В декабре Тюрин сдал новому учителю дела и имущество и отбыл в Симбирск⁹⁶.

Более устойчивым по сравнению со школами Симбирской губернии оказался состав учителей в соседней Уфимской губернии. Там в уездных школах на протяжении всего периода от их открытия в 1789 г. и до 1796 г. продолжали работать все те, что “были обучаемы учебному способу народных училищ, арифметике и российской грамматике в Симбирском главном народном училище на содержании уфимского Приказа общественного призрения, прежде нежели открыто было в Уфе главное народное училище”⁹⁷.

Статистические данные и повседневные факты народной школы 1791-1796 гг. рисуют в целом картину, не поддающуюся однозначной оценке. Выбор стоит между словами “стабилизация” и “застой”. С точки зрения первоначальных стратегических целей реформы, она затормозила на уровне, на который вынесла ее первая волна административного напора, поднятая однозначно выраженной “высочайшей” волей. В то же время следует признать, что местным властям и школьному начальству удавалось не допускать, чтобы имевшиеся трудности с набором учащихся или с кадровым обеспечением учебного процесса доводили до угрозы существования народных училищ. Даже, если ситуация оказывалась близкой к этой угрозе, ее удавалось выправить на месте (Самара) или прибегнуть к способу, уже известному из практики 1790 года, то

есть перевести народное училище из одного города в другой (Челябинск-Бузулук).

Даже для сохранения уровня школьного дела требовались энергичные меры, так что упрекнуть власти в бездеятельности и полном пренебрежении к нему не приходится. Однако тогда следует установить, почему результаты административных усилий в народном образовании не превышали никогда определенных границ, не шли дальше “стабилизации” положения, похожей на “застой”. Причины тому надлежит искать в сфере материальных проблем народной школы и в плоскости отношения к просвещению не столько власти, сколько различных групп провинциального общества.

§2. МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Денежные и прочие материальные проблемы народных школ стояли на виду, ими заполнены многочисленные ведомости и дела. Однако следует рассматривать эти проблемы не скопом, а по отдельности, что позволит точнее определить, насколько они были серьезными, неизбежными и решаемыми. При таком подходе становится яснее, что сделали или не сделали администрация и общество для решения конкретных вопросов, поставленных образовательной реформой. За рядом хозяйственных или административных затруднений народных училищ вполне проглядывали при этом мотивы, выходившие за прагматические финансовые интересы в сферу социальных, идейных, культурных отношений.

Как и в первые годы деятельности, в 1791-1796 гг. продолжали встречаться трудности с обеспечением как малых, так и главных народных училищ необходимыми пособиями. Однако преодолевать их в губернском городе, будучи на виду высшей местной администрации, было все-таки легче. К тому же директор главного училища участвовал сам в работе Приказа общественного призрения, где можно было решить пусть не все, но многие вопросы материального снабжения учебных заведений. Само по себе присутствие директора в Приказе не вело к автоматическому удовлетворению нужд народного образования, от школьного начальника требовались энергия, опыт, а главное – желание трудиться на ниве просвещения. Всеми этими качествами обладал директор симбирских училищ Т.Г. Масленицкий.

Авторитет Масленицкого в школьных делах был очень велик. Как правило, его обращения по училищным вопросам в органы местной власти не встречали возражений. Главным основанием принятия того или иного решения считалось и в документах в таком качестве фиксировалось мнение директора народных училищ: “Когда господин директор признает оные сделать за удобное, в каком случае ко всему тому месту, где назначает господин директор, противу его прожектору оные и сделать...”⁹⁸ Предложения Масленицкого не принимались, пожалуй, только тогда, когда встречались непреодолимые препятствия материального и финансового плана. Правда, по тем же причинам зачастую оставались без движения и уже вроде бы решенные по настоянию директора вопросы.

В середине 1791 г. Масленицкий жаловался, что оставались невыполненными многие резолюции Приказа годовой и даже двухлетней давности. В их числе были решения “о покупке для училища часов, в камеру-обскуру стекла и зеркал” и различных физических приборов, “о постройке для здешнего училища широких чертежных столов”, а также о доставке газеты “Московские ведомости” с приложениями, “Историческим словарем” и “Магазейном натуральной истории”⁹⁹.

Забот директору прибавляло и то, что не поступали вовремя необходимые книги, в том числе уже заказанные и оплаченные. По-прежнему оставался неоткрытым рисовальный класс¹⁰⁰.

Последняя из названных проблем, правда, приблизилась к решению. 28 октября 1791 г. в симбирский Приказ явился отставной артиллерии штык-юнкер Иосиф Иванович Лигоцкий, который представил свидетельства с прежних мест службы, “что живописную и архитектурную науку он знает”. Оказалось, что “господина Лигоцкого искусство в рисовании” было и самим “членам сего Приказа довольно известно”¹⁰¹.

Просьба Лигоцкого “поместить его в штат учителей рисовального класса с платою по 150 руб. в год” не вызвала в этой ситуации никаких возражений. Губернские власти согласились увеличить расходы на училище в связи с увеличением штата преподавателей. Нового учителя, “обязав контрактом, Приказ общественного призрения препроводил к директору для определения в должность”¹⁰².

Масленицкий в свою очередь в начале ноября стал хлопотать о покупке книги-руководства по рисованию. Также он предложил Приказу снабдить “Лигоцкого Уставом народных училищ, руководством учителей, Правилами для учащихся, ... а до покупки

изъявленной рисовальной книги велено Лигоцкому руководствоваться имеющимися в книгохранилище кунштами". 5 ноября рисовальный класс в Симбирском училище был открыт¹⁰³.

Лигоцкий, ушедший в 1781 г. с военной службы, а затем служивший на статской и ее также оставивший, заявлял, что он, "дабы ... в свободные от учения часы не находился празден, то и другие на него возложенные по силе и возможности его за особенную плату исправлять обязывается" поручения. Однако желание его работать и зарабатывать, к сожалению, не соответствовало состоянию здоровья, и на следующий год в ночь на 1 марта он умер. В связи со смертью Лигоцкого занятия в рисовальном классе не прекратились. Он был поручен учителю высших классов Цветкову, у которого еще во время прибытия в 1786 г. в Симбирск в сопроводительных документах значилось, что тот "может обучать рисованию". О возобновлении занятий рисованием уже под руководством Цветкова Масленицкий сообщил симбирскому Приказу 19 апреля 1792 г.¹⁰⁴

Для занятий школьников рисунком и черчением приобретались необходимые материалы и пособия. Директор симбирских народных училищ "донес Приказу, что нужным почитает искупить для учеников высших классов чертежных инструментов от 6 до 10, большой деревянный циркуль и линейку, бумаги александрийской большой, средней и малой рук, белой, серой по дести, карандашей черных и красных по 12 дюжин, китайской туши фунт, кармин 10, бакану 10, гумигуту 20, индиго 10 золотников и рисгину 50 раковин, рисовальных кунштов 100". Для экономии училищных средств все это предполагалось "раздавать имущим ученикам со взятъем от них денег, во что те вещи обойдутся"¹⁰⁵.

18 июня 1792 г. Приказ поручил своему заседателю Медведеву предпринять меры по материальному обеспечению занятий рисованием и черчением. На экзаменах в конце 1793 г. посетителям Симбирского училища уже демонстрировались "рисовального класса ученические рисунки"¹⁰⁶.

Что же касается других потребностей училища, перечисленных Масленицким в середине 1791 г., то полное их удовлетворение сталкивалось с финансовыми затруднениями. Хотя Симбирский Приказ общественного призрения признавал требования директора обоснованными, "да и Приказом о выполнении некоторых из них постановлено было сделать, но оных по недостатку в Приказе суммы не исправлено". Денег первоначально хватило только на покупку стекла для камеры-обскуры и на изготовление чертежных столов¹⁰⁷.

13 января 1792 г. Масленицкий вынужден был повторить свою просьбу о приобретении недостающих училищу “учебных и для изъяснения учителям книг, чертежей, рисовальных припасов, геометрических и физических инструментов и ландкарт, суммою всего на 1708 руб. 40 коп.” Симбирский Приказ и на этот раз “не нашел нужной суммы на закупку означенных потребностей”, ограничившись обещанием директору, “что по собрании оной, найдя верную оказию, исправить означенные необходимости училищные”¹⁰⁸.

Приходилось довольствоваться удовлетворением самых насущных нужд. К тому же с 1791 г. начались затруднения в получении книг по старому контракту с членом типографской компании Московского университета Тургеневым. Приказ общественного призрения в Симбирске стал сомневаться в возможностях прежних партнеров “все требуемые книги доставлять в удобное для Приказу время”¹⁰⁹.

Ценные именно при своевременной доставке повторяющиеся и периодические издания (календари, адреса статских и военных чинов, газеты) задерживались присылкой почти на год. Симбирскому Приказу приходилось, например, в середине ноября 1791 г. обращаться к московским партнерам, отменяя прежние заявки, например, на уже ставшие ненужными календари или Московские ведомости и просить, чтобы вместо них на высланную давно в столицу сумму была доставлена в Симбирск учебная литература. Интересно, что газеты из Москвы выписывали на нужды самого Приказа, на главное народное училище и на единственного в губернии уездного чиновника, пожелавшего их получать, - городничего Мейля из г. Буинска. Календари и списки чиновников приобретались Приказом с коммерческой целью – для дальнейшей перепродажи желающим, которых ожидалось не очень-то и много, поскольку календарей было запрошено всего 10, а списков чинов военной и гражданской служб – по 5 экземпляров¹¹⁰.

Начались поиски новых поставщиков и комиссионеров, но и те не всегда могли обеспечить присылку требуемого. 26 марта 1792 г., “рассматривая ведомости из собранных от учителей об оставшихся учебных книгах к генварю сего года”, Приказ усмотрел “по всем училищам недостаток в оных, почему и заключено ... отправить в Москву к купцу Калчугину на покупку книг 225 руб.” Однако 18 июля вместо книг пришло сообщение от купца, “что по случаю запечатания книжных лавок прислать книг не можно, а как отпечатаются, то прислать не замедлит”¹¹¹.

Не дождавшись положительных известий от Калчугина, спустя месяц Приказ решил обратиться к комиссионеру и книгопродавцу университетской книжной лавки Редигеру, “чтоб он, если Калчугин не искупил требуемые книги, посланные Приказом деньги истребовал и, книги искупя, в оный доставил”¹¹². Но и на эту просьбу ответа не последовало.

Лишь 23 ноября были доставлены в Симбирск от Калчугина книги, “но только не на всю сумму, Приказом посланную”. 7 декабря Приказ утвердил поданный директором список, по которому полученные из Москвы книги рассылались по малым училищам, отослал купцу запрос по поводу не доставленных тем пособий и ответил отказом на просьбу Масленицкого о восполнении вновь обнаруженных недостатков в учебниках за “не имением суммы”¹¹³.

В начале 1793 г. необходимые средства в размере 50 руб. у Приказа появились, но на этот раз было решено обратиться к другому московскому книгопродавцу купцу Пономареву. Тут же Масленицкий подал новый запрос на покупку “для училища астролябии с цепью, ватерпаса, воздушного насоса с прибором, для изъяснения учителям книг: Библии, Вольфа Математического магазейна, Натуральной истории 8-ми частей, Коллетовой Физики, ручного Словаря натуральной истории, Географического в пяти частях, Исторического 4, 5, 6-й частей”, а также различных учебников и латинских прописей. Приказ не стал отказывать директору, но предварительно решил направить во избежание впредь необязательности московских купцов в доставке книг “своего заседателя дворянского Ичанского, коему рекомендовал, чтоб постарался отыскать в Москве ко всегдашнему доставлению Приказу потребных книг и других пособий комиссионера, которому и деньги Приказ на покупку нужных вещей доставить не замедлит”. В итоге большинство из перечисленных выше книг получить из Москвы так и не удалось. Лишь в самом конце этого года они были доставлены из Петербурга в книжную лавку Симбирского училища, а затем переданы в его библиотеку¹¹⁴.

Трудности с получением книг из столиц заставили директора Масленицкого пожертвовать собственным временем. Получив в конце 1795 г. четырехмесячный отпуск, он тем не менее сообщил о своем намерении поехать в Москву и Петербург и предложил поручить ему самому “комиссию о покупке для народных училищ ... по выгодным ценам книг”. Приказ не мог не воспользоваться такой, пожалуй, самой надежной оказией и выдал директору 300 руб. “на покупку книг и инструментов самонужнейших по училищам”¹¹⁵.

По возвращении из отпуска в конце марта 1796 г. Масленицкий сообщил, о достигнутой им в Петербурге договоренности, “что учебные книги по требованиям Приказа могут быть отпускаемы отсюда за наличные деньги по означенным в регистре ценам с уступкою на рубль по 25 копеек, а к доставлению оных упрощен им господин коллежский советник Кудрявцев”. Директор истратил всю выделенную Приказом сумму, да еще добавил собственных 34 руб. На эти деньги был “подряжен им к сделанию астролябии, ватерпаса, мерного столика с приборами барометра, термометра и двух чертежных инструментов академический механик Шишорин за 175 рублей, да куплено в Петербурге и в Москве книг для объяснения учителям на 66 рублей 55 копеек, Травник на немецком и латынском языках за 75 рублей и вновь вышедших ландкарт на 4 рубли 50 копеек, ... из которых доставлена им Библия, а прочие переслать обязался господин Кудрявцев”¹¹⁶.

За приобретенными в Петербурге, но оставленными Масленицким в Москве физическими инструментами был командирован Приказом симбирский уездный землемер поручик Вершинин. Ему же была поручена покупка новой партии книг на сумму в 150 руб.¹¹⁷

Небольшие книжные вложения приходили не с оказией, а по почте. Например, в июне 1791 г. таким образом в симбирский Приказ была доставлена “из компании Московской университетской типографии запечатанная в бумаге книга, в коей оказалось весу полтора фунта, а по распечатании усмотрена Пространное землеописание Российского государства ценою в восемьдесят копеек”. Книгу отослали к учителю главного народного училища Шутихину, ведавшему библиотекой, чтобы тот ее “записал в приход и, где надлежит, хранил с прочими”¹¹⁸.

Пересылка книг и периодики по почте иногда оказывалась не совсем надежной. Так, в ноябре 1792 г. во вложении не оказалось двух номеров Исторического словаря, являвшегося приложением к Московским ведомостям, что вызвало обращение симбирского Приказа общественного призрения “в здешний почтамт и прошено, чтоб означенные номера незамедля в училище здешнее прислать и впредь присылать без всяких Приказом переписок”¹¹⁹.

В самих поволжских городах удавалось купить некоторые книги у местных или заезжих торговцев. Последние не обязательно были купеческого сословия. В октябре 1792 г. директор Масленицкий представил Приказу “приехавшего в Симбирск вольной продажи с книгами Володимирского наместничества Вязниковской округи

деревни Карины помещицы Секериной крестьянина Артемья Никитина” и заявил, что приторговал у того книг на 37 руб. 25 коп. Приказ, приняв во внимание, что “господин директор помянутые книги для училищ находит нужными”, распорядился выдать просимые продавцом деньги¹²⁰.

Владимирские крестьяне-отходники, занимавшиеся промыслом книгонош, появлялись в Симбирске и в качестве комиссионеров крупных торговцев. В ноябре того же года в Приказ общественного призрения явился “Володимирского наместничества и округи Угорской волости деревни Колокши дворцовый крестьянин Аким Кузьмин сын Каштанов”. Он доставил от московского купца по заказу Приказа “короб с книгами, в коем оказалось весу 6 пуд 12 фунтов”. Присутствие Приказа тут же занялось разбором короба, в котором “оказалось книг: азбучных таблиц церковной и гражданской печати по 100, руководств к чистописанию 50, пространных катехизисов 50, Книг о должностях (человека и гражданина – Л.А.) 100, изъяснений Евангелия 50, арифметик 1-й части 100, прописей российских 10, Кургановых арифметик 10”¹²¹.

Выездная торговля книгами и другими предметами культурного обихода приводила в Симбирск продавцов из более отдаленных краев, чем также при возможности спешило воспользоваться училищное начальство. В конце все того же года 1792 г. в город приехал торговец Бентолли из Италии. Масленицкий, “выбрав у италианского купца для рисовального класса картин 36 листов суммою на 16 руб. просил о выдаче оных денег”, на что “Приказ, найдя нужным требование сие, выдав деньги, отослал оные для употребления с бережью учениками в рисовальном классе”¹²².

В 1793 г. учитель Цветков никак не мог найти нужных красок, которых в симбирских торговых рядах было “ни под каким видом отыскать невозможно”. На этот раз выручили купцы, прибывшие из Нюрнберга, которые предложили необходимые “разных колеров краски” за 25 руб. Училищное начальство согласилось оплатить эту сумму с условием, что Цветков краски перепродает самим ученикам с надбавкой в пользу Приказа 10 копеек на каждый рубль¹²³.

Некоторые учебные пособия не требовали больших затрат и при возможности их можно было изготовить при содействии Приказа на месте. Когда учитель Цветков в начале 1795 г. сообщил Приказу “о нужде в пособиях геометрических для практического решения задач, а именно деревянных кольях и колышках для проведения линий и вареные в масле веревки для мерения линий и

для уравнивания ватерпас деревянный”, то необходимые вещи были предоставлены, включая ватерпас, изготовленный одним из симбирских столяров¹²⁴.

Проблемы создавали не только недостаток учебных пособий и другого имущества в училищах, но и недостаточная их сохранность как школьными служителями, так и учащимися. 27 октября 1793 г. дворянский заседатель Приказа общественного призрения Ичанский в здании главного народного училища в Симбирске наткнулся на “великое безобразие”. Он нашел “во всех классных комнатах полы неметеными, стены запыленными и сверх того великую нечистоту, на столах ученических доски, как видно, от шалости учеников, а от небрежения учителей все изрезаны и исчерчены, и как оные, так и скамьи вымараны, так что, ежели все то не переменить другими или не поправить и не выкрасить красками, неприлично иметь в училищном доме”. Книгохранилище и книжная лавка содержались в беспорядке, многие книги оказались “перебитыми и подержанными так, что ... и к употреблению неспособны”, а других по реестрам и описям не было найдено¹²⁵.

Приказ, рассмотрев сообщение Ичанского, распорядился о мерах для “поправления попорченных учениками от беспечности и нерадения учителей на столах досок и выкрашения как оных, равно и скамеек”. Все учителя Симбирского училища были вызваны в присутствие Приказа и “обязаны подпискою, чтоб всякой из них по своей должности как за порученным им делом, так и за учениками имели наиприлежнейшее смотрение и чтоб учеников впредь не до каких шалостей, а особливо вредных и наносящих казне убытков не допускали”¹²⁶.

Любители просвещения и собственными усилиями продолжали пополнять наглядные пособия Симбирского училища. Например, в 1794 г. статский советник Ростислав Евграфович Татищев подарил электрическую машину¹²⁷.

Особенно часто происходили поступления минералов и ископаемых. 31 июля 1791 г. директор народных училищ Симбирской губернии “препроводил в училищный кабинет для хранения” полученные от бывшего местного директора Экономии Петра Афанасьевича Макарова образцы каменного угля и квасцов, которые последний нашел в Сызранском уезде. В марте 1792 г. “от директора училищ внесены в главное училище собранные им в здешней губернии по р. Самаре и Волге аметисты и горный хрусталь, кусок горючей самородной серы, кусок железистой руды, ... два куса

серного колчедана с земляным углем, кусок окаменелого соснового дерева, обратившегося в кремнь и рог неизвестного большого животного, найденный по р. Белой в Уфимской губернии". Некоторые образцы полезных ископаемых были получены Масленицким от вышеупомянутого подполковника Макарова, который нашел их на Костычевском купоросном заводе. Еще одним любителем минералов, снабжавшим ими главное народное училище был надворный советник Раздеришин¹²⁸.

Пополнявшееся собрание минералов служило не только учебным пособием для школьников, но и демонстрировалось "любопытным зрителям" на публичных экзаменах по естественной истории "из ископаемого царства". Ученики при этом называли ископаемые и рассказывали об их употреблении человеком¹²⁹.

В то же время хранение этих экспонатов оставляло желать много лучшего. По упоминавшемуся выше осмотру заседателя Ичанского "в натуральном кабинете вещи находятся в презрении и без всякого ж порядка, а многие без номеров, для которых, хотя и шкафы Приказом построены, в коих следовало тем вещам по порядку номеров и по описи храниться, но учитель в беспечности своей некоторые сохраняет в ящиках, а другие в комнате на полу без номеров и без всякой описи"¹³⁰.

Одной из причин замеченного в кабинете беспорядка стала теснота в нем и отсутствие удобного места хранения. Было решено выстроить для них специальные деревянные полки. Впредь минералы и ископаемые было велено не принимать в училище без специального разрешения на то от Приказа¹³¹.

Директор Масленицкий "для пользы училища представил в Приказ" первую часть "Гидравлической архитектуры" Белидора, "переведенную собственными его трудами". Приказ выразил директору благодарность "за одолжение таковое" и распорядился передать рукопись в книгохранилище главного народного училища¹³².

Перевод книги был осуществлен Масленицким в 1779 г. во время работы на Сяском канале. Подарок училищу был сделан с целью восполнения пробелов в имеющемся книжном собрании, а именно "по неимению в здешнем главном народном училище книг для изъяснения учителям и учащимся математических предметов". В подаренной же книге, как объяснял сам директор, содержались "правила механики, и как вычислять препятствия в машинах происходящих от трения, также весьма полные гидравлические, потом следуют в особых главах описания мучных разного рода

мельниц, толчей, пильных и для сверления труб и напоследок служащих подниманию воды, и как все оные машины прожесктировать и приводить посредством математических выкладок в возможной степени совершенства". К тексту книги Масленицкий приложил 45 чертежей¹³³.

В библиотеке Симбирского училища были и другие рукописные книги. Это были копии некоторых редких изданий, которые делали ученики для себя, но затем понадобившиеся для всей школы. В ноябре 1793 г. Масленицкий за "приторгованную им у бывшего в главном народном училище ученика Федорова писанную им Математическую географию просил о выдаче ему за оную книгу 1 руб. 50 коп.", которые Приказ и выдал¹³⁴.

Трудными оставались вопросы обеспечения училищ помещенциями. Особенно остро они ощущались при открытии новых школ. В 1794 г. бузулукское дворянство, "дабы открыть в оном народное училище", выразило желание купить для него дом. Такой дом под училище был куплен "не в отдаленности от города ... за триста рублей", из которых дворянское общество внесло собранные им 235 руб.¹³⁵

Наряду с указанной суммой денег дворянство обещало представить своих крепостных для перевозки купленного дома в город и установки его на предназначенном месте. "За усердие" при открытии училища всем дворянам уезда и особенно предводителю Булгакову была объявлена благодарность губернских властей, которая при этом сопровождалась предупреждением, "чтобы они не оставили их обещание"¹³⁶.

Как оказалось, опасения властей в надежности благотворителей были небезосновательными. Приближался к концу сентябрь, а училище в Бузулуке открылось и работало не в своем здании, а в комнате "между присутственных мест", которая "по ветхости в ней печей и по неимению порядочных оконниц для зимнего времени не способна". Приказ вынужден был отдать распоряжение о починке печей и окон, приняв расходы на себя¹³⁷.

Несколько схожая ситуация с дворянской благотворительностью наблюдалась и в губернском Симбирске. Из-за больших расходов на строительство там училищного дома, которое первоначально планировалось завершить на добровольные пожертвования симбирского дворянства, потребовались значительные траты казенных денег в связи с задержкой доставки очередного взноса "денег из собрания дворянского". Из обещанной суммы в 20 тыс.

руб. после выплаты последнего взноса в декабре 1787 г. невыплаченными оставались 7,5 тыс. руб. Только в марте 1794 г. симбирское дворянство внесло очередные 2 тыс. руб. в счет вышеуказанной суммы. Очередная просьба сделать недостающий взнос, последовавшая два с лишним года спустя в ноябре 1796 г., осталась без ответа¹³⁸.

Проблемы с помещениями преследовали не только новые, но и уже существующие школы. Некоторые из них удавалось решать достаточно быстро и основательно. 12 декабря 1791 г. директор симбирских народных училищ “обозревал Алатырское училище, состоящее в Пятницком приходе на нанятом у купца Косолапова за 24 руб. в год и нашел, что училищной покой по числу учеников, коих 32, темен и тесен”. Поскольку “ученики не могут помещаться в наемном” помещении, “и число их за теснотою уменьшается”, он представил Приказу предложение о покупке для этого училища дома помещика Жилина “со всеми строениями, кроме амбара, за 250 руб.” На эту покупку Приказ дал согласие уже 7 января¹³⁹.

Однако зачастую подобного рода проблемы не убывали, а все более накапливались. В Симбирской губернии особенно это стало ощущаться к середине 1790-х гг. До поры до времени нормальное состояние училищных зданий, казалось, удавалось поддерживать без серьезных усилий. Однако постройки постепенно приходили в негодность.

В мае 1791 г. предложение самарского городничего “начать в училищном доме поправку в покоех” печей и стен было встречено в Приказе очень спокойной советом городничему еще раз выяснить, стоит ли данные работы вообще затевать. Летом было доложено, что намеченные работы были осуществлены и обошлись чуть более девяти рублей¹⁴⁰.

Однако текущий ремонт лишь на время задерживал общее ухудшение состояния зданий. В марте 1794 г. директор Масленицкий забил настоящую тревогу по поводу состояния училищного здания в Самаре: “Учитель тамошний доносил ему, что во всем строении при сильных дождях бывает течь в кровлях. Да и училищный покой, составленный из двух покоев, неравных полами и потолками, безобразен и низок”. Опасными в пожарном отношении были и печи, опустившиеся и трескавшиеся от гнилости полов и тяжести труб, что уже приводило к случаям тления стены¹⁴¹.

Срочный ремонт в Самарском училище произвели по распоряжению городничего Буткевича “за его собственные деньги, которых он от Приказа уже не требует”. Городничему была “за

оказанное вспомоществование объявлена благодарность”¹⁴². Однако частичные меры не могли исправить все выявленные недостатки школьных строений.

Здание малого народного училища в Самаре было признано Масленицким для занятий “неспособным”. Директор обратился к Приказу с предложением о продаже имевшегося у Самарского училища дома и о постройке как там, так и в Сызрани по составленному самим Масленицким плану школьных зданий, состоящих из двух изб, между ними сеней и немногих надворных построек. Это было первое в губернии предложение о постройке специальных сооружений для малых народных училищ. Приказ отдал распоряжение “архитектору об освидетельствовании в Самаре дома и о зделании сметы, сколько потребно суммы к перестройке старого и на выстройку нового”¹⁴³.

Масленицкий не зря упомянул в своем проекте и училище в Сызрани. Его состояние было еще хуже Самарского. Оно представляло собой арендованный за счет горожан “один покой, разгороженный досками на двое, из которых в одной половине живет учитель, а в другой собираются ученики, имея общие с хозяином сени”¹⁴⁴.

От Приказа общественного призрения было “предписано смотрителю, чтобы постарался приискать к покупке способный дом” и уговорил вместе с городничим сызранских горожан вместо дальнейшего найма здания для школы оказать Приказу помощь до 300 руб. для осуществления покупки нового дома под училище. Смотритель училища утверждал, что подходящего здания “в продаже в городе Сызрани не имеется”. Сызранская градская дума приняла решение нанять новое помещение для училища, куда последнее перевели 30 мая 1794 г. Для жилья учителя места в новом училищном доме не нашлось. Ему пришлось жить в домах обывателей на условиях постоя, часто в отдаленности от училища. Управа благочиния каждые четыре месяца переменила квартиру, которую в качестве постоянной повинности отводили то у одного, то у другого хозяина для учителя, “отчего он претерпевает немалые беспокойствы”. Улучшить условия проживания учителя градское общество в лице своего головы и лучших людей отказалось и “годовых квартир общество давать не согласилось”. Попытки Приказа вернуться снова к вопросу о покупке или постройке здания для училища в Сызрани на общественные деньги, представляя горожанам это шаг как “вспомоществование монаршей воле”, не увенчались успехом¹⁴⁵.

О “ветхости” Самарского училища, так и не получившего новое здание, вновь было доложено Приказу общественного призрения 18 сентября 1796 г. “со испрашиванием резолюции о

поправке оного". Вопрос о новом строительстве на этот раз не поднимался. Последовало предписание самарскому городничему "означенные ветхости освидетельствовать обще с тамошним землемером и, учиня всему смету, представить Приказу"¹⁴⁶.

Результатом проведенного осмотра в Самаре стал неутешительный вывод, "что дом училищный ни к поправке, ни к перестройке неудобен". Единственное, что в конце 1796 г. смог порекомендовать Приказ местной администрации – "как можно постараться хотя нынешнюю зиму и весну" провести занятия в старом здании, а это время поискать, "не сыщется ли кто желающий купить тот дом"¹⁴⁷.

Не решенные вовремя проблемы ремонта школьных зданий со временем оборачивались уже более серьезными проблемами не только в Самаре. В конце 1794 г. директор осматривал Карсунское училище. Тогда Масленицкий просил Приказ "о починке в доме некоторых неисправностей". В апреле и сентябре 1796 г. карсунский смотритель ставил вопрос уже о необходимости перестройки здания, с чем было согласно училищное начальство, но дело оставалось без движения. Наконец в октябре учитель Крачков прямо заявил "о невозможности производить учение и жить ему в училищном доме". По освидетельствованию городничего, здание оказалось совершенно "ветхим и к перестройке неспособным". Правда, уездный землемер вместе с учителем рассчитали, что ремонт здания возможен и обойдется в 316 руб. 55 коп. Однако Приказ не отреагировал сразу и ограничился посылкой в Карсун губернского архитектора для перепроверки оценок состояния училища, а более для выяснения "сколько времени по поправке тот дом простоять сможет", то есть целесообразности самого проведения ремонта¹⁴⁸.

Настоящая беда постигла школу в Алатыре, которая после продажи старого воеводского дома, где первоначально размещалась, занимала с 1791 г. наемную квартиру. 30 мая 1795 г. она сгорела "со всем строением, также и находящиеся во оном училище книги, столы и прочие вещи сгорели без остатку, ... все документы, також приходная и расходная книги сгорели ж". Сам учитель едва спасся от огня со всем семейством. Его в последний момент вытащили из огня дворовые люди соседа – отставного гвардии прапорщика Зимнинского. Из всего личного имущества у семьи учителя остался "небольшой сундук с платьем жениным, прочее ж из его платья и разные другие домашние мелочи все сгорели"¹⁴⁹.

Директор Масленицкий тут же начал хлопоты "о снабдении училища всеми к нему принадлежащими пособиями и делами". Алатырскому городничему было поручено "квартиру для училища

и учителя ... отвести из обывательских домов" и изготовить за умеренную плату "потребного числа столов со скамьями, с черной доской, с треножником"¹⁵⁰.

Место для занятий и под постой учителя определили в доме вдовы регистраторши Протопоповой. Та не хотела оставлять у себя школу без платы, но временно с этой повинностью смирилась, поскольку городничий пообещал, что "обыватели по окончании их полевой работы собраны будут" и тогда уж примут окончательное решение "на отведение особой квартиры"¹⁵¹.

Собрание алатырских обывателей не решило ни проблем школы, ни озабоченности вдовы и пришло к выводу, на редкость простому, заключавшемуся в том, чтобы нужды училища не замечать, а постой у чиновницы считать ее личным благодеянием. Городничему заявили, что жители предоставление квартиры под школу "почитают себе в тягость", а потому пусть "учащиеся и учитель остаются в доме регистраторши Протопоповой", доколе сам Приказ общественного призрения не примет надлежащих мер к обеспечению их помещением. Смысл всего этого можно было растолковать так, что раз власть навязала обывателям не нужные им хлопоты, в данном случае в виде школы, то ей и решать возникшие затруднения самой. Приказу пришлось разъяснять алатырцам, что малое народное училище подобно любому государственному учреждению заведено по высочайшему соизволению, а потому отказываться от предоставления квартиры под него означает противиться монаршей воле. Чтобы ни делал сам Приказ, но город без всяких отговорок должен "на сей необходимый случай отвести особую квартиру и поместить то училище"¹⁵².

Беда не ходит одна. 18 июля сгорело и Сызранское училище "от всеобщего во всем городе пожара". Приказ "предписал смотрителю тамошнему, чтобы он настоял об отводе под училище квартиры". Не доверяя впрочем готовности органов местного самоуправления поспешить на помощь школе, училищное начальство из Симбирска затребовало поддержку усилиям по поиску помещений для училища и учителя "от тамошней управы благочиния"¹⁵³.

Предпринимались меры по обеспечению школы мебелью, книгами, учебными пособиями. Правда, то, что стало бедой для училища, некоторые недобросовестные подрядчики пытались использовать для получения дополнительных доходов. Столы, черная доска, треножник, шкаф для училища составили двадцатирублевый заказ. Их изготовление за счет более дешевых, чем

оговоренные, материалов и низкого качества работы встало всего в 7 рублей. Попытки заставить мастеров исправить некачественные изделия тянулись еще несколько лет¹⁵⁴.

В Сызрани после пожара у Масленицкого вновь возникла надежда на реализацию проекта постройки заново специального училищного здания. До поры до времени сгоревшее училище разместили в наемной квартире, и в том же 1795 г. “велено архитектору Рушке сделать смету и план и представить Приказу”. Архитектор указаний не исполнил, поэтому в марте 1796 г. вновь было “предложено ему все то исправить в самой скорости”. В то же время “сызранские смотритель и учитель доносили Приказу, что сызранская управа благочиния” до истечения годичного срока найма “сводит с квартиры как учителя, так и училище и помещает в крайне неспособных..., где ни в письме, ни в арифметике ученикам упражняться не можно”. Приказ обратился к сызранской администрации, “чтоб она отвела лучшую и способную квартиру”. Как и алатырцев, жителей Сызрани предупредили, что необеспечение училища нормальными условиями для работы означает невыполнение высочайшей воли¹⁵⁵.

Тем временем в Алатыре проблема с помещением для школьных занятий вскоре была решена. Еще летом 1795 г. был куплен “у лекаря Величковского дом”, и Приказ, “найдя оный способным поместил во оный училище. Здание было сравнительно новым (не старше 10 лет) и достаточно просторным, так что еще до училища этот дом предлагали для размещения почтамта, но отказались, сочтя его слишком большим для этого учреждения. Тем не менее дом, как оказалось, требовал ремонта. Уже осенью было сообщено Приказу, “что ученики за стужей в училище не ходят”¹⁵⁶.

Из-за холода в школьном помещении падала посещаемость и в Карсуне. В октябре 1795 г. рапортом оттуда “показано, что из находящихся в тамошнем народном училище учеников 25 человек ходят только 9 человек, а причина сему есть та, как по ветхости училищного дому, так и по неимению дров печей не топят”¹⁵⁷.

В октябре 1796 г. карсунский учитель жаловался на то, “что неуспех учеников происходит по редкому их хождению в класс за нетоплением печи и стужей в оном”, и просил “о немедленной починке училищного дома и о снабдении оного дровами”. В ноябре ситуация не изменилась, учитель из Карсуна вновь сообщал “о стуже в тамошнем училище и что за сим из состоящих там учеников 21 ходят только 8”. Приказ же мог только посоветовать городничему

поторопиться с продажей старого училищного дома, чтобы “вместо его выстроить другой”, и временно “нанять для училища и учителей свободные кварталы”¹⁵⁸.

Казенный училищный дом в Карсуне был покинут училищем, которое перебралось на наемную квартиру. 5 декабря сюда прибыл сам Масленицкий, который увидел, что занятия идут в “весьма тесном и угарном покое”. Из двух зол директор посчитал меньшим старое казенное здание, предложив срочно исправить в нем печи, сделать двойные окончины и вновь вернуть сюда училище. С наступлением теплого времени им предлагалось осуществить починку основания и кровли. Масленицкий предположил, что после такого ремонта “простоять может тот дом до 5 лет”. Приказ выделил необходимую сумму на проведение первоочередного ремонта, а именно 20 руб. на починку печей и утепление окон, а затем 50 руб. на прочие исправления. Эти деньги были даны под личную расписку директора народных училищ, которому в связи с этим самому пришлось отправиться в Карсун для наблюдения за проведением починки¹⁵⁹.

В конце 1796 г. Масленицкий, окончательно убедившийся в недостаточности частичных мер решения проблемы школьных помещений путем найма или отвода квартир, покупки и содержания старых деревянных зданий, наспех приспособленных под занятия из обывательских домов, предложил кардинальный подход к данному вопросу. Он опирался на самый удачный в губернии опыт – строительство специального здания под главное народное училище в Симбирске.

Директором было предложено возведение “в Сызрани училищного дома вместо деревянного каменного по приложенному при том чертежу... и таковых же о построении в Карсуне и Самаре”. Масленицкий доказывал, что постройка одного такого здания “с принадлежащими к нему службами и городьбою не превзойдет по смете его 1750 рублей”¹⁶⁰. Нет сведений о возражениях на этот доклад, видимо, потому что данный проект был совершенно нереальным с финансовой точки зрения и не воспринимался всерьез.

Содержание народных училищ с трудом обеспечивалось казенными средствами. 8 декабря 1791 г. симбирскому Приказу общественного призрения был представлен доклад “о недостатке для содержания училищ суммы”, подводивший итоги весьма скромного финансового обеспечения школьной реформы в губернии за прошедшие годы и сложную текущую ситуацию с этим обеспечением¹⁶¹.

В докладе особенно подчеркивались все предыдущие неудачные попытки подключить доходы местного самоуправления к постоянному обеспечению народного образования. Он был представлен на рассмотрение наместнического правления, но, как и предыдущие обращения, не повлек за собой изыскание каких-либо дополнительных источников финансирования школьной реформы.

Последней по счету, сомнительной по целям и бесполезной по результату стала попытка обеспечить из местных средств финансирование Самарского училища. Градская дума разрешила купцу Роману Хопренинову “завести как на торговом съезде, так и на берегу реки Волги, где бывает летом судовая пристань, веса и меры”. Было назначено “с них в доход городу брать с него, Хопренинова, в каждой год по 70 руб. оброка, а затем и деньги те определять на содержание открываемого там народного училища”¹⁶².

Трудно определить из имеющихся источников, стояло ли за этим проектом действительное желание помочь школе. Маневр же, направленный в обход действующего законодательства, был очевиден. По закону не предусматривалась плата за применение или проверку мер и весов, если они уже имели казенное клеймо. Обязать торговцев использовать только меры Хопренинова означало серьезно нарушить их права, поскольку “гражданам в городах иметь веса и меры и оными пользоваться по Городовому положению, изданному 1785 года апреля 21-го числа ..., не воспрещено, но только чтоб они были клейменные”. Под видом помощи образованию Хопренинов и те, кто его поддерживал, пытались получить незаконный источник немалых доходов и, можно прямо сказать, подрывали основы торговой и хозяйственной политики правительства Екатерины II. Второй департамент Симбирского городского магистрата, с которому обратилось наместническое правление с запросом о соответствии действий Самарской градской думы законам, заявил, что нельзя “в городе Самаре иметь одному купцу веса и меры, дабы чрез сие не могло последовать народного неудовольствия и не предвидимого при сем случае злоупотребления”¹⁶³.

Установленный думой и Хопрениновым сбор был отменен на благо свободе торговли, но в ущерб училищу. Взамен этого никаких законных мер со стороны местного самоуправления по поддержке народного образования предложено не было. Если что и перепало училищной казне с самарских жителей, то установленным для всей страны порядком, например, в виде штрафов или конфискаций. Например, 22 декабря 1793 г. местная управа благочиния зачислила “в сумму училища” 2 рубля, “взысканные с самарских жителей за

непостановку в праздничные дни фонарей в штраф". 1 июня 1795 г. в Симбирске получено сообщение из Самары, что с аукционного торга продан сундучок, оставшийся после какого-то беглеца (из текста неясно, о ком именно идет речь). Вырученные деньги вместе с найденными в самом сундучке составили 13 руб. 5 коп., из которых заплатили полугодовое жалованье училищному сторожу¹⁶⁴.

Практически вся тяжесть расходов на народные училища падала на казну Приказа общественного призрения, лишь немного облегчаясь скромными благотворительными взносами жителей и небольшой помощью городских общин в найме или покупке помещений. Денег, выделяемых на постройки, ремонт, жалованье, писчебумажные принадлежности, книги и т.п. расходы, постоянно не хватало. Положение усугублялось тем, что "на припасы те цены из году в год возвышаются"¹⁶⁵, а средства, выделяемые на школьные нужды, не росли.

Дополнительные расходы вызывались обучением ряда школьников на полном казенном обеспечении, "поступавших из дому призрения воспитанников". В частности им выдавались бесплатно книги, но только для работы в классе, "а домой для выучивания новых уроков и подтверждения старых брать оных книг по определению Приказа не могли, а от сего происходило то, что против других учеников менее успевали". Однако и при таком обращении "некоторые из книжек, отдаваемых питомцам, в переплете своем от многократного употребления повреждались", что требовало дополнительных расходов на переплет. За казенный счет снабжались указанные ученики и письменными принадлежностями¹⁶⁶.

Расходов требовали и реляции об успехах школьного дела в Поволжье. 22 апреля 1791 г. Академия Наук прислала симбирскому Приказу общественного призрения счет на 1 руб. 50 коп. за газетные публикации об открытии в Карсуне и Самаре народных училищ¹⁶⁷.

В трудной финансовой ситуации по-прежнему желанным подспорьем представлялись даже небольшие кружечные сборы в церквях. Удачными можно было считать месяцы, когда в уездном городе их набиралось чуть более рубля. Самые большие месячные сборы, случившиеся в 1791-1792 гг. в Самаре и Карсуне, составили 1 руб. 85 коп. Чаще эти пожертвования едва составляли 20-40 коп. за месяц. Самым низкими по губернии за все годы стал сборы в 1796 г. в Сызрани, когда прихожане городских храмов расщедрились в пользу училища только на три с половиной копейки в сентябре и пять копеек в октябре¹⁶⁸.

Наименее успешным в Алатыре был сбор за июнь 1792 г., который дал училищу только 15,5 коп. Хотя в другие месяцы там же этот сбор был несколько больше, обеспокоенный недостатком средств новый городничий Овсянников выяснил, что при его предшественниках сбор денег на училища осуществлялся только в четырех из девяти алатырских церквей, а потому отдал распоряжение об установке ящиков для сбора пожертвований во всех церквях. Приказом общественного призрения, получившим уведомление городничего в ноябре 1792 г., была “за усердие его изъявлена благодарность” и передана просьба поторопиться с установкой новых ящиков для пожертвований¹⁶⁹.

Овсянников и градская дума сообщили, что ящики сделаны за счет города и денег от Приказа на их изготовление не требуется. Не известно точно, помогло ли именно увеличение числа мест сбора, но последний составил в декабре уже более 80 коп. За апрель 1793 г. в Алатыре было “высыпано из постановленных в церквях кружек” 2 руб. 25 коп., сумма до того в уездных поволжских городах небывалая. Следующие месяцы уже не давали такого сбора, тем не менее в Алатыре он уже не падал до уровня середины 1792 г. и превышал сбор в соседнем Карсуне раза в три и более.

Сбор по церквям в пользу народных училищ происходил и в селах уезда. Однако выемка и сдача в Приказ денег происходила не ежемесячно, а за год или даже два. Так, в январе 1793 г. в Симбирске были получены деньги, “собранные самарским нижним земским судом в округе в постановленные по церквам ящики в 791 и 792 годах декабря по 1-е число 11 руб. 88 коп.”¹⁷⁰

Симбирский Приказ потребовал от уездной самарской администрации впредь делать отчет о сборе денег за каждый месяц и своевременной присылки тех к самарскому городничему для использования их на нужды училища, а затем это требование повторял¹⁷¹. Однако в течение 1793 г. никаких сведений об этих сборах от нижнего земского суда получено так и не было. Только в конце года нижний земский суд представил результаты этого сбора в размере 10 руб. 53,5 коп. Такой же сбор в Сызранском уезде составил 13 руб. 66,5 коп. Суммы примерно того же порядка собирались в разных уездах и разные годы, например, за 1796 г. в Алатырском уезде – 10 руб.¹⁷²

Попытки ввести частичную или добровольную оплату за обучение в народных училищах встречали полное неприятие жителей. По доношению сызранского смотрителя, поступившему в

Симбирск 20 января 1794 г., “им от родителей находящихся в училище учеников за учение их положенная Приказом плата требована, но оной они дать не желают, а помещичьи люди без помещиков исполнить сего смелости не имеют”¹⁷³.

Приходилось решать денежные затруднения и путем распродажи признанного не нужным училищам движимого и недвижимого имущества или сдачи его в аренду. Так, в мае 1791 г. в Самаре одному из местных мещан за 6 руб. продали часть дворового места школы, а от сызранского смотрителя в Приказе были получены почтой 5 руб., “вырученных чрез продажу книг”¹⁷⁴.

При продаже книг старались выручить не только истраченную на их покупку сумму, но и вернуть ее с лихвой. В феврале 1794 г. от учителя Шутихина в Приказ общественного призрения были представлены “деньги, вырученные чрез продажу книг, 19 руб. 33 коп., в том числе процентов 83 коп.”¹⁷⁵

Размер получаемых различными способами средств часто был весьма невелик, что признавало само школьное начальство, но тем не менее не отказывалось и от малых доходов. В начале 1792 г. в Симбирск из Самары от городничего пришло сообщение, что “самарский винный пристав господин поручик Леонтьев объявил свое желание ... взять из оброку в доме Самарского малого народного училища пятистенный порозжий амбар дву рублей в год”. Любопытен ход рассуждений, приведших чиновников к решению удовлетворить подобную просьбу: “Хотя вышеписанная плата и мало Приказу делает пользы, но дабы амбар тот со временем мог на собранные за отдачу в наем деньги от ветхости поправляться, то предложено самарскому городничему, чтобы он означенному поручику Леонтьеву из даваемой платы в год, если кроме его других желающих не будет, отдал, однако ж с тем, чтоб он, Леонтьев, принял его по описи и хранил без малейшей утраты и казне убытка, в противном случае изломанное или поврежденное сделал снова на свой уже счет”¹⁷⁶.

Когда речь шла об извлечении более серьезного дохода, основным условием ставилось, чтобы продажа вещей или недвижимости была осуществлена с торгов и вырученная сумма превышала оценку стоимости, установленную при переходе этого имущества “в ведомство Приказа”. Однако при этом учитывались и нужды самого училища. Например, прежде чем выставить какие-либо строения на продажу выяснялось, что из них можно приспособить для школы или учителей, использовать для починки остальных необходимых училищу зданий¹⁷⁷.

Удачными вышли торги в Самаре в сентябре 1792 г. Оцененные в 24 руб. школьный амбар был в итоге продан откупщику Овчинникову за 43 руб. 35 коп., выигравшему торги у купца Данилы Рукавкина, бывшего депутата Уложенной комиссии 1767-1768 гг. и активного участника событий 1773-1774 гг. За избу с кухней при воротах училища вместо 18 руб. оценки купец Алексей Васильев дал 30 руб. 25 коп. То, что “наддача воспоследовала гораздо превосходнее” ожидаемой, произошло, как сообщалось, “по случаю непривозу на продажу ожидаемого в сем лете леса и срубов”. Приказ общественного призрения утвердил результаты торгов, так как “строение ж то господин директор для училища нужным не почитает” и “дабы, стоя без употребления и без пользы для училища не могли гнить напрасно”¹⁷⁸.

Примером неудачной попытки сбыть с рук ненужное школьное имущество в том же году стали действия карсунской администрации. Получив “уведомление карсунского нижнего земского суда, доносящее, что ... для покупки излишнего при училищном доме строения состоящего сверх прежде даваемой цены желающих никого не оказалось”, Приказ принял резолюцию, выдержанную в весьма возмущенном тоне. Он посчитал и, видимо, справедливо, что “бывший городничий не хотел сделанного ему предписания выполнить, а суд предложение Приказа также оставил без выполнения и спустя с лишком 9 месяцев без всякого выполнения и стыду господ присутствующих доносит Приказу” об этом. Приказ пригрозил обращением в наместническое правление и наказанием виновных в бездействии, если новый городничий и земский суд не выполнят скоро прежних распоряжений¹⁷⁹.

В январе 1792 г. “Приказу общественного призрения представлены от заседателя Медведева полученные им в почтамте вытребуемые из Москвы на отосланные деньги книги: Детской философии 3 части в 3-х книгах, каждая книга по 1 руб. 70 коп., Детского чтения 4 части в 2 книгах по 1 руб. по 50 коп., да История Ерусалимская в 50 коп.” Их отдали учителю Шутихину для последующей продажи с надбавкой по 15 коп. на каждую книгу. Произвольные надбавки, которые делались на цену книг затрудняли их сбыт. Учитель Шутихин извещал, “что медленно продаются состоящие в ведомстве его книги, потому что цена продажным от него некоторым книгам постановлена Приказом несравненно выше цен, изъясненных в печатных каталогах, а потому и охотников к покупке книг нет”¹⁸⁰.

Суммы, полученные за книги, не всегда доходили в Приказ или доходили не сразу. Учителя в некоторых случаях тратили их на собственные нужды, рассматривая их как займ в счет будущего жалованья. Так, при окончательном расчете с Тюриным, временно исполнявшем должность учителя в Самарском училище, у него было удержано 29 руб. 16 коп. Это были вырученные “за проданные им, Тюриным, разные книги деньги”, которые тот “Приказу не представил”¹⁸¹.

Несколько в ином порядке развивались события в случае с алатырским учителем Хворостовым. Здесь невыплата жалованья предшествовала присвоению денег за проданные книги. Из “вырученных им самим за проданные книги денег 6 руб. 99 коп. по долговременному неполучению жалованья издержал он на свое пропитание”. Учитель от возмещения казенного ущерба не отказывался, но обещал его вернуть только “при получении следующего ему ныне в выдачу жалованья”. Случай с Хворостовым заставил симбирское губернское начальство потребовать от городничих усилить контроль за финансами, находившимися в распоряжении смотрителей, а от последних присылки собранных за книги денег “в Приказ по прошествии каждого месяца в начале другого, нимало у себя не удерживая”¹⁸².

Что касается задержек с выплатой жалованья школьным служащим, то они были явлением обычным и касались не только учителей. В июне 1791 г. только после заявления сторожа Карсунского училища о его нежелании более “быть при должности в рассуждении долговременной недачи жалованья” Приказ распорядился о выдаче ему 8 руб. 46 коп.¹⁸³

Во многом несвоевременная выдача жалованья особенно в малых народных училищах вызывалась существовавшей схемой финансирования данной статьи казенных расходов. Приказ общественного призрения обычно возлагал выдачу учительского жалованья на городничих и уездных казначеев, чтобы те произвели ее из “пенных денег”, взыскиваемых за различные проступки с местных чиновников и по закону отсылаемых на расходы Приказа. Разумеется, далеко не всегда за счет штрафованных служащих удавалось собрать в уездной казне необходимые суммы, чтобы полностью заплатить за работу учителям. Тогда только Приказ отправлял нужную сумму из собственной наличности, хранившейся в губернском городе¹⁸⁴.

Однако отправка этих денег, во-первых, затягивалось многосторонней перепиской между учителем, уездными властями,

губернским училищным начальством и финансовыми учреждениями, а, во-вторых, зависела от исполнительности чиновников, ответственных за пересылку назначенной суммы и, наконец, просто от наличия денег в самом Приказе или на его счету в казначействе. Как объяснял Приказ карсунскому городничему в начале 1793 г., “тамошний учитель жалованьем не довольствуется по причине неимения в Приказе налицо сумм, и велено ему в том взять терпение”¹⁸⁵.

Иногда выдаче задержанного жалованья могло помочь обращение к более высоким властям, чем непосредственное школьное начальство, как это произошло в 1792 г. с учителем Комаровым, о выдаче жалованья которому после посещения училища в Карсуне распорядился лично губернатор Карпов¹⁸⁶. Существовала также вероятность, что вместо денег учитель мог получить нагоняй, если его просьба о выдаче жалованья оказывалась необоснованной или просто неправильно оформленной.

Подобное случилось с сызранским учителем Воскресенским, просившим вернуть ему удержанную половину оклада за время, проведенное под следствием по уголовному делу. Приказ отказался вообще принимать это обращение к рассмотрению, так “как оное прошение прислано не по форме, изданной 1723 года ноября 12 дня”, да еще не содержало решения по судебному делу. К перечню причин такого отказа, правда, симбирские чиновники честно прибавили еще одну и самую существенную, но собственно к Воскресенскому отношения не имеющую: “А паче по неимению в Приказе налицо денег удовольствия ему сделать не можно”. Тем не менее именно учителю сделали выговор “с тем, чтобы он всячески старался высочайше изданные узаконения знать и выполнять, на что ему довольно есть свободного времени, а если да и за сим усмотрит Приказ его неосновательное и не согласное с законами донесение, то не избежит он должного взыскания”¹⁸⁷.

Спустя некоторое время Воскресенский вновь повторил свою просьбу, оформив ее на сей раз надлежащим образом. Но денег опять он не получил. Причина отказа осталась одна и заключалась в том, что “на удовольствие за прошлое время жалованьем сумм налицо теперь не состоит”. Учителю дали одно обещание, что к вопросу вернутся “тогда, когда сумм довольно будет” и его об этом уведомят, и один совет, “чтоб он до того времени имел терпение”¹⁸⁸.

Повторные обращения Воскресенского по поводу удержанной части жалованья, а также о недостатке свеч и дров, которые ему на

казенный счет отпускали в Сызрани, вызывали раздражение его начальников. По докладу Масленицкого, встретившегося с учителем во время очередной поездки в Сызрань в начале 1792 г., Приказ опять-таки предписал тому ждать, пока не соберутся необходимые деньги, и “чтоб он довольствовался определленною ныне ему в выдачу на расход и на жалованье суммою и более как Приказ, так и господина директора своими просьбами не утруждал”. Правда, сызранскому городничему было отдано распоряжение, чтобы тот в случае нехватки отпущенной из казны суммы на приобретение свечей, дров, бумаги, сургуча и других потребностей для учителя или училища “из собираемых по церквам в ящики от добротных даятелей денег учителю отпускал под расписку безудержно”. Впрочем это распоряжение не вносило ничего нового, а лишь подтвердило использование на училищные нужды собранной в церквях суммы, а потому не было исключением для данного случая и практиковалось в других городах¹⁸⁹.

Обещания удовлетворить просьбу Воскресенского о возмещении недоданного ему жалованья не остались пустыми. За учителя вступился Масленицкий, обеспокоенный, что учитель “имеет в содержании себя крайнюю нужду” и может “чрез то в обучении учеников ... потерять свою ревность”. В октябре 1792 г. Приказ, идя навстречу обращению директора народных училищ и трудному материальному положению Воскресенского, посчитал, что “ныне ж в сызранском казначействе почитается следуемых к доставлению в Приказ денег довольное количество”, и распорядился постепенно выдать тому задолженность по жалованью¹⁹⁰.

Однако первая выдача из невыплаченных денег произошла только в конце февраля 1793 г. после того, как Воскресенский лично явился за ними в Симбирск. Хотя наличными в то время в Приказе имелось более 1900 руб., но учителю из причитающихся ему 170 руб. отпустили только 70 руб. Объяснялось это тем, что поскольку “ежечасно бывают непрменные расходы, то по сим обстоятельствам всей удержанной суммы выдать не можно”¹⁹¹.

Денежные взыскания могли налагаться на учителей и в ситуациях, связанных непосредственно с их деятельностью в школах. Так в 1791 г. у карсунского учителя Комарова “за несочинение о находящихся в том училище учениках ведомостей и за недоставление оных для вручения господину директору чрез тамошнего городничего” было вычтено из жалованья “наложенных в пеню 10 рублей”. Вычет был сделан на основании 1 пункта Указа от 31 июля 1766 г. “за сделанное упущение и невыполнение повеления”¹⁹².

В июне 1791 г. решался вопрос “о выдаче симбирскому мещанину Ефимову” денег за замену петель на воротах главного народного училища. Три рубля, причитавшиеся Ефимову, были взысканы с учителя Цветкова, так “как все то повреждение петлям последовало от небрежения и несмотрения” последнего, которому было в свое время поручено смотрение за сохранностью школьных построек. Через месяц того же Цветкова вновь наказали вычетом за обнаруженные поврежденные стекла в окнах училища¹⁹³.

Приходилось взыскивать деньги и с учеников, особенно бывших, когда не оставалось уже надежды на возвращение школьного имущества. Так в 1791 г. Приказ обратился в калмыцкую войсковую канцелярию по поводу возмещения за книги, которые были утрачены лицами, выпущенными из главного народного училища. Библиотека училища тогда не досчиталась двух серьезных и достаточно дорогих книг “Училище благополучия” (1 руб. 24 коп.) и “2-й части Лактанция Фирмиана” (1 руб. 86 коп.)¹⁹⁴

Деньги за указанные книги были действительно взысканы и присланы войсковой канцелярией. Затем их пришлось передать учителю Тихонравову, из жалованья которого для соблюдения казенного интереса их уже вычли, пока не было уверенности в возврате этой суммы Ягодинскими. Применялось взыскание из учительского жалованья не только за утраченные, но и попорченные школьниками книги¹⁹⁵.

Книгами училищных библиотек могли воспользоваться не только учителя и ученики, но и чиновники местной администрации. Они также несли ответственность за сохранность литературы перед Приказом общественного призрения. В декабре 1792 г. там было принято решение просить Казенную палату взыскать с губернского землемера поручика Баркова “при первой выдче ему жалованья” 93 коп. за взятые тем три книги. Тематический выбор поручиком книг не давал основания предполагать в нем той недобросовестности, какую он проявил. Кроме Букваря, за ним числились Пространный катехизис и книга под названием “Драгоценная меду капля из камня Христа”¹⁹⁶.

Взыскание долгов могло стать делом более сложным, когда речь шла о других казенных учреждениях. В 1792 г. симбирский Приказ общественного призрения просил своего губернатора принять меры к возмещению затрат, понесенных при организации четыре года тому назад школ на Южном Урале. За эти годы уфимские губернские власти так и не вернули в Симбирск деньги, выданные при отъезде учителям и истраченные на учебные книги, которые

учителя взяли с собой, всего около 500 руб. Это обращение возымело действие и уфимский Приказ прислал “следующие за доставленные для народных училищ книги и выданные в жалованье учителям Киргизову с товарищи” деньги, но в размере только 300 руб.¹⁹⁷

Несмотря на недостаток финансовых средств, директор симбирских училищ резко возражал против такой их экономии, которая могла помешать работе школ. В резолюции Приказа общественного призрения от 19 февраля 1791 г. “к соблюдению имеющейся в Приказе суммы, дабы по недостатку оной ... не могли, во-первых, училища нести себе в необходимых потребностях нужды, а со временем по совершенному недостатку и придти во уничтожение, рекомендовано” было ему прекратить отопление училищных помещений в выходные и праздничные дни. В ответ Масленицкий заявил, что для исполнения данного решения он “способов не находит”. Во-первых, это противоречит Правилам для учащихся, которыми “вообще всем ученикам в воскресные и праздничные дни повелено в училище собираться и ожидать времени богослужения”, а “в холодное время приходиться будет невозможно”. Во-вторых, простой житейский опыт показывает, что “если один день не топить покоев, то на другой при жестоких стужах и согреть будет невозможно, да и угарные быть могут”. Приказ, приняв аргументы директора к рассмотрению, решил вернуться к обсуждению этой темы после “должного с законами соображения”¹⁹⁸.

Чуть позже возражения директора против перерывов в отоплении главного народного училища были дополнены еще одним. Оказалось, что в свободные дни там ученики занимаются церковным пением, что стало бы невозможным в не отапливаемом помещении¹⁹⁹.

Соображения экономии средств вынуждали Приказ общественного призрения предлагать временами подрядчикам такую оплату различного рода работ в училищах, например, ремонтных, что в итоге желающих выполнять эти работы не находилось. В таком случае пытались использовать административные средства. Городничему могло быть предписано обеспечить проведение работ, привлекая через полицию или местное самоуправление мастеров и работников в порядке повинности, “а в случае неимения оных посредством содержащихся в ведении его маловажных колодников”²⁰⁰.

Возможные финансовые потери также не останавливали Масленицкого, когда речь заходила об условиях жизни учителей. Начиная с 1790 и по 1794 гг. он не раз затрагивал определенные недостатки по использованию здания главного народного училища.

Прежде всего, он настаивал на “выведении из одного театра и актеров”, чтобы “покойнее поместить в нем учителей”. Если же нельзя было вовсе отказаться от арендной платы в 350 руб., причитающейся за размещение театра и клуба, то часть получаемых средств он предлагал потратить на пристройку к зданию помещений для более удобного проживания учителей²⁰¹.

Масленицкий также ссылаясь на то, что учителя в создавшемся положении лишены тех возможностей дополнительного заработка, которые предоставлял им Устав народных училищ в §55 о дозволении “содержать у себя воспитанников” и в §96 о количестве жилых и нежилых помещений в отводимых учителям казенных квартирах²⁰². Приказ общественного призрения отвечал отказом, ссылаясь на неимение средств и отсутствие насущной нужды перевода преподавателей “в другие покои”, при этом обещая, что “когда усмотрит в том необходимость, то примет и надлежащие меры”²⁰³.

Действительно время от времени проводились мероприятия по перераспределению помещений, их ремонту, внутренней перепланировке, сооружению надворных построек, улучшавшие бытовые условия учителей Симбирского училища. К лету 1794 г. уже был “в училищном доме театр уничтожен, а квартирующие в нем актеры из найма выведены”. Благородное же собрание продолжало аренду помещений для клуба и своего эконома за 250 руб. в год²⁰⁴.

В результате на училищном дворе даже оказались “порозжие 3 покоя с кухнею и погребом”, которые и были сданы частному лицу за 5 руб. в месяц. Эти покои на время снял полковник Василий Борисович Бестужев, один из богатейших помещиков губернии, “для капельмейстера и музыки”. Когда Бестужев перевел капельмейстера с музыкантами в свой дом, не заплатив при этом оговоренной арендной платы, то эти покои были отданы другим съемщикам и под проживание лиц, нанятых для присмотра за самим домом главного народного училища. Такой присмотр осуществляли по контракту с симбирским Приказом несколько отставных военных чинов, в том числе прапорщики Красильников и Шеронов. Одного из таких надзирателей сержанта Булатова больше всего раздражала “великая нечистота” во дворе охраняемого здания у покоев, занятых квартирами учителей, которые “о том не пекутся и его не слушают”. Училищное начальство отдало распоряжение Булатову впредь без дополнительного оповещения кого-либо при наличии грязи нанимать работников для ее уборки, а заплаченные им деньги вычитывать из учительского жалованья²⁰⁵.

Благоустройство училищной территории в Симбирске было дополнено установлением трех фонарей на столбах, что обошлось в 4 руб. 20 коп. Наблюдение за их сохранностью было поручено симбирским комендантом прапорщику Драницыну, служившему в первой полицейской части города²⁰⁶.

Временами Приказ общественного призрения считал возможным осуществить перераспределение материалов между своими объектами. Так, в марте 1793 г. было дано указание на перевозку строительных материалов “из смиренного дома в дом главного народного училища”. Еще одним предметом попечения Приказа были в то время расходы “по дому призрения неимущих”²⁰⁷.

В условиях ограниченных финансовых возможностей Приказ общественного призрения ограничивал доступ собственно учителей к распоряжению деньгами, настаивая на том, чтобы все расчеты по необходимым приобретениям велись смотрителями. Последних предупреждали, чтобы “деньгами на те материалы учителям отнюдь не выдавать” и ничего им “самим покупать не позволять”²⁰⁸.

Тем не менее в крайних обстоятельствах учителя вынуждены были брать ответственность на себя и отдавать на нужды училищ собственные деньги. Например, в марте 1793 г. сызранский учитель Воскресенский просил вернуть ему 3 руб. 77 коп., которые им были потрачены “на необходимые для училища надобности, а именно на дрова и свечи”. Приказ не возражал против отдачи этой суммы, но предварительно просил городничего проверить расходы и их соответствие местным ценам. Через месяц с небольшим указанные деньги были учителю возвращены²⁰⁹.

В условиях нехватки самого необходимого появлялся соблазн удовлетворить собственные нужды за счет коллег. В октябре 1793 г. после неоднократных жалоб служителей главного народного училища в Симбирске на невыдачу им свеч вскрылась некрасивая история того, как “учитель Шутихин на всех учителей и двух сторожей положенную препорцию под расписки у заседателя забрал сполна” и все свечи “в чайнии воспользоваться оставил у себя”. Чтобы помочь другим учителям и одновременно наказать виноватого, Приказ распорядился необходимое количество свеч “на счет учителя Шутихина купить и деньги при первой выдаче жалованья у Шутихина вычесть, а ему, Шутихину, в присутствии объявлено, чтоб он ... для одной своей пользы брать и удерживать у товарищей своих никакие материалы не осмеливался”²¹⁰.

С другими серьезными проблемами, связанными с недостаточным вниманием общества, включая родителей, к школьному делу

Масленицкий не раз сталкивался и в Симбирске, и в ходе инспекций малых народных училищ. Некоторые из них напрямую были вызваны хозяйственным, имущественным, социальным положением школьников и их семей. Так, в начале 1794 г. в Симбирском училище плохая успеваемость ряда школьников приписывалась “продолжительным отлучкам в летнее время для работ с родителями”. В Самаре же в 1796 г. летом вообще не было экзаменов “по причине отлучек учеников для работ со своими родителями”²¹¹.

Подобные трудности приобрели хронический характер, рычагов для ослабления их отрицательного воздействия на школьные успехи практически не было. На одни и те же негативные причины указывали учителя из года в год. В Карсуне 15 декабря 1791 г. из 28 учеников, числившихся в школе, на экзамене “не было 15 человек, кои показаны большею частию больными и не прибывшими из отпусков, причем учитель и смотритель жаловались, что родители и господа учеников почасту отлучают от училища по своим нуждам”. Летом 1794 г. на частые отлучки “особенно жаловались учителя карсунский и самарский, что ученики более прогуливают, нежели занимаются учением по потачке родителей, особенно ж в рабочее время”. В конце 1794 г. в Карсунском училище из состоящих по списку 23 школьников директор при инспекции нашел наличными 17, из которых почти все за исключением пятерых оказались “в чтении, письме, катехизисе и священной истории слабы”. Опять-таки учитель указывал на “редкое оных, особенно в летнее время, хождение в класс за полевыми работами, что и смотритель тамошний господин секунд-майор Копытов подтвердил”. То, что именно в Карсунском училище ситуация с отвлечением на полевые работы была самой острой в губернии, не являлось случайностью, “ибо большая часть из них состоят из пахотных солдат и из господских людей”, то есть государственных крестьян и крепостных²¹².

Наблюдения карсунского учителя полностью подтверждаются подсчетами, сделанными по именным спискам тех лет²¹³. За ряд лет ни в одном народном училище Симбирской губернии, кроме Карсунского, не отмечены среди учеников дети пахотных солдат и других категорий государственных крестьян. Из всех школ губернии только в Карсунском училище крестьянские дети в совокупности с дворовыми составляли больше половины учащихся.

В холодное время появлялись и иные проблемы с посещением занятий. В декабре 1793 г. в Карсуне на экзаменах из 16 наличных учеников не было одного “за болезнью”, а шестерых “без причины”.

Учитель на сей раз сетовал, “что ученики нередко удерживаются от хождения в училище родителями и господами, а другие не ходят по недостатку одежды и обуви”²¹⁴.

Не только в уездном, но и в главном народном училище некоторые дети не могли успешно изучить учебные предметы “по неимению за бедностью учебных книг и за многократным нехождением в класс по причине болезней, недостатку одежды, грязи и дальности от училища”. Даже те у кого, не было проблем с одеждой и обувью на холодное время, приходилось много времени тратить, если они жили в уезде, на поездки домой за зимними вещами. Осенняя грязь как причина прогулов упоминалась неоднократно и действительно создавала серьезные проблемы в провинциальном бездорожье. Не имея возможности хлопотать за всех раздетых и разутых, учителя настаивали, чтобы Приказ обеспечил хотя бы собственных воспитанников, которые “за неимением обуви многократно отлучались от класса, ... отчего, отставши учебного порядка, сделались безуспешными и не надежными в ожидании успехов”²¹⁵.

Было бы слишком упрощенно и неправильно сводить все причины слабого притока учащихся в школы и их недостаточного усердия к хозяйственно-бытовым, не учитывая более глубоких культурных, религиозных, идейных факторов. В декабре 1794 г. Масленицкий послал требование смотрителю Самарского училища городничему Буткевичу “о исследовании причин обще с тамошними гражданами уменьшения учеников по тому училищу, которых осталось только 8 человек, и будет ли надежда в наполнении оного вновь поступившими”. Ответа из Самары от органов местного управления и самоуправления получено тогда не было²¹⁶.

Прибыв сам в марте следующего года в Самару, Масленицкий все же получил объяснение местных жителей. Среди главных причин местными мещанами было названо то, что в малом народном училище не учат часослову и псалтыри, поэтому дети “и не могут в церквях ни читать твердо, ни петь не знают”²¹⁷. Директору также указали, что горожане “прочие предметы почитают для себя не нужными, кроме письма”. При этом не отрицался и тот факт, что “они детей своих по нужностям хозяйства и по дороговизне работников употребляют в домашние работы”. Не по нраву самарским мещанам было и то, “что буквы произносят по-латыни”. В итоге в том году в Самарском училище не было ни одного школьника из мещанского или купеческого сословия²¹⁸.

Любопытно, как то, что вызывало раздражение представителей городских сословий, оборачивалось сильной стороной в глазах дворян и чиновников. Для последних полезность практикуемого в народных училищах, в том числе Самарском, обучения доказывалась “вышедшими из училища учениками, которые занимаются по присутственным местам письмоводством с успехом”²¹⁹.

Откровенно о схожих с изложенными в Самаре причинах неприятия нового типа школы говорилось в связи с закрытием в соседней Уфимской губернии Челябинского малого народного училища в 1794 г. и переводом того в Бузулук. Трудности с набором учащихся там усугубляли, как указывалось, “вредные от прежних времен вкравшиеся предрассуждения некоторых тамошних граждан, кои нарицали народные училища ... заведением иностранным”. Противники новых школ, как мы видим, имелись не только в Самаре. Подобная аргументация против их заведения имела место и находила отклик в других городах России, не исключая уральских и поволжских. Многие учебные предметы осуждались такими поборниками старины “яко бесполезные и самый способ преподавания невыгодным”²²⁰.

Схожая с Самарой или Челябинском, хотя и усложненная влиянием раскольников, ситуация сложилась в связи с уменьшением числа школьников в Сызрани. Особенное беспокойство вызывала у директора Масленицкого имевшаяся и здесь малочисленность учеников из городских сословий²²¹.

26 февраля 1792 г. на экзамене в тамошнем училище присутствовали практически все ученики, но их всего-навсего оказалось в этой школе 14 чел. Тогда “о причине малого числа учеников тамошние благородные, градской голова и протопоп отвечали, что сие происходит не от небрежения учителя, а от грубости и нежелания жителей просвещать детей своих учением и умножения между мещанством расколов разных”²²².

Учителям приходилось искать какой-то компромисс с консервативно настроенными людьми старшего поколения. В 1793 г. во время инспекции Карсунского училища директор Масленицкий обратил внимание на то, что первоклассники оказались слабо успевающими в чтении “и буквы произносят по старине”, а “учитель оправдывался в последнем, что сие произошло от воли родителей учащихся”. С точки зрения директора, уступка любителям старины в этом вопросе была неуместна. Он указал учителю, “чтобы он

усугубил попечение к лучшему наставлению учащихся и впредь обучал учеников произносить буквы по предписанным правилам в Руководстве учителям”²³.

Масленицкий сам предлагал иной вариант компромисса старого и нового подхода к обучению. В 1795 г. учителю Самарского училища было дано специальное указание, следуя на уроках “по точности правил, изъясненных в Руководстве учителям и в Уставе народных училищ, по воскресным и праздничным дням водить детей в церковь и приучать их к чтению и пению церковному”. Доказывая жителям Самары, что установленный по монаршей воле “порядок учения есть наипольнейший ко образованию разума и сердца молодых юношей”, он вместе с тем предлагал ревнителям традиций “в свободное от учения время детей своих заставлять дома читать часовник и псалтырь”²⁴.

Накопившиеся до середины 1790-х гг. в деле народного образования трудности как организационно-административного, так и материального характера, а также связанные с неприятием новой общеобразовательной школы различными группами провинциального общества по социальным или идейно-религиозным мотивам, перешли без кардинального решения в следующее царствование. Их обострение было на первых порах неизбежно. Из жизни ушел инициатор образовательной реформы. Насколько новая верховная власть дорожила накопленным наследием в области просвещения, оставалось какое-то время неясным.

§3. СОСТОЯНИЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРАВЛЕНИЕ ПАВЛА I

Ситуация в деле народного образования с приходом на трон нового императора Павла Петровича стала более драматичной, чем в предшествующие годы. Сначала школьное дело на время лишилось части административных опор, что проявилось в уменьшении численности школ и учащихся. Все же негативная тенденция снижения уровня школьного дела, отмеченная статистически в 1797 г. и уже нами показанная, не стала необратимой. Число учащихся быстро восстановилось на уровне наиболее удачных для народного просвещения лет екатерининского царствования.

Количественные характеристики не дают оснований предполагать кардинальных перемен в отношении правительства Павла I к народному образованию и позволяют рассматривать годы его правления в рамках все той же школьной реформы Екатерины II.

Показательно издание 3 января 1797 г. указа с выражением императорского благоволения и признательности Комиссии народных училищ за ее труды. Единственной заметной переменной, но носящей исключительно внешний характер, стал указ 11 августа 1799 г. о переименовании народных училищ в школы²²⁵.

Не носили принципиального характера и различия в уровне развития образования в отдельных регионах. Несомненные успехи, достигнутые на одних территориях (например, Курский край, Казанская губерния или восточная Белоруссия), нивелировались в среднем по России явными отступлениями назад в деле образования по другим губерниям (Новгородской, Пермской и др.), о чем наглядно свидетельствует следующая таблица со сведениями на середину 1799 г.

Данная таблица составлена с учетом изменившегося в царствование Павла I административного деления. В результате территория подведомственная Приказам общественного призрения Саратовской и Симбирской губерний расширилась за счет упраздненной Пензенской губернии в конце 1797 года²²⁶. В таблице поэтому дано сопоставление с данными 1790 гг., пересчитанными в новых административных границах²²⁷.

Если даже учитывать присоединенные к России в 1790-е гг. земли, число народных училищ ("главных" и "малых" вместе) с 1786 по 1800 гг. возросло с 40 до 315, а учеников в них с 4398 до 19915. Однако это выглядело каплей в людском море России²²⁸.

Большинство указанных школ находилось в крупных городах и наиболее заселенных губерниях. Более половины уездов России к началу XIX в. не имело ни одной начальной школы, даже в своих административных центрах. Известно, что к 1801 г. действовало 161 малое народное училище, из которых 48 приходилось на Петербург, Москву, Петербургскую и Московскую губернии²²⁹.

По собранным в 1799-1800 гг. сведениям, народные училища имелись в 236 городах Российской империи, а в 229 городах их не существовало. Если же не брать в расчет территорий Прибалтики, Белоруссии, Украины, Причерноморья, Войска Донского и Грузии, то государственные общеобразовательные школы работали в 166 городах и отсутствовали в 141 русском городе²³⁰.

Местонахождение народных училищ	учи- лищ	% от их числа в 1790 г.	учи- талей (чел.)	% от учителей в 1790 г.	уча- щихся (чел.)	% от учащихся в 1790 г.
В Санкт-Петербургской губернии ²²⁸	28	100%	88	94%	3973	128%
В Московский	27	96%	61	124%	1981	104%
В Новгородской и б. Олонекской ²²⁹	12	71%	19	73%	496	65%
В Тверской ²³⁰	9	113%	17	113%	535	91%
В Псковской	6	150%	10	143%	352	181%
В Смоленской	8	133%	12	133%	357	88%
В Тульской	1	50%	5	71%	99	53%
В Калужской	3	75%	8	114%	256	71%
В Орловской	9	100%	15	115%	688	102%
В Курской	8	114%	13	100%	580	172%
В Воронежской	4	100%	8	100%	260	123%
В Тамбовской	4	57%	7	58%	224	74%
В Рязанской	12	100%	18	100%	467	102%
Во Владимирской	4	80%	7	88%	250	99%
В Костромской	6	150%	8	100%	216	117%
В Ярославской	10	91%	15	68%	418	112%
В Вологодской	4	67%	7	70%	183	84%
В Архангельской	4	100%	7	78%	89	51%
В Нижегородской	3	100%	9	100%	193	60%
В Симбирской и г. Саранске	4	67%	7	78%	250	143%
В Казанской	5	250%	8	133%	248	151%
В Вятской	5	100%	9	90%	224	120%
В Пермской ²³¹	8	89%	12	63%	296	39%
В Саратовской и г. Пензе	2	100%	8	89%	241	83%
В Выборгской	6	100%	21	124%	246	85%
В Эстляндской (б. Ревельской)	1	100%	4	100%	69	203%
В Лифляндской (б. Рижской)	1	100%	4	100%	68	96%
В Белорусской (бб. Полоцкой и Мо- гилевской)	9	450%	24	240%	524	238%
В Малороссийской (бб. Чернигов- ской и Новгород-Северской)	6	100%	19	100%	534	92%
В Киевской	3	300%	18	450%	543	456%
В Астраханской (б. Кавказской)	2	100%	9	100%	171	101%
В Слободской Украинской (б. Харь- ковской)	6	120%	25	192%	641	230%
В Оренбургской (б. Уфимской)	4	100%	9	90%	179	55%
В Тобольской	8	114%	12	109%	316	92%
В Иркутской и б. Колыванской	2	100%	7	78%	113	66%
В Новороссийской	2	**	7	**	162	**
В земле Донских казаков	1	100%	4	100%	80	48%
Итого в народных ²³² училищах*	237	103%	541	106%	16522	108%
Пансионных и домашних школ*	44	116%	180	153%	1076	92%
Всего учебных заведений под ве- дением или контролем Комиссии об учреждении народных учи- лищ*	281	104%	721	115%	17598	106%

* - в границах России 1790 года

** - народные училища в губернии открыты после 1790 года

Ситуация в школьном деле даже в соседних губерниях развивалась за 1790-е гг. неодинаково. Положение на середину 1799 г. (в абсолютных числах и относительно 1790 г.) в отдельных школах рассматриваемых нами губерний, т.е. Симбирской, Саратовской, Оренбургской, а также для сравнения – в Казанской, оказавшейся наиболее благополучной среди соседних регионов, представлено ниже:

Тип школы	Город	учителей	учащихся	учащихся (% к 1790 г.)
Главная	Симбирск	4	136	209,2%
Малая	Саранск	1	50	138,9%
Малая	Сызрань	1	25	166,7%
Малая	Алатырь	1	39	433,3%
Малая	Самара			упразднена
Малая	Карсун			упразднена
Частный пансион	Симбирск	5	23	вновь открыт
Главная	Саратов	4	123	87,2%
Главная	Пенза	4	118	79,2%
Главная	Оренбург	3	45	95,7%
Малая	Уфа	2	66	60,0%
Малая	Мензелинск	2	47	47,5%
Малая	Челябинск			упразднена
Малая	Бузулук	2	21	вновь открыта
Главная	Казань	4	130	107,4%
Малая	Чебоксары	1	61	141,9%
Малая	Козмодемьянск	1	12	вновь открыта
Малая	Ядрин	1	31	вновь открыта
Малая	Чистополь	1	14	вновь открыта

В Саратовской губернии и присоединенной к ней части бывшей Пензенской в деле образования за последнее десятилетие XVIII в. наблюдался застой в числе школ и некоторый упадок в количестве учащихся. Здесь было всего две школы, открытые еще в 1786 г., а учащихся в них насчитывалось меньше, чем в 1790 г. (Саратов), и даже, чем в 1788 г. (Пенза). Как иронично и точно высказался Шестаков обо всей истории школы в Саратове с момента открытия до воцарения Павла I, “особенного, а паче хорошего, ничего с училищем не случилось”²³⁶.

Впрочем, состояние Саратовской школы в правление Павла было оценено Шестаковым более резко: “С 1797 по 1801 год, все время, можно заключить также в один период, в течение которого училище было еще в худшем состоянии”. Такая оценка более других причин была вызвана проблемами с училищным помещением. В 1797 г. была восстановлена Контора опекунов иностранных, которая забрала в свое распоряжение здание, где много лет было расположено Саратовское училище. Последнее было сначала переведено на второй

этаж наместнического дома, затем в частный дом Фокина, который сгорел вместе с недостроенным зданием, специально строившемся для училища. Школа продолжала скитаться по разным местам, одно время даже была в погребах аптеки, “и не только публичные испытания, но и учение многожды прерывалось на не малое время”²³⁷.

Для численности же учащихся Саратовского училища в этот период характерна в целом стабильная ситуация. Ниже представлено количество школьников в Саратовском училище по сохранившимся полугодовым ведомостям за 1797-1801 гг.²³⁸

1797, 1 пол.	1797, 2 пол.	1798, 1 пол.	1799, 1 пол.	1799, 2 пол.	1800, 1 пол.	1800, 2 пол.	1801, 1 пол.
108	138	97	123	114	117	114	109

Единственное резкое падение числа учащихся отмечено в первой половине 1798 г. 15 июня 1798 г. “солдатские дети все без изъятия ... по силе воинского устава выведены в полковую школу”. Таковых выбыло 20 чел. из первого класса и 30 чел. из второго²³⁹. Из-под Саратовского училища была выбита искусственная подпорка, появившаяся в самый момент его основания, – принудительное зачисление детей нижних чинов не в гарнизонную, а в общеобразовательную школу. Тем не менее укрепившаяся за 12 лет существования школа в Саратове устояла даже при оттоке значительного контингента школьников.

Управление школьным делом Саратовской губернии находилось в руках попечителя, губернатора Василия Сергеевича Ланского, и директора Захара Острожского. Коллежскому асессору Острожскому, бессменному директору Саратовского училища с 1788 г., в 1802 г. исполнилось 48 лет, с 31 декабря 1793 г. он числился в чине титулярного советника, а с 31 декабря 1800 г. – коллежского советника²⁴⁰.

В Оренбургской (бывшей Уфимской) губернии наблюдалась схожая картина. Там сохранились четыре открытые прежде школы, но численность школьников во всех них упала настолько, что в целом по губернии сократилась почти наполовину по сравнению с 1790 г.

Представленные выше данные по этой губернии на середину 1799 г. достаточно представительны для всего периода царствования Павла I. Об этом можно судить из следующей таблицы, в которой представлено изменение числа школьников в городах Оренбургской губернии в 1797-1801 гг.²⁴¹:

Год и полугодие	Уфа	Оренбург	Мензелинск	Бузулук	Всего
1797, 1 пол.	102	21	80	25	228
1797, 2 пол.	50	33	71	27	181
1798, 1 пол.	64	41	55	18	178
1798, 2 пол.	78	54	55	14	201
1799, 1 пол.	66	45	47	21	179
1799, 2 пол.	73	38	42	16	169
1800, 1 пол.	55	52	63	16	186
1800, 2 пол.	59	55	49	25	188
1801, 1 пол.	54	66	42	41	203

Если не учитывать нескольких общегубернских показателей за некоторые полугодия, превышающих 200 чел. или составляющих меньше 170 чел., то колебания в числе учащихся были очень незначительными. Количество школьников в 4 народных школах Оренбургской губернии, как правило, составляло в период 1797-1801 гг. от 177 до 188 чел. без очевидных и постоянных тенденций к росту или падению. Хотя такая численность далека от имевшей место в 1790 или в 1796 гг., но она превышала критически низкие показатели, например, 1794 года, памятного закрытием Челябинского училища. В целом рубеж XVIII-XIX вв., на который приходится правление Павла I, если и не были годами успехов для народного образования в Оренбургской губернии, то являлись временем определенной стабилизации в школьном деле, что требовало усилий со стороны властей.

В конце 1796 г. вся полнота власти в новой Оренбургской губернии, образованной на месте Уфимской, вместе с обязанностями попечителя народных училищ была вручена в качестве военного губернатора уже упомянутому выше генерал-аншефу барону Осипу Андреевичу Игельстрому²⁴². В отличие от времени его пребывания в генерал-губерна-торской должности по Симбирской и Уфимской губерниям на сей раз заметных усилий с его стороны по учебной части по сохранившимся документам не замечается. Однако, возможно, причина тому – недостаточная полнота и сохранность источников.

Обратим внимание на то, что в Оренбургской губернии не было закрыто ни одного училища, в отличие от соседней Симбирской. Думается, что здесь не обошлось без участия Игельстрома.

Он так активно способствовал учреждению этих училищ еще в конце 1780-х гг., что, видимо, постарался не подставлять под удар свои собственные детища в трудные для них годы.

В 1797 г. управление училищами новой Оренбургской губернии в качестве их попечителя оставалось в руках гражданского губернатора И.М. Баратаева. Тот, как сообщало училищное начальство в своих ведомостях, “не оставляя во всяком случае назирать за выполнением всего предписанного в Уставе тем училищам и не оставляя беспрестанно печися о пользе оных и что только служить может к ободрению учащихся и учащих, удостаивал Уфимское главное училище иногда один, а иногда с некоторыми знатными особами своего посещения”. 5 мая того же года был возвращен на должность директора народных училищ советник оренбургской казенной палаты Ф.Ф. Кабрит вместо Ф.П. Арапова²⁴³.

С переводом главного училища в Оренбург, гражданский губернатор и там стал частым посетителем. Впрочем в ведомостях отмечены его визиты и в малые народные училища. Так, в Бузулуке в 1797 г. губернатор лично “приказал исключить троих за нехождением их в класс”²⁴⁴.

Любопытно, что исключение как дисциплинарная мера была вообще весьма в ходу в школах этой губернии. В начале того же года и в том же Бузулуке директор народных училищ приказал исключить сразу 6 учеников второго класса “за частое отбывательство их от класса в пример прочим и отклонение сего непорядка в том училище”²⁴⁵. Явно, что сохранение численности учащихся любой ценой никак не было целью оренбургской губернской администрации и школьного начальства в эти годы. Оценки имеющегося контингента были по военному краткими, что отвечало духу пограничной губернии: “Успехи учеников сих соответствуют благому намерению, с каковым учреждены училища; исключая немногих тупых, все успевают достаточно”²⁴⁶.

К сожалению, управление Баратаева в качестве попечителя школьным делом Уфимской (Оренбургской) губернии продолжалось недолго. При Николае Николаевиче Бахметеве, занимавшем в 1798-1803 гг. пост военного губернатора в Оренбурге, гражданскими губернаторами были К.Н. Бартеньев, И.А. Курис, К. Глазенап, А.А. Вразский²⁴⁷. Все они не проявляли должного внимания к народным училищам.

С августа 1797 года на много лет растянулось дело по представлению “от Оренбургского училища о тесноте помещения

учителей и неимении по штату положенных квартир, что осталось и до сих пор (конец 1809 г. – Л.А.) вообще, равно как и (стала правилом – Л.А.) не в определенное время поздняя присылка денег на жалованье чиновникам и содержание училищных домов”. Директором же оренбургских школ 21 октября 1799 года был назначен “капитан Егор Иванов сын Волдгрин, который во всё время своего управления училищами даже до 1805 года 21-го сентября, день отставки его Главным училищ правлением, ни разу не посещал, как отзывались некоторые учителя, для обозрения училищ и многие чиновники знали о нем только по имени”²⁴⁸.

В Симбирской губернии в это время отмечался некоторый прирост учеников народных училищ, который происходил на фоне закрытия прежде существовавших школ и уменьшения числа учителей. По отдельным училищам изменения в числе учащихся выглядели следующим образом²⁴⁹:

Год	Месяц	В главном народном училище	В малых народных училищах					Итого в губернии
			Всего	Алатырь	Самара	Сызрань	Карсун	
1797	январь	116	74	18	21	18	17	190
1797	июнь	80	60	16	17	14	13	140
1797	июль	100	80	24	20	18	18	180
1797	декабрь	99	63	21	14	17	11	162
1798	январь	121	75	25	16	19	15	196
1798	июнь	91	52	27		14	11	143
1798	декабрь	103	59	25		15	19	162
1799	январь	127	81	31		22	28	208
1799	июнь	109	40	25		15		149
1799	июль	136	64	39		25		200
1799	декабрь	124	30	30				154
1800	январь	137	35	35				172
1800	июль	168	47	47				215
1800	декабрь	174	41	41				215
1801	июль	172	65	65				237

Знакомые нам по предыдущему периоду перепады в данных Симбирской губернии между месяцами выпуска из училища (июнь, декабрь) и месяцами зачисления в него (июль, январь) перестают фиксироваться с 1800 г., когда в унифицированной ведомости подаются максимальные цифры с учетом нового набора. Не трудно заметить, что данные с середины 1800 г. мало отличаются друг друга. Ситуация стабилизировалась на уровне, несколько превышающем начало или середину 1790-х гг., несмотря на то, что осталось из пяти всего два народных училища, если не брать в расчет Саранское малое

народное училище, которое временно по разделу Пензенской губернии с 1797 г. по 1801 г. оказалось в ведении Симбирского Приказа общественного призрения.

В следующей таблице для наглядности сведены вместе представленные выше данные о числе учащихся в училищах Симбирской, Оренбургской (Уфимской) и Саратовской губерний на 1799 и 1802 гг. В отличие от приведенной выше таблицы с общероссийскими итогами на 1799 год здесь не учитываются изменения административных границ при Павле I. Сопоставление проведено с цифрами не разгара реформаторской активности Екатерины II в школьном деле, а с последним годом царствования умирающей императрицы (1796):

ГОРОДА И ГУБЕРНИЙ / ГОДЫ	1796	1799	1801	1801 в % к 1796
Симбирск	105	136	172	163,8%
Сызрань	16	39	закрыто	0%
Самара	19	закрыто	закрыто	0%
Алатырь	17	15	65	382,4%
Карсун	15	закрыто	закрыто	0%
Всего в Симбирской губернии	172	250	237	137,8%
Уфа	96	66	54	56,3%
Оренбург	27	45	66	244,4%
Мензелинск	93	47	42	45,2%
Бузулук	33	21	41	124,2%
Всего в Уфимской губернии	249	179	203	81,5%
В Саратове	108	123	109	100,9%
Всего в трех губерниях	529	552	549	103,8%

Данная таблица позволяет еще раз заметить отсутствие кардинальных изменений в статистике народного образования на рубеже XVIII-XIX вв. Это не удивительно. Годы правления Павла I не отмечены серьезными изменениями ни в законодательстве о школе, ни в практике его применения. Финансовое, материальное, кадровое обеспечение народного образования, деятельность государственных учреждений, отвечавших за дело просвещения, все это оставалось в принципе тем же, что в предшествующие периоды реализации школьной реформы, за единственным, но существенным исключением.

Еще при жизни императрицы средства для расширения числа государственных школ и учащихся в них были исчерпаны настолько, что “становилось все труднее удерживать народное образование на достигнутом уровне, не говоря уже о его развитии”²⁵⁰. Местные власти, не желая ударить лицом в грязь перед “просвещенной государыней”, не решались на массовое закрытие уже учрежденных

училищ, изыскивая возможности их дальнейшего содержания при всех финансовых недостатках. В крайнем случае вместо закрывавшихся учреждались новые народные училища, куда из упраздненных переводили учителей, предлагали перейти ученикам, передавали школьное имущество. Как уже говорилось выше, при подобных обстоятельствах в Симбирской губернии появилось вместо Ставропольского Самарское училище, а вместо Тагайского – Карсунское, а в Уфимской губернии вместо Челябинского – Бузулукское. С восшествием на престол Павла I в 1796 г. отношение властей к народному образованию изменилось. Училища стали закрываться уже без учреждения вместо них других.

Менее прочих уже известных нам проблем причиной закрытия малых училищ можно считать недостаточный уровень преподавания. С этой трудностью удавалось справляться. Из четырех малых народных училищ Симбирской губернии в двух, в Карсуне и Самаре, экзамены в конце 1796 г. показали слабую подготовку школьников именно “по причине нерадения” учителей. В Самаре этот вопрос, как было показано выше, был решен сменой преподавателей, причем новый, Пульхеровский, по отзыву директора народных училищ, выполнял свои обязанности “с похвалою”²⁵¹.

Карсунский учитель Крачков ограничился предупреждением, постарался исправить. В мае директор Масленицкий нашел его учеников, “кроме долговременно бывших в отлучках, судя по времени, довольно успевшими”. Старания учителя были замечены и по хозяйственной части. Ко времени директорской инспекции была проведена “под его смотрением и починка тамошнего училища”²⁵².

То, что кадровая проблема, по крайней мере, в Симбирской губернии тогда остро не стояла, показывает следующий факт. В начале 1798 г. впервые за историю подготовки в главном народном училище Симбирска учителей из казанских студентов один из них был отправлен назад в семинарию за отсутствием необходимости в новом преподавателе для школ. Это произошло, несмотря на то, что семинарист Матвей Липидовский год провел в Симбирском училище, “способ учения 1-го и 2-го классов и арифметики кончил и, быв по часту употребляем при обучении детей по сим предметам, к занятию учительской должности оказался способным”. Он, например, заменял в классе учителя Ефибовского на время предоставленного тому отпуска. Казанской духовной консистории, готовой оказать помощь присылкой новых семинаристов для учительской работы, еще в 1797 г. было сообщено, “что по народным училищам Симбирской губер-

нии, как по главному в Симбирске, так и по малым ... учительские места наполнены и надобности в них не предвидится”²⁵³.

Значимость учительского труд получала более справедливое признание властей. В апреле 1797 г. Комиссия об учреждении училищ потребовала сбора сведений “о службе и поведении учителей”. Основной причиной этого распоряжения стало намерение “представить достойных их них Правительствующему Сенату для производства в чины”, в случае чего собранные сведения “могли быть также и послужными списками” представленных к производству. Директором симбирских училищ такой список был представлен 29 апреля. По представлению Комиссии народных училищ “за оказанные учителями по должностям их успехи” последовал 4 апреля 1799 г. указ Сената²⁵⁴.

Учителя высших классов главного училища Андрей Тихонравов и Спиридон Цветков были произведены в 12 класс. Чин 14 класса получили 3 учителя: Емельян Шутихин из того же училища, а также Хрисанф Воскресенский из Сызранской школы и Федор Акаевский из Саранска.

14 класс Табели о рангах соответствовал первому офицерскому чину и давал право на личное дворянство. Вместе с тем общепринятые наименования чинов 14 класса (коллежский регистратор), а также 12 класса (губернский секретарь) были признаны неприличными для учителей, которым несвойственны обозначаемые этими чинами канцелярские должности. Поэтому Комиссия положила просто считать учителей в 12 или 14 классах без употребления канцелярских названий чинов²⁵⁵.

Всего же в России в 1799 г. было произведено в чин титулярного советника 23 учителя, в чин 12 класса – 56 учителей, в чин 14 класса – 169 учителей²⁵⁶. Вместе с тем возникала опасность оттока учителей, получивших классные чины Табели о рангах, с педагогической на другие виды государственной службы. Тогда Сенат по просьбе Комиссии народных училищ подтвердил указом во все присутственные места норму, которая впервые появилась в 1783 г. при открытии учительской семинарии. Согласно этой норме учителя, подготовленные за счет казны, не увольнялись и не принимались на другую службу без ведома Комиссии²⁵⁷.

7 апреля 1800 г. последовал очередной указ Сената о чинопроизводстве учителей Симбирского главного училища²⁵⁸. Спиридон Цветков и Андрей Тихонравов были пожалованы в титулярные советники, а Емельян Шутихин – в 12 класс Табели о рангах.

По сенатскому указу от 5 сентября 1801 г. и Шутихин “за усердие и ревность к службе” был произведен в чин 9 класса, т.е. титулярного советника. По тому же указу, Хрисанф Воскресенский и Григорий Сапожников, бывшие учителя малых училищ, но к тому времени уже работавшие в главном народном училище, пожалованы в 12 класс Табелі о рангах²⁵⁹.

Симбирская губерния не была исключением. Схожим порядком шло повышение в чинах учителей в других регионах. Например, учитель Бузулукского малого училища Алексей Степанович Адоратский также числился с 31 декабря 1797 г. в 14 классе, а с 31 декабря 1800 г. – в 12 классе. Так же производились в чины все остальные учителя малых народных училищ Оренбургской губернии²⁶⁰.

В Саратовском училище сложилось сочетание опытных и молодых педагогов. Дольше всех здесь работали учителя первого класса. Петру Васильевскому, служившему со дня открытия (22 сентября 1786 г.), исполнилось в 1802 г. 36 лет, он состоял в 9-м классе Табелі о рангах. Еще старше его по возрасту (51 год) был Дмитрий Федоров, который служил в училище с 31 декабря 1789 г. и имел чин 12-го класса²⁶¹.

Самыми молодыми и еще не имевшими чинов Табелі о рангах были учителя “вышних классов” Саратовского училища Антон Гладкой и Михайла Куракин. Оба происходили “из священнических детей”. Первый имел в 1802 г. от роду 26 лет, второй - 21 год. Гладкой учился в Киевской академии, а Куракин - в Тверской семинарии, а затем оба - в Санктпетербургской учительской гимназии. Учителями в Саратове стали соответственно с 1 января 1797 г. и с 1 марта 1802 г.²⁶²

В сентябре 1800 г. Комиссия народных училищ предупредила местные власти о необходимости беречь существующие преподавательские кадры. Приказам общественного призрения было велено “в увольнении состоящих ныне при школах учителей приостановиться, а по крайней необходимости о увольнении кого-либо из учителей по причине неизлечимых болезней и припадков относиться во оную Комиссию с приложением обстоятельных о болезни их свидетельств от тамошней врачебной управы”²⁶³.

Распоряжение о прекращении утечки кадров из школьной в другие виды службы вызывалось сокращением главного источника пополнения учительского звания – из семинаристов. В самом начале правления Павла I такая практика под сомнение не ставилась. Так, в указе от 22 декабря 1796 г. для детей духовенства предусматривались два основных рода деятельности. Из них пополнялись

“места, во первых, штатные священнические и церковно-служительские, а во-вторых, учительские не только в духовных училищах, но и в городских школах, по губерниям учрежденных”²⁶⁴. Однако 27 мая 1800 г. был издан рескрипт митрополиту Амвросию, по которому без высочайшей воли было запрещено обращать семинаристов в другое звание, а указом от 16 июня это ограничение было подтверждено²⁶⁵.

Серьезной, хотя не первоочередной по значимости оставалась проблема недостаточного внимания к малым народным училищам со стороны смотрителей и местной администрации. Несмотря на неоднократные предписания, в Симбирске по несколько месяцев не могли дожидаться, например, обязательных отчетов “о приходе, расходе и остатке денежной казны, относящейся до Сызранского малого народного училища” от исполняющего должность городничего секунд-майора Ахматова. На того же жаловался смотритель училища, предупреждавший Приказ о том, что Ахматов оплачивает не качественные по исполнению вещи для школы²⁶⁶.

В Алатыре смотрителя Тепловодского не меняли, несмотря на его старость и дряхлость, пока тот не смог вообще выполнять свои обязанности, после чего дела по училищу срочно передали ратману местного магистрата Андрею Попову, не дожидаясь официального утверждения в смотрительской должности. Однако вскоре жалобы пошли на Попова, который уехал в город Курмыш, где определился писцом в земский суд. Учитель Сапожников и школа остались без дров, свеч и бумаги. Приказ общественного призрения потребовал от алатырского городского магистрата, чтобы тот наказал Попова за самовольную отлучку, а на место смотрителя “избрал из граждан другого хорошего поведения”, который бы срочно занялся делами школы²⁶⁷.

Когда выбор жителей не приводил к удачному замещению смотрительской должности, власти могли взять назначение полностью в свои руки. В 1800 г. симбирский губернатор “при осмотре Алатырской школы ... словесно приказал градской голове Водянову быть смотрителем”²⁶⁸.

Препятствием нормальному течению учебного процесса продолжали являться некоторые социальные и хозяйственные факторы. В мае 1797 г. в Карсуне который уже раз директора народных училищ губернии оповестили о частых пропусках школьниками занятий “особенно в рабочую летнюю пору по бедности родителей для работ”. Однако Карсунское училище, как было

показано выше, стояло по степени воздействия этих факторов несколько особняком. В других малых училищах бедность и страдная пора сказывались на школьниках все-таки меньше²⁶⁹.

В некоторых случаях в меру сил оказывалась помощь нуждающимся ученикам. В Саранском училище, переданном в ведение Симбирского Приказа общественного призрения, как указывалось, “ученики пребывают более из достаточных, нежели из бедных людей”. Тем не менее бедных тоже было немало. Смотритель Касимовцев сообщал, “что в тамошнем училище многие обоих классов ученики по причине великой бедности и сиротств находятся не в состоянии себе ни одной книжки классических покупать, а некоторые из них и дневное пропитание по миру собирают”. Смотритель направил просьбу “Приказу общественного призрения хотя по одной самонужнейшей книжке выдать” таким школьникам. Симбирский Приказ, принявший это училище в свое ведение, 4 марта 1797 г., “снисходя на сие, предложил ... бедных учеников подлежащими книгами снабдить всего суммою по приложенному от Касимовцева в Приказ регистру ценою на 6 руб. 70 коп.” В этом регистре перечислялось: “Правил для учащихся 4 по 15 коп., Сокращенных катихизисов пять по 15 коп., первой части Арифметики 5 по 35 коп., Букварей пять по 15 коп., Руководств о чистописании два по 15 коп., Пространных катихизисов один в 55 коп., второй части Арифметики в 45 коп., Книг о должностях человека и гражданина одна в 60 коп., Историй священных одна в 50 коп.”²⁷⁰

Практика помощи малосостоятельным ученикам была делом обычным и в других народных училищах. При проверке книг, употреблявшихся в Карсунской и Сызранской школах, “оказалось подержанных ветхих и к продаже негодных ... всего суммою на” 24 руб. 51 коп. По объяснению учителя, “онные по силе Устава о школах параграфа 77 с позволения Приказа употреблялись на обучение бедным ученикам”. Приказ принял эти объяснения и распорядился и впредь “те книги так же” употреблять “ко обучению бедным ученикам”²⁷¹.

Пополнение старших классов училищ сдерживалось нежеланием родственников и хозяев тратить время на изучение не нужных, по их мнению, учебных предметов. Зато к письму и родители и опекуны относились с особым вниманием, даже оставляя детей на повторное обучение. Так, в 1798 г. ученик Симбирского училища “Алексей Ефимов остался в прежнем классе по воле дяди своего для большего усовершенствования в письме”. Там же “Маркел Соколов и Агафон Дубровский остались до будущего 1799 года единственно

только для повторения предметов сего класса и большего успеха в письме и арифметике, а потом из училища взяты будут в дома господ своих". В Алатырском училище в 1798 г. году сразу 9 учеников 2-го класса, "хотя и окончили все предметы, для малых народных училищ назначенные, но по просьбам родителей оставлены еще для письма и повторения"²⁷².

В январе 1799 г. остались без перевода в 1 классе Симбирского училища "для повторения предметов по воле родителей и господ" сразу 10 школьников. Имелись по тем же причинам оставшиеся в других классах без перевода и выпуска "по просьбе родителей для усовершенствования их по тем классам"²⁷³.

Наиболее острой проблемой оказались финансовые и материальные трудности, вставшие перед самой народной школой. Впрочем и они распределялись неравномерно. Меньше других страдали главные народные училища. Так, Симбирское продолжало пополнять свои пособия. В марте 1797 г. были "доставлены в училище купленные ландкарты, вновь изданные, Европы, Азии и Америки и термометр. В июле того же года на покупку и доставку нужных книг и чертежей директору Масленицкому было выдано более 400 руб., которые были отправлены в Петербург комиссионеру Куроседову"²⁷⁴.

Все же проблем с учебниками не убывало. Некоторые книги пришли в негодность настолько, что сдерживали нормальное течение занятий. Учителя главного училища в Симбирске сообщили директору, что все "по нынешний 798 год поступившие ученики мало успели в письме за ветхостию прописей". Прописи приходилось собирать и отдавать в починку и переплет"²⁷⁵.

Постоянно проводился ремонт здания и помещений главного училища в Симбирске. В Саратове пришедшее в ветхость здание народной школы было решено в 1799 г. заменить каменным. Его возведение было задержано из-за пожара на стройке, но "1801 года генваря 1-го дня Саратовское главное народное училище получило как бы новое бытие", поскольку "к сему времени каменный училищный дом после пожара вторично отделан".

Сохранились чертежи планов и фасадов Саратовского училищного дома, выполненные в 1802 г. архитектором Сурановым. В отличие от парадного по облику Симбирского училища здание школы в Саратове имело более простой и строгий фасад, меньшие размеры, компактный план с группировкой комнат вокруг сеней как в жилом доме. Как считает историк архитектуры, "такие сооружения вряд ли выделялись из окружающей застройки"²⁷⁶.

Находившиеся на попечении Приказа общественного призрения ученики, число которых в Симбирске в середине 1797 г. составляло 20 человек, снабжались от казны бумагой для письма, черчения и рисования, тушью, перьями, чернилами и чернильницами, карандашами черными и цветными, аспидными досками и грифелями²⁷⁷.

Выделялись деньги на подписку периодических изданий. В конце 1800 г. из Симбирска было отправлено “в газетную экспедицию 30 руб. государственными ассигнациями со означением годов и номеров” требуемых газет и журналов. В числе их значились: “Санктпетербургские ведомости на простой бумаге, Московские, периодическое издание под названием Ипокрена или Утехи любословия, Политический журнал в переводе из гамбургского немецкого”²⁷⁸.

Основная тяжесть материальных и денежных проблем давила на и без того немногочисленные школы в уездных городах. Именно под этой тяжестью начала рваться еще непрочная сеть общеобразовательных учебных заведений. Во главе губернской администрации вместо людей, привыкших долгие годы поддерживать на плаву изо всех сил народные училища, новый император ставил других сановников, возможно, не относившихся к школам хуже прежних, но и не имевших четких установок на особое внимание к делу просвещения.

21 августа 1797 г. бывший симбирский губернатор и попечитель народных училищ А.Д. Карпов известил Приказ общественного призрения о своей отставке и назначении на его место статского советника Александра Васильевича Толстого. Не прошло и трех месяцев, как 12 ноября 1797 г. симбирскому Приказу была представлена “ведомость о денежной казне, состоявшей в ведомстве его”. Последний, “рассматривая приход и расход о денежной казне, нашел, что расход превышает прихода” и обратился к разработке экстренных мер по экономии средств, “дабы не истребить вовсе капитала”²⁷⁹.

Финансовая ситуация к этому времени сложилась следующая. Основными статьями расхода Приказа являлись²⁸⁰:

СТАТЬИ РАСХОДОВ	рублей	копеек
жалованье смотрителя дома призрения и лекаря	497	48,25
содержание дома призрения	1052	45,75
расходы на училища	3118	49
дрова и свечи	до 400	
письменные припасы по Приказу и училищам	до 150	
Всего	более 5200	

Поскольку по закону основным источником финансирования Приказа являлись доходы с оборотного капитала, то последний для ежегодного получения требуемой суммы должен был составлять “более 100000 руб., а оного состоит менее 17000 руб.” К счастью, имелись различные поступления, не зависимые от оборотного капитала (сдача в аренду и продажа недвижимости, пожертвования и т.п.), сумма которых составила в предыдущем 1796 г. 3446 руб. 7,25 коп. Однако эти поступления были непостоянными и ненадежными, не приходилось полагаться не только на их рост, но и на сохранение в последующие годы. “Да и за сим доходом, причисляя к нему доход с оборотного капитала 17000 руб. по 5 процентов, составит всего доходу не более 4300 руб.”, что никак не покрывало расходы в 5200 руб.

Вместе с тем финансовое положение симбирского Приказа не претерпело ни за 1796 г., ни за наступивший 1797 г. каких-то кардинальных изменений. Трудности и нехватка средств носили хронический характер, длясь во времени столько же, сколько шла школьная реформа. Однако новая местная администрация решила с этими трудностями покончить кардинально, ликвидировав саму их причину, т.е. собственно народные училища.

По результатам обсуждения финансовой ситуации в конце 1797 г. Симбирский Приказ принял резолюцию, фактически означавшую, что впредь на средства Приказа будет обеспечиваться содержание только главного училища в губернском городе. Было предложено “дворянским предводителям и городским головам тех городов, где состояли малые народные училища, чтобы они, изъясняя обстоятельство сие градскому и уездному обществам, соглашали на принятие в их содержание училищ и учителей положенным по Уставу народных училищ”²⁸¹.

Участь ряда малых народных училищ была предрешена. Рассчитывать на помощь губернского училищного начальства больше не приходилось, поскольку, как указывалось еще месяцем раньше в октябре 1797 г., “суммы в Приказе не только на построение вновь училищных домов, но и на содержание их недостаточно”. О состоянии, в которое те приходили попечением некоторых уездных администраций и городских общин даже при наличии поддержки из губернского центра, свидетельствует сообщение самарского городничего Лукина. По весьма красноречивому совпадению, оно рассматривалось Приказом 13 ноября, то есть на следующий же день после принятия резолюции об отказе финансировать малые училища.

В нем говорилось о безнадежном состоянии здания училища в Самаре, уже совершенно не подлежащего починке. Приказ распорядился срочно продать этот дом, “дабы от времени еще и более не пришел в ветхость и не потерял цены”, а для занятий снять две комнаты в доме одного из горожан. Попытка продать старое училищное здание за высокую цену оказалась тщетной, поскольку за него никто в Самаре не давал более 151 рубля. Этих денег никак не хватало на покупку нового здания, да и покупатель задерживал их взнос²⁸²

Определенным показателем падения общественной поддержки малых народных училищ как в прямом материальном, так и в моральном отношении со стороны жителей стало резкое снижение сумм кружечных сборов в церквях. Даже не очень высокие доходы от этих сборов в первой половине 1790-х гг. в последние годы XVIII в. стали еще меньше. В приведенной ниже таблице показаны только самые большие и самые маленькие сборы за месяц в городах Симбирской губернии за 1796-1799 гг. Всего лишь раз за весь этот срок в одном из городов из кружек в пользу училища было собрано больше 1 руб. денег. Иногда же сборы падали просто до мизерных сумм:

город	максимальный сбор (коп.)	месяц, год	минимальный сбор (коп.)	месяц, год
Алатырь	108,75	04.1798 ²⁸³	13	02.1797 ²⁸⁴
Карсун	74	11.1797 ²⁸⁵	5	12.1796 ²⁸⁶
Сызрань	16,5 коп.	08.1798 ²⁸⁷	11	012.1796 ²⁸⁸

По Самаре за это время данных сохранилось меньше всего. Известно, что и там самые удачные кружечные сборы не превышали 76 коп. в месяц²⁸⁹.

Из-за “малого сбора сих денег” было решено отказаться от практики их записи в отдельные шнуровые книги и учета смотрителями малых училищ. Эти деньги теперь предписывалось доставлять городничим, которые и будут вести их учет в книгах, где записывались основные доходы и расходы по училищам²⁹⁰.

Не очень удачно пополняли школьную кассу и другие источники дополнительного дохода, например, продажа излишнего имущества малых народных училищ. В симбирском Приказе общественного призрения подозревали, что виной тому было нерадение местных чиновников. В апреле 1797 г. за несколько дворовых построек, оказавшихся ненужными Алатырскому училищу, была

предложена такая плата, что резолюция Приказа не скрывала явного недовольства: “Хотя городничий и представляет, что вышеписанные при училищном доме строения по учиненным публикам торговоно разного звания людьми всего за тридцать один рубль и более де сих цен никто не наддаст, а посему и просит об отдаче того строения повеления, но как Приказ усматривает даваемые за те строения цены весьма низкие, и если за оные отдать, то казна не иначе как понести может убыток, в рассуждении сего Приказ те строения за даваемые ныне цены продать не согласен, о чем городничий уведомлен”²⁹¹.

Прежде чем заняться исключением из своего бюджета малых училищ симбирскому Приказу пришлось пополнить их список в связи с принятием в свое ведомство училища в Саранске. Тяжесть дополнительных расходов не выглядела первоначально очень обременительно, поскольку жалованье тамошнему учителю Акаевскому и школьному сторожу за период до 20 ноября 1797 г. заплатил саратовский Приказ. Последний же истратил 25 руб. из собственных средств на годовой запас дров и прочих припасов для Саранского училища “во уважение” просьбы училищного начальства Симбирской губернии “по случаю недостатка здесь на содержание училищ сумм”²⁹².

Тем временем приходили ответы на резолюцию Приказа от 12 ноября. 20 февраля 1798 г. Приказ рассмотрел донесения, полученные от предводителей самарского и алатырского дворянства, а также от выборных лиц городского самоуправления Самары и Саранска. Как можно заметить, окончательно к этому времени определились в своем отношении к содержанию училища самарские дворяне, купцы и мещане. В остальных уездах и городах еще не было сформулировано позиции или дворян, или городских сословий, или тех и других вместе.

26 декабря 1797 г. самарский предводитель дворянства Богданов “по соглашению его с дворянами, в городе и уезде живущими” сообщил, что среди местных представителей благородного сословия “желающих ко содержанию тамошнего училища не оказалось”. Оправдывали свое решение дворяне разными аргументами. Одни отзывались “неимением денег”, другие - “неимением к таковой науке способных мальчиков”, третьи, у которых были деньги и дети, - “имением своих собственных учителей”. В свою очередь, самарские купцы и мещане, чье мнение отразилось в донесении городского головы Янова, не стали искать для своего отказа дать средства на школу других объяснений, кроме следующего: “...Как де общество

дворянское от содержания училищ отказалось, то одно градское общество принять на себя ту тягость не согласилось же”²⁹³.

Приказ общественного призрения учел позицию ведущих сословий Самары и уезда, которая свелась к “неизъявлению согласия самарскими дворянским и градским обществами о содержании иждивением их тамошнего учителя и училища”, а также принял во внимание, “что в Самаре и дома нет для училища, да и учеников состоит там только 14 человек”. Он распорядился “состоящих по списку учеников” распустить по домам, учителя с учебными книгами, пособиями и канцелярскими делами отослать в Симбирск, а столы, скамьи, черную доску и прочее оснащение училища отдать самарскому городничему для продажи “с публичного торгу”. Приказ отправил 25 февраля 1798 г. в Комиссию народных училищ сообщение о решении “малое народное училище ... самарское уничтожить”²⁹⁴.

Никаких возражений со стороны Комиссии народных училищ по поводу ликвидации школы в Самаре, как позднее и в некоторых других городах Симбирской губернии, в документах не обнаружено, хотя известны факты по другим губерниям, когда Комиссия настойчиво возражала против закрытия некоторых учебных заведений. Так, незадолго до прекращения деятельности Самарского училища Владимирский Приказ общественного призрения закрыл училище в уездном городе Шуре. Тогда Комиссия потребовала впредь без согласования с ней такие меры не предпринимать и напомнила, что Устав народных училищ требует школы “для просвещения общественного распространять, а не уничтожать”²⁹⁵.

Комиссия народных училищ также не позволила закрыть малые народные училища в уездных городах Тамбовской губернии. В 1800-1801 гг. она спасла три малых училища в Вологодской и Архангельской губерниях, “уже назначенные к закрытию тамошними Приказами”²⁹⁶.

Из имеющихся документов трудно сказать точно, какой именно день стал последним в работе Самарской школы. Известно, что уже 4 марта в Симбирске рассматривался “репорт уничтоженного Самарского малого народного училища учителя Пульхеровского” о выполнении всех вышеперечисленных распоряжений Приказа по закрытию школы²⁹⁷.

10 марта в губернском центре получили последние отчеты и счета по училищу от самарских городничего и смотрителя. Оставленное в Самаре училищное имущество, включая школьную мебель,

городничий быстро продал, выручив за нее всего 3 руб. 20 коп., о чем в Приказ пришел 16 марта рапорт. В тот же день 16 марта Приказ уволил со службы учителя Пульхеровского, “снабдя его о добропорядочном служении аттестатом”, дал ему расчет и, сообщив в губернское правление, “что Приказ в нем надобности не имеет”, просил “о помещении по желанию его к должности или о даче ему для свободного в России проживания, на основании об учителях указа 2 октября 1797 года, пашпорта”. Трех недель с небольшим хватило, чтобы не оставить и следа от первой общеобразовательной школы в истории Самары²⁹⁸.

То, что ответы, показывающие отношение всех ведущих сословий Симбирской губернии, из Самары пришли первыми, и в них прозвучал в самой откровенной форме отказ от поддержки школы, вкпе с учетом неблагополучного состояния дел в тамошнем училище привело к немедленному решению о закрытии именно этого учебного заведения. Упразднение Самарского училища являлось очевидной демонстрацией серьезных намерений властей снять с казны бремя содержания малых училищ любой ценой. Оно открывало собой череду ликвидации школ в других городах губернии.

Самарскому дворянству и горожанам был устроен своеобразный экзамен на глубину и прочность восприятия местным обществом идей подходившего к концу “века Просвещения”. Экзамен этот был провален, история народного образования в городе была прервана на несколько десятилетий.

В оправдание жителей Самары можно только указать, что готовность других городских и дворянских обществ к поддержке школьного дела была не многим лучше или совсем не лучше. Об этом свидетельствуют остальные ответы, заслушанные в Симбирском Приказе, которые отличались от самарских по тону и аргументам, но не по смыслу.

Первые из них, полученные из Саранска и Алатыря, были заслушаны того же 20 февраля. Саранские горожане были не столь категоричны, как самарские, и предлагали губернским властям продолжить практику частичного обеспечения нужд училища за счет городской общины. Саранский городской голова Антипкин заявил, что его община 8 лет снимала квартиру под училище за 60 руб. в год, после купила для него дом за 325 руб. и готова внести единовременно 100 руб. на его нужды, “а более от содержания отказывается”. В июне было получено подтверждение этого решения

саранского градского общества о готовности платежа “деньгами ста рублей, но оных еще от оного не представлено”. Саранцы решили в счет этих 100 руб. “заплатить из получаемых от саранского уездного казначейства за помещение в выстроенном из городских доходов для магистрата доме присутственных мест уездного и нижнего земского судов”²⁹⁹.

Предводитель алатырского дворянства Жилин, постарался уйти от окончательного ответа на поставленный 12 ноября вопрос. Он вышел с предложением не обсуждать тему обеспечения местного училища, пока не произойдет намечавшееся присоединение Ардатовского уезда к Алатырскому³⁰⁰.

Уклончивые или компромиссные ответы из Алатыря и Саранска, отсутствие сформулированной позиции других местных сословных корпораций сохраняли какое-то время надежду на благополучное решение проблемы финансирования уездных школ. Наглядный пример Самары, поторопившейся с отказом от училища и действительно его лишившейся, должен был, видимо, между прочим и предупредить остальных жителей от подобных необдуманных решений. Кроме того, Приказ общественного призрения решил еще раз 20 февраля обратиться к ведущим сословиям с разъяснением значения учебных заведений, созданных в ходе школьной реформы, и попытаться еще раз убедить местные власти и самоуправление принять их на общественное обеспечение.

Составители обращения, среди которых первую роль играл Масленицкий, зывали к гражданским и родительским чувствам. “По просвещенному ныне веку каждого состояния родители стараются обучить детей своих грамоте”, - утверждали они. Далее следовал вопрос с заранее готовым ответом: “Приемля во уважение долг родителя касательно воспитания детей, где они найдут способа учения, каковой учредить благоволило монаршее милосердие, и самых предметов, до закона христианского и до жизни человеческой относящихся, как не в учрежденных народных училищах?” Для убедительности этот “способ обучения” назывался “легчайшим” при обучении грамоте, кроме которой, как выделялось особо, училища дают необходимые человеку “познания в христианском законе, в должностях человека и гражданина и в арифметике”³⁰¹.

При этом подчеркивалась незначительность расходов на школы в уездных городах: “На содержание малых народных училищ не более потребно как два простых покоя для помещения в одном учителя, а в другом училища и ежегодно на отопливание оных дров на

две печи, ... свеч учителю и сторожу один пуд 14 фунтов, учителю жалованье 150 руб. и сторожу платы до 24 руб., а учебными книгами снабждать имеет Приказ, следовательно не превзойдет и с домом двухсот пятидесяти рублей, в уездах же ныне состоит с градскими обывателями до пятидесяти тысяч душ, то не более с каждой выйдет как по деньге". Предлагались и способы привлечения дополнительных средств на училища сверх этих общественных расходов, например, введение частичной оплаты за обучение детей из имущих семей³⁰².

В призывах и увещеваниях Приказа оставалось неясным одно, почему нужда в малых училищах и невысокие затраты на их содержание не помешали ему самому начать их закрытие. Глухими к этим призывам и увещеваниям остались и представители сословий. Изменить их мнение в пользу сохранения школ не удалось. Об этом свидетельствовали новые донесения, пришедшие в Симбирск в конце февраля и начале марта.

Предводитель карсунского дворянства Родионов заявил, что представители его сословия не видят нужды в сохранении училища в их городе, поскольку родители при желании могут отдавать детей в главное народное училище "по недалекому расстоянию" Карсуна от Симбирска. Саранское же благородное общество, по сообщению его предводителя Алферьева, дало совершенно однозначный ответ на вопрос об училищах, не прибегая ни к уловкам, ни к объяснениям: "Никто из живущих по тамошней округе дворян на содержание тамошнего народного училища учителя и училища согласия не объявили"³⁰³.

Алатырскому голове Мизгиреву от мещанского старосты было просто доведено до сведения, что "мещанское общество от содержания училища" отказалось. Купцы Алатыря через того же голову постарались объяснить свою столь же отрицательную позицию бедностью "по причине малого их торго", а также без того тяжелыми повинностями и налогами. Они "в учиненном приговоре изъяснили, как де купецкое общество от производства по своим коммерциям торгового промысла далее в других городах не распространяет, как в одном городе Алатыре и в округе, то и в рассуждении дороговизны на все вещи цен только для одного домоводства, отчего иногда и несут великие убытки, к тому же на своем содержании имеют городской магистрат и градскую думу, во оных при полиции и на будках людей с платежом немалого числа денег". По указанным причинам местное купечество отказалось принять на содержание еще и училище³⁰⁴.

В ответе из Сызрани прозвучала еще одна причина нежелания обывателей содержать малое народное училище, а именно малочисленность среди учеников выходцев из городских сословий. Тамошний голова Веденисов объяснил отказ своей общины в помощи школе тем, что в ней "по большей части находятся дети из уезда, а градских мало"³⁰⁵.

Только в августе был получен определенный и окончательный ответ алатырских дворян. Из них "никто к содержанию тамошнего училища и учителя желания не объявили, да и живущие в городе Алаторе благородные дворяне ... желают де детей сами обучать"³⁰⁶.

Повсеместный отказ от общественной поддержки школ в материальном отношении ставил их дальнейшее существование под сомнение. Однако закрывать сразу все школы Приказ не стал. Судя по опыту Самарского училища, под упразднение в первую очередь попадали при прочих равных условиях те, где было меньше всего учащихся и которые не имели казенных постоянных помещений. К таковым в Симбирской губернии относились тогда Карсунское и Сызранское училища, чье закрытие было отсрочено, как показало время, ненадолго, а именно до 1799 г.

Возможно, что не был случайным совпадением с продолжающейся полосой ликвидации школ уход с должности директора местных училищ выдающегося деятеля просвещения, инженера, переводчика, статистика Т.Г. Масленицкого. Об этом уходе симбирский губернатор лично оповестил Приказ общественного призрения 1 мая 1798 г.³⁰⁷

Правда непосредственным основанием для отставки стало прошение, поданное самим Масленицким 20 апреля. Он заявил о желании отказаться от обязанностей директора училищ Симбирской губернии "по случаю определения его в председатели симбирской палаты суда и расправы в 1-й департамент, в котором усмотрено им множество нерешенных дел и вновь поступает немало, отзываясь невозможностью отправлять с успехом обеих должностей"³⁰⁸.

Можно заметить, что уход видного просветителя, ученого и педагога, с должности, которая ему пристала, как никому другому, не был обусловлен объективными причинами. Масленицкий всегда совмещал директорские обязанности со службой в других административных учреждениях. На сей раз властям такое совмещение уже было не нужно, а Масленицкому, возможно, и не хотелось продолжать службу по школьному ведомству в новых условиях отсутствия государственной воли и стремления к распространению народного

образования. Сыграл свою роль и моральный удар, пережитый им, когда уездное общество пренебрегло его многолетними усилиями и, не задумываясь, отказалось от малых народных училищ.

На место директора симбирских училищ был назначен человек не случайный. Им стал подполковник П.А. Макаров³⁰⁹. Это был давний знакомый Масленицкого и доброхот главного народного училища, снабжавший последнее образцами различных ископаемых и минералов, о чем говорилось выше. Однако личное расположение к делу народного просвещения нового директора не могло спасти ситуацию. Масленицкому после Самары не пришлось лично закрывать школы и в других местах. Это довелось сделать Макарову.

Нежелание общества поддерживать школы приводило к их закрытию не только в Поволжье. Так, в трех северных губерниях России (Новгородской, Вологодской, Архангельской) за 1797-1800 гг. исчезли 6 малых народных училищ “в следствие решительного отказа жителей и невозможности Приказа содержать их”³¹⁰.

Вместе с тем финансовое положение одних училищ после закрытия других не улучшалось. Мелочная экономия средств приобретала довольно неожиданные формы. Из-за недостатка дешевых “книжек в награждение отличившимся при публичных испытаниях ученикам” в Симбирске было решено в качестве награды выдавать похвальные листы за подписью директора народных училищ³¹¹.

Экономия на книжках ожидалась небольшая. По результатам июньских экзаменов 1798 г. в Симбирском главном училище в награду было выдано таких книг на 9 руб. 62,5 коп. Испытания, оставаясь публичными, стали проводиться не столь представительного, как прежде. Если на них тогда же в малых училищах присутствовали все городничие, некоторые протоиереи и архимандриты, то в Симбирске первые лица губернии их не посетили. Летние экзамены в главном училище прошли “при собрании нескольких благородных и множества граждан”³¹².

На поддержание сложившейся традиции вручать книги отличившимся школьникам был направлен подарок от Комиссии о народных училищах. Он пришел в Симбирск в сентябре 1798 г. Из Петербурга было прислано 10 экземпляров книги под названием “Образ Добродетели и Благонравия или Жизнь Геллерта с приобщением Наставления отца к сыну, отъезжающему в университет, сочинения самого Геллерта, ученого в свете и добродетельного мужа, где помещены важные примеры и наставления юношеству”. Один

экземпляр был взят в училищную библиотеку, остальные предназначались “для употребления по воле Комиссии о народных училищах при публичных испытаниях” в награду лучшим ученикам³¹³.

Представляется, что выбор этой книги для раздачи лучшим ученикам был обусловлен не столько ее достоинствами, сколько тем, что не удавалось ее распродать. Книжка эта была напечатана еще в 1789 г.³¹⁴

На зимних экзаменах 1798 г., хотя в основном вручались похвальные листы, четверо учеников Симбирского училища и несколько человек из уездных школ по-прежнему были награждены книгами. Симбирские школьники получили именно книжки из числа “Геллертовых”³¹⁵.

Традиция награждения лучших учеников книгами, несмотря на введение похвальных листов, казалось, сохранялась. На летних экзаменах 1800 г. в главном училище 14 чел. были награждены книгами, да еще 18 – похвальными листами. Еще 24 похвальных листа были приготовлены для учеников малых училищ³¹⁶.

Однако уже на публичных испытаниях конца 1800 г. в качестве награды ученикам Симбирской главной школы выдавались только похвальные листы³¹⁷. То же повторилось на обоих полугодовых экзаменах следующего года. Правда, двое учеников были награждены “за искусство в рисовании эстампами ныне благополучно царствующего императора Александра Павловича и императрицы Елисаветы Алексеевны”. В 1802 г. среди наград упомянуты опять одни похвальные листы³¹⁸.

Финансовые проблемы требовали более действенных решений. Они вновь и вновь поднимались симбирским Приказом. Поскольку “в Приказе суммы ежегодно приходом принадлежащих ему доходов уменьшается”, то делался вывод, что в “содержании училищ казна непременно придти может в не состояние, а чрез то истребитя пожалованный ...капитал”. Было решено точно выяснить, каковы будут на следующий год расходы на училища, и сравнить их с ожидаемыми доходами. Для этого было предписано “сделать выправку, сколько на содержание всякого училища и поправки при каждом встать может и сколько в 1798 году Приказ получил прибыли как процентных, пенных и других доходов”³¹⁹.

Губернский Приказ общественного призрения рассмотрел полученные расчеты 31 января 1799 г. и констатировал, что его расходы на содержание народных училищ превышают поступающие на это дело средства ежегодно более чем на 157 руб. Тут же было

найдено средство для восстановления баланса доходов и расходов. Учитывая отказ горожан и дворян поддержать свою школу в Карсуне, Приказ принял решение ее закрыть. Сыграло свою роль и состояние училищного здания, которое “во многих местах есть ветхое и некоторые углы отпали”³²⁰.

Процедура закрытия Карсунского училища мало чем отличалась от подробно описанной в отношении училища Самарского. Единственное отличие состояло в том, что карсунский учитель Крачков остался на службе, благодаря нескольким кадровым перестановкам. Желание покинуть школу, прослышав о будущем упразднении Карсунского училища, заранее выразил один из симбирских учителей Ефибовский. Приказ уволил его со службы так же, как в свое время самарского учителя Пульхеровского, выдав “на знание за подписом директора свидетельство” и отправив с послужным списком в Симбирское губернское правление “ко определению по желанию его к должности или о даче о вольном проживании”. Сравнительно легкий уход из школьного ведомства обоих перечисленных выше лиц объяснялся тем, что ни тот, ни другой “к учительской должности казенным иждивением приуготовлен не был”. Напомним, что Ефибовский действительно приступил к своим обязанностям в Симбирской школе почти сразу по прибытии из семинарии без длительной подготовки³²¹.

В Симбирск из Сызрани был переведен учитель Воскресенский “по причине той, что он знает довольно церковному пению”, которое и решили в исполнение “Устава народных училищ § 82-го здесь завести чрез него” в главном народном училище. Воскресенский вступил в новую должность 28 марта 1798 г. Крачков же оказался на его месте в Сызранской школе с 16 февраля, еще не зная, что она существует последние месяцы.

До поры до времени власти пытались принять меры для сохранения школы в Сызрани. Смотритель этого училища Кувшинов оказался “к должности своей неграмотен”. На место Кувшинова смотрителем был назначен сызранский казначей Микулин, сам изъявивший желание взять на себя эту должность по школе. Сообщение директора народных училищ Приказу о том, что в Сызранском училище учебников по некоторым предметам “вовсе нет, а других уже мало”, вызвало присылку некоторых книг.

Новый сызранский учитель пытался также помочь навести порядок в здешнем школьном хозяйстве. Он обратил внимание на то, “что находящийся в тамошнем народном училище сторож,

инвалидной команды солдат Семиколенков ... более имеет пребывание в доме своем нежели в училище и по силе Устава народных училищ § 101 должности своей не выполняет". Бездействие сторожа для Сызранского училища было тем более опасно, так как квартира учителя и помещение для занятий занимали "в разных местах отведенные квартиры", а потому Крачков предложил нанять другого отставного солдата³²².

Еще до своего отъезда из Сызрани учитель Воскресенский обратил внимание, что сызранское градское общество купило с избытком лес на построение двух съезжих, но решило строить только одну, и предложил Приказу попросить отдать часть леса на новое здание школы. 16 марта уездный судья и исправляющий городническую должность Ахматов сообщил, "что предложением от сего Приказа предписано ему было, дабы он уговорил тамошнее общество, отдает ли оное на построение училищного дома остающийся излишний от съезжей лес, сколько именно и какого названия, и не примет ли общество выстроить училищный дом свои коштом". Ответ, полученный от сызранского купечества и мещанства, точно характеризовал "приоритет" заботы о просвещении в глазах местных обывателей. Общее присутствие городского магистрата и градской думы "уведомило, что на постройку съезжих лесу куплено было тысячу брусков, но из числа оных употреблено на постройку через реку Сызран моста сто двадцать четыре бруса, распилено на тес половой осьмнадцать, кровельный – пятьдесят восемь, ... за тем состоит налицо 800 брусков и сказанный тес, а как де на постройку съезжей от начальства плану дума в присылке не имеет, и, сколько на выстройку ее вознадобится лесу, не известно, а по постройке той съезжей из вышеписанного лесу что останется или нет, познать не можно". Поскольку это означало полный отказ выделить строительный лес на школу, то градское общество посчитало бессмысленным вести тем более обсуждение о "постройке училищного дома своим коштом"³²³.

Сызрань не желала ставить школу на один уровень по важности с мостом и съезжей. Город даже не хотел отдать для училища остающийся временно или совсем без употребления лес. Тем самым сознательно или бессознательно жители подписывали окончательный приговор народному училищу в своем городе.

5 октября 1799 г. Приказ, обсуждая новый доклад директора народных училищ, вернулся к состоянию Сызранской школы. Было признано, что она "к дальнейшему производству неудобна, потому

что особенного дому для школы и учителя вовсе не имеется, а школа и учитель расположены по особым квартирам одна от другой не в близком расстоянии, и оные квартиры переменяются ежегодно, квартира же для школы столь тесна, что учителю надлежащим порядком учения преподавать почти нет возможности”³²⁴.

Оказалось, что в помещении для занятий “с нуждою помещаются двадцать пять человек школьников”. В это же помещение, когда директор симбирских училищ проверял наличность книг в училище, учителю пришлось перетаскать в мешке 261 экземпляр со своей квартиры. Директор также выяснил, что подобным образом перетаскиваются не только книги, но и мебель, когда городская община время от времени меняет места, отведенные учителю и училищу³²⁵.

Макаров во избежание всех этих училищных неурядиц попытался приторговать в Сызрани новый дом под училище, но за него продавец просил не менее 500 руб. Припомнив отказы сызранских горожан и уездных дворян взять на свое содержание школу, директор счел невероятным, чтобы они “к покупке для школы дома ... желание возымели”³²⁶.

Исходя из “сызранской школы неудобности, а паче по неизъявлению согласия сызранским дворянским и градским обществами о содержании иждивением их”, Приказ принял окончательное решение. Он счел за лучшее школу здесь вовсе закрыть³²⁷.

Крачков проделал второй раз за 1799 г. процедуру ликвидации школы, роспуска учеников, сдачи дел, распродажи одной части имущества и вывоза другой. В тот год ему исполнилось 23 года. Он был женат, но детей не имел. Когда он, будучи отправлен вслед за Пульхеровским и Ефибовским в симбирское губернское правление, выразил желание остаться учителем, то губернский прокурор предложил назначить его в Алатырское училище³²⁸.

Приказ общественного призрения был весьма высокого мнения о усердии, прилежании и поведении Крачкова. Было принято решение Сапожникова из алатырских учителей уволить, заменив Крачковым. Контрактом с ним как раз предусматривался прием на службу “до того времени как Приказу угодно будет”³²⁹.

Сдав 9 января 1800 г. свою должность в Алатыре Крачкову, Сапожников недолго оставался без места. Большой по числу учащихся и разнообразный по степени их подготовки первый класс главного народного училища оказывался не по силам одному преподавателю³³⁰.

1 февраля “в Симбирской главной школе для скорейших успехов первоначально обучающихся” было решено “учредить к 1-му

классу класс прибавочный с особливим учителем". При этом специально оговаривалось, что "из прибавочного в первый ученики перемещаются во всякое время, как скоро сделают они первые начала в чтении и письме, ибо учитель прибавочного класса есть не другое что, как помощник учителя первого класса". В этот дополнительный класс и был определен учителем Сапожников. Правда, жалование ему было положено уменьшенное – 60 руб. в год³³¹.

Таким образом в конце 1799 г. на всю Симбирскую губернию, если не учитывать временно переданный в нее Саранск, осталось всего две (!) государственные школы, главное народное училище в Симбирске и малое – в Алатыре. Сохранившиеся малые школы в Алатыре и Саранске имели свои проблемы. Например, директором симбирских училищ, были замечены в них нехватка книг и недостаточно удовлетворительное состояние школьных помещений³³². Тем не менее, собственные и достаточно большие здания стали спасительным кругом для этих учебных заведений.

Неплохо выглядела имеющаяся материальная база Саранского училища, пополнившаяся как за казенный, так и общественный счет накануне передачи в ведение Симбирского Приказа общественного призрения. Весьма удачной для этого училища оказалась деятельность радеющего за него купца Касимовцева. Еще при открытии школы, состоявшемся 14 октября 1787 г., Касимовцев предоставил под нее свой дом, пока не было нанято от общества помещение. 2 сентября 1792 г. Касимовцев официально занял должность смотрителя училища. При нем "купеческим обществом куплен нарочно для училища дом". Вскоре этот дом был перестроен. В Симбирске в конце 1797 г. было получено следующее его описание: "Дом там (в Саранске – Л.А.) училищный – деревянный новый и перестроенный нынешний год только в октябре месяце, и он один, служб при нем больше никаких нет, как в нем же в другой половине сделаны и для житья учителю небольшие три комнаты. Казне он стоит, кроме старого лесу оною перестройкою с неудобного места на планную линию 365 руб., ибо прежде сего он был от саранского общества в Приказ подарен, а весь теперь меньше не можно оценить как сот шесть и более. Столы в нем для учеников и кафедра поделаны от казны новые, кои все стоят пятьдесят рублей"³³³.

В Алатыре при всех недостатках училищный дом был настолько обширен, что появилась даже возможность сдать часть его в наем. Весной 1799 г. симбирское губернское правление просило предоставить в этом здании место для алатырского уездного суда "с платою по пятнадцати рублей каждый год"³³⁴.

Директор Макаров посчитал такое соглашение вполне возможным с еще одним условием, чтобы “общую печь ... в зимние времена отапливать от стороны уездного суда, а не от училища”. Приказ же потребовал повысить плату до 50 руб. в год, чтобы на эти деньги осуществить необходимые работы по разделению здания и переоборудованию некоторых помещений³³⁵.

Во второй половине 1799 г. произошли две заметные перемены, одна из которых коснулась всех народных училищ страны, а вторая – Симбирской губернии. В августе от генерал-прокурора Беклешова на имя гражданского губернатора Матвея Ильича Кромина пришло сообщение, что император повелел “народные училища отныне везде называть просто школами”³³⁶.

Вскоре Кромина в должности симбирского гражданского губернатора заменил Василий Михайлович Сушков. Среди первых административных шагов он “употребил внимание равно и на Приказ общественного призрения с его заведениями”, осмотрел главную школу и затребовал сведения о малых. В результате 28 декабря симбирский Приказ общественного призрения получил сообщение от Комиссии об учреждении школ из Петербурга следующего содержания. Губернатор, “имев случай опытностию коротко узнать о способности и достоинстве к высшим наукам Саратовской главной школы учителя титулярного советника Шестакова, который сверх того по отличному своему поведению заслужил особенное внимание от своего начальства”, выразил желание перевести того на должность директора симбирских училищ. Комиссия одобрила это предложение не только персонально, но и принципиально. Перемещение учителя на директорскую должность, сочла она, “может служить и прочим достальным учителям одобрением в прохождении их должностей”³³⁷.

В обзоре архива Министерства народного просвещения составители отнесли первые случаи определения учителей директорами народных училищ к 1801 г. (6 мая - в Тверской и 15 мая в Вятской губерниях)³³⁸. Как можно убедиться, назначение Шестакова произошло более чем на год раньше упомянутых случаев и, возможно, он стал самым первым в России профессиональным педагогом, выдвинутым на должность директора общеобразовательных школ губернии.

В новую должность Шестаков вступил 16 января 1800 г. Были расширены административные и бюджетные полномочия директора, при этом учитывался негативный опыт последних лет: “Приказ

общественного призрения, имея малый капитал, принужден был прежде даже уничтожить некоторые школы, почему и рассудил для лучшего умножения своих доходов поручить директору Шестакову, чтобы он, присутствуя в Приказе в силу § 69-го высочайшего Устава по делам, до школ касающимся, присутствовал также и по прочим, ибо как губернатору, так и губернскому предводителю по множеству других дел и по частым отлучкам в губернию не можно самим лично всегда входить во все мелкие подробности, посредством бы которых доходы увеличились”³³⁹.

Несмотря на постоянную нехватку средств, высказывались ожидания увеличения расходов на школу. Эти надежды опирались на рост доходов симбирского Приказа общественного призрения, которые за 1800 год составили 10600 руб.³⁴⁰

Привлечение служащих главного народного училища к деятельности Приказа общественного призрения иногда принимало необычные формы. Так, по предложению симбирского губернатора, “по случаю заведения здесь в Симбирске под ведением Приказа Александровской больницы” в Москву был отправлен именно Шестаков “для осмотра тамошних больниц, яко лучших образцов подобных заведений”, снабженный особой инструкцией, “коею мог бы он при осмотре руководствоваться”. Заодно ему были даны и поручения по закупке необходимых для главного училища книг и приборов³⁴¹.

Поддержка губернатора, сделавшего еще довольно непривычный шаг, впервые выдвинув на директорскую должность профессионального учителя, проявлялась и в дальнейшем. Это, конечно, могло пойти на пользу школьному делу.

В августе 1800 г. симбирский губернатор отправился для обозрения ряда городов и уездов. Он распорядился, чтобы в ходе осмотра его сопровождал директор народных училищ. Совместная поездка по губернии осуществлялась не только для ревизии существующих учебных заведений в Саранске и Алатыре. Губернатор и директор также предполагали “быть и в прочих ... городах, дабы вместе осмотреть, не можно ли в них учредить подобные школы”. Они попытались еще раз понудить местные органы самоуправления к поддержке дела образования, и в первую очередь к возобновлению работы закрытых прежде школ в городах “на содержании их жителей”³⁴².

Поездка по губернии продолжалась месяц. 17 сентября Шестаков вернулся к своим обязанностям в Приказе общественного

призрения³⁴³. На его заседании 21 сентября губернатор и директор училищ сообщили о результатах этой поездки, касающихся школьного дела. Несмотря на усилия и некоторые положительные результаты, серьезно исправить ситуацию в данном вопросе не удалось.

Во время объезда губернии Сушков «словесно предлагал градской карсунской думе и всему купечеству ... восстановить ее (школу – Л.А.) по-прежнему, равно как и содержать из градских доходов». На словах карсунская дума признала, что «сие заведение чрезвычайно нужно». Однако затем последовали обычные жалобы, «что доходы думы весьма малы», и попытки получить под предлогом открытия школы новые их источники. Губернатору предложили поддержать просьбу отдать казенные оброчные лавки «в пользу города». В этом случае было обещано, что «градская дума, если не все как восстановление школы, так и ее содержание примет на себя, то по крайней мере будет в состоянии и обещается подать Приказу общественного призрения знатную в том помощь»³⁴⁴. По уже имевшемуся опыту введения сбора с весов в Самаре в начале 1790-х гг. подобные провинциальные хитрости не пользовались успехом у властей и не имели шансов быть принятыми.

Активность властей по распространению школьного дела была ограничена сравнительно большими и оживленными городами. Заранее из ее сферы выключалось не только сельские жители, но и значительная часть городских. В 1800 г. губернатор с директором побывали еще в двух уездных городах, Курмыше и Инсаре. Там они «по обстоятельствам рассудили, что в обоих сих городах завести школы пользы будет мало, а убытку Приказ понесет много, ибо жители малочисленны, и так градские доходы бедны, что никакой помощи от них ожидать не можно»³⁴⁵.

Поездка губернатора и директора не привела, таким образом, к восстановлению или открытию школ. Однако определенную пользу она принесла для существующих училищ.

Во время той же поездки после посещения Саранской школы губернатором было сделано местной «градской думе письменное предложение, чтобы она из градских доходов исправила школьные покои по-надлежащему, а паче устроила бы так, чтоб и учителя, и ученики не могли пожаловаться в зимнее время на стужу и тем обновить свои успехи». В итоге губернатор таки «склонил саранскую думу исправить то из ее доходов»³⁴⁶.

В Алатыре дума отказалась оплатить ремонт школы. Губернатор учел тяжелое состояние городских финансов и распорядился

оказать ей помощь. На необходимый ремонт Алатырского училища деньги “после были доставлены из Приказа”. Однако их хватило только на поправку внутренних помещений. Приказ предложил думе взять проведение ремонта здания снаружи на счет города и обещал, что “ежели она на сие согласится, то как ему, градскому голове, так и думе придется из Приказа письменно благодарность, и такое усердие будет припечатано в публичных Московских ведомостях”³⁴⁷. Сведений о том, что моральные стимулы при отсутствии материальных оказались в данном случае действенными, в документах не имеется.

Состояние народного образования в Саранске, сохранившем малое народное училище, видимо, в пример другим городам было представлено как образцовое: “Что же касается до порядка учения, то во всем найдено точное исполнение, как предписано в высочайшем Уставе, учитель достоин своего звания, градожители им довольны и польза школы ощутительна”. Схожие положительные оценки ходу обучения были даны и школе в Алатыре³⁴⁸.

По результатам губернаторского и по собственному осмотру, директор Шестаков в обоих городах “давал учителям и смотрителям словесно и на письме соответствующие тому свои советы и наставления; доставил им привезенные с собою некоторые школьные пособия, купленные Приказом, велел с позволения господина губернатора многие казенные книги из продажи исключить и употреблять их для неимущих учеников”. Особое беспокойство вызвало то, “что некоторые ученики часто и долговременно бывают в отлучках без причины, отчего успехи их слабы и медлительны”³⁴⁹.

Шестаков считал, что местные смотрители должны активней воздействовать на родителей учеников, подавать тем “свои советы поощрять детей не пропускать учебного времени”. Также было сделано предупреждение, “что впредь такие ученики, которые без причины станут отлучаться, из школьного списка будут исключены и никогда уже их более в ту школу не примут”³⁵⁰.

Публичные экзамены в Симбирске при Сушкове, благодаря его личному участию, приняли более представительный вид. В 1800 г. там “публичных испытаний было два в положенное Уставом время; на оных господин губернатор ... всегда присутствовал сам”. Кроме того, он же “несколько раз во время учения удостоивал школу своим посещением”. На следующий год губернатор посетил летние экзамены, но не смог быть на них в конце второго полугодия по уважительной причине, поскольку был болен. Экзамены проходили

“в присутствии ... прочего генералитета при собрании многих других благородных, также купчества и прочего звания людей”. Даже в отсутствие по болезни губернатора, что специально подчеркивал директор училищ, на публичных испытаниях “посетителей было не менее, как и при первом”. Следуя примеру губернских властей, первые лица местного управления Алатыря и Саранска также присутствовали на публичных экзаменах в своих школах³⁵¹.

Вниманием учебные заведения Симбирской губернии почтили высокопоставленные столичные чиновники. 7 июня 1800 г. главное училище осматривали сенаторы Семен Александрович Неплюев и Павел Иванович Фонвизин “при собрании многих посторонних благородных зрителей”. Состояние школы было оценено высокими гостями “во многих самых лестных выражениях”. Впрочем доклад Комиссии об учреждении училищ о награждении Шестакова следующим чином остался лежать в императорской канцелярии без движения³⁵².

Без сомнения положительный опыт директорства Шестакова и его тесного сотрудничества с губернской администрацией послужили одним из источников нового курса Комиссии народных училищ на постепенную передачу управления школьным делом в руки специалистов. Сыграла в этом свою роль начатая при Павле I практика присвоения учительству чинов Табели о рангах. 28 марта 1801 г. Комиссия “предположила помещать на убылые места директоров школ також из своих воспитанников достойных учителей, которые как в способе преподавания наук и руководстве самых учителей и учеников совершенно опытные, так и по мере знания своего в науках и языках и по примерному поведению своему отличая себя с похвалой получили уже и чины, званию директора соответствующие”³⁵³. В июне 1801 г. составленная по поводу такого порядка назначений записка Комиссии об учреждении училищ была доложена императору³⁵⁴, но им уже был не Павел I, а Александр I.

В целом ни первая, ни вторая половина 1790-х гг. не внесли существенных изменений в дело народного образования, хотя некоторые перемены и в общероссийском ходе школьной реформы, и в жизни учебных заведений отдельных губерний или городов несомненно происходили. Частично это являлось продолжением сложившихся в предшествующие годы традиций, частично в таких изменениях отражались новые явления.

Потенциал реформы, в том виде как она была обеспечена средствами и кадрами, оказался исчерпанным в самые первые годы

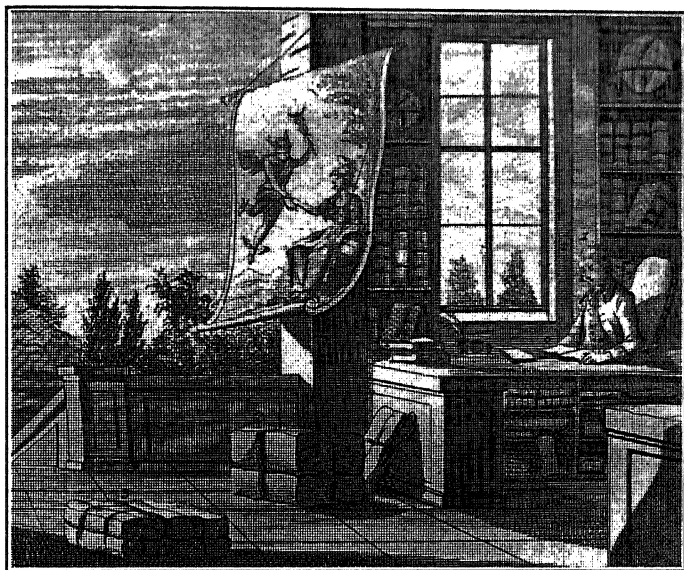
ее проведения. Властям хватало настойчивости, а обществу – внутренней потребности практически только на поддержание школьного дела в стране на уровне, достигнутом к началу 1790-х гг.

Смерть инициатора школьной реформы Екатерины II в конце 1796 г. в ведомостях и исторических записках, поданных тогда от местного училищного начальства, практически не отмечена среди важных событий, которые повлияли на народное образование. Из трех юго-восточных губерний Европейской России только историческая записка об училищах Уфимского наместничества сухим протокольным языком упоминала о случившемся: «Ноября 21-го дня получено печальное известие о кончине Благочестивейшей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны II, многими на пользу подданных учреждениями ознаменовавшей преславное Свое царствование, последовавшей в день 5-го ноября. А 22-го дня того же месяца ученики с учителями Уфимского главного народного училища ... присягали в верном подданстве Его Императорскому Величеству Императору Павлу Петровичу»³⁵⁵.

Не совсем ясно, вытекало ли это почти полное умолчание из общепринятых правил делопроизводства или было сделано в угоду новому императору. Однако сам факт имел, как представляется, больше символическое, нежели иное значение. Как бы подчеркивалось, что школьная реформа продолжалась в тех же направлениях, целях и границах, что были определены при Екатерине II. При этом предстояло выяснить, насколько окажутся прочными идеи и мероприятия образовательной политики без влияния серьезного субъективного фактора – личной заинтересованности носителя верховной власти, инициировавшего школьную реформу.

Царствование Павла I стало непростым, но отнюдь не роковым периодом в истории народной школы. Оставшись без опеки своей основательницы, несколько поредевшие в своем числе общеобразовательные школы сумели в целом сохранить контингент учащихся. Повысился социальный статус учительской профессии. Реформа продемонстрировала заложенный в ней самой запас внутренней прочности. Однако этого было мало. Надо было подвести общие итоги пройденного этапа преобразований народного просвещения, чтобы затем искать новые решения стоявших перед ним задач.

ГЛАВА 4.

**РОЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ В
ФОРМИРОВАНИИ
КУЛЬТУРНОГО
ПОТЕНЦИАЛА
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА**

§1. ТРАДИЦИОННАЯ И СОСЛОВНАЯ ШКОЛЫ В КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ПРОВИНЦИИ 1790-Х – НАЧАЛЕ 1800-Х ГГ.

Прежде чем перейти к окончательным итогам школьной реформы, начатой при Екатерине II, следует обратить внимание на виды обучения, которые возникли прежде народных училищ и существовали параллельно с ними. Отношение властей к этим видам обучения было неравнозначным. Оно варьировалось от резко негативного восприятия школ мастеров грамоты и попыток их полного запрета до прямой поддержки ведомственных учебных заведений для солдатских детей или новокрещен. Выше уже говорилось об истории развития этих форм обучения до появления и в первые годы деятельности народных училищ в русской провинции. Остановимся теперь на известиях о традиционных формах обучения и сословных школах в Поволжье и Приуралье в последнее десятилетие XVIII в. и в самом начале XIX в. Следует оговориться, что сведения о них, как и по более раннему времени, остаются отрывочными и неполными.

Православных семинарий на территории Симбирской, Саратовской и Уфимской губерний в рассматриваемый период по-прежнему не удавалось завести. Правда, в 1791 г. в Саратове было велено построить здание для семинарии на территории заштатного Спасо-Преображенского монастыря, но и на этот раз духовное училище здесь просуществовало недолго. Вскоре монастырь и училищные здания сгорели, а семинарию перевели в Пензу¹.

Единственным учебным заведением православного ведомства в Симбирской губернии на рубеже 80-90-х гг. XVIII в. была школа в уездном городе Ардатове для детей духовенства на 50 учеников». Кроме нее, в том же городе 15 светских мальчиков обучалось в начале 1790-х гг. у какого-то солдата, а также у дьякона. Вообще было примечено, «что тамошние жители стараются о изучении детей грамоте»².

Пример Ардатова, наряду с другими, показывает, что и вне главных или малых народных училищ грамоту можно было по-прежнему освоить в традиционных формах, принятых издавна в среде духовенства и горожан. Обращает внимание спокойное и даже, кажется, благожелательное отношение директора народных училищ Масленицкого к существованию в Ардатове школ, действующих вне

той программы и методики, что предлагала реформа, начатая Екатериной II. Достаточно сравнить это отношение с резко негативной реакцией на подобные формы обучения в городах, где уже были открыты народные училища.

Становится ясно, что дело было не в однозначном отрицании со стороны Масленицкого и власти в целом старинных способов распространения грамоты. Негативное отношение к традиционному домашнему обучению возникало именно там и тогда, где и когда оно составляло конкуренцию новой школе, мешало ходу реформы образования. Действительно, как только Приказ стал разрабатывать планы учреждения в Ардатове малого народного училища, так тамошнему городничему было «предписано, чтоб он к заведению для обучения детей домашних училищ без дозволения Приказа и без свидетельств директорских никого не допускал, а если окажутся прежде заведенные, то оные ... тот час уничтожить, в противном же случае заслушание таковых преступников отсылать к суду, а Приказу доносить»³.

Однако, как выяснилось, школа в Ардатове для детей священников и церковнослужителей действовала вполне официально. Она была учреждена указами «из семинарской конторы преосвященного Дамаскина, епископа Нижегородского и Алатырского от 2 октября 1787 г.», т.е. одновременно с созданием уездных светских училищ и, видимо, под воздействием проводимой школьной реформы. Обращает внимание, что в документах эта духовная школа, как и светские, именовалась «народным училищем». В нее разрешено было принимать не только «священнослужительских детей», но и «из светских чинов ... желающих»⁴. Занятия по дополнительным предметам должно было вести духовное лицо, которое также могло быть помощником основного светского учителя при проведении и других занятий⁵.

Приняв доводы Масленицкого Приказ принял решение о подготовке открытия малого народного училища в Ардатове с присоединением к нему духовной школы в последнем городе⁶. Однако это решение не осуществилось.

На осуществление проекта объединения светской и церковной школ требовалось согласие епископа Дамаскина, которое так и не было дано. Ардатовское духовенство разъяснило симбирским чиновникам, что заведенное им училище отнюдь не является всесословным. В нем «хотя некоторые тамошних граждан дети и обучаются, но их весьма мало, да и учатся по своей воле, когда хотят, не всегда находясь в урочное время в училище, а за тем и признавать их наряду со обучающимися во оном священно и церковнослужительскими детьми не можно»⁷.

Не подлежало передаче в ведение Приказа общественного призрения и здание духовной школы, поскольку являлось собственностью церкви. Масленцкому пояснили, «что оные покои выстроены на кошт Ардатовской округи священно и церковнослужителей с тем, чтоб в одном покое быть духовному правлению для лучшей благопристойности, ... а второй покой устроен для детей их, обучающихся и впредь имеющих обучаться». Указывалось также, что «онный покой, для училища выстроенный, находящимися в нем учениками так наполнен, что поместиться в нем учреждаемому от сего Приказа малому народному училищу неудобно»⁸.

В защиту же домашнего училища для светских мальчиков выступил ардатовский городничий. Он утверждал в своем рапорте, что дьякон соборной Троицкий церкви Евлампий Андреев «обучает малолетних разного звания детей по указу Нижегородской духовной консистории», а потому запрет на заведение домашних школ, подтвержденный Приказом, на это учебное заведение не распространяется⁹.

Приказ общественного призрения отказался от идеи устройства в Ардатове малого народного училища, а потому потерял интерес к духовной и частной школам в этом городе. Сообщения о них исчезают из дел училищного ведомства.

Соглашаясь на использование некоторых традиционных форм обучения и воспитания, руководство народных училищ продолжало занимать бескомпромиссную позицию в отношении старых школ, противостоящих учебным заведениям, созданным в ходе образовательной реформы. Подобная ситуация вскрылась в 1792 г. в связи с новым разбирательством о причинах уменьшения числа школьников в Сызрани.

Директор симбирских училищ Масленицкий выяснил, что в этом городе некоторые церковнослужители продолжали обучать детей «по домам своим грамоте». Среди самодельных учителей

были замечены священник Успенской церкви Андрей Лазорев, дьячки Казанской церкви Михайла Степанов и Предтеченской церкви Макар Афанасьев¹⁰.

Масленицкий и здесь вынужден был поднять тему конкуренции со стороны традиционной домашней школы, обратившись 10 марта по возвращении из инспекционной поездке к Приказу общественного призрения с просьбой «удержать в Сызрани обучение по многим домам церковниками малолетних детей». Симбирский Приказ предложил духовному правлению, чтобы то воспретило церковнослужителям «обучать в противность изданного Устава народных училищ»¹¹.

Сызранской управе благочиния предписывалось, «чтоб она за всеми в городе живущими чинами имела по должности своей смотрение, и если где хотя малейшее обучение учеников усмотрит, то, взяв виновных под стражу, и яко слушников и неисполнителей закона отсылала, куда надлежит к суждению». Сообщать ей о случаях подобных нарушений обязан был и местный учитель¹².

Приказ не делал уступок мастерам грамоты и тогда, когда на защиту традиционной школы готовы были встать не только отдельные лица, но и городские общины или некоторые казенные ведомства. Алатырская инвалидная команда в начале 1791 г. заявила, что дети ее чинов по инструкции Военной коллегии и особым указам должны обучаться в гарнизонных школах. Отдельные же отцы, забывая о детях и «желая принести государству пользу, стараются..., дабы дети их до отсылки в казенные школы чрез знающих при команде хотя несколько изучили при себе грамоте». Из Алатыря последовала просьба разрешить «той команде инвалидным мужеска полу детям до отсылки в гарнизонные школы, минуя народного училища, обучаться при команде невозбранно». Приказ же ответил, что согласится с предложением оставить детей для обучения при команде, только если будут выполнены все условия, содержащиеся в Наказе держателям домашних училищ, приложенном к Уставу народных училищ¹³.

Столь жесткие требования были явно невыполнимы для грамотеев-солдат и их занятия с детьми оказывались под запретом. Домашнее традиционное обучение для детей горожан податного и служилого состояния практически не могло легализоваться на предъявляемых ему условиях, даже когда им пытались заняться выходцы из других, в том числе привилегированных сословий, например, чиновничества.

Публичное оглашение при торжественном акте открытия народных училищ текста «Наказа содержателям домашних училищ»¹⁴, являвшегося приложением к Уставу народных училищ, вовсе не было простой протокольной обязанностью. Это означало для традиционной практики домашнего обучения наступление тяжелых времен.

Показателен случай с вдовой самарского чиновника губернской регистраторшей Авдотьей Зверевой¹⁵. Она обучала в своем городе «юношествующих всякого рода людей российской словесной грамоте и письменному руководству» до прихода в управу благочиния 24 января 1791 г. указа Симбирского наместнического правления. В связи с открытием в Самаре малого народного училища от содержателей домашних школ в указе потребовали выполнения всех требований, предъявляемых к ним Уставом и «Наказом».

Прекратила ли действительно регистраторша учительствовать, как она уверяла, или продолжала потихоньку свое дело, установить точно невозможно. Известно лишь, что позднее она вознамерилась получить официальное разрешение на обучение детей. Из всех условий «Наказа содержателям домашних училищ», и грозного для Зверевой указа наместнического правления ей запомнились два пункта, которым она дала весьма своеобразную трактовку.

Пункт 2 «Наказа» требовал в обязательном порядке для заведения домашней школы «наперед предписанный в Народных Училищах способ учения изучить в Главном котором ни есть Народном Училище; и по изучению оного, взять о своем знании свидетельство от Директора оного». Отправляться на учебу и экзамен в Симбирское главное народное училище вдове было далеко, накладно, да и не ко времени. Зверева обратилась за свидетельством поближе, а именно к городскому самарскому обществу. Так на рассмотрение Приказа общественного призрения попало свидетельство, которое «города Самары граждане» дали «жительствующей в Самаре вдове регистраторше Авдотье Алексеевой дочери по мужу Зверевой в том, что подлинно разного звания юношествующих детей посредством оной вдовы произошло в славянские науки обучением российской словесной грамоты и письменному руководству более ста человек, из коих по случаю твердого от показанной бывшей здесь в городе до открытия народного училища учительницы внимания многое количество, будучи на службах, по собственному им известию, получили достохвальное качество, яко то обер-офицерские чины, на что взирая, ныне и они ко избежанию

излишних казне расходов желают принять ее, Звереву, по-прежнему в учительницы.

Хотя выданное свидетельство ничего не имело общего с требуемым по закону, но его составители, видимо, считали, что этот недостаток компенсируется, во-первых, обещанием не затруднять заботой о своих детях казну и казенные школы, а, во вторых, доказательствами достаточности для успешной карьеры старинного способа образования. Правда, в самом прошении Зверева не обошлась без новомодной просветительской риторики, представляя свое дело полезным «для умножения во Всероссийской Империи по соизволению Всеавгустейшей нашей Монархини просвещения юношествующим детям и прочему народу».

Пункт 4 «Наказа содержаниям домашних училищ» требовал от них приложить «к прошению своему» ряд других документов, в т.ч. «имеющиеся у него засвидетельствования и обстоятельный план, какие науки он в училище своем завести намерен, ... також как располагает он часы ежедневного учения, и какую плату полагает за содержание и учение своих воспитанников». По этим мудреным требованиям вдова предложила самые простые решения. Она честно призналась, следуя многовековым традициям старых русских мастеров грамоты, бравших с родителей учеников столько, сколько те по своему состоянию дать могут, что рассчитать точную плату за обучение она не в состоянии. «Касательно же до расположения учащимся детям часов и прочего, то об оном предается она на рассмотрение Приказу сему», - так снимались разом все оставшиеся к ней вопросы.

Чиновники Приказа общественного призрения не поддались ни на риторику, не стали закрывать глаза на подмену требуемых документов ничего не значащими бумагами и фразами. Сухо и четко от вдовы потребовали получить в первую очередь «надлежащее свидетельство от директора народных училищ». Это для Зверевой и подобных ей учителей однозначно означало отказ в официальном признании их права на преподавание. Если они и решались продолжать образовательную деятельность, то только вопреки закону.

В 1795 г. Симбирским Приказом общественного призрения было «Самарской управе благочиния предложено, чтоб она всем гражданам объявила с подписками, дабы никто из них для детей своих и воспитанников, в противность высочайшего Устава народных училищ и Руководства учителям, домашних училищ не

заводил и учителей на домах без позволения Приказа и директора училищ не имел, а исполняя законную волю, всяк бы старался отдавать в заведенное по высочайшей воле малое народное училище». Органам полиции поручалось принимать жесткие меры к противникам образовательной политики государства. Им угрожали «в противном случае, если кто законную волю выполнять не будет и о таковых до управы благочиния сведение дойдет, то, забирая оных яко ослушников закона, отсылать к суду, куда кто принадлежит, в чем иметь той управе наиприлежное смотрение»¹⁶.

Не прекращалась, несмотря на запреты, практика домашнего обучения представителями духовенства и в других городах. В Алатыре, как сообщал в конце 1793 г. учитель малого народного училища, были заведены домашние «школы расстригою Иванцовым и успенским дьяконом Николаем». Именно в них он видел основную причину «уменьшения по сему училищу учеников». Директор Масленицкий обратился к городничему с просьбой «о истреблении по городу непозволенных училищ». Однако любопытно, что «благородные тамошние» жители недовольства по поводу обучения детей по домам не разделяли, и пытались убедить директора, что причиной недобора в народное училище являлось нерадение самого учителя народного училища¹⁷.

Есть неподтвержденные свидетельства не только о несогласии жителей с решениями, направленными против домашних училищ, но и о фактическом невыполнении этих решений местными должностными лицами. Так, в 1795 г. исполнявший должность городничего прапорщик Никитин из Самары докладывал начальству, что распоряжение «об обязании граждан в неимении домашних училищ подписками» выполнено. Насколько это соответствовало действительности и было эффективно, судить трудно. Кроме официальных реляций, по этому поводу есть высказывания самарского учителя Козмодемьянского: «Когда получено было им, Никитиным, от Приказа предписание о подтверждении согражданам, чтоб они не заводили без повеления главного начальства домашних училищ, то он, Никитин, вместо того, чтоб строже о том сделать подтверждение, защищая домашние училища, коих очень довольно, научал давать подписки, противные предложению, внушая как благородным, равно и прочим разночинцам, что де в училище науки таковой быть не может, как от домашних». Сообщение Козмодемьянского губернские власти проверять не стали, хотя на всякий случай предупредили, что ответственность за заведение домашних училищ будут нести по

закону не только их устроители, но и те чиновники, кто это допустит¹⁸. Нельзя отрицать вероятность того, что местный начальник мог действительно разделять взгляды своих консервативно настроенных сограждан, не афишируя свое мнение и не идя в открытую против распоряжений сверху.

В годы царствования Павла I, по-прежнему многие жители предпочитали отдавать детей вместо народного училища в обучение местным церковнослужителям. Как сообщал новый симбирский директор Макаров, «партикулярных училищ в городе Сызрани, по донесению ему от тамошнего учителя Воскресенского, не на правилах нормального обучения находится Соборной церкви у диякона Михайлы Осипова, Успенской церкви у священника Андрея Лазарева и у диякона Петра Иванова, Покровской церкви у священника Саввы Ильина и у диякона Федора Михайлова, Ильинской церкви у пономаря Василья Иванова»¹⁹.

По этому сообщению в 1799 г. очередной раз был подтвержден запрет на школы, «не на правилах нормальных установленных»²⁰. Видимо, власти на сей раз действительно поставили домашних учителей в трудное положение. Последние начали искать обходные пути, поскольку, как уже говорилось выше, шансов получить законное разрешение на преподавание лицами, не получившими специальной подготовки, практически не было.

С дьякона сызранского Христорождественского собора Михайлы Осипова по распоряжению исполняющего городническую должность коллежского асессора Ахматова взяли подписку «о произведении партикулярного учения детей». Тогда дьякон, лишившийся учеников и доходов, обратился в Приказ общественного призрения со следующим: «Желание его есть производить учение над священно и церковнослужительскими детьми согласно с предположением церковного устава нотного столпового пения и всего церковного округа, также с тем вообще нотному ж партесному всякого рода людей пению». Приказ вынужден был согласиться, что в Уставе народных училищ «партикулярным людям учить священноцерковнослужительских детей пению и всего церковного округа знанию не воспрещено» и сообщил об этом как упомянутому Ахматову, так и дьякону. Последнему объявили, «чтоб он вышеписанное обучение церковнослужительским детям производил, не касаясь кроме сего прочих наук»²¹.

Признав за Осиповым право на устройство домашней школы, Приказ вряд ли имел возможность постоянно контролировать, какие

«науки» там преподаются сверх пения. Изучение всего церковного обихода могло включать занятия и чтением, и письмом. Не собирався Осипов ограничиваться, что видно из его прошения, обучением только детей церковнослужителей и священников. Вполне вероятно, что в данном случае удалось найти уловку и легализовать под видом певчей обычную традиционную школу, столь популярную, как мы видели, среде жителей провинциального города.

С традиционной школой вело борьбу и саратовское училищное начальство. В январе 1798 г. директор Острожский поднял вопрос о запрещении обучения в обнаруженных им в губернском городе домашних училищах, заведенных без разрешения Приказа общественного призрения²².

Практика применения законов о домашней и частной школе носила ярко выраженный сословный характер. Таких жестких ограничений как русские грамоты, бравшие в обучение детей своих соседей из числа прежде всего горожан и разночинцев, не испытывали иностранцы, тем более занимавшиеся с дворянскими отпрысками. Начальство относилось благосклонно к учителям из иностранцев, не чиня им никаких препятствий к поступлению на службу в дома богатых дворян и не ведя их учета в Приказе. «Французской нации учителя Карла Адриана» даже разместили в августе 1794 г. в свободных комнатах училищного дома в Симбирске, согласившись на предложенную им самим арендную плату²³.

Не известно случаев каких-либо препятствий со стороны училищного начальства к заведению домашних учителей в помещичьих усадьбах не только из иностранцев, но и из русских людей. Главной помехой для родителей-дворян, которые стремились дать детям домашнее образование, становился сам по себе недостаток учителей в количественном и в качественном отношении. Было трудно отыскать учителя, согласного ехать в дальние села, а тем более учителя хорошего. Дело доходило даже до попыток переманить на частную службу учителей казенных училищ. Об одной такой попытке докладывал в 1795 г. учитель Самарского малого народного училища, которому помещик соседнего Сергиевского уезда Уфимской губернии коллежский асессор Тимашев предлагал, чтобы тот, «оставя училище, отправлялся к нему в вотчину для обучения его детей»²⁴.

Показательная в этом отношении история сохранилась в делах личного архива Г.Р. Державина. Управляющим его бузулукским имением в селе Семеновском, Державино тож в начале 1790-х гг.

служил отставной провиантмейстер А.М. Перфильев. Хотя Державин советовал ему оставить детей на учебу в Петербурге, но тот предпочел взять всю семью с собой в Оренбургскую губернию, попросив приискать для них учителя. Супруга Державина наняла в качестве учителя Ф.Ф. Гандигера, бывшего переводчика А.В. Суворова. В начале 1793 г. Гаврила Романович выхлопотал для того у Суворова увольнение со службы²⁵.

Гандигер согласился отправиться в Заволжье не только в расчете получить жалованье за детей Перфильева (500 руб. в год), но и оговорив право заниматься с детьми и других местных дворян за дополнительную плату. Один из соседей-помещиков Ратков по приезде Гандигера стал хлопотать, чтоб тот взял в обучение и двух его сыновей. Перфильев же стал чинить этому препятствия под предлогом недостатка места в своем доме. Ратков, чтобы заполучить учителя, предлагал на свой счет перенести с собственного двора в Державино готовое строение о четырех комнатах для занятий. Перфильев же потребовал сделать новую постройку, и Ратков доставил к нему 150 бревен для нее²⁶.

Ублажая соседа, Ратков подарил Перфильеву сверх лесу еще двух лошадей «и многое иное». Державинский управляющий все тянул время, «стараясь во время этой проволоочки выбарышничивать от него, что только можно было». Так и не получив возможности дополнительного заработка, а также рассорившись по другим причинам с Перфильевым и его супругой, Гандигер покинул его семейство и переехал на службу к Раткову за те же 500 руб. годового жалованья²⁷.

Документы об этом конфликте в селе Державино не только свидетельствуют о недостатке домашних учителей в среде уездного дворянства, но и дают представление о характере учебных занятий, ими практиковавшемся. Гандигер занимался с детьми Перфильева французским и немецким языками, географией, натуральной историей, физикой, арифметикой, геометрией, фортификацией, русской орфографией, чтением и заучиванием стихов М.В. Ломоносова²⁸.

При этом Гандигер подчеркивал, что он не прибегал к приемам, видимо, распространенным среди недобросовестных домашних учителей. «Если б я шарлатанским образом хотел блеснуть, так ... заставлял бы детей всему тому учиться, что [в] глаза мечится: заставил бы их выучить наизусть геометрические, арифметические и алгебраические задачи; сам бы ими стал хвастать,

а чрез то, конечно бы, приобрел похвалу от родителей и других безрассудных людей. Но я не о такой пустой похвале помышлял, а о удовлетворении своей совести, и главная моя цель была образовать их сердца»²⁹.

Стремление образовать детское сердце и совесть учителя не были препятствием для применения телесных наказаний, в том числе в виде палочных ударов и порки плетью. Правда, наказания применялись с согласия, а то и по настоянию родителей³⁰.

Занятия длились ежедневно 8 часов. К этому добавлялась часовая прогулка учителя с детьми. Попытки родителей обязать учителя проводить с детьми больше времени или сопровождать их во время поездок в гости встретили с его стороны жесткий отпор. Гандигер заявил Перфильевым: «Я не за дядьку принят, чтобы ходить по следам за детьми». Также он не считал учительской обязанностью проводить с ними все свое время³¹.

На одном только примере можно уяснить основные трудности, с которыми сталкивались провинциальные дворяне, делавшие ставку на домашнее образование детей. В числе этих трудностей были недостаток учителей, очень высокая стоимость обучения, психологическая несовместимость людей с разными характерами, мировосприятием, уровнем образования и т.п.

Главным направлением распространения в дворянской среде знаний и приличествующего благородному сословию воспитания представлялось создание закрытых сословных школ под ведением руководства народных училищ. Масленицкий доложил Приказу общественного призрения, «что многие из благородных особ губернии здешней просили его о заведении при главном училище пансиона для обучения благородных детей немецкому и французскому». Пансион особенно был нужен «малодостаточным благородным людям», не имеющим средств нанимать домашних учителей для своих детей, «как записанных в училище, так и желающих единственно обучаться тем языкам, а также необходимо нужных познаний закона, российского языка, рисования и математики на российском, истории на французском, географии на немецком языках»³².

7 февраля 1791 г. Симбирский Приказ общественного призрения «по докладу директора училищ предлагал Симбирскому дворянству о заведении в Симбирске пансиона для обучения немецкому и французскому языкам за умеренную плату, приемля на себя попечение отыскать искусного учителя, а для преподавания

прочих знаний на русском языке склонить учителей главного народного училища, отвести в училищном доме под пансион покой, снабжать учащихся из училищного книгохранилища для чтения книгами и дозирование иметь за тем пансионом чрез директора училища». О решении об открытии пансиона было решено довести до сведения всех дворян через комендантов, городничих, нижние земские суды и особое оповещение сделано «состоящим в здешнем училище благородным ученикам»³³.

Родителям детей на выбор предоставлялось несколько путей использования возможностей пансиона и соответствующих вариантов оплаты. Те, кто записан в само училище и желают заниматься сверх обычных занятий немецким языком, должны были платить 25 руб. в год. Не записанным в училище за занятия немецким языком и некоторыми предметами из школьного курса полагалась оплата по 50 руб. в год., с добавлением к тому французского языка – 75 руб., а еще с проживанием под присмотром и на квартире учителя – не свыше 100 руб. Обязательным условием был срок пребывания в пансионе «не менее трех лет, без чего к найму учителя приступить не можно»³⁴.

Однако многочисленные просители, которые, по словам Масленицкого, желали открытия пансиона, неожиданно исчезли, когда власти стали собирать сведения о желающих отдавать туда детей. Уже 24 февраля из Самары, Алатыря, Буинска, Тагая и Сызрани пришли странные донесения городничих о том, «что в тамошних городах у дворян ни у кого (!) детей малолетних не имеется»³⁵.

Более складно прозвучал ответ схожего содержания, пришедший 1 марта из Котлякова. Из него, наоборот, выходило, что в городе все дворянские дети являются малолетними, и даже чересчур. Городничий извещал Приказ, «что к отдаче ко обучению в пансион в городе публики благородных особ по малолетству у них детей никого не оказалось, а когда де наступят те лета, в кои могут дети вступить в учение оных наук, тогда просить родители не преминуют»³⁶.

В тот же день без хитрых оборотов и оправданий прямые отказы отдавать дворянских детей в пансион поступили из Ардатова и Сенгилея. Это отношение к пансиону разделяли представители благородного сословия из других городов и уездов Симбирской губернии, о чем говорилось в поступивших немногим позже сообщениях³⁷.

Идея закрытого сословного учебного заведения здесь временно была похоронена, но ненадолго. Ее реализация пошла иным путем. Главную роль сыграла частная инициатива, которая при наличии внутренней общественной потребности имела шансы добиться большего, чем административные усилия.

Следует предположить, что в проекте организации в Симбирске благородного пансиона 1791 года дворян не устраивала предполагавшаяся его тесная связь с главным народным училищем, обязательность обучения в течение не менее трех лет, фиксированные ставки платы за учебу. Более предпочтительным для них являлся вариант с необязательной продолжительностью пребывания в пансионе, гибкой системой оплаты и свободным выбором предметов обучения. Ситуация была схожей с отношением к государственной школе со стороны городских сословий, но с двумя существенными отличиями. Во-первых, набор учебных предметов, рассматривавшихся родителями и обществом в качестве нужных в реальной жизни, не совпадал для мещанина и дворянина. Во-вторых, отношение властей к пожеланиям благородного и непривилегированных сословий было различным, как и различными были возможности осуществить эти пожелания.

С 1794 г. частная учительская практика упомянутого выше француза Карла Адриана приняла форму пансиона. Поскольку на факт существования такого учебного заведения в Симбирске Приказ общественного призрения не обращал внимания в течение нескольких лет, то документов о его деятельности в этот начальный период существования не осталось. Известно лишь, что основное внимание в пансионе уделялось изучению иностранных языков, французского и немецкого. Лишь 13 июня 1799 г. в своем докладе Приказу общественного призрения директор народных училищ Макаров впервые поставил вопрос о существующем уже пять лет частном пансионе Карла Адриана. Директор потребовал от француза официально оформить частную учительскую практику в соответствии с законом. Особых хлопот все это иностранному учителю не доставило. 30 июня Приказ заслушал объяснения содержателя пансиона. В нем учились 16 мальчиков и 7 девочек. Доля последних, как видим, значительно превышала долю женского пола в народных училищах. Занимались дети 8 часов день, разделясь по классам. Плата за обучение варьировалась широко в зависимости «от наук, кои родители требуют»³⁸.

Предметами обучения, которые предоставлялись на выбор родителям, являлись французский и немецкий языки, география,

мифология, философия, поэзия, арифметика, геометрия и Закон Божий. Учителями были два француза, сам Карл Адриан и Петр Дуври, немец Христиан Безен и два русских преподавателя. Герасим Климов вел математику, священник Вознесенской церкви – Закон Божий³⁹.

По словам Адриана, пансион существовал «с дозволения и одобрения здешнего благородного общества». Такое объяснение не соответствовало никаким законодательным нормам, но вполне оказалось для губернских властей достаточным. То, что официально считалось неприемлемым при просьбах со стороны городского общества, как это было в 1791 г. с самарской вдовой Авдотьей Зверевой, оказалось вполне возможным, когда в деятельности учителя-иностранца оказывалось заинтересовано дворянское сословие. «Приказ существование пансиона подтвердил» в тот же день. От Адриана и других учителей не потребовали никаких свидетельств об их профессиональной компетентности и уровне образования, подробного учебного плана и расписания занятий, сметы на плату за обучение. Единственным условием для деятельности пансиона впредь стала обязанность отчитываться перед директором народных училищ по документам разной формы, в том числе полугодовыми ведомостями, данные из которых с этого времени включались в общие губернские ведомости «для отсылки в училищное правительство»⁴⁰.

Идя навстречу желаниям части дворян и разрешая официально деятельность пансиона, училищное начальство Симбирской губернии скептически оценивало результативность этой формы обучения. В конце 1800 г. директором народных училищ по поводу пансиона отмечалось, что «успехи его, кроме французского языка, совсем не видны». Тому были и объективные причины, например, возрастной состав учащихся, поскольку «дети все малолетки»⁴¹.

В Симбирске вскоре, кроме пансиона Адриана, появился еще один, который «завел в оном 1801-м годе тоже иностранец Гейден (Франц Фондергейден – Л.А.)». Тот получил право на ведение преподавания по свидетельству, выданному 27 сентября 1792 г. Московским университетом⁴².

Судя по всему, последний содержатель переехал в Симбирск из Саратова. Там в 1799 г. указан благородный пансион иностранца Фондергейдена, которого, правда, именуют Михаилом. В нем было 11 мальчиков и 6 девочек, а занятия велись только по французскому и немецкому языкам, а также рисованию. В 1801 г. упоминания об

этом пансионе исчезают, а в ведомостях с этого года говорится, что в Саратове нет никаких пансионов и домашних училищ⁴³.

На пансионах отрицательно сказывалось отсутствие профессионально подготовленных специалистов. Однако критические замечания в адрес обучения в пансионах со стороны Симбирского Приказа общественного призрения не прошли даром. Их содержатели и училищное начальство нашли компромисс, который удовлетворял как требованиям Устава об изучении общеобразовательных предметов на единой методической основе, так и стремлению учителей народных школ к дополнительным заработкам. В обоих пансионах преподавание иностранных языков, истории и географии по-прежнему вели собственные учителя, «а российской грамоте, писать, арифметике и грамматике российской – учителя из главного народного училища ... и учат их довольно изрядно»⁴⁴.

В отличие от учителей-самоучек преподаватели народных училищ имели законное право обучать на дому, чем пользовались родители по каким-либо причинам не желавшие отдавать детей в публичную школу. Как правило, это были дворяне, военные и гражданские служители в офицерских чинах. Современники отмечали, что «учители народных училищ, обучая детей вне училища по домам у частных людей, распространяли познания еще более: бывшие потом ученики сии хорошими и исправными офицерами и чиновниками должны сим вероятно первоначальному образованию у сказанных учителей»⁴⁵.

Кроме народных училищ и домашних школ, вниманием Приказа общественного призрения пользовались и другие типы учебных заведений. Как и прежде, перед симбирским Приказом продолжала отчитываться о состоянии своей школы в Ставрополе канцелярия крещеного калмыцкого войска. Формами отчетности служили ежемесячные рапорты и именные списки учащихся. Также эта школа получила помощь в подготовке преподавателей. 10 сентября 1791 г. директор симбирских народных училищ докладывал Приказу общественного призрения о завершении подготовки в Симбирске для калмыцкой школы двух учителей братьев Николая и Василия Ягодинских. Не случайно, что уже в царствование Александре I калмыцкая школа, программа и методика обучения в которой уже давно совпадали с государственной, слилась с уездным училищем, вновь открывшимся в Ставрополе⁴⁶.

В июле и сентябре 1791 г. с аттестатами главного народного училища были выпущены в Симбирскую гарнизонную школу для

перевода ее на методику «нормального учения» трое учащихся из солдатских детей. Все они (Михаил Федоров, Яков Сурков, Андрей Жаринов) обучались в Симбирске более четырех лет, «оконча по главному училищу весь курс учения, кроме рисовального класса и языков, и прошед со употреблением в практике руководство учителей I-го и II-го классов»⁴⁷.

В Саратове гарнизонная школа даже формально слилась в 1786 г. с главным народным училищем. Попытка при Павле I разделить эти два училища оказалась кратковременной и мало-состоятельной. В 1804 г. в Саратовском главном народном училище было создано особое солдатское отделение, включавшее два класса, параллельных начальным классам училища. Впрочем солдатским детям не воспрещалось продолжать образование в старших классах главного училища с детьми из других сословий⁴⁸.

Не оставляя своих попыток Приказ общественного призрения держать под контролем обучение в традиционных религиозных школах неправославных исповеданий. Так, в начале июня 1791 г. он потребовал от Курмышского нижнего земского суда собрать и представить сведения «в деревнях Рыбушкиной и Мезяне татарских школ от учителей ... каких они лет, где обучались наукам, которым других обучают». Прошло чуть более недели и местный учитель-ахун сообщил, что «обучался Казанского наместничества в разных деревнях» в мусульманских духовных школах и представил ряд документов. На основании столь скоро полученных сведений уже 17 июня Приказ выдал свидетельство «Курмышской округи деревни Рыбушкиной из татар ахуну Сулейману Салюкову в том, что по одобрению его жительство» и с согласия Уфимского магометанского собрания, ему «дозволено по представленным Приказу книгам обучать в мечети в деревне Рыбушкиной детей магометанских турецкому чтению, письму и языкам турецкому, арабскому, персидскому», а также «познанию магометанского закона, судопроизводства и нравоучения магометанского». Со следующего года школа в д. Рыбушкиной стала представлять в симбирский Приказ отчет в виде полугодовой ведомости о своих учениках⁴⁹.

В ходе решения вопроса об учительстве Салюкова выяснились некоторые сведения о порядке деятельности татарских традиционных школ. Занятия проводились «каждодневно в свободное от земледелия время до обеда 4 и после обеда 4 часа». По поводу же представленных ахунем книг, изучить которые симбирские чиновники сами, конечно, не могли, в чем прямо признались, Приказ удовлетворился тем, что

у учителя была «взята подписка, что они не содержат в себе ничего противного магометанскому закону, нравоучению и общежитию гражданскому, а также и суеверных рассказов..., развращающих нравы». На всякий случай список книг был отослан в соседнюю губернию для рассмотрения «уфимским магометанского закона собранием» с просьбой ответить, «не имеют ли они вышеозначенных пороков и можно ли по оным обучать магометанское юношество». На этот запрос пришло сообщение, что перечисленные книги «закону магометанскому нимало противностей в себе не содержат, а относятся ко обучению юношества к великой пользе»⁵⁰.

К рассмотренным выше видам училищ (домашних, гарнизонных, духовных и проч.) следует добавить сведения о первых опытах создания сельской школы. Устав народных училищ 1786 года разрешал создание малых народных училищ не только в городах, но и в селах. Материальное содержание школ полностью возлагалось в крепостной деревне на помещиков и дело образования там было поставлено в зависимость от частной инициативы и желания землевладельцев. С известными по литературе вотчинными школами Шереметевых, Румянцевых, Мещерских, Голицыных и других помещиков⁵¹ следует сопоставить училища в крупных имениях Поволжья и Заволжья.

Отдаленные от столиц и крупнейших культурных центров селения Усольской вотчины графов Орловых в районе Самарской Луки не отличались высоким уровнем хозяйственной и общественной жизни и представляли не самую благодатную среду для развития новых культурных процессов. Однако, и этих мест коснулись свежие идеи и дела “эпохи Просвещения” в сфере научных исследований, развития школьного дела, здравоохранения.

Известно о довольно хорошей постановке медицинского дела в крепостных владениях Орловых⁵². Научное изучение природы, жизни людей и истории Луки вели отряды академической экспедиции, которые работали в Самарском Поволжье в 1768-1769 гг. Эти отряды возглавляли молодые академики П.С. Паллас, впоследствии всемирно известный биолог, и И.И. Лепехин, выдающийся русский ученый, энциклопедист и просветитель. Среди руководителей и сотрудников экспедиции были опытный ученый И.П. Фальк и начинавшие только свой путь в науку будущие известные исследователи Н.П. Соколов, Н.Я. Озерецковский, В.Ф. Зуев. То, что маршруты сразу нескольких отрядов академической экспедиции прошли через Самарскую Луку, в том числе через Усольскую

вотчину, было вызвано не только интересом научной общест-венности к этому природному феномену Поволжья, но и влиянием графа Владимира Григорьевича Орлова. Член семьи богатейших здешних землевладельцев занимал тогда должность директора Академии Наук и был лично заинтересован в результатах научных изысканий на территории собственных владений.

Глава Академии Наук приложил усилия и по развитию образования в своих крепостных селениях. В июне 1770 г. во время приезда графа в вотчину по его предложению крестьянские миры владений Орловых в селах Усолье, Ахтуше, Переволоке, Кузькине, Шигонах согласились иметь училище на господском содержании. «В Новодевичьем же не хотели; скоро после того прислали депутатов с тем, что не только согласились, но и выбрали мальчиков для ученья». Училище для детей дворовых людей и крестьян было устроено в Усолье и первым учителем в нем стал местный священник отец Дмитрий⁵³.

Училище готовило прежде всего грамотных служащих для вотчинной администрации Орловых. При необходимости давалось не только общее, но и специальное образование. Так, в 1801 г. усольская контора заключила контракт с отставным землемером Д.Гавриловым, по которому тот «трех мальчиков обучил как по инструменту, так и в сочинении планов», за что получал в течение трех лет «столовый припас» и жалованье 80 руб. в год⁵⁴.

Нелегко было найти опытных и добросовестных учителей. Хорошую память о себе оставил учитель Подобедов, приехавший сюда из Москвы около 1796 г. и покинувший в 1799 г. Усолье по личным обстоятельствам. Его отпустили не без сожаления и по рекомендации управляющего одарили от имени графа серебряными часами «за старание и учение мальчиков». Управляющий доносил, что без Подобедова «не надеется быть хорошим успехам, ибо сын его только и знает, что при Подобедове выучил». В 1800 г. наняли «учителя отставного регистратора Алексея Соболева за 100 рублей в год, стол и квартира господское». Новый учитель «не хвалил» методику Подобедова и показался сначала «гораздо полезнее», но затем ударился в пьянство и был уволен. Соображения управляющего о том, что легче и дешевле найти ученого попа, были отклонены распоряжениями из Москвы, поскольку Усольское училище при В.Г. Орлове ориентировалось на светскую образованность, необходимую для делопроизводства. Даже еще не окончивших курс лучших школьников старались использовать в вотчинной конторе.

Управляющего предупреждали, чтобы к простым работам «из училища отличившихся в понятии не брать»⁵⁵.

Сельские школы в вотчинах Орловых оказались долговечнее многих других, которые были открыты в других регионах. Так, в Новгородской губернии основание четырех первых сельских училищ в помещичьих имениях «не только не имело себе подражателей, но и не было поддержано; все 4 училища, по воле учредителей их, закрылись одно за другим»⁵⁶.

Об образовании своих крестьян задумывались и другие просвещенные помещики Приволжья и Заволжья. Так, рассуждения о необходимости сельской школы встречаются в переписке Г.Р. Державина со своими управляющими в Бузулукском уезде⁵⁷. В отличие от Орлова, здешний хозяин надежды возлагал именно на ученого священника, обещая «за обучение мальчиков читать и петь, платежем ли каким, или тем средством, какое в моем наставлении показано, конечно делать ему удовольствие»⁵⁸.

Для всех типов школ, которые стояли вне государственной системы образования, созданной в провинции в 1786-1802 гг., были характерны непрочность основания и непостоянство деятельности. Это касалось не только частных пансионов или вотчинных училищ, но даже учебных заведений духовного ведомства. Нагляден пример двукратной неудачной попытки утвердить семинарию в Саратове сначала в 1770-е, а затем в 1790-е гг.

Можно поставить под сомнение и качество обучения, узко утилитарного и необеспеченного методически. Традиционная домашняя школа была нацелена исключительно на элементарное овладение грамотой, а пансионы для дворянства – на изучение иностранных языков. В лучшем случае мастера грамоты и учителя-иностранцы давали навыки, необходимые для более глубокого образования в других учебных заведениях или самообразования. В худшем одни оставляли ученикам только умение поставить подпись и прочитать Псалтирь, а другие – вставить в разговор иностранную фразу или слово.

Пожалуй, наиболее близко к народным училищам приблизились школы для солдатских детей и крещеных калмыков. По крайней мере, известно о подготовке для них учителей, освоивших «способ учения», о снабжении их учебниками, подготовленными для народных училищ, о фактах слияния некоторых из них с государственными школами.

Сохранявшиеся недостатки домашней и ведомственной школы оказывались не преодоленными их внутренним развитием. Пре-

имущества в качестве обучения и в организации деятельности были за народными училищами, несмотря на все имевшиеся проблемы. Одним из преимуществ также следует признать поддержку со стороны власти. Без нее трудно было перебороть общественную инерцию и прагматизм, поддерживавшие традиционные и сословные формы обучения. Не случайно, единственным выходом из отмеченных недостатков стала ориентировка части частных и ведомственных учебных заведений в большей или меньшей мере на программы и методики народной школы, развитие которой являлось магистральным путем развития просвещения в русской провинции.

§2. РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 1786-1802 ГГ. И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Большинство аспектов истории народных училищ хронологически и тематически прослежены в предшествующих главах как в виде статистических выкладок, так и в конкретных наблюдениях. Следует подвести общие итоги осуществления образовательной политики правительства за весь период с момента начала школьной реформы Екатерины II в российской провинции (1786) до ее завершения в 1802 году, ставшем кануном новых преобразований в этой области, связанных с именем Александра I. В качестве основных результатов здесь рассматриваются количественные сведения о выпускниках народных училищ, включая их состав по социальному и другим признакам, а также качественные оценки влияния общеобразовательной школы на местное общество, которые содержатся в записках современников.

Сохранность ведомостей большинства Приказов общественного призрения и состояние учета в них не позволяют дать точных сведений о числе, прошедших через обучение в школе. Исключением является опять-таки Симбирская губерния. В ней велся и ежегодно отражался подсчет общего числа учеников, которые когда-либо «пребывали» в народных училищах, независимо от срока учебы и ее результатов.

Последний раз эти цифры были представлены в ведомости за вторую половину 1799 г., в которую попали и данные по Саранской школе. Кроме того, в ведомости за вторую половину 1790 г. есть сведения о количестве учеников, «пребывавших» в закрытых ранее Ставропольском и Тагайском училищах. При проверке были

обнаружены ошибки подсчетов в сторону занижения числа «пребывавших», допущенные при составлении некоторых ведомостей. Сведения указанных двух ведомостей с учетом исправлений представлены ниже⁵⁹:

Город	Выбыло за 1786-1799 гг. (чел.)	в % к главной школе
Симбирск	528	100%
в т.ч. 1 класс	205	38,8%
2 класс	167	31,6%
3 класс	59	11,2%
4 класс	97	18,4%
Алатырь	157	29,7%
Сызрань	150	28,4%
Самара	79	15,0%
Карсун	172	32,6%
Тагай	23	4,4%
Ставрополь	23	4,4%
Всего в губернии	1132	214,4%
Саранск	436	82,6%

Можно заметить, что в Симбирской губернии (без административных изменений 1797-1801 гг.) через народные училища за указанный срок прошли 1132 ученика, почти половину из них составили учащиеся главной школы в Симбирске. В разных городах количество учащихся малых училищ было неодинаковым. Это зависело не только от времени существования училища. Не закрывавшееся никогда Алатырское училище пропустило через себя меньше учеников, чем открытое позже, а затем упраздненное Карсунское училище. Ни одно из малых училищ Симбирской губернии не могло сравниться по эффективности с Саранским, через которое прошло совсем немногим меньше учеников, чем через главную школу в Симбирске.

В значительной мере главная школа в губернском городе выполняла ту же задачу, что и малые в городах уездных, то есть предоставляла элементарное двухгодичное обучение. Свыше 70% учеников Симбирской школы завершили учебу в 1-2 классах, не стремясь или не попав в высшие классы.

Симбирские полугодовые ведомости дают еще больше возможностей проследить итоги реформы хотя бы в масштабах губернии, благодаря наличию именных списков тех, кто выбывал из школ. Нами обнаружены и обработаны данные по 975 ученикам, покинувшим народные училища за 1789-1799 гг., что является весьма представительным числом, составляя 86,1% от всех 1132 чел., выбывших до 1799 г. включительно⁶⁶.

Год	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	итого
Происхождение из:												
офицеров и дворян	10	11	15	9	10	7	4	4	4	10	10	94
лекарей				1			1					2
классных чиновников	3	2	9	2	7	3	7	6	4	5	6	54
канцелярских служащих	6	3	4	1	4	3	2	7	3	4	4	41
священников и церковнослужителей	7	9	8	2	5		3	3	1	4		42
армейских нижних чинов	9	7	6	13	17	23	18	17	34	10	1	155
казачков	1		2	2	1	1	1	1	1			10
пушкарей и стрельцов					1					1		2
башкир и калмыков		1			1							2
иностранцев	1				1	1					1	4
купцов	1	3	4	1	2	7	7	9	4	5	5	48
мещан и цехов	8	6	3	9	10	18	9	7	3	5	2	80
пехотных солдат, однодворцев и других категорий крестьян		1	2	3	7	14	15	6	4	1	1	54
господских людей	47	56	31	44	45	27	27	21	21	21	13	353
вольнотпущенников и слуг		1	1	1	2				3		3	11
Незаконнорожденных						1		2			1	4
воспитанников приказа										17		17
без указания			1				1					2
Всего	93	100	86	88	113	105	95	83	82	83	47	975

Несомненно самый большой сословной группой среди закончивших учение в народных училищах Симбирской губернии (36,2%) были дворовые господские люди. Особенно многочисленны были они среди вышедших из школ в 1789-1793 гг., составляя за отдельные годы до половины и более выпускников. Каждый двадцатый из

обучавшихся (5,5%) принадлежал к различным категориям государственных крестьян, подавляющая часть которых вышла из школ в 1793-1796 гг. Вместе с вольноотпущенниками выходцы из дворовых и крестьян составляли 419 чел. или 43% всех закончивших учение.

Второй по численности сословной группой среди школьников являлись дети солдат и других нижних чинов армии (15,9%). Они были даже самой многочисленной группой среди выпуска 1797 г. и составляли значительную часть в предшествующие годы, особенно в 1792-1796 гг. А вместе с детьми казаков и людей старых служб (пушкарей и стрельцов) их было 167 чел. или 17,1%.

Почти десятая часть выпущенных из школ приходилась на детей дворян и офицеров, примерно столько же - на взятых в совокупности детей чиновников, как имевших, так и не имевших классных чинов по Табели о рангах, менее двадцатой части – на детей священников и церковнослужителей. Выходцы из перечисленных привилегированных сословий составляли среди окончивших училища 233 чел. или 23,9%, то есть чуть меньше четверти. Колебания численности этих групп в отдельные годы не очень значительны и не показывают определенных тенденций к росту или уменьшению. Обращает на себя внимание только очевидное снижение количества закончивших учение дворян в 1794-1797 гг. и отсутствие лиц духовного звания в выпуске 1794 и 1799 гг.

Доля закончивших учение школьников из купцов равнялась 4,9%, мещан и цехов – 8,2%. Всего же представителей городских сословий было 128 чел. или 13,1%.

В графу воспитанников Приказа общественного призрения (17 чел.) попали не все относившиеся к числу таких воспитанников. Единственный год в таблице, в котором указан выпуск лиц этой категории – 1798 г. Однако выше в тексте уже приводились данные о воспитанниках Приказа, обучавшихся в народных училищах и выпущенных не только в указанном году. Очевидно, что значительная часть воспитанников прошла под обозначением сословного происхождения родителей, даже в случае их потери. Таким образом, в интересующей нас графе указаны только те воспитанники, чье происхождение из-за сиротства вообще не было установлено. В этом случае их можно объединить с незаконнорожденными. Тогда лица без точного указания сословного статуса составят 21 чел. или 2,1% закончивших учение в симбирских народных училищах.

В следующей таблице на тех же источниках, что и в предыдущей, показано происхождение выбывших в 1789-1799 гг. из отдельных народных училищ Симбирской губернии:

Город	Сим- бирск	Ала- тырь	Кур- сун	Сы- рань	Са- мара	Став- рополь	Тагань
Происхождение из:							
офицеров и дворян	50	6	17	12	4	4	1
лекарей	2						
классных чиновников	31	5	11		5	2	
канцелярских служащих	18	4	7	6	2	2	2
священников и церковнослужителей	24	2	6	6		4	
<i>Итого привилегированных сословий</i>	<i>125</i>	<i>17</i>	<i>41</i>	<i>24</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>3</i>
<i>в % по городу</i>	<i>28,2%</i>	<i>12,2%</i>	<i>25,8%</i>	<i>20,2%</i>	<i>13,9%</i>	<i>60,0%</i>	<i>18,8%</i>
армейских нижних чинов	75	29	14	9	26	2	
казаков		2			8		
пушкарей и стрельцов		2					
башкир и калмыков	1					1	
иностранцев	4						
<i>Итого прочих неподатных сословий</i>	<i>80</i>	<i>33</i>	<i>14</i>	<i>9</i>	<i>34</i>	<i>3</i>	<i>0</i>
<i>в % по городу</i>	<i>18,1%</i>	<i>23,7%</i>	<i>8,8%</i>	<i>7,6%</i>	<i>43,0%</i>	<i>15,0%</i>	<i>0,0%</i>
купцов	18	4	3	17	4	1	1
мещан и цехов	37	13	3	9	15	3	
<i>Итого городских сословий</i>	<i>55</i>	<i>17</i>	<i>6</i>	<i>26</i>	<i>19</i>	<i>4</i>	<i>1</i>
<i>в % по городу</i>	<i>12,4%</i>	<i>12,2%</i>	<i>3,8%</i>	<i>21,8%</i>	<i>24,1%</i>	<i>20,0%</i>	<i>6,3%</i>
пахотных солдат, однодворцев и других категорий крестьян	6	3	41	4			
господских людей	151	63	57	55	14	1	12
вольноотпущенников и слуг	6	5					
<i>Итого дворовых и крестьян</i>	<i>163</i>	<i>71</i>	<i>98</i>	<i>59</i>	<i>14</i>	<i>1</i>	<i>12</i>
<i>в % по городу</i>	<i>36,8%</i>	<i>51,1%</i>	<i>61,6%</i>	<i>49,6%</i>	<i>17,7%</i>	<i>5,0%</i>	<i>75,0%</i>
незаконнорожденных	3			1			
воспитанников Приказа	17						
без указания		1			1		
<i>Итого без точной сословной принадлежности</i>	<i>20</i>	<i>1</i>	<i>0</i>	<i>1</i>	<i>1</i>	<i>0</i>	<i>0</i>
<i>в % по городу</i>	<i>4,5%</i>	<i>0,7%</i>	<i>0,0%</i>	<i>0,8%</i>	<i>1,3%</i>	<i>0,0%</i>	<i>0,0%</i>
Всего	443	139	159	119	79	20	16

Больше половины всех детей дворян, офицеров, священников, чиновников и канцелярских служащих (125 чел. из 233 чел.), обучавшихся в школах Симбирской губернии, приходится на главное народное училище в губернском центре. Представительство выходцев из привилегированных сословий в главном училище не только в абсолютных, но и в относительных цифрах (28%) было выше, чем в большинстве малых народных училищ. Самым же низким их представительство было в Алатыре и Самаре (12-14%). Именно в этих двух городах среди закончивших школу особенно велика доля детей солдат, казаков и прочих неподатных, непривилегированных сословий (24% и 43%).

По доли, которую в них составляли дети купцов и мещан, училища четко делятся на три группы. В городах Самарского края (Самаре, Ставрополе, Сызрани) доля выходцев из городских сословий самая высокая по сравнению с другими училищами. Она составляет от одной пятой до одной четвертой части всех закончивших школу. В наиболее стабильных училищах губернии (главном в Симбирске и малом в Алатыре) эта доля достигает почти одной восьмой всех выпущенных учеников. Наконец, крайне незначительной доля городских сословий выглядит в Карсуне и Тагае. Последние два города дают при этом самый большой процент школьников из крестьян и дворовых (от почти двух третей в Карсуне до трех четвертей всех обучавшихся в Тагае). Подавляющее большинство крестьянских детей, сумевших пройти обучение в школах губернии, учились именно в Карсунском народном училище. Дворовые и крестьянские дети составляли около половины учеников, окончивших школы в Алатыре и Сызрани. Весьма значительным была их численность в главном народном училище, хотя доля их там была несколько ниже, чем в большинстве уездных школ, за исключением Самары и Ставрополя, где процент дворовых и крестьян был наименьшим по губернии.

Насколько сроки обучения в народных училищах зависели от происхождения, показывает следующая таблица. В ней представлено количество учеников разного происхождения, выбывших из того или иного класса. Также здесь показана доля представителей различных сословий среди всех учеников, завершивших обучение соответственно в 1, 2, 3, 4 классах народных училищ Симбирской губернии. Из таблицы видно, в каком именно классе выходцы из каждого сословия заканчивали свое пребывание в школе (без учета того, завершил ли ученик курс обучения в данном классе полностью или нет):

Класс	1		2		3		4	
Происхождение из:	(чел.)	%	(чел.)	%	(чел.)	%	(чел.)	%
офицеров и дворян	26	27,7%	47	50,0%	6	6,4%	15	16,0%
лекарей		0%		0%		0%	2	100%
классных чиновников	16	29,0%	24	44,4%	5	9,3%	9	16,7%
канцелярских служащих	14	34,1%	23	56,1%	2	4,9%	2	4,9%
священников и церковнослужителей	20	47,6%	16	38,1%	3	7,1%	3	7,1%
<i>Итого привилегированных сословий</i>	<i>76</i>	<i>32,6%</i>	<i>110</i>	<i>47,2%</i>	<i>16</i>	<i>6,9%</i>	<i>31</i>	<i>13,3%</i>
<i>% от класса обучаемых</i>	<i>23,0%</i>		<i>22,0%</i>		<i>30,2%</i>		<i>33,3%</i>	
армейских нижних чинов	46	29,7%	73	47,1%	8	5,2%	28	18,1%
казаков	2	20,0%	8	80,0%		0%		0%
пушкарей и стрельцов	2	100,0%		0%		0%		0%
башкир и калмыков	1	50,0%	1	50,0%		0%		0%
иностранных	1	25,0%	2	50,0%		0%	1	25,0%
<i>Итого прочих неподатных сословий</i>	<i>52</i>	<i>30,1%</i>	<i>84</i>	<i>48,6%</i>	<i>8</i>	<i>4,6%</i>	<i>29</i>	<i>16,8%</i>
<i>% от класса обучаемых</i>	<i>15,8%</i>		<i>16,8%</i>		<i>15,1%</i>		<i>31,2%</i>	
купцов	12	25,0%	24	50,0%	6	12,5%	6	12,5%
мещан и цехов	32	40,0%	39	48,8%	6	7,5%	3	3,8%
<i>Итого городских сословий</i>	<i>44</i>	<i>34,4%</i>	<i>63</i>	<i>49,2%</i>	<i>12</i>	<i>9,4%</i>	<i>9</i>	<i>7,0%</i>
<i>% от класса обучаемых</i>	<i>13,3%</i>		<i>12,6%</i>		<i>22,6%</i>		<i>9,7%</i>	
пахотных солдат, однодворцев и других категорий крестьян	29	53,7%	24	44,4%	1	1,9%		0%
господских людей	120	34,0%	201	56,9%	13	3,7%	19	5,4%
вольноотпущенников и слуг	2	18,2%	7	63,6%	2	18,2%		0%
<i>Итого дворовых и крестьян</i>	<i>151</i>	<i>36,1%</i>	<i>232</i>	<i>55,5%</i>	<i>16</i>	<i>3,8%</i>	<i>19</i>	<i>4,5%</i>
<i>% от класса обучаемых</i>	<i>45,8%</i>		<i>46,5%</i>		<i>30,2%</i>		<i>20,4%</i>	
незаконнорожденных	2	50,0%	2	50,0%		0%		0%
воспитанников Приказа	3	17,6%	8	47,1%	1	5,9%	5	29,4%
без указания	2	100%		0%		0%		0%
<i>Итого без сословной принадлежности</i>	<i>7</i>	<i>30,4%</i>	<i>10</i>	<i>43,5%</i>	<i>1</i>	<i>4,3%</i>	<i>5</i>	<i>21,7%</i>
<i>% от класса обучаемых</i>	<i>2,1%</i>		<i>2,0%</i>		<i>1,9%</i>		<i>5,4%</i>	
Всего	330	33,8%	499	51,2%	53	5,4%	93	9,5%
<i>% от класса обучаемых</i>	<i>100%</i>		<i>100%</i>		<i>100%</i>		<i>100%</i>	

Несомненно, что сословная принадлежность играла определенную роль, когда шла речь о получении более глубокого образования. Заметно, например, как в старших классах росла доля выходцев из привилегированных сословий. Они составляли лишь пятую часть тех, кто закончил обучение в 1-2 классах, но зато – ровно треть всех

выпускников 4 класса. Одновременно в зависимости от года обучения снижалась доля дворовых и крестьян. На них приходилась почти половина завершивших учение в 1-2 классах и только пятая часть четвероклассников.

Однако продолжительность обучения не выглядит однозначно обусловленной сословным критерием. Если из всех детей дворян и офицеров, пребывавших в народных училищах, до 4 класса доучилось 16%, то из сыновей нижних чинов армии – 18%, а из безродных «воспитанников Приказа» – свыше 29%. Доля купеческих детей, учившихся в старших классах, составила 12,5%.

Тех, кто дошел до 4 класса, среди дворовых (5,4%) было, конечно, меньше, чем среди детей чиновников в классных рангах (16,7%). Однако доучившиеся до последнего класса составляли еще меньшую часть среди детей мелких канцелярских служащих – 4,9%.

В абсолютном же количестве из 4 класса главного училища вышло больше дворовых (19 чел.), чем детей дворян и офицеров (15 чел.) или чем детей чиновников, канцелярских служащих, лекарей и священников вместе взятых (16 чел.) Еще больше, чем дворовых, из 4 класса вышло солдатских и унтер-офицерских детей (28 чел.)

В литературе высказывалась точка зрения, будто в старших классах главного народного училища было мало учеников из-за того, что большое количество школьников происходило из низших сословий, которым не нужно было широкое образование. Эта точка зрения выглядит, мягко говоря, односторонней. Как показано выше, дети дворян, чиновников и особенно мелких канцеляристов не более стремились к получению полного образования, предоставляемого главным народным училищем, чем выходцы из непривилегированных сословий.

Если взять только одно Симбирское училище в 1789-1799 гг., то соотношение выходцев из разных сословий по классам, в которых они завершили обучение, будет следующим (представлены только основные сословия):

Сословие	1-2 классы (чел.)	%	3-4 классы (чел.)	%
Всех учащихся	297	67%	146	33%
в том числе:				
Нижние чины армии	39	53%	36	48%
Дворовые люди	119	79%	32	21%
Дворяне и офицеры	29	58%	21	42%
Чиновники и служащие	31	63%	18	37%
Купцы	6	33%	12	67%
Мещане	28	76%	9	24%
Воспитанники Приказа	11	65%	6	35%
Духовенство	18	67%	6	33%

В старших классах окончили обучение треть всех школьников главного народного училища, две трети детей купцов, до половины солдатских и унтер-офицерских детей. Дети дворян и офицеров стоят на третьем месте по этому показателю (42%), а также составляют лишь треть по численности группу среди старшекласников после нижних чинов и дворовых людей. Четвертое место по обоим показателям (численность и доля старшекласников) принадлежит детям классных чиновников и канцеляристов.

В малых народных училищах школьники уходили, как правило, из второго класса. В Ставрополе все выбывшие из школы 20 чел. покинули ее учениками второго класса. В Алатыре таковых было 101 из 139, в Карсуне 92 из 159, в Самаре 50 из 79, в Сызрани 87 из 119. Только в Тагае покинувших школу в 1 и 2 классе было поровну – по 8 чел.

Во всех названных городах выходцы из большинства сословий, включая дворовых, покидали школу в подавляющем большинстве во втором классе, кроме Тагае – где дворовых было выпущено также поровну из первого и второго класса. Единственное сословие, чьи представители преимущественно заканчивали учиться уже в первом классе – это государственные крестьяне из пахотных солдат и однодворцев (в Карсуне 24 из 41, в Алатыре 2 из 3). Проявлялись также особенности некоторых городов и школ. Так, в Алатыре большинство мещанских детей (8 из 12) ушли из первого класса, в Сызрани так поступило большинство сыновей дворян и офицеров (7 из 12), а в Карсуне – поповичей (5 из 6).

Проследить судьбу выпущенных из школы довольно трудно. Подавляющее большинство школьников самого разного происхождения имеет при завершении обучения пометки отпущен «в свой дом» или «в дом родителей» (516 чел.), как варианты для крепостных людей – «в дом господина» или «в господскую деревню» (139 чел.), а также не имеет никаких указаний (114 чел.) или эти указания являются малоинформативными («отчислен по резолюции Приказа» – 8 чел.) За отсутствие на занятиях, плохое поведение были исключены, включая самовольно покинувших школы, 48 чел.. Умерло 8 чел.

Тем не менее некоторые указания содержат довольно любопытные сведения. Есть упоминания о переводе на службу сразу из школы, иногда с указанием точного места назначения:

Происхождение	Кол-во	Характер службы
из нижних чинов армии	1	в дворянскую комиссию писцом
из мещан	1	в городской магистрат писцом
из иностранцев	1	в межевую контору
из офицерских детей	2	в межевую контору
из воспитанников Приказа	1	в межевую контору
из господских людей	1	в уездный суд для письмоводства
из офицерских детей	1	учителем в Самару
из чиновников	1	в вольные писцы
из вольноотпущенников	1	в медицинскую управу
из вольноотпущенников	1	в статскую службу
из крестьян	1	в статскую службу
из купцов	4	в статскую службу
из мещан	3	в статскую службу
из офицерских детей	6	в статскую службу
из незаконнорожденных	1	в статскую службу
из церковников	1	в статскую службу
из канцелярских служителей	8	в статскую службу
из чиновников	4	в статскую службу
из нижних чинов армии	1	в статскую службу
из нижних чинов армии	33	в военную службу
из офицерских детей	10	в военную службу
из вольноотпущенников	1	в военную службу
из воспитанников Приказа	5	в военную службу
из чиновников	1	в военную службу

Обращают на себя внимание случаи поступления на гражданскую службу даже выходцев из податных сословий, включая крестьян и господских людей. Есть также упоминания об определении бывших школьников к конкретному роду занятий, не связанных с государственной службой:

Происхождение	Кол-во	Характер занятий
из нижних чинов армии	1	«для ремесла»
из купцов	1	в лавочные сидельцы
из церковников	1	в лавочные сидельцы
из мещан	1	обучаться сапожному ремеслу

Наконец, встречаются упоминания о продолжении образования в других учебных заведениях. Чаще всего речь идет о сословных школах (гарнизонные для солдатских детей, семинарии для духовного звания, пансионы или учителя иностранного языка для детей офицеров и чиновников). Есть и упоминания об учебе в более высоких по уровню учебных заведениях – гимназии и главном народном училище:

Происхождение	Кол-во	Учебное заведение
из нижних чинов армии	22	гарнизонная школа
из офицерских детей	1	гарнизонная школа
из воспитанников Приказа	5	гарнизонная школа
из духовного звания	11	семинария
из чиновников	1	гимназия в Казани
из офицерских детей	1	пансион
из чиновников	1	учиться немецкому языку
из нижних чинов армии	4	главное народное училище (из малого)
из чиновников	1	главное народное училище (из малого)

Возраст выпущенных из народных училищ Симбирской губернии варьируется в самом широком диапазоне – от 6 лет (37 чел.) до 20 и 21 года (по 1 чел.) Безусловно преобладают среди покидавших школы дети в возрасте 8 лет (114 чел.), 9 лет (133 чел.), 10 лет (150 чел.), 11 лет (120 чел.), 12 лет (137 чел.) Всего на возраст от 8 до 12 лет приходится 654 чел. из 975 чел., закончивших обучение, что составляет свыше двух третей (67,1%).

Схожая ситуация просматривается, если сделать подсчеты по социальному происхождению. Закончившие обучение в возрасте от

8 до 12 лет среди господских людей составляют 243 чел. или 68,8%; крестьян – 38 чел. или 70,4%; купцов – 34 чел. или 70,8%; мещан – 59 чел. или 75,6%; воспитанников Приказа – 12 чел. или 70,6%; духовенства – 30 чел. или 71,4%; дворян и офицерских детей – 64 чел. или 68,1%; детей канцелярских служащих – 27 чел. или 65,9%; детей чиновников в классных чинах – 33 чел. или 61,1%.

Окончание обучения в возрасте 6-7 лет, полагаем, может свидетельствовать в основном о весьма невысоком качестве полученного образования, хотя возможны и исключения. Показатель лиц такого возраста среди всех закончивших симбирские народные училища – 110 чел. или 11,3%. Среди отдельных сословий эта доля составляла от 6-8% (господские люди, купцы, дворяне и офицерские дети) и 10% (дети нижних чинов армии) до 17-18% (пахотные солдаты и однодворцы, дети чиновников и приказных служащих, духовное сословие) и 22% (мещане).

Несомненно, что желание большинства родителей закончить обучение детей в народных училищах в достаточно раннем возрасте было вызвано утилитарным подходом к образованию и стремлением как можно быстрее включить сыновей во взрослую жизнь. Дети из податных сословий становились необходимыми работниками в семьях и помощниками по сельскохозяйственным, промысловым, торговым занятиям родителей. Сыновья чиновников и офицеров начинали служебную карьеру. Лица привилегированных сословий, особенно дворян и духовенства, могли продолжить учебу в сословных закрытых учебных заведениях.

На долю тех, кто закончил школу в возрасте 13 лет и старше, приходится среди представителей различных сословий, как правило, от одной шестой до одной четверти. Это соответствует среднему показателю лиц указанного возраста среди всех выпускников симбирских училищ – 211 чел. из 975 чел., или 21,6%. Самый низкие проценты ученики от 13 лет и старше составляли среди крестьян (11,1%), церковников (11,9%) и мещан (2,6%).

Заметный сдвиг в возрастном распределении замечается среди школьников из детей нижних чинов армии, которые по возрасту оказывались старше других учеников народных училищ. В возрасте от 8 до 12 лет из них закончили учение 86 чел. или 55,5%, а в возрасте 13 лет и старше – 50 чел., что составляет почти одну треть (32,3%). Прекращение учебы солдатских детей определялось не столько желанием их родителей, сколько армейским начальством, которое решало кого и когда из них забрать на действительную военную службу.

Среди 975 чел., закончивших симбирские училища, девочки составляли всего-навсего 6 чел. В Симбирском главном училище это были дочери дворовых и служанок (3 чел.), в Карсунском малом – офицера и чиновника (2 чел.), в Тагайском – канцелярского служителя (1 чел.).

Сведения о выпущенных из школ Симбирской губернии могут быть частично дополнены рядом примеров по Саратовскому главному народному училищу. При этом следует учесть неоднократно подчеркнутую выше особенность последнего, которая заключалась в исключительно высокой доле солдатских детей. Шестаков вспоминал, что в нем «детей гражданских всегда было мало». Оно «больше походило на простую солдатскую школу», что соответствовало действительности, поскольку фактически заменяло, как уже известно, с 1786 по 1797 гг. гарнизонную школу. «Однако несмотря на то, – продолжает Шестаков, – и из солдатских детей, кои хотя поступали в службу и не кончивши всех наук для Главных Народных училищ положенных, много вышло людей хороших, и дослужились до Обер и Штаб офицерских чинов; а может быть и далее». Не оставила школа без своего благотворного влияния и другие сословия: «Есть некоторые даже и из граждан, кои считают себя училищу обязанными»⁶¹.

В ведомостях Саратовского училища преобладают малоинформативные указания о выбытии «к своим родителям» или «по воле своего господина», знакомые по материалам Симбирской губернии. Вместе с тем отмечаются более конкретные указания на дальнейшую судьбу выпускников.

В 1790 г. четверо солдатских детей из 1-3 классов отосланы «за худое поведение» в распоряжение военного ведомства. В 1791 г. дворяне Алексей и Федор Матюрины закончили обучение в 4-м классе переходом первый на военную службу в возрасте 16 лет, второй – в приказные служители в возрасте 13 лет⁶².

В 1793 г. несколько солдатских детей, кто окончив курс училища, кто не окончив, были взяты на военную службу из 3-4 класса. В том же году и из того же класса с аттестатом об окончании училища выпущены «в статскую службу» сын регистратора и сын дьячка. Еще один сын дьячка без аттестата выбыл из 3 класса «в приказные служители». Двое ушли из 2 класса «в статскую службу», один – сын титулярного советника, другой – дворянин. Из этого же класса сын чиновника перешел на учебу «в Московский университетский пансион»⁶³.

В 1794 г. трое братьев, дети дьякона, из второго класса выбыли для продолжения учебы в семинарию. Из того же класса сын регис-

тратора ушел «в статскую службу», а три солдатских сына – «в военную службу». Дмитрий Богданов, сын майора, также взят на военную службу из третьего класса. Похожие случаи перехода на военную службу детей офицеров и нижних чинов, а на статскую службу детей чиновников зафиксированы в ведомостях за 1795 г. и 1797 гг.⁶⁴

По поводу обучавшихся в народных училищах Оренбургской (Уфимской) губернии известно, что из них «по окончании учения или не окончив оного поступали в полки солдатами и унтер-офицерами, как то: малолетки, казачьи дети и др., сельскими писарями, в нижние и верхние присутственные места Губернии и в другие должности, быв своими сведениями обществу полезны». Некоторые «учащиеся, не окончив учения оставляли училище либо по болезням, либо за переменою жительства, или по бедности родителей их для скорейшего определения к местам званию и способностям их соответственным, или по требованию в воинскую службу»⁶⁵.

Изменения в количестве и социальном составе школьников Симбирской, Уфимской (Оренбургской) и Саратовской губерний за вторую половину 1799 – 1802 гг., по которым уже нет отдельных ведомостей и списков о закончивших учебу, представлены в следующих таблицах⁶⁶. Ситуация в 1799 г. была следующей:

Сословия	Во всех школах	Саратов	Оренбург	Уфа	Мензелинск	Бузулук	Симбирск	Алатырь	Саранск
Всего в 1799 г.	492	114	38	73	42	16	137	35	37
в т.ч.: дворян и обер-офицеров	100% 94	100% 25	100% 8	100% 19	100% 6	100% 5	100% 21	100% 5	100% 5
	19,1%	21,9%	21,1%	26,0%	14,3%	31,3%	15,3%	14,3%	13,5%
церковников	8	0	0	0	0	0	5	0	3
	1,6%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	3,6%	0,0%	8,1%
приказных	35	11	2			1	15	3	3
	7,1%	9,6%	5,3%	0,0%	0,0%	6,3%	10,9%	8,6%	8,1%
купцов	57	36	2	6	3	0	4	1	5
	11,6%	31,6%	5,3%	8,2%	7,1%	0,0%	2,9%	2,9%	13,5%
мещан	49	20	4	2	1	0	13	6	3
	10,0%	17,5%	10,5%	2,7%	2,4%	0,0%	9,5%	17,1%	8,1%
солдат	111	10	8	23	31	8	20	7	4
	22,6%	8,8%	21,1%	31,5%	73,8%	50,0%	14,6%	20,0%	10,8%
дворянских	109	12	4	14	1	1	53	12	12
	22,2%	10,5%	10,5%	19,2%	2,4%	6,3%	38,7%	34,3%	32,4%
крестьян	3	0	0	0	0	0	0	1	2
	0,6%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	2,9%	5,4%
казаков	14	0	6	7	0	1			
	2,8%	0,0%	15,8%	9,6%	0,0%	6,3%	0,0%	0,0%	0,0%
без сословия	9	0	4	2	0	0	3	0	0
	1,8%	0,0%	10,5%	2,7%	0,0%	0,0%	2,2%	0,0%	0,0%
иностранцев	3	0	0	0	0	0	3	0	0
	0,6%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	2,2%	0,0%	0,0%

Ситуация в 1800 - 1801 гг. изменялась таким образом:

Сословия	Во всех школах	Сара-тов	Орен-бург	Уфа	Мензе-линск	Бузу-лук	Сим-бирск	Ала-тырь	Са-ранск
Всего в 1800 г. в т.ч.: дворян и обер-офицеров	556 100% 123	114 100% 25	55 100% 14	59 100% 16	49 100% 11	25 100% 7	174 100% 38	41 100% 6	39 100% 6
	22,1%	21,9%	25,5%	27,1%	22,4%	28,0%	21,8%	14,6%	15,4%
церковников	13 2,3%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	7 4,0%	0 0,0%	6 15,4%
приказных	41 7,4%	11 9,6%	7 12,7%	0 0,0%	5 10,2%	4 16,0%	10 5,7%	3 7,3%	1 2,6%
купцов	59 10,6%	36 31,6%	3 5,5%	4 6,8%	3 6,1%	0 0,0%	7 4,0%	1 2,4%	5 12,8%
мещан	61 11,0%	20 17,5%	7 12,7%	3 5,1%	1 2,0%	0 0,0%	16 9,2%	9 22,0%	5 12,8%
солдат	86 15,5%	10 8,8%	5 9,1%	15 25,4%	23 46,9%	4 16,0%	19 10,9%	7 17,1%	3 7,7%
дворянских	128 23,0%	12 10,5%	1 1,8%	13 22,0%	6 12,2%	8 32,0%	68 39,1%	10 24,4%	10 25,6%
крестьян	8 1,4%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	5 12,2%	3 7,7%
казаков	23 4,1%	0 0,0%	13 23,6%	8 13,6%	0 0,0%	2 8,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%
без сословия	8 1,4%	0 0,0%	5 9,1%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	3 1,7%	0 0,0%	0 0,0%
иностранцев	6 1,1%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	6 3,4%	0 0,0%	0 0,0%
Всего в 1801 г. в т.ч.: дворян и обер-офицеров	598 100% 132	109 100% 16	66 100% 14	54 100% 16	42 100% 17	41 100% 16	172 100% 39	65 100% 7	49 100% 7
	22,1%	14,7%	21,2%	29,6%	40,5%	39,0%	22,7%	10,8%	14,3%
церковников	8 1,3%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	6 3,5%	0 0,0%	2 4,1%
приказных	36 6,0%	1 0,9%	10 15,2%	0 0,0%	1 2,4%	4 9,8%	11 6,4%	5 7,7%	4 8,2%
купцов	49 8,2%	19 17,4%	2 3,0%	4 7,4%	4 9,5%	0 0,0%	8 4,7%	3 4,6%	9 18,4%
мещан	55 9,2%	6 5,5%	10 15,2%	3 5,6%	1 2,4%	0 0,0%	15 8,7%	16 24,6%	4 8,2%
солдат	132 22,1%	58 53,2%	7 10,6%	12 22,2%	16 38,1%	6 14,6%	17 9,9%	13 20,0%	3 6,1%
дворянских	128 21,4%	9 8,3%	2 3,0%	7 13,0%	3 7,1%	12 29,3%	67 39,0%	14 21,5%	14 28,6%
крестьян	13 2,2%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	7 10,8%	6 12,2%
казаков	26 4,3%	0 0,0%	14 21,2%	10 18,5%	0 0,0%	2 4,9%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%
без сословия	14 2,3%	0 0,0%	7 10,6%	2 3,7%	0 0,0%	1 2,4%	4 2,3%	0 0,0%	0 0,0%
иностранцев	5 0,8%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	0 0,0%	5 2,9%	0 0,0%	0 0,0%

Сословный состав школьников в 1802 г. (без Саранского училища) выглядел так:

Сословия	Во всех школах	Сара- тов	Орен- бург	Уфа	Мензе- линск	Бузу- лук	Сим- бирск	Ала- тырь
Всего в 1802 г.	585	186	63	55	38	21	174	48
в т.ч.:	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
дворян и обер-офицеров	112	12	14	15	19	4	42	6
	19,1%	6,5%	22,2%	27,3%	50,0%	19,0%	24,1%	12,5%
церковников	4	0	1	0	1	1	1	0
	0,7%	0,0%	1,6%	0,0%	2,6%	4,8%	0,6%	0,0%
приказных	22	4	4	2	1	3	4	4
	3,8%	2,2%	6,3%	3,6%	2,6%	14,3%	2,3%	8,3%
купцов	53	24	1	5	4	0	16	3
	9,1%	12,9%	1,6%	9,1%	10,5%	0,0%	9,2%	6,3%
мещан	50	6	6	3	5	0	20	10
	8,5%	3,2%	9,5%	5,5%	13,2%	0,0%	11,5%	20,8%
солдат	181	131	6	9	7	2	15	11
	30,9%	70,4%	9,5%	16,4%	18,4%	9,5%	8,6%	22,9%
дворянских	108	7	0	10	1	11	71	8
	18,5%	3,8%	0,0%	18,2%	2,6%	52,4%	40,8%	16,7%
крестьян	8	2					0	6
	1,4%	1,1%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	12,5%
казаков	37		28	9	0	0		
	6,3%	0,0%	44,4%	16,4%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%
без сословия	9		3	2	0		4	0
	1,5%	0,0%	4,8%	3,6%	0,0%	0,0%	2,3%	0,0%
иностранцев	1						1	0
	0,2%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,6%	0,0%

На основании представленных цифр выглядит малообоснованным утверждение Е.К. Сысоевой, что до конца XVIII в. «политика правительства в области просвещения была строго сословной»⁶⁷. Этой политике указанным автором противопоставлены проявления «либерализма александровской эпохи» по отношению к народной школе. Анализируя таблицу, приведенную выше, нельзя не прийти к выводу о том, что разнообразие сословного состава народных училищ сохранялось вплоть до новой школьной реформы 1803-1804 гг. Как уже было показано, такое разнообразие было не случайным. Оно отражало реальную вссословность общеобразовательной школы, заложенную и в законодательство, и в практику еще при Екатерине II.

Можно отметить продолжавшийся до 1801 г. включительно рост численности и доли дворян и офицерских детей среди школьников трех соседних губерний. Она выросла почти до одной

четвертой части всех учеников, но затем вновь несколько уменьшилась в 1802 г.

Самое большое количество выходцев из привилегированных сословий приходилось в 1800-1802 гг. на Симбирское училище. Устойчиво малочисленной была группа дворян и офицерских детей в школах Алатыря, Саранска и Бузулука (за исключением 1801 г.)

Численность дворян и офицерских детей несколько выросла в Оренбурге и Мензелинске и оставалась достаточно стабильной в Уфе. Для Саратова характерно ее заметное уменьшение в 1801-1802 гг.

Школьники из солдатских детей, дворовых людей, а также купцов и мещан, взятых вместе, при всех колебаниях численности составляли значительные группы. В отдельные годы на рубеже XIX-XX вв. они то превышали количество дворянских и офицерских детей, то уступали последним по численности. Однако их доля в разных школах могла заметно отличаться. Например, в Симбирском училище господские люди были самой значительной группой, в Оренбургском же их практически не было.

В Мензелинске и Бузулуке за короткий срок доля солдатских детей упала соответственно с почти с трех четвертых до менее чем одной пятой и с половины до одной десятой. В Саратове за то же время эта доля выросла с 8 до 70 %. После смерти Павла I солдатские дети были возвращены в это народное училище, что вызвало определенный и устойчивый рост в нем общей численности учащихся. В первой половине 1801 г. в Саратовском училище было 109 учеников, во второй половине того же года – 145 учеников, а еще через год – 186.

Одновременно в Саратове на рубеже 1800-1801 гг. резко сократилась численность и доля учеников из городских сословий. В Бузулуке школьников из них вообще не было. В Алатыре же купцы и мещане вместе составляли самую заметную сословную группу среди учеников.

Любопытно сравнить сведения о сословном составе школьников провинциальных со столичными городами, данные о которых за 1800 г. приведены в литературе⁴⁴. Доля детей дворян и офицеров мало отличалась в главном народном училище Москвы (16,5%), Петербурга (19%), Саратова (21,9%), Симбирска (21,8%). Доля же солдатских детей в том году среди учеников этой школы варьировалась более заметно: в Москве 5%, Петербурге 17%, Саратове 8,8%, Симбирске 10,9%. Также заметно отличалась доля детей дворовых и крестьян по главной школе в Москве (48%), в Петербурге (21%), в Саратове (10,5%), в Симбирске (39,1%).

Совершенно очевидно, что социальный состав учащихся главных народных училищ мало определялся наличием или отсутствием у города столичного статуса. Отличия между контингентом школ Москвы и Петербурга зачастую выглядели более заметными, чем между каждой из столиц и каким-нибудь из губернских городов на Волге. Еще более пестрая картина складывается при рассмотрении сословного состава малых народных училищ. Малые школы в разных кварталах столичного города зачастую имели такую же заметную разницу в этом составе, как и школы отдаленных друг от друга уездных городов Поволжья и Приуралья.

Например, самым малочисленным как в Оренбургской губернии, так во всем рассматриваемом регионе к исходу 1802 г. осталось Бузулукское училище. Школьное начальство даже пошло на сокращение здесь учительского состава. Учитель 1 класса Н. Строгматовский в 1800 г., «по болезненным припадкам уволен, по прошению его, правительством училищным впредь до выздоровления». На его место нового учителя не взяли, а поручили преподавание в обоих классах единственному оставшемуся здесь учителю Алексею Степановичу Адоратскому, причем без повышения прежнего жалованья в 150 руб.⁶⁹ Адоратский, которому было около 40 лет, обремененный семьей, получил только моральную компенсацию, будучи произведен с 31 декабря 1802 г. в чин титулярного советника⁷⁰. Строгматовский по выздоровлении в школу так и не вернулся. До начальства доходили сведения, что он устроился на жительство в деревне к одной помещице, видимо, в качестве домашнего учителя⁷¹.

Вернемся к вопросу о числе лиц, прошедших через учебу в народных училищах трех юго-восточных губерний Европейской России. Предполагая зависимость между средними годовыми данными общего числа учащихся в школах и среднегодового количества заканчивавших учебу, можно данные о выпуске из народных училищ Симбирской губернии за 1786-1799 гг. (1132 чел.) приблизительно экстраполировать и на период до 1802 г. включительно, и на соседние губернии. Было подсчитано, что из школ Симбирской губернии, начиная с 1789 г., при среднегодовой общей численности учеников примерно в 200 чел. уходили в среднем за год около 90 чел. Тогда за три последующие 1800-1802 гг. при средней численности школьников примерно в 220 чел. общее число закончивших обучение составило до 300 чел. Всего из школ Симбирской губернии за 1786-1802 гг. было выпущено около 1425 чел.

Средний годовой контингент учеников в 1789-1802 гг. в народных училищах Уфимской (Оренбургской) губернии составлял около 190 чел. Открыты они были на два года позже симбирских училищ и имели соответственно меньше выпусков. Исходя из этих посылок, общее число лиц, завершивших учебу в народных училищах Уфимской губернии, можно оценить примерно в 1025 чел.

В Саратовском главном народном училище среднегодовой показатель численности школьников составлял приблизительно 120 чел. Тогда выпуск из него за все рассматриваемые годы следует определить в 750 чел. Таким образом, из школ трех соседних губерний вышло за эти годы около 3200 чел.

Рост численности образованных и грамотных людей заставлял власти использовать более широко новые средства воздействия на общество. Прежде всего это касалось печатного слова. Так, в 1794 г. в Саратове открылась типография губернского правления, положившая начало печатному делу в этом городе⁷².

Все больше жителей не могли обойтись без письменного слова и не только по роду занятий или необходимости такой формы общения, но и по душевному настрою. Благодаря им, о жизни, например, того же Саратова и других поволжских городов в конце XVIII – начале XIX вв. рассказывают теперь не только делопроизводственные документы, но и дневники отца и сына Герасима Алексеевича и Николая Герасимовича Скопиных⁷³.

Впрочем сами образованные саратовцы довольно скептически оглядывались на успехи просвещения в родных местах, где все общее светское образование на протяжении конца XVIII – начала XIX вв. представляло единственное на огромную губернию народное училище. «В продолжение 34-летнего своего существования, то есть до открытия гимназии, оно имело слабое влияние на образованность здешнего края, который был еще малолюднен и питал какую-то неприязнь к просвещению», – писали о Саратовском училище уже в XIX веке⁷⁴.

Столь строгую оценку роли молодой русской провинциальной школы следует признать несколько односторонней. Возьмем пример из одной приуральской губернии. В 1792 г. во время публичных испытаний в Пермском главном народном училище тринадцатилетний ученик подал генерал-губернатору А.А. Волкову свою оду, которая тому очень понравилась. Волков обратил внимание, «что сочинитель, такой молодой мальчик, нигде, кроме здешнего училища, не обучался и не воспитывался», но при этом во всех классах «оказывал уди-

вительные в учении успехи»⁷⁵. Так из стен народной школы начался путь в науку и литературу сына небогатого купца Алексея Федоровича Мерзлякова. Он стал впоследствии одним из первых воспитанников Московского университета, получившим ученую степень бакалавра⁷⁶.

Позднее, будучи уже профессором университета, он получил известность как поэт и критик. Среди его учеников были Ф.И. Тютчев и М.Ю. Лермонтов⁷⁷.

То, что начало научного и творческого взлета Мерзлякова пришлось на учебу в народном училище, не было случайностью. Эти учебные заведения подключили к формированию нового для России общественного слоя, связанного синтеллектуальным трудом, талантливых выходцев из провинции. Как в случае с Мерзляковым, свою роль играли два фактора: достаточно высокий уровень преподавания и внимательное отношение к способным ученикам.

Директор астраханских народных училищ Логвинов, по поручению столичного школьного начальства осмотревший в самом начале XIX в. училища Симбирской и Саратовской губерний, нашел уровень подготовки их учеников достаточным для обучения в высшем учебном заведении. Он писал: «Ученики в преподаваемых предметах вообще имеют достаточные сведения и некоторые могли бы поступить в университет для усовершенствования себя в науках»⁷⁸.

Наряду с постоянными награждениями лучших школьников во время публичных экзаменов, с мест шли представления столичному училищному начальству о наиболее выдающихся учениках, подобные донесению Волкова о Мерзлякове. В одной из полугодовых ведомостей оренбургских народных училищ, директор подчеркивал следующее обстоятельство: «Из всех детей в оных училищах обучающихся ученик 3 класса главного училища сын солдата Оренбургской штатной роты Моисея Калеганова Дмитрий Калеганов, 12 лет, особо и всегда поражал и поражает прилежностью к наукам и успехами в оных... Почему я не мог по долгу моему оставить, дабы он того ученика Калеганова не представить особому воззрению Главного училищ правлению»⁷⁹.

В Поволжье яркий пример благотворного влияния новой школы на жителей провинции, находящийся в самой тесной связи с открытием народных училищ, являют литературные опыты и мемуары Ивана Алексеевича Второва. С восьмилетнего возраста находясь на чиновной службе и не имея возможности получить систематического образования, к которому он сильно стремился, мо-

людей Второв долгое время не встречал в провинциальной среде людей, которые могли хотя бы направить его на правильный путь. Как писал он сам, «искал знакомства с людьми учеными, но по несчастью их не было в том кругу, который составлял мое сообщество». Переломным для его умственного и духовного развития стал период с июня 1791 по июль 1793 гг., когда он был переведен из уездной Самары в Симбирское губернское правление регистратором к прокурорским делам⁸⁰.

В Симбирске Второв впервые встретил людей, ответивших на его тягу к просвещению – учителей главного народного училища. В свою очередь, для них Второв являлся редким представителем провинциального общества, искренне уважающим и высоко оценивающим учительский труд. Народные училища оказались не только необходимым элементом образовательной системы, но и катализатором литературно-художественной и научно-популяризаторской жизни в русской провинции, центром притяжения ее интеллектуальных и творческих сил.

На страницах дневника Второва 1792-1793 гг. нарисована картина постепенного рождения из контактов молодых учителей и чиновников того общественного слоя, который в XIX в. станет провинциальной интеллигенцией. Приведем некоторые отрывки из этого дневника, иллюстрирующие данные наблюдения.

В одной из первых записей такого содержания, относящейся к 1792 г. Второв пишет: «...Посетили меня по вчерашнему обещанию дражайшие для меня гости: господа учителя Тихонравов и Вережкин; они сидели у меня до самых сумерек. Умными разговорами и рассуждениями, также чтение некоторых пиес из книжек сумели они сократить время почти неприметно. Рассматривали мои книги и некоторые бездельные искусства. Выхваляя упражнения мои, говорили, что они с удовольствием почитают искать моего дружества»⁸¹.

Появляются новые приятели из той же чиновной среды, например, поэт-любитель С. Иванов: «...Был у Степана Иванова, потом с ним вместе у меня, а после обеда он, зашедши ко мне, взял меня к себе и просидели у него также до ночи. Здесь рассматривал я его сочинения, удивляясь его дарованию. По склонности к стихам, он весьма успел; и очень изрядно их писал. Взявши из таковых его бумаг несколько для рассмотрения, возвратился на квартиру». На следующий день Второв и Иванов «были в училище, где взяли по одной книге для чтения»⁸².

Интерес приятелей к литературе вызывает неоднозначную реакцию у знакомых. Одни смеются: «... Г. Дехтев, коротко еще мне знакомый, или лучше друг, ежели стоил сего названия, насмеялся при многих посторонних, как мы со Степаном Ивановым сочиняем книги и желаем напечатать. В рассуждении других сторонних чувствительна мне сия насмешка с его презрением, означавшим более его невежество». Другие присоединяются к компании молодых любителей наук и словесности: «...Со времени обедни просидел часу до первого у Степана Иванова, который от болезни имел уже облегчение. После обеда был у него вместе с Расторгуевым и веселились чтением»⁸³.

Центром общего притяжения остается главное народное училище: «11 октября. Понедельник. После обеда был в училище, отдал книги и взял другие. Рассуждали здесь с четырехклассными учителями г. Цветковым и Тихонравовым о некоторых вещах до учености и проч. относящихся». Встречи повторяются достаточно часто: «13. Среда. Вечеру был у учителя г. Тихонравова, разговорами и прочим его и г. Цветкова был одолжен»⁸⁴.

На следующий день в четверг 14 октября Второв приглашен на день рождения учителя Веревкина, а в воскресенье 17 октября он идет в театр на оперу «Збитенщик». Учítывая, что и квартиры учителей и помещение театра помещались непосредственно в доме главного народного училища, то чуть ли не ежедневно он появляется в этом здании. Оно тем более привлекательно, что бытовые условия мелкого чиновника не способствуют любимым занятиям: «Науки также с книгами почти оставлены; пусть в сем последнем извинить можно, что квартира, имеющая один покой только для семьи нашей мне препятствует, и будучи окружен людьми, мне мешающими в сем упражнении, поневоле оставляешь... Если бы был у меня особый покой, где никто не мог помешать мне наслаждаться науками как любезно мне охотою». Постоянное присутствие матери и сестры, далеко не разделявших увлечений своего сына и брата, доводило до безобразных сцен. Когда «сестра ... докучала мне идти к обеду, оставя мои книги, которыми меня упрекала», тогда, пишет Второв, он «вспылал гневом, и, не видя ее согласия замолчать, в ярости своей плюнул ей в глаза и с безумным рвением побежал в корпус (присутственных мест – Л.А.)». Донимало и соседство с владельцами дома, где снималась квартира: «Вчерашняя ночь и нынешнее утро был ужасный раздор между мною с семейством и пьяными нашими хозяевами»⁸⁵.

В дневнике отмечены посещения Второвым школьных занятий и экзаменов. Его притягивает деятельность училища как центра зарождающейся художественной жизни провинциального города: «После обеда зашел в училище, смотрел рисование учеников, а оттоль по выходе вместе с учителем г. Цветковым был у него – разговорами с ним о науках ... был весьма доволен»⁸⁶.

Вместе со Степаном Ивановым они пришли 29 декабря на экзамен учеников 1 и 2 классов. На следующий день еще более интересным показался экзамен в 3 классе: «Видел разные камни и руды, азбест и проч. ископаемое царство. И слушал с удовольствием испытание о географии и истории, всемирной и естественной». Радость может принести даже знакомство с учебником, полученным из школьной библиотеки: «Поутру весьма рано вставши с приятностию препроводил утро за чтением грамматики». Не меньшее удовольствие мог доставить полученный от приятеля-учителя журнал «Детское чтение»⁸⁷.

Однако гораздо дороже любых книг для Второва оставалось общение с людьми, за которыми стояла живая интеллектуальная традиция, казавшаяся недоступной в условиях тогдашней провинциальной жизни. Доверительность отношений доходила до того, что он знакомил учителя Веревкина с избранными местами своего дневника, вставлял в него отрывки из дневника нового друга. Вот как Второв описывает впечатление от разговора с Веревкиным: «Мы сидели с ним часу до 8, но что я видел, какие произведения великих умов, какие божественные упражнения, и какими пользовался он наставлениями и открытиями. Все это никогда не истребится из моей памяти»⁸⁸.

Конечно, здесь следует сделать скидку на сентименталистские литературные пристрастия Второва, с молодости пропитавшие не только весь его дневник, но и само его восприятие жизни. Однако за Веревкиным и его коллегами действительно стояла Петербургская учительская семинария, где преподавали выдающиеся русские ученые, тогда адъюнкты, а позднее профессора Академии наук М.Е. Головин (предметы физико-математического цикла), В.Ф. Зуев (естественная история), И.Ф. Гакман (всеобщая история и география), профессор Московского университета Е.Б. Сырейщиков (русский язык и грамматика) и др. Здесь были созданы превосходные научные кабинеты: физический – М.Е. Головиным, зоологический и ботанический – В.Ф. Зуевым, минералогический – академиком И.Г. Георги. Уже в момент своего основания библиотека семинарии

насчитывала 1000 томов. Она постоянно пополнялась, в т.ч. 235 томами великой «Энциклопедии» Д'Аламбера и Дидро, в нее поступали не только российские и но и зарубежные периодические издания на немецком и латинском языках. Сама семинария издавала первый в России студенческий журнал «Растущий виноград», в котором печатались научные и литературные труды как преподавателей, так и самих учащихся⁸⁹.

Не случайно Второв готов был смотреть на своих знакомых учителей как на наставников. Он так обращался на страницах дневника к Веревкину: «Я почитаю вас не приятелем, а моим ментором, которого по священным наставлениям, побуждающим меня к добродетели и учению, я обожать должен»⁹⁰. Занятия приобретают более или менее правильный и регулярный характер.

Второв торопится возместить недостатки образования, друг старается в этом помочь, несмотря на продолжающиеся семейные неурядицы. Однажды приехавшая из Сенгиля знакомая сообщила матери Второва, что тот не принял от тамошнего стряпчего подарок в виде платка: «Какая ужасная пыль была за платок; упреки в женском разуме терзали меня и вырвали столь грубые против родительницы слова, что я был бит... Приходит Андрей Иваныч Тихонравов слышит наш раздор; мне его жалко, он чувствует неудовольствие, выходим с ним вместе – я пришел к нему – а через час от него к Николаю Матвеечу (Веревкину – Л.А.) С занятою головою хотя, однако упражнялись за грамматикой, как у нас было положено по вторникам и пятницам»⁹¹.

Упоминаются в дневнике также занятия Веревкина со Второвым логикой и французским языком. Последний теперь дома читает не русскую грамматику, а французскую, подаренную приятелем⁹². У нас нет столь же подробных сведений о занятиях Веревкина со школьниками, но, думается, что это был настоящий педагог, по профессии и по призванию.

В 1793 г. Второв вернулся в Самару, а в 1794 г. уволился со службы и уехал к родственникам в Тверскую губернию большой чухоткой Веревкин. Однако и через много лет Второв вспоминал одного из первых симбирских учителей: «Я приобрел друга, просвещенного и доброго. Николай Матвеевич Веревкин, он был моим учителем, другом и собеседником, дал мне начальные понятия в словесных науках и даже первое основание к французскому языку. Более года живши с ним вместе, виделись ежедневно, читали, писали и, можно сказать, учились оба, а разлучившись, вели постоянную переписку»⁹³.

Встречи с Веревкиным и другими учителями главного народного училища не прошли бесследно. В Самару вернулся не просто рядовой чиновник, а выделявшийся в местной среде своей образованностью молодой человек. Знакомства с ним как интересным собеседником теперь не чурались даже те, кто стоял гораздо выше него по социальному статусу. Среди таких знакомых были, например, помещики Симбирского и Самарского уездов Дурасовы, Наумовы, Тургеневы, богатейшие предприниматели Мельгуновы и Пашковы. И.П. Тургенев являлся другом Н.И. Новикова, одним из лидеров русского масонства, впоследствии директором Московского университета. Н.А. Дурасов был приятелем известного поэта И.И. Дмитриева, а В.А. Пашков – хозяином знаменитого особняка, выстроенного В.И. Баженовым в Москве. Через этих и других симбирских и самарских знакомых Второву удалось повстречаться почти со всеми знаменитыми русскими писателями конца XVIII – первой половины XIX вв., оставить об этих встречах интересные воспоминания. Да и сам он в 1798-1800 гг. стал первым из жителей Самары, чьи произведения были опубликованы в российских литературных журналах⁹⁴.

Отмеченные положительные стороны как прямого воздействия новой школы, созданной при Екатерине II, на образование молодежи, так и косвенного ее влияния на культурную среду провинции в целом, не закрывали выявившихся недостатков сложившейся системы образования. Возможности реформы, в том виде как ее задумала Екатерина II, оказались ограниченными. Чтобы осознать это, властям и обществу понадобился более чем пятнадцатилетний опыт 1786-1802 гг., накопленный как в России в целом, так и на отдельных ее территориях, включая Приволжье и Заволжье.

§3. ОСМЫСЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ РЕФОРМЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I

В новый век и новое царствование Александра I государственная система народного образования вступила обогащенной наследием просвещенных деяний предшествующего времени. Одновременно она была обременена пришедшими из того же времени нерешенными проблемами, допущенными ошибками, накопившимися конфликтами.

Восшествие на престол Александра I, обещавшего править по заветам великой бабки, укрепило намерения властей повернуться лицом к делу народного просвещения и провести новые преобразования в этой области. Наступало время подведения итогов.

Пока в окружении молодого императора появлялись новые люди и рождались новые планы, губернская администрация и местное школьное начальство продолжали работать по-прежнему. Однако перемены, вначале пока больше формальные, скоро начались. Были восстановлены в 1801 г. административные границы екатерининского времени, и Саранская школа ушла из ведения симбирского Приказа общественного призрения⁹⁵.

В 1802 г. гражданским губернатором и попечителем народных училищ в Симбирске стал князь Сергей Николаевич Хованский⁹⁶. В том же году был заменен саратовский губернатор В.С. Ланской (П.У. Беляковым), но предварительно успел затеять дело с заменой директоров двух соседних губерний: «Симбирский Директор училищ Шестаков и Саратовский г. Острожский, чрез Господина Саратовского Гражданского Губернатора Василья Сергеевича Ланского, препроводили в Комиссию о учреждении Народных училищ просьбы о их перемещении; Комиссия, уважив в просьбах написанные причины, сообщила Господам Губернаторам обеих Губерний, чтоб Шестакова перевести в Саратов, а Острожского в Симбирск, в те же самые должности»⁹⁷. Взаимно согласованный перевод обоих директоров из одной губернии в другую состоялся в марте 1803 г.⁹⁸

Восстановление административных границ и центров екатерининского времени оказало первоначально плохую услугу школам Оренбургской (Уфимской) губернии. Возвращение Приказа общественного призрения из Оренбурга в Уфу, когда та в 1802 г. восстановила губернский статус, «а Главного народного училища оставление в Оренбурге», писали очевидцы, «много также причинило худого училищам». Директор училищ, номинально оставаясь членом Приказа общественного призрения, не мог реально принимать участие в его работе и находиться поблизости губернатора, чтобы использовать для блага школ личные контакты, отчего «училища почти всегда терпели различные недостатки»⁹⁹. Все же неудобства очередных административных перемен носили временный и частный характер.

Примечательным фактом первых дней нового царствования стало возвращение к государственным делам П.И. Завадовского, отправленного Павлом I в 1799 г. фактически в ссылку в свои имения

на Украине. 8 сентября 1802 г. был издан рескрипт о его назначении первым в истории России министром народного просвещения¹⁰⁰.

О своих заслугах на ниве образования новому императору поспешили напомнить деятели екатерининского времени, не получившие достойного, по их мнению, воздаяния. Так, в прошении Ф.И. Янковича де Мириево, «единоверного странника, призванного в благословенную державу», как он сам себя называл, рассказывалось о потере оставленного в Венгрии имения, проданного после смерти матери за долги. Здесь же говорилось об устном обещании Иосифа II и Екатерины II достойно обеспечить его с потомством в случае выезда в Россию, но «смерть их ... прекратила сие благотворительное их намерение». Прошение было составлено в начале сентября 1801 г., когда у 60-летнего Янковича возродилась надежда на то, что вступивший на престол внук исполнит волю своей бабки¹⁰¹.

Несколькими днями раньше, а именно 24 августа 1801 г., императору, «яко Всероссийскому Великому покровителю наук», был подан доклад Комиссии об учреждении народных училищ. К нему прилагался реестр ее изданий и «по одному экземпляру каждой книги и учебных пособий». Александр I принял их «с благоволением» и «соизволил, дабы все оные книги и учебные пособия доставлены были в библиотеку ... в Эрмитаж»¹⁰².

Император фактически включил Комиссию в новую структуру государственного управления, сложившуюся после учреждения 8 сентября 1802 г. министерств. Она стала под именем «Комиссии об училищах» первым действующим подразделением нового Министерства народного просвещения. Она же обеспечивала преемственность деятельности министерства с прежней «Комиссией об учреждении училищ», екатерининской школьной реформы с преобразованиями Александра I. Практически, «можно сказать, что до 1803 г. под именем Министерства продолжала существовать в обновленном составе эта старая Комиссия»¹⁰³.

Впрочем в окружении Александра I звучали и голоса с весьма негативными оценками деятельности Комиссии. Самым резким критиком был бывший воспитатель молодого царя Лагарп. В своих предложениях по развитию просвещения он писал: «В деле народного образования не допустите, государь, повториться тому, что произошло в царствование вашей августейшей бабки, которая была одушевлена прекрасным намерением распространить образование, но которую обманули, устроив наскоро несколько блестящих заведений. Запретите щеголять внешним блеском, возбуждающим

шумные толки в ущерб действительной пользе. Велите разоблачать обман, срывать маски и позлащенный хлам, и да постигнет шарлатанов заслуженное наказание». Резкие оценки, данные Лагарпом Комиссии, были во многом обусловлены его неприязненными личными отношениями с ее председателем Завадовским. Вместе с тем имелись объективные причины для такой критики. Основная – общий недостаток начальных и особенно сельских школ. Однако Лагарп сам подчеркивал, что главным препятствием к их распространению являлась не столько деятельность Комиссии, сколько «крепостное состояние огромной массы населения», а потому «народное просвещение соприкасается здесь с вопросом о крепостном праве»¹⁰⁴.

Сам по себе положительный и отрицательный опыт не породил перемен. Необходима была воля к переоценке пройденного народной школой пути, готовность к поиску новых механизмов развития образования. Такую волю верховная власть России вновь проявила, причем более энергично, чем в предшествующем случае преобразований в области просвещения. Сравним следующие даты, отмечающие протяженность различных этапов разработки образовательных реформ в царствования Екатерины и Александра.

Этапы подготовки реформы	Екатерина II	Александр I
	Начальное событие и дата	Начальное событие и дата
1. Предваряющий реформу	Приход к власти. 28.06.1762 г.	Приход к власти. 12.03.1801 г.
2. Подготовительный в работе органа, ответственного за реформу	Создание Комиссии об учреждении народных училищ. 07.09.1782 г.	Создание Министерства народного просвещения. 08.09.1802 г.
3. Начальный в складывании законодательной базы реформы	Принятие Плана ко установлению народных училищ в Российской Империи. 27.09.1782г.	Принятие Предварительных правил народного просвещения. 24.01.1803 г.
4. Завершающий основное законодательное обеспечение реформы	Принятие Устава народных училищам в Российской Империи 05.08.1786 г.	Принятие Устава учебных заведений подведомственным Университетам 05.11.1804 г.

Таким образом, Екатерина II создала правительственный орган по подготовке школьной реформы спустя 20 с лишним лет после прихода к власти. Первый Устав народных училищ был принят через 24 года с лишним после прихода к власти императрицы и почти после 4 лет работы Комиссии Завадовского. В то же время, Устав

учебных заведений Александра I появился чуть более 3 года и 8 месяцев спустя начала его царствования, когда Министерство народного просвещения под управлением все того Завадовского проработало 2 года и 2 месяца. Само же Министерство и входящая в его состав Комиссия народных училищ появились через полтора года после свержения Павла I.

Конечно, более быстрые темпы разработки реформы в начале XIX в. объясняются и тем, что она проводилась на более подготовленной базе, чем екатерининская. Однако основным отличием в разработке двух реформ было даже не сама по себе разница в сроках и условиях их разработки. Более интересным представляется другое обстоятельство. Образовательная реформа Александра I родилась настолько быстро, что осмысление предыдущего опыта не предвещало ее появления, а происходило параллельно с внедрением новой реформы в практику.

Прежде чем вынести заключение с точки зрения дальней исторической перспективы о сильных и слабых сторонах осуществленной в конце XVIII – начале XIX вв. конструкции системы народного просвещения, следует прислушаться к оценкам современников, которые были вынесены по горячим следам мероприятий екатерининского и павловского царствований. Остановимся прежде всего на тех из них, что непосредственно относились к состоянию школ рассматриваемого региона. Таковыми в первую очередь следует признать записку А.И. Шестакова «Нечто о просвещении в России», поданную в 1803 г., и отчет о состоянии народных училищ Оренбургской губернии адъюнкта Казанского университета И.И. Запольского и магистра П.С. Кондырева, составленный в 1809 г. и содержащий развернутую историческую часть с детальным анализом прош-лого опыта.

Как писали составители отчета, он не повторял их прежние рапорты, в которых было изображено «по большей части настоящее положение народных училищ». Отчет составлялся по следующей программе: «Дабы показать что каково есть, надлежит показать каково оно было. Желая описать настоящее положение училищ, для ясности оного потребно краткое историческое воззрение на прошедшее состояние всех вообще и каждого училища порознь. Почему и предложится сперва о прошедшем, потом о настоящем состоянии народных училищ Оренбургской Губернии»¹⁰⁵.

В отчете сразу был задан критический тон. Правда продуманность планов, разработанных в столице, напрямую не подвергалась

сомнению: «Сколь ни священны были учреждения по сей части верховного правительства, с какою предполагаемого пользою ни сопряжены они были, какие иждивения казны не истощались и какие попечения начальства народного просвещения не были употребляемы, но нельзя сказать, чтобы многие обстоятельства могли споспешествовать всему оному и чтобы в точности постановления все исполнялись»¹⁰⁶. Однако при анализе местных обстоятельств и разборе недостатков в действиях исполнителей на уровне губернии, города, уезда пусть косвенно, но достаточно четко вскрывались слабые стороны самой реформы, ее законодательного и административного обеспечения.

В итоге критика составителей отчета оказалась направленной на ключевые позиции Устава народных училищ 1786 года. Она затрагивала слабые стороны управления школьным делом на местах. К числу этих слабых сторон были отнесены: попечительство губернаторов, передача образовательных учреждений под контроль Приказов общественного призрения, неопределенность положения Комиссии об учреждении народных училищ, принципы назначения директоров и смотрителей народных училищ.

Так, деятельность губернаторов оценивается в сдержанной манере, но с достаточно определенным негативным уклоном. Они не всегда «могли обратить должного особенного внимания» на распространение народного просвещения. Оказывать полноценную поддержку школам губернаторам мешали «заботы о прочих делах государственных, кои почли они за важнейшие пред училищными». Не приходилось ожидать действенной помощи от заседателей Приказов общественного призрения. Членам Приказа мешала некомпетентность и краткосрочность пребывания в этом учреждении. Как сказано в отчете, «Приказ общественного призрения ... не всегда мог, вероятно, похвалиться всеми своими сочленами, чтобы они и при особенном расположении делать по сей части полезное, по ограниченности власти и кратковременному трехгодичному пребыванию присутствующим, в состоянии были усовещать училища и отвращать недостатки»¹⁰⁷.

Деятельность губернаторов как попечителей не удовлетворяла авторов отчета по нескольким позициям: «а) не всегдашним посещением училищ в бытность свою в городах, где сии находятся; б) неподаянием помощи училищам...; с) нестрогим надзором над исполнением всего положенного по Уставу и д) невыбором надлежащих чиновников»¹⁰⁸. Губернаторы, по мнению Запольского

и Кондырева, обременены многочисленными обязанностями и потому не виноваты в забвении школьных дел, а Приказы не готовы взять на себя заботу об учебных заведениях. Напрашивается вывод, что более виноваты те, кто поручил руководителям местной администрации и Приказам, не совсем подобающие им функции.

Хотя по Уставу 1786 г. «все заведенные и впредь заводимые Народные и домашние училища» поступали в ведение «Главного Правительства училищ в Российской Империи, которое состоит непосредственно под ведением Ея Императорского Величества» (§108), но такой орган управления не был создан. В Уставе уже после его подписания появилась приписка, вставленная в печатный текст, что «такое главное управление вверено от Ея Императорского Величества Комиссии, об училищах в Государстве учрежденной», но она не меняла сути дела¹⁰⁹.

Комиссия Завадовского не стала настоящим Главным Правительством училищ, оставаясь органом временным, без точного определения своей структуры, функций, инструментов воздействия на провинциальные училища и местные власти, хотя нельзя и умалять ее заслуг. Комиссии приходилось оплачивать «сочинения, переводы, печатание, гравирование и издание» учебников и пособий «для школ во всей империи», отправлять «учителей по требованию Приказов общественного призрения в отдаленнейшие губернии, не требуя за это от Приказов никакой уплаты». К тому же она сама обеспечивала их необходимыми средствами на переезд к месту службы¹¹⁰.

В отчете Запольского и Кондырева достаточно четко были сформулированы как сильные, так и слабые стороны деятельности Комиссии в отношении провинциальных школ. С одной стороны, все «зависящее от Комиссии об училищах имело надлежащее течение, училища снабжены были всегда учителями и учебные книги имели или должны были иметь хорошее влияние на ум и сердце учащихся». С другой стороны, «многообразие и многочисленность занятий оной Комиссии и чрезмерное отдаление от Оренбургских училищ не могли, кажется, споспешествовать к обращению на сии училища особенного ее внимания, а должны были отчасти и препятствовать с полным желаемым успехом совершаться ее благонамеренным действиям, попечительности и предусмотрению»¹¹¹.

Сам Завадовский вынужден был признать, что изначально плохо были продуманы принципы назначения на ключевую должность директора училищ, ставшую ключевой при отсутствии иных действенных органов управления школьным делом в центре и

на местах. В 1803 г. он писал, что «директоры народных училищ ... определяемы были земским начальством нередко без дальнего вникания к способностям и сведениям, для таковых мест потребным». Завадовский пришел к убеждению о необходимости для улучшения работы школ в провинции «осмотрительного выбора в людях, на которых возлагается сие начальство» и удаления с этой должности тех, которые окажутся «не имеющими потребных сведений»¹¹².

Визитаторы из Казанского университета, за которыми в отличие от Завадовского не было груза ответственности за ошибки предшествующих лет, выражались более откровенно. Они заявляли, что «не можно с похвалою сказать о попечительности во всех отношениях директоров». При этом они опирались как на изученные ими «прежние письменные дела», так и рассказы «учителей, определившихся с начала заведений училищ». Основными недостатками в деятельности директоров назывались, например, такие: «Не велись истории училищ, записные книги, принимаемых в училища учеников, не старались поощрять поведения и занятия чиновников, не пеклись об умножении библиотеки и пр., о целости сего, не осматривали всегда ежегодно в губернии училищ, не вели письменные дела в порядке»¹¹³.

И в данном случае авторы отчета не сводили проблему к отдельным личностям, а критиковали сам принцип назначения директоров генерал-губернаторами, заложенный в Уставе народных училищ. «Вероятно нельзя б было изъятьвть оного (замечания – Л.А.), – писали они, – когда б чиновники сии определялись Комиссиею об училищах ... всегда по единому их достоинству и усердию к пользе общей народного просвещения»¹¹⁴.

Положения с составом директоров народных училищ, судя по отчету, не исправил и указ Правительствующего Сената от 3 июля 1801 г. об ужесточении требований, предъявляемых к знаниям и моральным качествам лиц, которые назначаются на эту должность. В указе признавалось, что «в некоторых местах начальники губерний..., почитая звание сие (директора – Л.А.) как бы установ-ленным в угоду их прихотей, не редко располагали им в пользу людей не только без отличных познаний и нравов, но даже без доброго имяни и безвестного происхождения, в совершенный вред воспитан-никам, в предосуждение достойным людям из Дворян и Губернских чинов и в неизгладимую себе укоризну»¹¹⁵.

Должность директора училищ часто рассматривалась как временная и проходная для чиновников, занималась теми часто по

совместительству: «И так в течении двадцати лет было 8 перемен директоров и правящих должность директора, а именно 5 директоров, и с коих один был два раза, и 2 правящих должность; таковые частые перемены уже одни сами по себе не благоприятствовали устройению училищ. При нынешнем расстройстве училищ некоторые чиновники относились о теперешнем г. Директоре, который найден весьма неисправным, что он есть у них в сравнении с прежними из лучших: из сего уже одного можно заключить; каковы были гг. директора»¹¹⁶.

Справедливости ради отметим, что не все директора были одинаковы и в самой Оренбургской губернии, и ей действительно не везло по сравнению с соседями. Напомним, что в симбирских и саратовских директорах достаточно долгий срок пребывали и настоящие исследователи как Т.Г. Масленицкий, и опытные педагоги как А.И. Шестаков, и лица с европейским университетским образованием как З. Острожский.

По сравнению с попечителями и директорами «смотрители малых народных училищ, кажется, ещё менее могли быть в полном смысле споспешествователями распространения народного просвещения». В Уставе народных училищ не были прямо записаны требования к лицам, занимавшим должность смотрителей. Однако «предполагаемо было, что сограждане в смотрители из среды своей изберут человека, славящегося любовью к воспитанию юношества, образованностию, познаниями и влиянием своим по имуществу и чину на них», чтобы «мог лучше склонять сограждан обучать детей своих и помогать недостаткам училища». К сожалению, «выходило противное», смотрителем часто избирался «из обыкновенных мещан человек нередко без умения читать и писать по-русски, часто из низшего состояния и занятый промышленностию по необходимости для своего пропитания». Особенно составители отчета упирали на примеры по Бузулуку, где училищем управлял то «весьма обыкновенный мясник», то сержант. Риторический вопрос, заданный по этому поводу, «что должен был сколько-нибудь образованный учитель переносить от таких начальников», выдает источник информации и оценки по деятельности бузулукских смотрителей. Представляется очевидным, что составители отчета опирались в данном случае на мнение бузулукского учителя А.С. Адоратского и обобщили полученные от него сведения. Под мясником и сержантом имелись в виду смотрители училища мещанин Иван Чертопрудов (с 1794 до 1795 гг.) и отставной сержант Степан Лубянов (по 1797 г.)

Их затем сменили отставной прапорщик Егор Мерзляков (до 1799 г.) и подпоручик Степан Соболеков (до 1804 г.)¹¹⁷

О двух последних смотрителях, офицерах по чину, Адоратский не высказывался с такой обидой, как о Чертопрудове и Лубянове. Однако все они своим отношением к делу довели училище до такого состояния, что его здание, и без того не относившееся к числу приличных домов, и вовсе пришло в негодность. Схожая с Бузулуком ситуация сложилась и в других городах. Не соответствовало требованиям, предъявляемым к главному народному училищу, школьное здание в Оренбурге. В непригодном помещении находилось Уфимское училище, а Мензелинское было возведено над винным погребом, испарения из которого вызывали гниение его деревянного основания¹¹⁸.

Свою роль в развале училищ сыграло и бездействие губернского Приказа общественного призрения. Вообще авторы отчета были весьма недовольны деятельностью последнего по материальному обеспечению училищ. «При подробном рассматривании состояния училищ недостатки по хозяйственной части обнаружались более и чем давнее часть сия была запущена, тем труднее было поправить оную», прежде всего потому что «Приказ общественного призрения не в надлежащее время ассигновал ... деньги на жалованье чиновникам и на содержание училищ»¹¹⁹.

Материальные недостатки училищ, как считали авторы отчета, создавали не просто отдельные затруднения, а прямо препятствовали «достижению правительством предложенной цели в рассуждении распространения народного просвещения». Во-первых, учителя неурядицы по хозяйственной части мешали «с ревностью продолжать служение и с пользою посвятить себя на образование юношества, часто заводили их в долги, для уплаты коих могли они либо расстраиваться или лишаться доверенности общества». Во-вторых, «ненадлежащее отопление и присмотр училищных домов ... подавали справедливый повод нехождению в класс ученикам, поелику ж в уездных городах многие из них летом заняты полевыми работами, то таковые и не могли посещать училища ни зимою, ни летом». В-третьих, отсутствие ремонта зданий, «из коих некоторые развалились, принуждали училища прерывать ход учения». В-четвертых, «неприращение библиотеки и кабинета естественной истории, незаведение орудий физических и математических, частию также могли препятствовать распространению познаний учащихся и учащих»¹²⁰.

То, что учителя из своего невысокого жалования вынуждены были оплачивать некоторые училищные расходы было правдой. При этом часто речь шла не о мелочных покупках, а о спасении самого училища. В отчете рассказывалось, как «в Бузулуцком училище учителям по неимению в доме квартир отводились обывательские избы, где они должны были жить вместе с хозяевами, а зимою среди пускаемого скота и домашнего хозяйев изделья». В этих условиях «учитель Адоратский, претерпевая сие и видя упадающее училище, построил собственный дом, пожертвовав для сего крайними необходимостями, поместился в нем с училищем». Приказ же так ничего и «не предпринял для построения дома», например, «на старом месте, где был дом училища, который развалился». Помещение для училища по-прежнему располагалось «в собственном доме учителя Адоратского в особом флигеле, состоящем из двух небольших покоев, кои для помещения не удобны». Нужно было «исправить же сей учительский дом с удобностию для помещения училища», но сложилась ситуация, когда учитель для этого «достатку не имеет», а казна средств не дает¹²¹.

Случаи участия разных лиц в обеспечении зданиями учебных заведений время от времени повторялись в других частях страны. Так, главный директор Шкловского благородного училища Зорич после пожара, уничтожившего здание этого училища в 1799 г., разместил его в собственном каменном доме и распорядился пристроить галерею для большего удобства использования в учебных целях¹²².

Однако чаще размещение школ и учителей, обеспечение их необходимым для жизни и работы вызывало серьезные проблемы. Подобные проблемы остро ощущались у саратовских учителей, которым, по свидетельству директора З. Острожского, с момента вступления его в должность в 1788 г. до конца 1790-х гг. не давалось от Приказа общественного призрения и губернатора, вопреки закону, казенных квартир, свечей, дров. Все это приходилось учителям доставать за свой счет, от чего те попали под бремя «великих долгов»¹²³.

Ко всем трудностям труда и быта учителя добавлялись невысокий общественный статус профессии, произвол местных властей: «При таковых случавшихся обстоятельствах могли ли иметь учителя в обществе, как чиновники, приличное уважение, и не удивительно после сего, что некогда городничий в Бузулуке, по нападкам, будто бы за найденное тамошнего учителя в пьяном виде

велел было посадить его в тюрьму; в семействе претерпевая недостатки, частью и от неполучения вовремя жалования, должны были нередко видеть нищету, не имевши сперва офицерских чинов, они не имели голоса и прав офицерских». Это напрямую влияло на моральное состояние учительства: «Учитель хорошего поведения иногда из отчаяния мог делаться худым, с не столь же хорошими наклонностями – имел большое поползновение сделаться таковым»¹²⁴.

Как по изложенным выше объективным, так и по субъективным причинам «не все учителя были добропорядочного поведения и не старались надлежащим образом исполнять своей должности». Свидетельством тому стали исключенные из школьной службы преподаватели¹²⁵.

Даже тем, кто относился к своему труду ответственно, жизненные обстоятельства создавали препятствия к интеллектуальному и профессиональному росту. Авторы отчета с сожалением констатировали, что «недостатки по домашнему хозяйству препятствовали учащим распространять и усовершенствовать свои приобретенные познания»¹²⁶.

Остановившись на обнаруженных слабых местах во взаимодействии власти и просвещения, Запольский и Кондырев довольно кратко говорят об отношении к просвещению провинциального общества. Однако и в этом случае их формулировки выглядят понятными и четкими. Низшие сословия, точнее «весьма немногие» из них, ограничивали свои запросы умением читать и писать, да и в том не испытывали «столь большой надобности». Что касается правящего сословия, то «дворяне удалялись отдавать детей своих в училище»¹²⁷.

Не стоит пренебрегать взглядами, которые бросали современники назад на екатерининское время, только потому, что эти взгляды были высказаны, когда старые учреждения уже подвергались переделке. Пусть их мнения совпадали с предложенными сверху путями новой реформы. Такое совпадение означало только то, что оценки старого опыта зачастую оказывались одинаковыми у императорского окружения, и у образованного провинциала, а значит действительно отражали определенную общественно значимую позицию.

К тому же недостатки, имевшие место в ходе екатерининской реформы, для визитаторов не были преданьем старины и предметом исторического интереса. Эти недостатки продолжали жить, поскольку еще существовали сами народные училища, действовавшие по Уставу 1786 года. Их преобразование и перевод на новый

Устав учебных заведений к 1809 году, когда был составлен отчет Запольского и Кондырева, не были закончены полностью, на что указывают и дореволюционные, и современные авторы¹²⁸.

Еще более любопытны взгляды тех, кто, по сути, возражал против заданной из Петербурга в 1802-1803 гг. линии подготовки и проведения реформы. Подобные мнения имели также распространение как в провинциальной, так и в столичной среде, а значит потенциально тоже могли рассчитывать на воплощение со временем в практику.

Подробное толкование этих наблюдений, свойственных и другим современникам, можно найти в записке А.И. Шестакова 1803 года. Автор требует «сильного и деятельнейшего ... внимания особенно на Дворянство: ибо знание изящных наук, для выгод государственных, нужно сему классу людей паче, нежели прочим состояниям; и кажется, чтоб достигнуть всеобщего просвещения России надобно начать со всеобщего просвещения Дворянства, которое при всех усилиях своих и поныне к тому не имеет достаточных способов». Без специальных мер общеобразовательные школы для дворянства «не больше будут полезны как прежняя Казанская гимназия, бывшая в ведении Московского Университета, и потом уничтоженная, или как главные по всем губерниям народные училища; – и в них тоже положено учить изящным наукам; – перемена названия вещи не переменит»¹²⁹.

Первым средством привлечения дворянства в публичные школы должно стать устройство при них пансионов, но не за счет индивидуальной платы: «Чтоб достигнуть настоящей цели, надобно при учреждении сих заведений положить за неперменное, чтоб обучающееся в них Дворянское юношество, без различия чинов или богатства родителей, содержалось на казенном иждивении»¹³⁰.

Другим средством должен был стать обязательный, а не добровольно определяемый срок обучения. Иначе просвещение «также не достигнет своего совершенства». Шестаков обращает внимание на то, что «дворянское юношество наше, даже разночинцы, всемерно спешат, чтоб не опоздать в службу; не от излишней к ней ревности, а дабы скорее получать только чины; эта причина, подкрепляемая взаимными примерами даже и самых благоразумных родителей, как бы насильно заставляет при самом почти начале прекращать учение детей своих...; мальчик пятнадцати или шестнадцати лет только что может сделать вступление в важные и для служб государственных нужные познания; но у нас стыдно, чтоб

в сем возрасте Дворянину не быть офицером и не обращаться уже в большом свете». Таким образом, если на обучение дворянства «не положить урочного времени», то учебные заведения «всегда будут наполнены одними малолетними, начинающими только и тотчас прекращающими свое учение»¹³¹.

Хорошо организованная и привлекательная для дворян публичная школа, по мысли Шестакова, должна составить конкуренцию домашним воспитателям и учителям. Он не возражает, чтобы богатые дворяне давали маленьким детям «в облегчение гимназий» первоначальное образование дома, «но с крайнею осторожностью ничему больше, как языкам, дабы какой-нибудь иностранный бродяга не испортил детского понятия»¹³².

Настаивая на раннем предваряющем основное образование изучении иностранных языков как дома, так и в школе, Шестаков, видимо, исходил и из своего опыта. Как свидетельствуют документы, во время обучения в Учительской гимназии сам Шестаков «ходил в Немецкий класс». Однако позднее он признавался, что никакими иностранными языками не овладел, кроме латинского, который изучил еще в Казанской духовной семинарии¹³³.

В записке есть предложения, которые выглядят привлекательными для любого учебного заведения безотносительно его сословной направленности. На реальность они накладываются по принципу от противного. То, чего желает видеть Шестаков, в ходе екатерининской школьной реформы так и не появилось.

Для привлечения детей в школы, считал Шестаков, надо строить такие здания, которые отличались бы архитектурой и внутренним удобством, достойные обучения юношества России – «славного в свете государства». Места для них должны подбираться специально и быть «для свежести воздуха на открытом месте, для забав, укрепляющих силы телесные, довольно обширные; для избежания развлечений и соблазнов, отделены от жительства, но не слишком в дальном от города расстоянии; и нужно стараться, чтоб при них были сады или рощи»¹³⁴.

Расходы на школы следует при этом увеличить, а предварительно повысить доходы Приказов общественного призрения. Шестаков так же, как Запольский и Кондырев в своем отчете, выражал недовольство хозяйственным управлением училищ со стороны Приказов общественного призрения, а также подчеркивал слабое внимание к школам со стороны губернаторов. «Недостаток усердия Приказов вникнуть во все подробности» не исправлялся ни

губернаторами, которые и без того слишком «многими делами озабочены»¹³⁵, ни даже более высоким начальством. В инструкции сенаторам для ревизии Саратовской губернии в 1802 г. говорилось, что «особенное внимание» ревизоров обращалось на «Приказ общественного призрения, количество его капиталов, их употребление, состояние всех его заведений, как то, училищ, госпиталей и прочих»¹³⁶. Однако существенных улучшений деятельности Приказа и подведомственных ему учреждений не произошло.

Особого внимания, по мысли Шестакова, заслуживает подготовка хороших учителей. Также он настаивает на повышении социального статуса учителя: «Учитель, не только учащимися, но и публикою должен быть принимаем как первоначальная причина блага людей; должность его, есть не последняя Государственная обязанность; то, дабы возвысить цену наук, и достоинство учащихся, надлежало бы препоручить ее, не только способностями но и родом, людям отличным... Но одни слова не произведут скоро такого самолюбия; тут не надобно щадить ни денег, ни почестей. Как звания сего есть цель важнейшая, и оно само по себе, разумеется во всей силе слова, претрудное; то и выгоды от него должны быть не только равны тем, кои в других службах получаются, но и превосходили бы их»¹³⁷.

Во второй редакции своей записки Шестаков специально оговаривает необходимость улучшения жилищных условий учителей, поскольку «в помещении надобно им доставить всякое спокойствие и одного от другого независимость; в противном случае заведутся непримиримые и стыд делающие ученому месту раздоры, а паче между семейными». Здесь Шестаков ссылается на собственный директорский опыт, испытав «на себе всю тягость разбирать беспрестанные споры учителей, мирить их и никогда в том не успевать»¹³⁸.

Не излагая в подробностях всю записку Шестакова, подчеркнем одно важное обстоятельство. Опытный педагог, попович по происхождению, чиновник невысокого ранга титулярного советника настаивает, как ни кажется это странным на первый взгляд, на усилении сословного начала в образовании. Он выступает за привлечение в средние общеобразовательные, а затем в высшие учебные заведения преимущественно дворян, за улучшение качества обучения прежде всего выходцев из благородного сословия. Шестаков считает необходимым ограничить доступ к среднему и высшему образованию, к чиновной, военной, даже научной карьере

разночинцам. Для них он предназначает в основном начальную школу, будучи готов и специальное образование, например, медицинское переложить на дворян. Повышение общественного значения учительства также ставило главной целью привлечение к педагогической деятельности представителей дворянства¹³⁹. Шестаков надеялся опровергнуть господствующее в обществе мнение, «что в учительской должности не можно приобрести никакой степени приличной дворянину»¹⁴⁰.

Ограничение сословным цензом возможности достижения более высокого уровня образованности не означает, согласно записки, полного запрета такой возможности. Опыт XVIII века не прошел бесследно. Хотя, по мнению Шестакова, для недворян «довольно и одних уездных училищ..., однако же и в Гимназиях и Университетах не возбранят учиться всякому, кроме крестьян, но только своекоштно, и не ограничивая урочным временем». Но и городскую начальную школу он призывает по возможности заключить в узкие сословные рамки и обучать в ней преимущественно сыновей тех офицеров и гражданских чиновников, кто не выслужил себе прав потомственного дворянина. Шестаков утверждает, что «самое человеколюбивое, и для Государства было бы преполозное дело, ежели бы Приказы общественного призрения взяли на себя воспитывать при уездных училищах, в Губернских городах, или смотря по способности, и в уездных, подьяческих и офицерских детей, не имеющих права на Дворянство; где бы они, обучаясь также урочные годы, приобретали больше всего искусство в чистом и правильном письме, и что касается до приказного порядка». Подобное назначение уездных училищ «доставляло бы для всех присутственных мест хороших приказных, а излишние поступали бы в военную службу»¹⁴¹.

Для большинства населения оставались, по мысли Шестакова, элементарные приходские школы без профессиональных учителей, вместо которых занятия бы вели священники и церковнослужители: «Благочестивая мысль об учреждении приходских училищ зависит только от усовершенствования Духовных». Вместе с тем сам Шестаков признавал, что «семинарии есть везде и давно уже; однако же (ученым – Л.А.) Духовенством похвалиться еще не можем»¹⁴². В таких условиях распространение приходских училищ означало бы возвращение к традиционным способам обучения «мастеров грамоты» и отказ от преимуществ новой школы и современного «способа учения».

Все эти мысли звучали в самую либеральную эпоху начала александровского царствования. Они заставляют задуматься об источниках будущего усиления консервативных настроений у самого царя и в его окружении, в том числе в области образования. Встает вопрос, не является ли излишне односторонним распространенное мнение о том, что охранительные идеи насаждались в первой половине XIX века исключительно сверху.

Во всяком случае к своим выводам Шестаков, конечно, пришел не под влиянием, а вопреки тогдашней правительственной политике в области просвещения. В его записке преломились и были осмыслены настроения значительной части провинциального общества, в том числе его непривилегированных слоев. Как пояснял сам Шестаков, его записка представляла собой «слабый оттенок моих мыслей, ... почерпнутый мною из опытов национального характера, надобностей служб и суждений людей благонамеренных». В другом письме он уточнял, что «предлагаемые мысли почерпал я из свойства нашего дворянства и прочих состояний, утверждаясь на опытах, чрез семнадцать лет мною дознанных, которое время имел я счастье быть главного народного училища учителем и, наконец, директором»¹⁴³.

Не думается, что Шестаков кривил душой и был движим корыстью при составлении своей записки. Для таких предположений нет серьезных оснований. Правда, в письме графу А.А. Мантейфелю Шестаков представляет свою записку в обоснование своей просьбы оставить его в должности директора народных училищ¹⁴⁴. Однако этой цели он скорее бы достиг выражением полного согласия с официальной позицией правительства по школьному делу, носившей в начале правления Александра I достаточно либеральный характер, а не предложениями по ее изменению.

Не движет Шестаковым и корпоративная солидарность. Саратовский директор специально подчеркивает, что он «не дворянин, нельзя подозревать тут в пристрастии» его к благородному сословию, а руководствуется он «единым чистым желанием блага своему Отечеству»¹⁴⁵.

Несомненно Шестаков исходил из интересов «успешнейшего в России просвещения»¹⁴⁶ в широком смысле этого слова, но в собственном понимании. Ход его рассуждений понятен. Пока необразованным остается значительная часть дворянства – господствующего сословия, пока роли учащихся и учащихся ему кажутся непривлекательными, пока сама общеобразовательная школа не вызывает симпатии лиц благородного происхождения, до

тех пор в России идеи просвещения не смогут в полной мере расширять свое влияние и приводиться в действие. Долгий опыт учительской службы настраивал саратовского директора на критический лад по отношению к существующим народным училищам. Его, видимо, разочаровало отсутствие пользы и необходимости проводить через полный курс обучения солдатских детей, дворовых людей, представителей прочих социальных групп, составлявших подавляющее большинство учеников и не имевших за редким исключением перспективы приложить полученные знания на ответственных государственных службах или развить эти знания в учебных заведениях более высокого уровня.

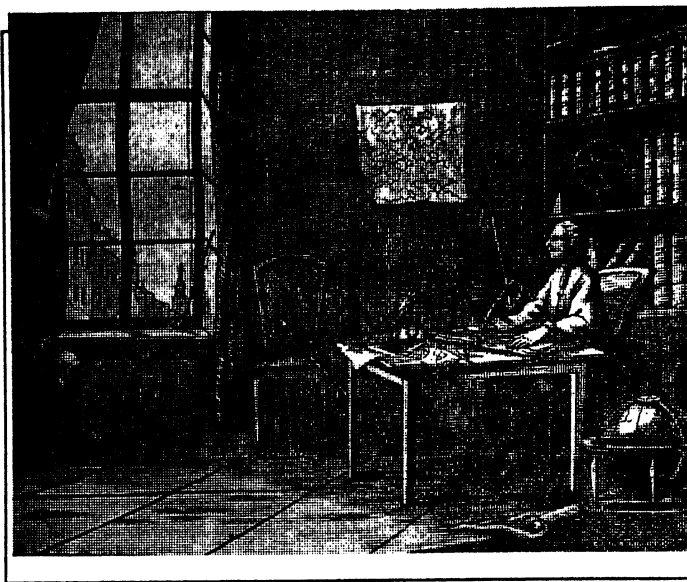
В рассуждения Шестакова вкрались ошибки, поскольку он исходил из распространенного представления о преимущественно утилитарной ценности образования и предположения о неизбежности строя русской жизни, сложившегося к рубежу XVIII-XIX вв. В результате представитель зарождающейся разночинной интеллигенции создал педагогическую утопию самого консервативного плана. Эта утопия была определенной реакцией на неудачи в ходе осуществления образовательной реформы Екатерины II. Неудачи эти, в свою очередь, говорили о том, что русская самодержица также строила утопию, но весьма либеральную, полагая возможным создать одну из самых современных и модернизированных систем образования мира, игнорируя крепостной и абсолютистский характер России того времени. И вот вместо высокой, хотя малореальной мечты с помощью просвещения изменить к лучшему все общество была предложена вполне в духе «века просвещения», который недаром именуют также «веком разума», с виду рациональная мысль изменить школу в подражание существующему обществу, не предусматривавшая вероятности каких-либо социальных преобразований.

Несомненно в обозначенном споре права оказалась Екатерина, которая при некотором идеализме все же вывела со своими сподвижниками российское просвещение на магистральную дорогу будущих, пусть и отдаленных успехов. Из ее утопии выросли настоящие плоды. Однако на начальном этапе введения массового школьного образования не все русское общество ответило императрице и ее потомству верноподданной благодарностью, сопряженной с принятием стратегических целей «просвещенного абсолютизма», будь то осмысленно или просто по привычке к подчинению. Часть общества все же не признала правильность этой стратегии, хотя и по разным побуждениям.

Странная коллизия русской мысли и реальности. С одной стороны, среди аристократов зрели идеи вольнодумцев и радикальные действия будущих декабристов. С другой стороны, от провинциальных разночинцев зазвучали призывы не торопить перемены, к которым страна не была готова, а в области образования вернуться на путь школьного строительства по сословному признаку.

На первый взгляд Запольский и Кондырев, с одной стороны, а Шестаков, с другой, говорили по-разному о и о разных вещах, прямо не противореча друг другу. Отчет сотрудников Казанского университета был посвящен совершенствованию школьного дела в целом и лишь в короткой фразе затрагивал сословные аспекты образования. Записка же директора саратовских училищ смотрелась больше трактатом на социальную тему нежели многосторонним рассмотрением системы народного образования как таковой. Однако первое впечатление о полной разноплановости содержания отчета визитаторов и записки Шестакова обманчиво. Историческая перспектива показала, что речь шла о двух принципиальных подходах к развитию общеобразовательной школы, реально сложившихся в русской общественной мысли и реализованных в разное время верховной властью.

Предложения Запольского и Кондырева шли в русле законодательных актов и правительственных мероприятий 1803-1804 гг., реформ Александра I, напрямую продолжавших и развивавших либеральную линию образовательной политики его великой бабки. Мысли же Шестакова за четверть века вперед предвосхитили идеи школьного Устава 1828 года, определившего укрепление сословного фактора в просвещении, что стало характерным для царствования Николая I. Обе эти возможности развития были изначально заложены в учебных заведениях и видах обучения, сосуществовавших в России на рубеже XVIII-XIX вв. Преобладающее воплощение каждой из них в дальнейшем обуславливалось как общим ходом социально-политического развития страны, так и эффективностью самого школьного дела, а также зависело от отношения властей и различных групп российского общества, включая провинциальное, к народному просвещению, его целям, методам, результатам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди отечественного вклада в мировую культуру бесспорной ценностью признаются достижения нашей науки и образования во второй половине XIX – XX вв. Однако они были бы невозможны без опыта народного просвещения, накопленного еще в дореформенной России в ходе школьной реформы Екатерины II, продолженной преобразованиями в этой области при ее внуках, Александре I и Николае I.

До проведения этой реформы для большинства россиян, особенно провинциальных жителей, были доступны только традиционные формы обучения у «мастеров грамоты», пришедшие из средневековья. В первой половине XVIII в. произошло создание сначала светских профессиональных школ, а затем и закрытых сословных учебных заведений. 1750-е годы отмечены появлением Московского университета и подведомственных ему общеобразовательных гимназий в древней столице и Казани. Домашнее образование в дворянских семьях дополняется изучением ряда новых предметов математического и историко-географического характера, но особенно иностранных языков.

На обитателей городов, а тем более сел Приволжья и Заволжья новые образовательные учреждения и подходы оказали почти незаметное воздействие. Исключением являлись некоторые представители местного дворянства, стараниями родителей получившие возможность, подобно Г.Р. Державину, получить знания в частных пансионах, гимназиях и других светских учебных заведениях.

Оказались безуспешными первые попытки устройства в поволжских городах казенных и сословных училищ. Весьма непродолжительным оказались сроки деятельности цифирной школы в Симбирске, школ при Оренбургской комиссии в Самаре, духовной семинарии в Саратове, не получивших должной поддержки властей и не встретивших настоятельной потребности населения в своем существовании.

Более удачным был опыт учебных заведений для военного и служилого населения края, а именно для детей крещеных калмыков, армейских нижних чинов и приказных служителей в Ставрополе, Симбирске, Саратове, Оренбурге. Однако влияние этих заведений на другие сословия, составлявшие основную массу здешних жителей было слишком слабым, чтобы сказаться на состоянии образованности в регионе. К тому же общий недостаток всех типов школ, появившихся в первой половине и середине XVIII в., состоял в том, что они оставались в рамках старых традиций организации учебного процесса и методики преподавания, которые уже сами по себе не могли обеспечить массовый характер обучения. Кроме того, эти учебные заведения не были связаны друг с другом программами, не обладали преемственностью.

К середине 1770-х гг. обозначился переход правительства Екатерины II от политики спонтанного развития отдельных учебных заведений преимущественно в утилитарных целях государства или в интересах привилегированных сословий к политике создания массовой начальной и средней школы, в том числе в провинции. Однако некоторое время императрица пребывала в растерянности относительно дальнейшего развития школьного дела. Решительные действия были ею предприняты после знакомства в начале 1780-х гг. с опытом школьной реформы в Австрийской империи. Предварительно вопрос обсуждался с деятелями этой реформы, австрийским императором Иосифом II и сербским педагогом Ф.И. Янковичем де Мириево, представителями университетской и академической науки России, прежде всего Ф.У. Эпинусом, а также с западноевропейскими корреспондентами.

После ряда подготовительных мероприятий и опытов 5 августа 1786 г. был высочайше подтвержден «Устав народным училищам в Российской империи». С этого момента школьная реформа перекинулась из Петербурга в провинцию, подтверждением чему стало открытие 22 сентября главных народных училищ в большинстве губернских центров, в т.ч. Симбирске и Саратове. Первые малые народные училища средневолжско-южноуральского региона начали работу 28 июня 1787 г. в уездных городах Симбирской губернии: Алатыре, Тагае (переведено в Карсун 12 июня 1790 г.), Сызрани и Ставрополе (переведено в Самару 19 декабря 1790 г.). В 1788-1789 гг. появились малые и главное народные училища в четырех городах Уфимской губернии: Уфе, Оренбурге, Мензелинске, Челябинске (переведено в Бузулук 28 июня 1794 г.). Саратовское главное народное училище оставалось до начала XIX в. единственным во всей губернии.

Открытие школ в поволжских городах обставлялось с достаточной торжественностью, что должно было стимулировать интерес населения провинции к образованию. Поддерживать общественное внимание к школьному делу были призваны публичные испытания, завершающие по Уставу народных училищ каждое учебное полугодие.

Народные училища, открывавшиеся в русской провинции, являли не просто очередной новый вариант училища, а рождали государственную систему народного образования. Во-первых, они выстраивались в вертикаль школ разного уровня с преемственностью между ними самими и университетским высшим образованием. Данный момент очевиден и постоянно подчеркивается исследователями. Но есть и другое обстоятельство, на что меньше обращалось внимание в литературе. Эти общеобразовательные школы подстраивали под себя и свои принципы те учебные заведения, которые продолжали существовать независимо и параллельно, давали последним обязательный образец или, говоря современным языком, стандарт, от которого можно было отходить в интересах сословных групп и государственных ведомств, но который нельзя было нарушать. Создавалась совместимость учебных заведений по горизонтали, воспользоваться которой для перехода из одного в другое в силу сословного строя общества было, конечно, трудно, но возможно.

Государственное значение новых общеобразовательных школ, их общедоступность, преподавание на родном живом языке, а также

светский характер подчеркивались их официальным наименованием «народными училищами». Это название явилось в терминологии XVIII века наиболее адекватной передачей смысла немецкого слова «Nationalschule», заимствованного из Австрии вместе с основными принципами школьной реформы. Определение «народное» как калька «национального» как раз передавало основные отличия новой школы от всех видов уже существовавших учебных заведений: 1) «государственная», «казенная»; 2) «общенародная», «все-народная»; 3) «русская», «не-церковнославянская».

Массовость народных училищ обеспечивалась, во-первых, их всесословным комплектованием, бесплатностью образования, совместным обучением разных полов, а, во-вторых, внедрением самой современной методики. Провозглашенный в документах екатерининской реформы обязательным «способ учения» был заимствован из передовой педагогической Саганской системы, распространенной в Австрийской империи, Силезии и различных немецких землях.

Новая русская общеобразовательная школа отличалась от традиционных форм обучения не только набором предметов, но и возможностью одновременного, более быстрого и качественного обучения больших групп учеников на основе впервые внедренной в русскую педагогическую практику классно-урочной системы. Это потребовало дополнительных усилий и расходов со стороны государства на подготовку профессионального учительства, создание единых и доступных учебников, руководств, пособий, которые выпускались необычайно высокими для своего времени тиражами, необходимыми для массовой школы. «Способ учения» успешно распространялся в специальных ведомственных и в закрытых сословных учебных заведениях, внедрялся в практику домашнего обучения и частных пансионов. На программу, учебники, методику народных училищ переходили такие непохожие образовательные учреждения, как Смольный институт и калмыцкая школа в Ставрополе, столичные кадетские корпуса и гарнизонная солдатская школа в Симбирске.

Светский характер школы не означал отказа от религиозно-нравственного воспитания. Участие церкви и отдельных представителей духовенства в деле распространения образования проявлялось в конце XVIII в. по нескольким направлениям: обучение детей собственного сословия и содержание духовных учебных заведений; предоставление сыновей священников и церковно-

служителей, учащихся духовных семинарий для подготовки учителей народных училищ; освящение и пропаганда просветительских начинаний светской власти во время торжественных актов, например, открытия училищ. Однако не предусматривалось привлечение собственно священно и церковнослужителей в качестве преподавателей народных училищ даже при обучении основам религии. Катехизис, священную историю и подобные предметы вели светские учителя, учебники по этим предметам подготовили также светские авторы.

Хозяйственные дела и содержание училищ возлагались на губернаторов и подведомственные им Приказы общественного призрения. Приказы, кроме школ, ведали больницами, аптеками, богадельнями, сиротскими домами и были крайне ограничены в средствах на материальное обеспечение всех общественных нужд одновременно. Тем не менее, Екатерина II выражала надежду, что местные власти сумеют обеспечить содержание училищ «без отягощения казны» и без ущерба «для других полезных заведений». В тех случаях, когда опытные высшие администраторы, такие как симбирский и уфимский генерал-губернатор О.И. Игельстром, добивались в этих трудных условиях успехов в развитии образования, они предпочитали обставлять их как проявление активности общества в лице территориальных и сословных корпораций. Императрице было более приятно слышать не столько об усилиях властей в школьном строительстве, сколько об общем энтузиазме и благодарности в ответ на ее меры по распространению просвещения в губерниях и уездах России.

На самом деле отношение общества к школе не было столь однозначно положительным. Это отношение проявлялось в конце XVIII в. прежде всего в вопросах комплектования контингента учащихся, обеспечения материальной поддержки училищ и управления ими.

С 1787 по 1800 гг. число учебных заведений ведения Комиссии об учреждении народных училищ в России выросло со 165 до 315, учителей с 394 чел. до 790 чел., учащихся с 11158 чел. до 19915 чел. Сам по себе этот рост был не очень значителен. За эти 14 лет не произошло даже удвоения всех чисел. Еще менее он будет заметен, если мы возьмем данные по территории Империи в границах того же 1787 года, без учета территориальных приобретений на западе в 1790-е гг. По нашим подсчетам, в старых границах в 1800 г. насчитывалось только 280 школ, 700 учителей, 17656 учащихся.

Однако и такие числа были в основном достигнуты за счет распространения действия реформы на губернии, вошедшие в ее орбиту в 1789 и последующие годы.

Если сравнить данные ровно за десятилетие с 1790 года, когда включение в школьную реформу всех губерний и областей России завершилось, со сведениями, полученными в 1799 году, то впечатление какого-либо существенного развития системы образования исчезает. Количество главных и малых народных школ выросло с 231 до 237 (на 3%), домашних школ и частных пансионов – с 38 до 44 (на 16%), всех учебных заведений под ведением и контролем Комиссии об учреждении училищ – с 269 до 281 (на 4%). Число учителей в народных училищах увеличилось с 511 чел. до 541 чел. (на 6%), в домашних школах и пансионах – со 118 до 180 (на 53%), всех школьных преподавателей с 629 до 721 (на 15%). Численность школьников во всех этих учебных заведениях возросла с 16525 чел. до 17598 чел. (на 6%), в т.ч. в народных училищах – с 15354 чел. до 16522 чел. (на 8%), а в пансионах и домашних училищах даже уменьшилась с 1171 чел. до 1076 чел.

На Средней Волге и Приуралье изменения за 1790-е гг. выглядели даже чуть хуже общероссийской ситуации. В Саратовской и Уфимской (Оренбургской) губерниях осталось прежнее число народных училищ (1 – в первой, 4 – во второй). Практически не изменилось в них количество учителей. В Саратовской губернии всегда работали 4 учителя, а в Уфимской (Оренбургской) их было 10 чел. в 1790 г. и 9 чел. в 1799 г. Зато численность учащихся очевидно сократилась: в Саратовской губернии – со 141 чел. до 123 чел. (на 13%), в Уфимской (Оренбургской) – с 329 чел. до 175 чел. (на 45%, почти вдвое). Наоборот, в Симбирской губернии наблюдался рост количества учащихся за эти же годы со 144 чел. до 200 чел. (на 44%), но при уменьшении числа народных училищ (с 5 до 3, а затем и до 2) и учителей (с 8 чел. до 6 чел.)

Общие количественные показатели школьного дела свидетельствуют, что уже к началу 1790-х гг. потенциал его развития в рамках екатерининской реформы был исчерпан. Ни общество, ни власть не проявляли заинтересованности в дальнейшем расширении и углублении государственной системы общего образования, не выделяли на это развитие дополнительные материальные ресурсы.

Более благоприятным для просветительской деятельности показателем, чем малое количество учащихся, был исключительно разнообразный в социальном плане состав школьников. Он свиде-

тельствовавал об интересе к образованию во всех слоях русского общества. Преобладали среди школьников выходцы из непривилегированных сословий, составлявшие, как правило, от двух третей до трех четвертей и более от общего контингента учащихся народных училищ городов волжского Правобережья и Заволжья. Так, среди всех закончивших учение в народных училищах Симбирской губернии в 1789-1799 гг. крепостные дворовые люди вместе с вольноотпущенниками и государственными крестьянами составляли 43%, дети солдат и других нижних чинов армии, казаков, пушкарей и проч. – 17,1%, дети купцов, мещан и цехов – 13,1%, сироты-воспитанники Приказа общественного призрения вместе с незаконнорожденными – 2,1%. Выходцев из привилегированных сословий было меньше. Детей дворян, офицеров, чиновников, духовенства среди школьников, выпущенных из симбирских училищ, насчитывалось 24%.

Несмотря на практически полное отсутствие народных училищ в сельской местности, даже в городах зависимое крепостное население составляло самую большую по численности группу среди контингента их учащихся. В этой связи предположение, выдвинутое образованными и компетентными современниками, вроде И.Н. Болтина, о желании Екатерины II сделать школьную реформу шагом к подготовке отмены крепостного права не выглядит необоснованным.

Если реальная всесословность народных училищ может расцениваться как положительный фактор развития образования в целом, то восхищавшая некоторых советских историков «демократичность» их социального состава, понимаемая как преобладание детей дворовых, крестьян и солдат, была опасна для общеобразовательной школы в российском городе. Низкая заинтересованность в ней дворянства, офицерства, чиновничества, купечества и мещанства, то есть сословий составлявших опору органов местного управления и самоуправления, грозила лишить школу всякой административной и общественной поддержки. Вместе с оттоком привилегированных и городских сословий из школы таяли надежды властей на увеличение расходов на образование за счет корпоративной и личной благотворительности.

Доля детей дворян, офицеров и чиновников в училищах Симбирской губернии за 1787-1796 гг. снизилась с 30,7% до 18,5%. В Симбирском главном народном училище в 1799-1802 гг. эта доля составляла в разные полугодия от 26,2% до 30,3%, в Алатырском

малом училище – от 18,5% до 22,9% В Саратовском главном народном училище за 1787-1802 гг. доля детей дворян, офицеров и чиновников колебалась в промежутке от 8,7% до 30,5%.

В 1787 г. дети купцов, мещан и цехов составляли 32,7% учеников симбирских училищ, а в 1789 г. – только 12,2%. С тех пор доля школьников из городских сословий практически не менялась. Лишь в отдельные годы на рубеже XVIII-XIX вв. она повышалась в Симбирском главном училище до 20,1% (1802 г.), а в малом Алатырском – до 29,2% (1801 г.)

В Саратовском главном народном училище в 1787-1788 гг. доля выходцев из городских сословий среди школьников упала с 10,2% до 3,8%. В 1799 г. эта доля выросла до 49,1%, но к 1802 г. вновь снизилась до 16,1%. В разных городах Оренбургской губернии на рубеже XVIII-XIX вв. доля учащихся из детей купцов и мещан варьировалась от 18,2% в Оренбурге до полного их отсутствия в Бузулуке.

Важной проблемой являлось не только то, насколько был распространен интерес к школьному образованию в различных общественных группах, но и какова была глубина такого интереса. Проявлением недостаточной заинтересованности в народных училищах служит частое завершение обучения до окончания полного курса. По данным Симбирской губернии около половины учащихся всех народных училищ заканчивали обучение вторым классом, включая не прошедших полностью все предметы этого класса. Первым классом завершила учебу треть учащихся. В 3 и 4 классах училось до 15% школьников.

В исторической литературе XIX – начала XX вв. сложилось мнение о том, что численность старшеклассников в главных народных училищах или детей, прошедших полностью курс малого народного училища, была низкой из-за преобладания в школах представителей низших сословий. Такое заключение не находит подтверждения в источниках. Сыновья дворян и чиновников, особенно мелких канцеляристов, так же не в полной мере использовали возможности, предоставляемые народными училищами для получения образования, как и выходцы из непривилегированных сословий.

Таким образом, как по общероссийским данным, так и на основе детального анализа источников по юго-восточным губерниям Европейской России очевидными недостатками в развитии народного просвещения, которые могли быть оценены коли-

чественно, следует признать следующие. Медленно шел рост числа как училищ, так и учащихся по России в целом и происходило даже сокращение численности того и другого в разных регионах, особенно в самом начале царствования Павла I. Низкой была доля выходцев из ведущих сословий русского провинциального общества среди учеников общеобразовательных школ. Школьники и их родители проявляли невысокую заинтересованность в получении максимально возможного по объему образования в народных училищах.

Причины, которые привели к этим недостаткам, указывают на проблемы, существовавшие в отношении к народному просвещению и властей, и общества. Некоторое факторы, отрицательно сказывавшиеся на развитие системы образования, были вызваны неудачными действиями или бездеятельностью верховной и местной власти. Среди них следует отметить фактическое самоустранение государства от вопросов создания сельских школ, оставшуюся несогласованность программ главных народных училищ с университетским образованием, а также отсутствие постоянного центрального органа управления делом народного образования в масштабах страны и специальных учреждений такого управления на местах. Обязанности попечителей над училищами возлагались на перегруженных многочисленными функциями губернаторов. Директора народных училищ назначались генерал-губернаторами весьма произвольно, в т.ч. из лиц, не компетентных в деле образования, часто на временной основе или по совмещению с другими видами службы. Должности смотрителей малых народных училищ занимали случайные представители местной администрации или городских общин. Удачные назначения, например, Масленицкого в Симбирске на директорскую должность или Касимовцева смотрителем малого училища в Саранске, были больше приятным исключением из негативного по сути правила.

К числу самых заметных слабых сторон реформы относилась непродуманность вопросов финансирования народных училищ. Оно осуществлялось не прямо из казны, а из доходов губернских Приказов общественного призрения, заведомо недостаточных для содержания школ хотя бы в большинстве городов губернии. Особенно страдали те стороны школьной жизни, что требовали больших затрат. Не выделялись средства на постройку и покупку специальных зданий для учебных заведений. Большинство училищ обречены были ютиться в плохо или совсем не приспособленных помещениях. Многие школы не были обеспечены библиотеками, ощущали нехватку учебников или наглядных пособий.

Оставалось необязательным прохождение курса народного училища или наличие образовательного ценза соответствующего уровня при занятии многих должностей на государственной службе. Не предусматривались преимущества по статской или военной службе и иные льготы для лиц, получивших аттестаты об успешном обучении в общеобразовательной школе.

Еще более серьезные по глубине и разнообразные по характеру проблемы возникали в отношении к просвещению со стороны провинциального общества в целом или его отдельных групп. Главными из этих проблем можно назвать следующие.

Проявлялось неприятие многими родителями по идейно-религиозным соображениям или в силу верности традициям нового светского образования как в целом, так и составляющих его предметов и приемов, включая обучение чтению на живом языке, исключение из круга обязательного чтения богослужебных книг, звукоподражательные названия букв гражданской печати. Привлекательность традиционной школы создавала сильную конкуренцию с ее стороны народным училищам.

Господствовал узкий утилитарный подход к образованию. Он вызывал нежелание обучать детей предметам сверх тех, что имели явную практическую необходимость.

Соображения сословного и имущественного престижа не позволяли дворянской знати или именитым купцам обучать детей в общедоступной школе вместе с выходцами из низших общественных слоев. Отсутствовало в большинстве народных училищ преподавание современных иностранных языков – необходимый компонент элитного образования «благородного сословия».

Родители часто стремились, чтобы их дети из карьерных соображений как можно раньше покинули школу и начали военную или гражданскую службу. Особенно это касалось семей незнатных дворян, офицеров и чиновников, не имевших возможностей для ускорения чинопроизводства детей, не пребывавших на действительной службе.

Сказывались материальные затруднения самого разного плана. Одни родители, включая обитателей дворянских усадеб, проживали в сельской местности и других городах, а потому были не в состоянии обеспечить содержание своих детей в том месте, где размещалось народное училище. Другие не могли приобрести для своих детей учебники и письменные принадлежности даже на тех льготных условиях, что предоставляли Приказы общественного

призрения, а нередко – просто снабдить одеждой и обувью для посещения занятий в дождливое и холодное время.

Обычным стало временное или постоянное отвлечение детей из школы для помощи в сельскохозяйственных, промысловых и торговых занятиях своим родителям. Родители нередко отдавали своих детей с ранних лет на государственную или частную службу ради жалования.

Отсутствовала постоянная материальная помощь народным училищам со стороны территориальных и сословных корпораций, родителей и других частных лиц. Органы самоуправления ряда поволжских городов (Симбирска, Тагая, Сызрани и Алатыря), обещавшие выделить на нужды училищ часть своих доходов, очень скоро прекратили выплату обещанного. Самарский магистрат предлагал под видом помощи народному училищу ввести такие дополнительные сборы, которые реально обогащали представителей местной купеческой верхушки, носили незаконный характер и подрывали свободу торговли в городе.

Отдельные благотворительные пожертвования носили разовый характер, происходили в исключительных случаях, как правило, при открытии училищ и под нажимом властей. Ряд обязательств благотворительного характера затем не выполнялся. Так, симбирское дворянство не выплатило полностью обещанные деньги на строительство главного народного училища, а бузулукское не выполнило своего обещания обеспечить помещением малое народное училище.

Деятельность по поддержанию народных училищ в той мере, в которой власти обязывали городские общины ею заниматься, воспринималась населением в ряду вынужденных и тяжелых служб, сопровождающих выполнение казенных обязанностей. Помещения под занятия и жилье учителей отводились зачастую в порядке постоянной (квартирной) повинности. Починка школьных зданий и принадлежностей при невозможности обеспечить ее вольным наймом проводилась в виде принудительных отработок. Назначение на должность смотрителя явочным порядком приобрело со временем форму мирского выбора, подобно другим обязанностям по местному самоуправлению, и воспринималось как тягость, мешающая основным промышленным и торговым занятиям лица, ее выполняющего.

Трудности и определенные неудачи не должны заслонять положительные результаты образовательной реформы конца XVIII

века. Необходимо при этом иметь в виду не только тысячи детей, обученных в народных школах; а за 1786-1802 гг. в трех юго-восточных губерниях Европейской России через народные училища прошло примерно 3,2 тыс. чел. Следует помнить и о появлении первых в губернских и уездных городах библиотек при училищах, а также о начальных опытах художественного и научно-просветительского воспитания в виде кабинетов для преподавания рисования, архитектуры и естественных наук. Народные училища пытались создать привлекательный образ светских наук и учебных предметов в глазах родителей, настоящих и будущих. Они притягивали к себе молодежь, оставшуюся без систематического образования, но стремившуюся согласно идеалам «века Просвещения» к знаниям. Наиболее ярко народные училища в роли катализатора процесса постепенного складывания интеллигенции как особого слоя русского провинциального общества были представлены в дневниках и мемуарах И.А. Второва.

Просветительские усилия властей и ревнителей образования делали свое дело. Хотя школьная реформа в этом процессе играла ведущую роль, но распространению просвещения способствовали не только народные училища, но и другие виды учебных заведений для недворян – гарнизонные солдатские школы, духовные училища, сельские вотчинные школы.

На вопросы о преодолении недостатков, выявленных в ходе реализации екатерининской школьной реформы, попытались дать ответы в начале XIX в. не только государственные деятели, но и представители молодой научной и педагогической интеллигенции Поволжья. Одни из них, подобно адъюнкту Казанского университета И.И. Запольскому и магистру П.С. Кондыреву, обратили основное внимание на роль власти в системе народного просвещения, выступили с предложениями о совершенствовании управления и контроля над школьным делом. Другие, как один из первых саратовских учителей, а затем директор народных училищ А.И. Шестаков, главные проблемы школы видели в отношении к ней различных общественных групп, прежде всего господствующего дворянского сословия. Эти два подхода к проблемам народного образования рождали и разные варианты дальнейших изменений в школьном деле.

Вариант, ставивший на первый план административно-организационные стороны школьной жизни, то есть взаимоотношения по линии власть – просвещение, исходил из сохранения

выработанных принципов общедоступности и всесословности народных училищ. Вариант, предпочтительно обращавший внимание на социальные проблемы образования, выявлявшиеся по линии общество – просвещение, предполагал для достижения большей эффективности сблизить школу не с либеральными просветительскими идеалами, как делала Екатерина II, а с реальным сословно-крепостническим устройством России.

Рядовые деятели просвещения в силу своего общественного положения не имели возможности реально влиять на выработку правительственной политики в области образования. Если их идеи оказывались воплощенными в практику, то это свидетельствовало только об адекватном отражении и осознании в провинциальной интеллектуальной среде взглядов, широко распространенных в русском обществе и в правящей элите страны.

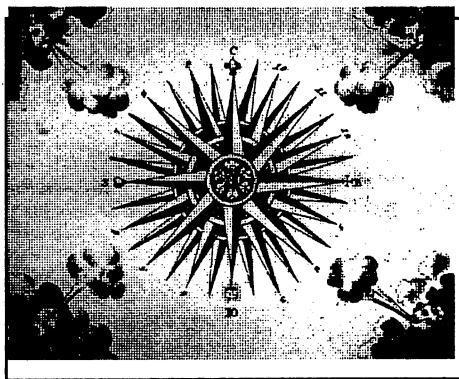
Обе возможные линии эволюции образовательной системы страны действительно были со временем реализованы: либеральная продолжалась преимущественно в ходе реформ Александра I, консервативная возобладала в царствование Николая I. Вместе с тем ни одна из этих линий никогда не подавляла полностью другую. Российский абсолютизм, начиная с Екатерины II, по сути не переставал оставаться «просвещенным» в прямом смысле этого слова, то есть понимающим необходимость широкого распространения образования и принимающим на себя ответственность за это.

Преобразования XVIII века в области просвещения в целом и екатерининская школьная реформа в особенности были нацелены не только на удовлетворение потребностей дня, но и на стратегическую перспективу постепенной модернизации традиционного строя русской жизни. В этом отношении они выполнили свою задачу. Данные преобразования сыграли, с одной стороны, важную роль непосредственно в подготовке кадров для хозяйственных, административных или военных потребностей государства и общества своего времени, а, с другой стороны, послужили делу интеллектуальной и идейной подготовки будущих социально-политических перемен в стране, неизбежных в меняющемся мире. Они пробудили новые моральные и культурные запросы русского общества, стремление к удовлетворению которых не меньше хозяйственных потребностей способствовало развитию в самых разных сферах жизни России.

Общеобразовательная и общедоступная школа с момента своего возникновения играла для распространения культуры нового

времени, особенно в русской провинции, не меньшую роль, чем столичные высшие учебные заведения и научные центры. Она принимала самое деятельное участие в постепенном формировании качественно иной общественной среды в целом и русской интеллигенции в частности.

Значение реформ в области культуры, осуществленных в XVIII столетии, в том числе школьной, подчеркивается еще одним очень важным обстоятельством. Плоды этих реформ оказались по многим параметрам более жизнеспособными, чем социально-экономические отношения и политические институты, сложившиеся тогда же. Во многих сторонах жизни национальной школы не только XIX – начала XX вв., но и советского периода, а также современности продолжали и продолжают жить традиции, заложенные в «век Просвещения», в самые начальные годы создания российской государственной системы народного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724-1802): краткая биографическая хроника // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С.30.

² Брикнер А. История Екатерины Второй. СПб., 1885. С.640-642; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.5 // Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т.5. С.152-153; Его же. Два воспитания // Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т.9. С.15-28.

³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.5. С.216.

⁴ Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года // Записки имп. Академии Наук. СПб., 1883. Т.XLVII. Приложение. № 2.; Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XLI. № 2. СПб., 1886; Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Т.1 // Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. СПб., 1912. Ч.CIV.

⁵ Грот Я.К. Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам к Гримму // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XX. СПб., 1880; Шугуров М.Ф. Дидро и его отношения к Екатерине II // Оснадцатый век. М., 1868. Кн.1.

⁶ Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч.2.

⁷ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849; Петров К. История Олонецкой дирекции до 1808 года // ЖМНП. 1866. Ч.132. № 12; Отто Н. Училища и грамотность в Вологодской губернии до открытия гимназии // ЖМНП. 1866. Ч.132. № 1.

⁸ Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края. XVIII - начало XX века. Воронеж, 1999; Сухомлинов М.И. Заметки об училищах и народном образовании в Ярославской губернии // ЖМНП. 1863. Ч.117. № 1.

⁹ Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII - начало XIX века). М., 1983.

¹⁰ Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа (вторая половина XVIII в.). СПб., 1996.

¹¹ Хотеев В.Ф., Чернета В.Г. Первый министр народного просвещения Российской Империи Петр Васильевич Завадовский. М., 1998; Поварова Е.В. Роль "Комиссии об учреждении народных училищ" в развитии русской школы и педагогики XVIII в. // Новые исследования в педагогике. 1971. №4.

¹² Эйнгорн В.О. Московское главное народное училище в конце XVIII в. // ЖМНП. 1910. Новая серия. Ч.26. № 4; Поварова Е.В. Общественно-демократическая направленность преподавания в Учительской семинарии // Формирование профессионально-педагогической направленности

студентов. Владимир, 1972.

¹³ Столетие Московской 1-й гимназии. 1804-1904 / Сост. И.О. Гобза. М., 1903.

¹⁴ Артемьев А.И. Казанские гимназии в XVIII столетии // ЖМНП. 1874. Кн.173, 174, 176; № 5,7,11; Артамонова Л.М. Калмыцкая школа в Ставрополе // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. № 2; Смирнов Ю.Н. Школы Оренбургской комиссии и христианское просвещение народов Поволжья // Вторые Иоанновские Чтения. Самара, 1998 и др.

¹⁵ Кеппен П.И. Опыт хронологического списка учебным заведениям, состоящим в ведении Министерства народного просвещения (с 1424 по 1826 год) // Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1827. Т.3. С.39-98.

¹⁶ Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год. СПб., 1875. Изд. 2-е, испр., доп.

¹⁷ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России (подлинный авторский текст) // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М., 1983. С.126.

¹⁸ Довнар-Запольский М.В. Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. М., 1906. С.39-41, 46-47.

¹⁹ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение. С.88; Толстой Д.А. Городские училища. С.124.

²⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч.1. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль, 1874. С.4.

²¹ Сухомлинов М.И. Заметки об училищах. С.129,175,189.

²² Миропольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. СПб, 1910. С.III.

²³ Миропольский С. Школа и государство. Обязательность обучения в России. СПб, 1883. С.88-93.

²⁴ Фальборк Г.А., Чарнолуский В.И. Народное образование в России. СПб., 1900. С.7,8,12,16.

²⁵ Фальборк Г.А., Чарнолуский В.И. Указ соч. С.21.

²⁶ Миропольский С. Очерк истории. С.217.

²⁷ Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С.IV, 237; Ткачук В. Рец. на кн.: Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910 // Исторический вестник. 1911. № 5. С.657-658.

²⁸ Сычев-Михайлов М.В. Из истории русской школы и педагогики XVIII в. М., 1960. С.92,96.

²⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1995. Т.3. Национализм и европеизм. С.353-354.

³⁰ Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч.2. С.272-273.

³¹ Соловков И.А. Педагогическая мысль в России в эпоху позднего феодализма и зарождения капиталистических отношений // Антология

педагогической мысли в России XVIII в. М., 1985. С.22.

³² Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987. С.84.

³³ Поварова Е.В. Роль "Комиссии об учреждении народных училищ". С.17.

³⁴ Белявский М.Т. Школа и образование. С.293.

³⁵ Соловков И.А. Педагогическая мысль. С.22.

³⁶ Яковкина Н.И. История русской культуры. Первая половина XIX века. СПб., 1998. С.15.

³⁷ Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII - начала XIX в. М., 1983. С.60-61, 84.

³⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX вв.). СПб., 1999. Т.2. С.227.

³⁹ Миронов Б.Н. Социальная история. Т.2. С.226.

⁴⁰ Титков Е.П. Образовательная политика Екатерины Великой. М., 1999.

⁴¹ Толстой Д.А. Городские училища. С.132-147.

⁴² Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа. С.91-93.

⁴³ АСПБ ФИРИ РАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.577-589об.

⁴⁴ Толстой Д.А. Городские училища. С.36.

⁴⁵ Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн.13. С.48.

⁴⁶ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.434. Л.1-9.

⁴⁷ Дела этого фонда частично опубликованы в: Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Ч.1-14 // Сборник Русского исторического общества (РИО). СПб.-Пг., 1869-1915. Т. 4, 8, 14, 32, 36, 43, 68, 93, 107, 115, 123, 134, 144, 147.

⁴⁸ Поварова Е.В. Роль "Комиссии об учреждении народных училищ". С.18, 20.

⁴⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1-26а,б.

⁵⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.27-2038.

⁵¹ Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа. С.94, 96, 97, 104 и др.

⁵² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.23.

⁵³ Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. I. Учебные заведения в западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа. 1783-1803. № 48-49.

⁵⁴ Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия историко-филологическая. 1959. № 2. С.112.

⁵⁵ Лепская Л.А. Состав учащихся народных училищ Москвы в конце XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1973. № 5.

⁵⁶ Там же. С.89.

⁵⁷ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.75.

⁵⁸ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.877в. Л.12.

⁵⁹ ЖМНП. 1866. Ч. 132. № 11. С.14.

⁶⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1247. Л.11.

- ⁶¹ См.: РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.117. Л.1,13 и др.
- ⁶² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1183-1257.
- ⁶³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564-1607,1896-1921.
- ⁶⁴ Артамонова Л.М. Начало осуществления школьной реформы в России при Екатерине II и ее первые результаты // Самарский земский сборник. 2001. № 1; Ее же. Отношение провинциального общества к делу народного просвещения в 90-е годы XVIII в и итоги школьной реформы Екатерины // Самарский край в контексте российской истории. Сб. статей. Самара, 2001.
- ⁶⁵ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102.
- ⁶⁶ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.99,125.
- ⁶⁷ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.134.
- ⁶⁸ См.: Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т.1.
- ⁶⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.2об., 25об.-26.
- ⁷⁰ РГИА. Ф.732. Оп.1. Д.109.
- ⁷¹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.26. Л.3об.
- ⁷² НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.26. Л.21-36об.
- ⁷³ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769.
- ⁷⁴ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.1об.-10.
- ⁷⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.6,9,10 и др.
- ⁷⁶ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.1149.
- ⁷⁷ См.: Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Ч. 1-2.
- ⁷⁸ Артамонова Л.М. Начало школьного образования и научных исследований в Усольской вотчине в конце XVIII - первой половине XIX вв. // Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996.
- ⁷⁹ ОР РНБ. Ф.247 Державин Г.Р. Т.18. Л.34-69 и др.
- ⁸⁰ Державин Г.Р. Переписка Державина (1773-1793) // Сочинения. СПб., 1869. Т.V; Его же. Переписка Державина (1794-1816). Записки // Сочинения. 2-е акад. изд. СПб., 1876. Т.VI; Его же. Избранная проза. М., 1984.
- ⁸¹ Де-Пуле М.Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. № 5-9.
- ⁸² См.: РГИА. Ф.1343. Оп.25. Д.2063; Ф.1349. Оп.4. Д.80.
- ⁸³ Устав народным училищам Российской империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб, 1786; ПСЗ. Т. XXII. № 16421.
- ⁸⁴ Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи. СПб, 1783; Правила для учащихся в народных училищах, изданные по Высочайшему повелению. Осьмым тиснением. СПб, 1807; О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по Высочайшему повелению императрицы Екатерины Вторых. СПб, 1783 и др.
- ⁸⁵ Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. М., 1987. Т.5. С.167-321.
- ⁸⁶ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып.3 // Сб. отд. русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XVI. СПб., 1877;

Материалы для истории учебных реформ в России. (Приложение к "Очеркам по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках". Т.1) / Сост. С.В. Рождественский // Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. СПб., 1910. Ч.XCVI. Вып.1.

⁸⁷ См.: Сборник РИО. СПб., 1880. Т.27; Оснадцатый век. М., 1868. Кн.1; Русский архив. М., 1872 и др.

⁸⁸ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.

⁸⁹ Сборник РИО. СПб., 1878-1881. Т. 23, 33.

⁹⁰ Сборник РИО. СПб., 1868. Т.2.

⁹¹ Антидот (Противоядие) // Оснадцатый век. М., 1869. Кн.4; Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т.1-2.

⁹² Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 6 // Записки имп. Академии наук. СПб., 1882. Т. XLII. Приложение № 2.

⁹³ Антология педагогической мысли в России XVIII в. / Сост. И.А. Соловков. М., 1985; Жажда познания. Век XVIII / Сост., предисл., вступительные статьи к документам и коммент. А.С. Орлова и Ю.Н. Смирнова. М., 1986 и др.

ГЛАВА 1

¹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.8 и об.

² НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.60об.

³ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.8.

⁴ НАРТ. Ф.977. Оп. Совет. Д.948. Л.5.

⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.1605. Л.6.

⁶ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.10б.

⁷ Смирнов А.В. Русская школа в первой четверти XVIII в. // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. М., 1973. С.23, 25; Антология педагогической мысли в России XVIII в. / Сост. И.А. Соловков. М., 1985. С.10-11, 26, 449; Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч.2. С.259-260.

⁸ Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Ч.1. С.44.

⁹ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 6. СПб., 1877. С.59.

¹⁰ Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С.26.

¹¹ Жажда познания. Век XVIII. М., 1986. С.525, 527.

¹² ОР РНБ. Ф.163. Д.7. Л.1.

¹³ Носков А.И. И.А. Второв и его библиотека // Самарские книжники. Самара, 2000. С.25.

¹⁴ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.80. Л.26об.; ОР РНБ. Ф.163. Д.7. Л.1-2.

¹⁵ Жажда познания. С.523, 527.

- ¹⁶ Там же. С.527.
- ¹⁷ Там же. С.528.
- ¹⁸ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.60об.
- ¹⁹ Державин Г.Р. Избранная проза. С.26.
- ²⁰ Державин Г.Р. Переписка Державина (1773-1793) // Сочинения. СПб., 1869. Т.V. С.304.
- ²¹ Державин Г.Р. Сочинения. Т.V. С.529.
- ²² Державин Г.Р. Избранная проза. С.26.
- ²³ Там же. С.27.
- ²⁴ Там же. С.28.
- ²⁵ Жажда познания. С.344-345.
- ²⁶ Рычков Н. Отрывок из семейных записок Рожновых // Библиотека для чтения. 1862. № 1. С.132.
- ²⁷ Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987. С.51.
- ²⁸ ПСЗ. Т.X. № 7171, 7182.
- ²⁹ Комаровский Е.Ф. Из записок графа Е.Ф. Комаровского // Оснадцатый век. М., 1868. Кн.1. С.314-315
- ³⁰ Державин Г.Р. Сочинения. Т.V. С.304.
- ³¹ Державин Г.Р. Избранная проза. С.28-29.
- ³² Там же. С.17.
- ³³ Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII - начала XIX в. М., 1983. С.85.
- ³⁴ Державин Г.Р. Избранная проза. С.17.
- ³⁵ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 6. СПб., 1877. С.59.
- ³⁶ ПСЗ. Т.V. № 2762, 2778, 2971, 3447, 3575.
- ³⁷ ПСЗ. Т.VII. № 4975.
- ³⁸ Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Т. I. С.137.
- ³⁹ Там же. С.138, 142.
- ⁴⁰ Там же. С.138.
- ⁴¹ Там же. С.138-139.
- ⁴² ПСЗ. Т. XII. № 9054, 9222.
- ⁴³ Рождественский С.В. Очерки по истории. С.142.
- ⁴⁴ Леопольдов А.Ф. Летопись Саратовской губернии, со времени присоединения сего края к России до 1821 года // ЖМВД. 1841. Ч. 39. № 3. С.441-442.
- ⁴⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. С.60об.; Леопольдов А.Ф. Летопись Саратовской губернии, со времени присоединения сего края к России до 1821 года // ЖМВД. 1841. Ч. 40. № 4. С.37-38.
- ⁴⁶ ЖМВД. 1841. Ч. 40. № 4. С.39.
- ⁴⁷ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.1об.
- ⁴⁸ ЖМВД. 1841. Ч. 40. № 4. С.44.
- ⁴⁹ Смирнов Ю.Н. Изучение языков народов Поволжья в школах Оренбургской комиссии // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. №2. С.18-19.
- ⁵⁰ Смирнов Ю.Н. Школы Оренбургской комиссии и христианское

просвещение народов Поволжья // Вторые Иоанновские Чтения. Самара, 1998. С.58.

⁵¹ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С.102-104.

⁵² Самарская летопись. Кн.1. Самара, 1993. С.151.

⁵³ Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867. С.11.

⁵⁴ Смирнов Ю.Н. Изучение языков. С.19-20.

⁵⁵ Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. 1712-1777. М., 1991. С.194.

⁵⁶ РГАДА. Ф.397. Оп.1. Д.446. Л.212-213; Козлова Н.В. Российское купечество в XVIII в.: 20-е - начало 60-х гг. М., 1999. С.338-340.

⁵⁷ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.877в. Л.12.

⁵⁸ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.877в. Л.13.

⁵⁹ ПСЗ. Т.XI. № 8394; Материалы для истории Императорской академии наук. Т.3. СПб., 1886. С.683.

⁶⁰ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып.3. Казань, 1891. С.533.

⁶¹ ПСЗ. Т.XII. № 9110.

⁶² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.100б.

⁶³ ПСЗ. Т.XII. № 9444. С.763.

⁶⁴ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.816. Л.19.

⁶⁵ ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.141. Л.46; РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.100б.; Попов Н.А. Татищев и его время. М., 1861. С.558.

⁶⁶ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.816. Л.19; РГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. С.65-66.

⁶⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.60б.; НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.60б.

⁶⁸ РГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. С.49.

⁶⁹ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.435а. Л.30б.

⁷⁰ Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия историко-филологическая. 1959. № 2. С.115.

⁷¹ Рождественский С.В. Очерки по истории. С.141.

⁷² РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.435а. Л.30б.

⁷³ Белявский М.Т. Школа и система образования. С.116.

⁷⁴ Гераклитов А.А. Мелочи из прошлого Саратовского края. (По архивным документам) // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28. С.9,10.

⁷⁵ Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883. С.16-17.

⁷⁶ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 3. СПб., 1877. С.55, 88, 329, 331, 334.

⁷⁷ Там же. С.330.

⁷⁸ Там же. С.333, 335.

⁷⁹ Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть. С.33.

⁸⁰ Перевод с нем. См.: Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XLI. № 2. СПб., 1886. С.133. Примечания Шлёцера.

⁸¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIII. М., 1994. С.542, 549.

⁸² Материалы для истории учебных реформ в России // Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета.

СПб., 1910. Ч.XCVI. Вып.1. С.104.

⁹³ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения СПб., 1907. Гл.XIV. О воспитании.

⁹⁴ Рождественский С.В. Очерки по истории. С.283-289.

⁹⁵ Сборник РИО. СПб., 1881. Т. 32. С.52,55,66,73-74,101,113,398,411,412,430-432,457,520-522,533-534.

⁹⁶ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.227. Ч.1. Л.97.

⁹⁷ См.: Материалы для истории учебных реформ. С.144-257.

⁹⁸ Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть. С.75; Рождественский С.В. Очерки по истории. С.306.

⁹⁹ Антidot (Противоядие) // Оснадцатый век. М., 1869. Кн.4. С.392-393.

¹⁰⁰ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. М., 1987. Т.5. С.167-321.

¹⁰¹ Рунич П.С. Заметки Рунича о царствовании Екатерины II // Русская старина. 1870. Т.2 (Изд. 3-е). С.168.

¹⁰² Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // Российское законодательство X-XX веков. Т.5. С.22-59; Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Там же. С.67-136.

¹⁰³ Российское законодательство X-XX веков. Т.5. С.124.

¹⁰⁴ Толстой Д.А. Городские училища. С.3.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.435а. Л.1 и об.

¹⁰⁶ ПСЗ. Т. XXII. № 16421.

¹⁰⁷ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму // Сборник РИО. СПб., 1878. Т.23. С.19.

¹⁰⁸ Антidot. С.335.

¹⁰⁹ Грот Я.К. Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам к Гримму // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. XX. СПб., 1880. С.18, 20.

¹¹⁰ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.38, 42

¹¹¹ Гримм М. Историческая записка о происхождении и последствиях моей преданности императрице Екатерине II до кончины ее величества // Сборник РИО. СПб., 1868. Т.2. С.333-334.

¹¹² Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.115.

¹¹³ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.173.

¹¹⁴ Донесение князя Дмитрия Михайловича Голицына императрице Екатерине Второй. Ответ императрицы Екатерины II к князю Голицыну // Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке. М., 1872. Ст.992-997.

¹¹⁵ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.181.

¹¹⁶ Толстой Д.А. Городские училища. С.34.

¹¹⁷ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.183.

¹¹⁸ Письма барона Мельхиора Гримма императрице Екатерине II // Сборник РИО. СПб., 1881. Т.33. С.42, 68.

¹¹⁹ Грот Я.К. Заботы Екатерины II. С.27.

¹²⁰ Письма барона Мельхиора Гримма императрице Екатерине II. С.68-69.

¹²¹ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.193.

- ¹¹² Толстой Д.А. Городские училища. С.6-7.
- ¹¹³ См.: АСПБ ФИРИ РАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.577-589об. (Далее в тексте в круглых скобках – сноски на листы русского текста записки Эпинуса).
- ¹¹⁴ Russische Schul Projecte // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XLI. № 2. СПб., 1886. С.132-134.
- ¹¹⁵ Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа (вторая половина XVIII в.). СПб., 1996. С.91.
- ¹¹⁶ Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724-1802): краткая биографическая хроника // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С.29.
- ¹¹⁷ ПСЗ. Т. XXII. №16421. С.647.
- ¹¹⁸ Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи. СПб, 1783. Ч. I. О способе учебном.
- ¹¹⁹ Толстой Д.А. Городские училища. С.10.
- ¹²⁰ ПСЗ. Т. XXII. №16421. Гл. IX. О Главном Правительстве училищ.
- ¹²¹ Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа. С.90.
- ¹²² Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724-1802): краткая биографическая хроника // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С.29.
- ¹²³ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.434. Л.1.
- ¹²⁴ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.434. Л.2.
- ¹²⁵ Белявский М.Т. Школа и образование. С.272.
- ¹²⁶ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.434. Л.1.
- ¹²⁷ Толстой Д.А. Городские училища. С.34.
- ¹²⁸ Там же. С.35.
- ¹²⁹ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Т. IV // Сборник РИО. СПб., 1880. Т. 27. С.213.
- ¹³⁰ ПСЗ. Т. XXI. № 15507.
- ¹³¹ Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть. С.75-76.
- ¹³² Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа. С.89.
- ¹³³ Russische Schul Projecte. С.132.
- ¹³⁴ Там же. С.133-134.
- ¹³⁵ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып.6. СПб., 1882. С.27, 31, 37-39.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.2.
- ¹³⁷ Там же. Л.8.
- ¹³⁸ Руководство учителям. С.2-4, 21, 50.
- ¹³⁹ Там же. С.29-31.
- ¹⁴⁰ Там же. С.88, 106.
- ¹⁴¹ Антидот. С.336.
- ¹⁴² А СПб ФИРИ РАН. Ф. 36. Оп.1. Д.1161. Л.583.
- ¹⁴³ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.434. Л.1.
- ¹⁴⁴ ЖМВД. 1841. Ч. 40. № 4. С.40.
- ¹⁴⁵ Там же. С.43.
- ¹⁴⁶ Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т.1. С.8-9.
- ¹⁴⁷ Там же. С.10.

- ¹⁴⁸ Там же. С.21.
- ¹⁴⁹ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.14 об.
- ¹⁵⁰ Там же. Л.96об.-97об.
- ¹⁵¹ Описание дел. С.12,13,15,16,20.
- ¹⁵² Державин Г.Р. Сочинения. Т.V. С.525.
- ¹⁵³ Там же. С.538.
- ¹⁵⁴ Там же. С.539.
- ¹⁵⁵ Там же. С.601.
- ¹⁵⁶ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.95.
- ¹⁵⁷ Здесь и ниже ссылки на §§ "Устава народных училищ" даются в круглых скобках.
- ¹⁵⁸ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.97об.
- ¹⁵⁹ Из различных способов написания заглавных и строчных букв в названии этого учреждения применяется один, где слово "Приказ" пишется с заглавной, чтобы показать то, что оно употребляется для обозначения именно данного органа управления.
- ¹⁶⁰ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.1.
- ¹⁶¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.2об.
- ¹⁶² Осмнадцатый век. М., 1868. Кн.1. С.361.
- ¹⁶³ Там же. С.363.
- ¹⁶⁴ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.98об.-99.
- ¹⁶⁵ Храповицкий А.В. Дневник с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901. С.2-3.
- ¹⁶⁶ Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т.2. С.236-237.
- ¹⁶⁷ Цит. по: Моряков В.И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М., 1981. С.124.
- ¹⁶⁸ Сухомлинов М.И. Указ. соч. Вып.6. СПб., 1877. С.70-71.

ГЛАВА 2

- ¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.2.
- ² РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. 100 и об.
- ³ Там же. Л.98 и об.
- ⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.2об.
- ⁵ Там же. Л.3.
- ⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1183. Л.3.
- ⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.2.
- ⁸ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.61.
- ⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1565. Л.3.
- ¹⁰ ПСЗ. Т. XX. №15080.
- ¹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.3.
- ¹² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.4; Д.1196. Л.9об.-10.
- ¹³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.4.
- ¹⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.2об., 25об.-26.

- ¹⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.60.
¹⁶ Там же. Л.61об.
¹⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1565. Л.3 и об.
¹⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.4.
¹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.2.
²⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.3об.
²¹ Там же. Л.3.
²² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1183. Л.4.
²³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.4об.
²⁴ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.15
²⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1183. Л.5 и об.
²⁶ Там же. Л.4.
²⁷ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.60об.-61.
²⁸ Подсчитано по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.3об.-10.
²⁹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.60об.
³⁰ См.: Рабинович М.Д. К истории просвещения в России в конце XVIII в. (Саратовская солдатская гарнизонная школа в 1793 г.) // Исторический архив. 1958. № 1. С.231.
³¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.4об., 27об.
³² Подсчитано по: Столетие Московской 1-й гимназии. 1804-1904. М., 1903
³³ Державин Г.Р. Переписка Державина (1773-1793) // Сочинения. СПб., 1869. Т.V. С.540.
³⁴ Там же. С.567.
³⁵ СанктПетербургские ведомости. 1786. № 81-90.
³⁶ Державин Г.Р. Записки // Сочинения. 2-е акад. изд. СПб., 1876. Т.VI. С.561.
³⁷ Там же. С.562.
³⁸ Державин Г.Р. Сочинения. Т.V. С.615.
³⁹ Там же. С.625.
⁴⁰ Там же. С.629.
⁴¹ Там же. С.633.
⁴² Державин Г.Р. Записки. С.560-561.
⁴³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.5об.
⁴⁴ Там же. Л.5об-6.
⁴⁵ Там же. Л.9об.
⁴⁶ Там же. Л.5об.
⁴⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.13.
⁴⁸ Там же. Л.16об.-17, Л.18об.-19.
⁴⁹ Там же. Л.13.
⁵⁰ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.61.
⁵¹ Там же. Л.61об.
⁵² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.8об.; Д.1214. Л.8. и др.
⁵³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1566. Л.9-10.
⁵⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1565. Л.6-10.
⁵⁵ Там же. Л.6.
⁵⁶ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.14-15; Оп.2. Д.1183. Л.4об.-7.
⁵⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.3.
⁵⁸ Здесь и ниже подсчитано по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1183. Л.4об.-7.

- ⁵⁹ Державин Г.Р. Сочинения. Т.V. С.594.
- ⁶⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.6.
- ⁶¹ Там же. Л.6 об.
- ⁶² Там же. Л.7.
- ⁶³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.3об.
- ⁶⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.4.
- ⁶⁵ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.13об.
- ⁶⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.3об.
- ⁶⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.6.
- ⁶⁸ Там же. Л.6об.
- ⁶⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1217. Л.13.
- ⁷⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.2об.
- ⁷¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.6об.
- ⁷² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.3об.
- ⁷³ Осмнадцатый век. М., 1868. Кн.1. С.362.
- ⁷⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.4об.
- ⁷⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.6об.
- ⁷⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.3.
- ⁷⁷ Там же. Л.3об.
- ⁷⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1185. Л.7об.
- ⁷⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.4 и об.
- ⁸⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.6об.
- ⁸¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.4об.
- ⁸² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.8об.-9.
- ⁸³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.9об.-10.
- ⁸⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.9.
- ⁸⁵ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.10.
- ⁸⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.9об.
- ⁸⁷ РГИА. Ф.730. Оп. 1. Д.102. Л.11-12об.; Оп.2. Д.1183. Л.4об.-7.
- ⁸⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.5.
- ⁸⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.9об.
- ⁹⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.7.
- ⁹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.2 и об.
- ⁹² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.8.
- ⁹³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.6 и об.
- ⁹⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.9.
- ⁹⁵ Трофимов Ж.А. Симбирск и симбиряне: Исторические и литературные поиски. Ульяновск, 1997. С.65-69.
- ⁹⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1217. Л.9об.
- ⁹⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.5.
- ⁹⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1589. Л.9об.
- ⁹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.5об.
- ¹⁰⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.9.
- ¹⁰¹ Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в // Вестник Московского университета. Серия историко-филологическая. 1959. № 2. С.113.
- ¹⁰² Подсчитано по: РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.11-12об.
- ¹⁰³ Подсчитано по: Сухомлинов М.И. Заметки об училищах и народном

образовании в Ярославской губернии // ЖМНП. 1863. Ч. 117. № 1. Отд. III С.125.

¹⁰⁴ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.11-12об.; Оп.2. Д.1183. Л.4об.-7.

¹⁰⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.12об.-16.

¹⁰⁶ Там же. Л.14-15.

¹⁰⁷ Там же. Л.20об.-25.

¹⁰⁸ Белявский М.Т. Школа и система образования. С.112-114.

¹⁰⁹ Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С.276.

¹¹⁰ Цит. по: Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Т. 1. СПб, 1912. С.663.

¹¹¹ План учреждению в России университетов // Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып.6. СПб., 1882. С.71.

¹¹² Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII - начало XIX века). М., 1983. С.99-100.

¹¹³ Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1869. Т.V. С.731.

¹¹⁴ История Российской академии. Вып.6. С.45.

¹¹⁵ Столетие Московской 1-й гимназии. 1804-1904. М., 1903. С.12.

¹¹⁶ История Российской академии. Вып.6. С.49.

¹¹⁷ Материалы для истории учебных реформ в России // Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. СПб., 1910. Ч. XCVI. Вып. 1. С.358.

¹¹⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.9.

¹¹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.3.

¹²⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.3.

¹²¹ Отто Н. Училища и грамотность в Вологодской губернии до открытия гимназии // ЖМНП. 1866. Ч. 132. № 11. Приложение. С.17-18.

¹²² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.9об.

¹²³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.4об.

¹²⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.3.

¹²⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.10.

¹²⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1220. Л.7об.

¹²⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.2об.

¹²⁸ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849. С.80.

¹²⁹ Отто Н. Указ соч. С.31.

¹³⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.8.

¹³¹ Там же. Л.8об.

¹³² Там же. Л.10.

¹³³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.4.

¹³⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.7.

¹³⁵ Там же. Л.7об.

¹³⁶ Там же. Л.10.

¹³⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.7об.

¹³⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.7об.

¹³⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1215. Л.2.

¹⁴⁰ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216.

¹⁴¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1217. Л.10.

- ¹⁴² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.7об.
¹⁴³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.15 и об.
¹⁴⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1564. Л.15об., 16об.-17.
¹⁴⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.2.
¹⁴⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1187. Л.2.
¹⁴⁷ Там же.
¹⁴⁷ Там же. Л.5 и об.
¹⁴⁸ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.80-86.
¹⁴⁹ Включая водоходное и Главное Немецкое училища в Санкт-Петербурге
¹⁵⁰ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.77.
¹⁵¹ Там же. Л.78.
¹⁵² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.7. Л.13 и об.
¹⁵³ История Российской академии. Вып.6. С.50-51.
¹⁵⁴ Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т.1. С.27.
¹⁵⁵ История Российской академии. Вып.6. С.52.
¹⁵⁶ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.79об.
¹⁵⁷ Там же. Л.98 и об.
¹⁵⁸ Там же. Л.78 и об.
¹⁵⁹ Там же. Л.87.
¹⁶⁰ Там же. Л.78об.
¹⁶¹ Описание дел. С.26.
¹⁶² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.6об.
¹⁶³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.7об.
¹⁶⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.4.
¹⁶⁵ Там же. Л.4об.
¹⁶⁶ Там же. Л.6.
¹⁶⁷ Там же. Л.7об.
¹⁶⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1217. Л.8.
¹⁶⁹ Там же. Л.8об.
¹⁷⁰ Там же. Л.8.
¹⁷¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1187. Л.3.
¹⁷² НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.1об.
¹⁷³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.2об.
¹⁷⁴ Там же. Л.3.
¹⁷⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.4.
¹⁷⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.3об.
¹⁷⁷ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.3.
¹⁷⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.6.
¹⁷⁹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.3.
¹⁸⁰ Там же. Л.2.
¹⁸¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.3об.
¹⁸² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1905. Л.3.
¹⁸³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.5.
¹⁸⁴ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.144. Л.29об.-30; Оп.2. Д.1589. Л.11.
¹⁸⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.61об.-62.
¹⁸⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1187. Л.3.
¹⁸⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1184. Л.6об.

- 188 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.2 и об.
- 189 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1222. Л.6.
- 190 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.11; . Д.1217. Л.20; . Д.1218. Л.2об.,4.
- 191 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.10об.-11.
- 192 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.4об.
- 193 Там же. Л.5.
- 194 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.2об.
- 195 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1219. Л.3об.
- 196 Описание дел. С.27-28.
- 197 РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.435. Л.1.
- 198 Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С.120.
- 199 Описание дел. С.147.
- 200 Губернаторы Оренбургского края. С.121.
- 201 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1217. Л.3об.
- 202 Там же. Л.4.
- 203 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1217. Л.15, 17об.,18об.; Д.1218. Л.2об.,3,4.
- 204 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.10.
- 205 Описание дел. С.30.
- 206 Там же. С.31.
- 207 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.11об.; Д.1218. Л.7об.-8.
- 208 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.8.
- 209 Евсина Н.А. Проекты учебных зданий в России XVIII века // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1968. Илл.68.
- 210 Трофимов Ж.А. Указ соч. С.37.
- 211 РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.111. Д.59197. Л.1 и об.
- 212 Евсина Н.А. Указ соч. С.130.
- 213 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.10об.,11об.-12об.
- 214 Евсина Н.А. Указ соч. С.131.
- 215 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.6.
- 216 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1188. Л.22об.
- 217 Там же. Л.11 и об.
- 218 Там же. Л.14.
- 219 НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.62.
- 220 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1566. Л.9.
- 221 Там же. Л.10.
- 222 Там же. Л.3об.-4.
- 223 Там же. Л.11.
- 224 Там же. Л.6об.-7, 12, 13.
- 225 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1567. Л.8-10.
- 226 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1568. Л.7.
- 227 Там же. Л.5об.-6, 8-10.
- 228 Подсчитано по: РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.67-73. Сведения о числе учеников в ряде губерний уточнены в ходе подсчетов и расходятся с приведенными в тексте рапорта и ведомости.
- 229 Ср.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1568. Л.2об.
- 230 Включая водоходное и Главное Немецкое училища в Санкт-Петербурге
- 231 Включая сельские училища в различных уездах.
- 232 Включая мастеровое училище в Вышнем Волочке.

- 233 Включая сельское училище в Жиздринском уезде.
- 234 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1566. Л.3.
- 235 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.9.
- 236 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1187. Л.2об.
- 237 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.9.
- 238 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1565. Л.4об.-5.
- 239 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1567. Л.8.
- 240 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1569. Л.5, 6, 8.
- 241 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1568. Л.5.
- 242 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1187. Л.8.
- 243 Там же. Л.8об.
- 244 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.10.
- 245 Там же. Л.10 и об.
- 246 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.19об.-20.
- 247 Здесь и ниже подсчитано по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1187. Л.2об., 4-7об., 10.
- 248 Белявский М.Т. Школа и система образования. С.113.
- 249 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1188. Л.6об., 6а, 12.
- 250 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1189. Л.7об., 9.
- 251 Там же. Л.3об., 6-8об.
- 252 Сравнение сделано с данными 1788 и 1789 гг. по закрывшемуся училищу в Тагае.
- 253 РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.20.
- 254 Белявский М.Т. Школа и система образования. С.112-113.
- 255 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1187. Л.6об.
- 256 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1188. Л.6об., 6а об., 7.
- 257 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1189. Л.7об.-8об.
- 258 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.7,8об.-9.
- 259 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1187. Л.4 и об., 6 и об., 7 и об., 10.
- 260 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1188. Л.5-6об., 6а и об., 7.
- 261 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1189. Л.6-8об.
- 262 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.11об.
- 263 Там же. Л.12.
- 264 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.9об.
- 265 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.2.
- 266 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1220. Л.2.
- 267 Там же. Л.3об.
- 268 Там же. Л.5.
- 269 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.9об., 15, 16об., 19, 20об.; Д.1222. Л.3 и об., 10, 11, 16, 17об.
- 270 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1222. Л.7об.
- 271 Там же. Л.16.
- 272 Там же. Л.12.
- 273 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.9.
- 274 ЖМНП. 1863. Ч.117. № 1. Отд. III. С.107.
- 275 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.11об.
- 276 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1219. Л.5об.
- 277 Там же. Л.6.
- 278 Там же. Л.6об.

- 279 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.13об.
- 280 Там же. Л.14.
- 281 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1219. Л.7.
- 282 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.14.
- 283 Там же. Л.14об.
- 284 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1222. Л.15об.
- 285 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.6об.
- 286 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.12об.-13.
- 287 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.14об.
- 288 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.5.
- 289 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.11.
- 290 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.10.
- 291 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.2об.
- 292 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.14.
- 293 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.2об.
- 294 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.14.
- 295 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1222. Л.12об.
- 296 Там же. Л.12.
- 297 Там же. Л.12об.
- 298 Там же. Л.16.
- 299 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.4об., 14об
- 300 Там же. Л.9, 10.
- 301 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1216. Л.10об.
- 302 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.3.
- 303 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.3об.
- 304 РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.19.
- 305 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1218. Л.13.
- 306 РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.19об.
- 307 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1189. Л.5об.
- 308 РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.22об.
- 309 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1220. Л.3об.
- 310 РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.19об.
- 311 Там же. Л.20об.
- 312 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1214. Л.5об.
- 313 Там же. Л.6.
- 314 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.13.
- 315 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.18об.
- 316 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.9об.
- 317 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1222. Л.14об.
- 318 РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.22об.
- 319 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.2.
- 320 Там же. Л.4об.
- 321 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1217. Л.20об.
- 322 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1220. Л.5.
- 323 Там же. Л.3об.
- 324 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.11об.
- 325 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1220. Л.5об.
- 326 Там же. Л.8.

- ³²⁷ Там же. Л.5об.
³²⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.10об.
³²⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.11.
³³⁰ Там же. Л.3об.
³³¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1222. Л.6.
³³² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1189. Л.5об.
³³³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.14, 15об.
³³⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.7-8.
³³⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1189. Л.3об.; Д.1221. Л.5 и об.
³³⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1217. Л.5об.
³³⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.1об.
³³⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.14об.
³³⁹ Там же. Л.15.
³⁴⁰ Там же. Л.14об.
³⁴¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1186. Л.4об.
³⁴² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.1об.
³⁴³ Там же. Л.15.
³⁴⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.23.
³⁴⁵ Описание дел. С.33.
³⁴⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.6.
³⁴⁷ Там же. Л.23об.
³⁴⁸ Там же. Л.10об.
³⁴⁹ Там же. Л.22об.-23.
³⁵⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.9об.-10.
³⁵¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1248. Л.6об.
³⁵² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1217. Л.9об.
³⁵³ Там же. Л.10.
³⁵⁴ Там же. Л.9об.
³⁵⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.1об.
³⁵⁶ Там же. Л.2.
³⁵⁷ Сравнение с данными 1789 и 1790 гг. сделано по закрывшемуся училищу в Ставрополе.
³⁵⁸ Сравнение с данными 1789 г. сделано по закрывшемуся училищу в Тагае.
³⁵⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1569. Л.2об.
³⁶⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.12об.
³⁶¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1189. Л.3об.; Д.1221. Л.5об.
³⁶² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.5.
³⁶³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.7об.-9.
³⁶⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1221. Л.2об.-3.
³⁶⁵ Там же. Л.21.
³⁶⁶ Там же. Л.5об.-6.
³⁶⁷ Там же. Л.21.
³⁶⁸ Там же. Л.21об.
³⁶⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1222. Л.8об.
³⁷⁰ Там же. Л.5об.
³⁷¹ Там же. Л.4.
³⁷² Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. М., 1987. Т. 5. С.226.

- ³⁷³ ПСЗ. Т. XXII. № 16421. § 86.
- ³⁷⁴ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1222. Л. 6 об.
- ³⁷⁵ Там же. Л. 15 об.
- ³⁷⁶ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1223. Л. 19 об.
- ³⁷⁷ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1222. Л. 13 об.
- ³⁷⁸ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1221. Л. 12.
- ³⁷⁹ Там же. Л. 13 об.
- ³⁸⁰ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1222. Л. 17.
- ³⁸¹ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1221. Л. 10 об.
- ³⁸² Там же. Л. 11.
- ³⁸³ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1222. Л. 4.
- ³⁸⁴ Там же. Л. 6 об.
- ³⁸⁵ Там же. Л. 6.
- ³⁸⁶ Там же. Л. 6 об.
- ³⁸⁷ Там же. Л. 11.
- ³⁸⁸ Там же. Л. 14 об.
- ³⁸⁹ Там же. Л. 15.
- ³⁹⁰ Там же. Л. 17 об.
- ³⁹¹ Там же. Л. 7 об.
- ³⁹² РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1223. Л. 2.
- ³⁹³ Здесь и ниже подсчитано по: РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1190. Л. 6 об.-7.
- ³⁹⁴ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1190. Л. 1.
- ³⁹⁵ Там же. Л. 12 об., 15 об.
- ³⁹⁶ См.: РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1223. Л. 2-3 об.
- ³⁹⁷ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1221. Л. 17 об.
- ³⁹⁸ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1220. Л. 3 об.
- ³⁹⁹ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1190. Л. 15.
- ⁴⁰⁰ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1222. Л. 17.
- ⁴⁰¹ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1190. Л. 14 об.
- ⁴⁰² РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1222. Л. 16 об.
- ⁴⁰³ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1223. Л. 5 об.
- ⁴⁰⁴ Там же. Л. 28.
- ⁴⁰⁵ Там же. Л. 6.
- ⁴⁰⁶ Там же. Л. 6 об.
- ⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1190. Л. 16.
- ⁴⁰⁸ Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение. С. 52.

ГЛАВА 3

¹ Подсчитано по: Фальборк Г. А., Чарнолуцкий В. И. Народное образование в России. СПб., 1900. С. 18

² Подсчитано по: РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1190-1202.

³ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1235. Л. 7 и об.

⁴ Там же. Л. 14-15.

⁵ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1236. Л. 7 и об.

- ⁶ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.125. Л.5; Оп.2. Д.1904. Л.2; Д.1922. Л.3.
- ⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1235. Л.15.
- ⁸ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.125. Л.5; Оп.2. Д.1909. Л.14.
- ⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.5; Д.1921. Л.2 и об.; Д.1923. Л.2.
- ¹⁰ Подсчитано по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1904-1908, 1910.
- ¹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.15; НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.3.
- ¹² Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С.135; НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.2.
- ¹³ Подсчитано по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1570-1576.
- ¹⁴ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.67-73; РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1576. Л.3.; Д.1577. Л.3; Д.1910. Л.3.; Д.1202. Л.2,5-8.
- ¹⁵ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1201. Л.5-8.
- ¹⁶ Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч.2. С.277.
- ¹⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1233. Л.8-9.
- ¹⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.5.
- ¹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1908. Л.4.
- ²⁰ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1573. Л.8-9.
- ²¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.4об.
- ²² См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.9; Д.1225. Л.10 и др.
- ²³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.15об.
- ²⁴ Там же. Л.19-20.
- ²⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.11об.
- ²⁶ Там же. Л.13 и об.
- ²⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.11об.
- ²⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.13об.-14.
- ²⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1240. Л.2об.
- ³⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1239. Л.4; Д.1240. Л.6об.
- ³¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.10об.; Д.1235. Л.4.
- ³² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202. Л.13.
- ³³ Там же. Л.12об.
- ³⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1229. Л.5.
- ³⁵ Там же. Л.6.
- ³⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.10об.
- ³⁷ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.5; Д.1234. Л.9об.; Д.1237. Л.10; Д.1238. Л.2 и др.
- ³⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.17 и об.
- ³⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.10об.; Д.1196. Л.9об.-10.
- ⁴⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.15.
- ⁴¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.17об.
- ⁴² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.14,16об.
- ⁴³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.11.; Д.1227. Л.4об.
- ⁴⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1227. Л.8,9об.
- ⁴⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.12,13; Д.1223. Л.26,27.
- ⁴⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.10об.; Д.1229. Л.4 и об.
- ⁴⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.11.; Д.1235. Л.14об.-16; Д.1236. Л.8об.
- ⁴⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1236. Л.12об.
- ⁴⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.9.; Д.1236. Л.10об.,11об.

- ⁵⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1228. Л.7об.
- ⁵¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1233. Л.2об., 4, 5об.
- ⁵² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1229. Л.4.
- ⁵³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1239. Л.4об.
- ⁵⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.7об.
- ⁵⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1236. Л.11 и об.
- ⁵⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1239. Л.5.; Д.1240. Л.7об., 8об.
- ⁵⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1237. Л.7об.
- ⁵⁸ Там же. Л.3об.
- ⁵⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.12.
- ⁶⁰ Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т.1. С.229-230.
- ⁶¹ Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. ХLI. №2. СПб., 1886. С.104.
- ⁶² Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Т.1. СПб, 1912. С.594-595.
- ⁶³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1204. Л.14; Д.1241. Л.6; Д.1242. Л.3об.
- ⁶⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.18.
- ⁶⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.6.
- ⁶⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1233. Л.7.; Д.1234. Л.6.
- ⁶⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.3-4.
- ⁶⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1904. Л.3.
- ⁶⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.13; Д.1240. Л.10.
- ⁷⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1227. Л.2об.; Д.1228. Л.8.
- ⁷¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.11об.
- ⁷² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1227. Л.6об.; Д.1234. Л.5.
- ⁷³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.11об.
- ⁷⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.6.
- ⁷⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.11.
- ⁷⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.9об.-10; Д.1198. Л.14; Д.1234. Л.9.
- ⁷⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.13об.; Д.1234. Л.3об.
- ⁷⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.14об.; Д.1233. Л.4об.
- ⁷⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.11об.-12; Д.1202. Л.12об.
- ⁸⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.14об.-15; Д.1235. Л.11об.
- ⁸¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.11.
- ⁸² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1234. Л.5об.; Д.1235. Л.11об., 17; Д.1240. Л.10.
- ⁸³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.11; Д.1248. Л.5.
- ⁸⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1235. Л.4об.
- ⁸⁵ Там же. Л.11.
- ⁸⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.11об.
- ⁸⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1236. Л.9, 10об.
- ⁸⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.10, 12; Д.1236. Л.13, 16об.-17, 18об.
- ⁸⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1239. Л.2.
- ⁹⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1242. Л.11об.
- ⁹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1236. Л.9об.
- ⁹² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202. Л.12об.-13.
- ⁹³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1240. Л.6об., 8об.

- ⁹⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202. Л.13об.
- ⁹⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1240. Л.9об.,10об.
- ⁹⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202. Л.10об.-11,13об.; Д.1240. Л.11,12.
- ⁹⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.2.
- ⁹⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.6об.
- ⁹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.16; Д.1224. Л.11 и об.
- ¹⁰⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.16об.
- ¹⁰¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.6об.
- ¹⁰² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.18об.
- ¹⁰³ Там же. Л.18об.-19.
- ¹⁰⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.6 и об.; Д.1226. Л.7.,11об.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.11.
- ¹⁰⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.12об.; Д.1194. Л.11об.
- ¹⁰⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.16об.
- ¹⁰⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.10.
- ¹⁰⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.4.
- ¹¹⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.8.
- ¹¹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.11.
- ¹¹² Там же. Л.12.
- ¹¹³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.12об.
- ¹¹⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.10об.;12об.
- ¹¹⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.12об.
- ¹¹⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202. Л.12.
- ¹¹⁷ Там же. Л.12об.
- ¹¹⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.6.
- ¹¹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1228. Л.6.
- ¹²⁰ Там же. Л.5об.
- ¹²¹ Там же. Л.6об.
- ¹²² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.12об.; Д.1228. Л.7об.
- ¹²³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.7.
- ¹²⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.10об.
- ¹²⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.3об.
- ¹²⁶ Там же. Л.4.
- ¹²⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1237. Л.6об.
- ¹²⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.17; Д.1194. Л.10об.-11; Д.1226. Л.10 Д.1232. Л.6об.
- ¹²⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.20; Д.1196. Л.12об.
- ¹³⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.4.
- ¹³¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.6об.
- ¹³² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.10.
- ¹³³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.3.
- ¹³⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.7об.
- ¹³⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.14; Д.1921. Л.2.
- ¹³⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1921. Л.2 и об.
- ¹³⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1923. Л.2.
- ¹³⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.17; Д.1232. Л.9об.; Д.1240. Л.10об.
- ¹³⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.19; Д.1194. Л.10.
- ¹⁴⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.3об.,9об.

- ¹⁴¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.8; Д.1233. Л.6.
- ¹⁴² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1234. Л.9.
- ¹⁴³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.13.
- ¹⁴⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.7об.
- ¹⁴⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.13; Д.1231. Л.8; Д.1232. Л.2об.; Д.1233. Л.5
Д.1234. Л.11; Д.1235. Л.15об.; Д.1236. Л.5об.
- ¹⁴⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202. Л.13.
- ¹⁴⁷ Там же. Л.13об.
- ¹⁴⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.15; Д.1202. Л.13.
- ¹⁴⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.7; Д.1236. Л.4об.,13об.
- ¹⁵⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.11об.; Д.1236. Л.6об.
- ¹⁵¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1236. Л.13об.
- ¹⁵² Там же. Л.15.
- ¹⁵³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.11об.; Д.1236. Л.16.
- ¹⁵⁴ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1237. Л.4об.-5об.; Д.1238. Л.3об.; Д.1241.
Л.5об.; 8об.; 9об.; Д.1242. Л.5об.,11; Д.1243. Л.16об.и др.
- ¹⁵⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202. Л.12; Д.1236. Л.20; Д.1238. Л.6об.
- ¹⁵⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.11об.-12; Д.1236. Л.14.
- ¹⁵⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1237. Л.7.
- ¹⁵⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202. Л.13об.
- ¹⁵⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1242. Л.5об.; Д.1202. Л.14.
- ¹⁶⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202. Л.13об.
- ¹⁶¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.9 и об.
- ¹⁶² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.30.
- ¹⁶³ Там же. Л.30об.
- ¹⁶⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.7об.; Д.1236. Л.4.
- ¹⁶⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1228. Л.2об.
- ¹⁶⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.15об.; Д.1227. Л.10 и об.
- ¹⁶⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.29об.
- ¹⁶⁸ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.2об.,7 и об.; Д.1225. Л.3,8 и об.,10об.;
Д.1226. Л.7; Д.1227. Л.5об.,9об. РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1240. Л.5об.;10 и др.
- ¹⁶⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1227. Л.8; Д.1228. Л.7.
- ¹⁷⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1229. Л.3.
- ¹⁷¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1234. Л.6об.
- ¹⁷² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.4об.,7об.; Д.1241. Л.7об.
- ¹⁷³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.3.
- ¹⁷⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.3об.
- ¹⁷⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.7об.
- ¹⁷⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.6.
- ¹⁷⁷ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.7об.,16об.,23об.,25,26 и об., 29 и об.;
Д.1226. Л.8об.-9, 11,12 и об.; Д.1227. Л.2,9об.-10.; Д.1229. Л.4.
- ¹⁷⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1228. Л.4.
- ¹⁷⁹ Там же. Л.5.
- ¹⁸⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.5; Д.1243. Л.9об.
- ¹⁸¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1242. Л.8об.-9.
- ¹⁸² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.5 и об.
- ¹⁸³ Там же. Л.9об.
- ¹⁸⁴ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.4об.,6 и об.,8об.,10об.; Д.1225. Л.2 и

др.

¹⁸⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1229. Л.4.

¹⁸⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1227. Л.4об.

¹⁸⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.6.

¹⁸⁸ Там же. Л.8об.

¹⁸⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.4об.-5,8.

¹⁹⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1228. Л.5об.

¹⁹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1229. Л.6.

¹⁹² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.17; Д.1225. Л.2.

¹⁹³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.8,13.

¹⁹⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1225. Л.8об.

¹⁹⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.10об.; Д.1227. Л.3.

¹⁹⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1228. Л.8.

¹⁹⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.10об.; Д.1227. Л.8.

¹⁹⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.17об.; Д.1224. Л.8.

¹⁹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.9об.

²⁰⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1227. Л.7.

²⁰¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.14; Д.1224. Л.10.

²⁰² ПСЗ. Т.XXII. № 16421. С.653,657

²⁰³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.14.

²⁰⁴ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.10,12; Д.1225. Л.9; Д.1226. Л.4; Д.1228 Л.4об.,5 об.; Д.1231. Л.5; Д.1233. Л.9об.; Д.1235. Л.10об. и др.

²⁰⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.3об.-4,6; Д.1233. Л.6об.,10 и об.; Д.1235.

Л.16. и др.

²⁰⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1228. Л.4,5.

²⁰⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1229. Л.7об.; Д.1230. Л.3.

²⁰⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1228. Л.2об.,3об.

²⁰⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1229. Л.8 и об.

²¹⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1230. Л.3.

²¹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.4об.; Д.1239. Л.4.

²¹² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1234. Л.10об.

²¹³ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1201, 1202 и др.

²¹⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.6.

²¹⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.4об.; Д.1234. Л.10.

²¹⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1198. Л.15об.

²¹⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1235. Л.14.

²¹⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1200. Л.6об.,11; Д.1235. Л.14об.

²¹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1235. Л.14об.

²²⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.14.

²²¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.8.

²²² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.10об.

²²³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.6.

²²⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1235. Л.14об.-15.

²²⁵ Описание дел. С.39,52.

²²⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1204. Л.15об.; Д.1243. Л.15 и об..

²²⁷ Подсчитано по: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч. 80 (1). Д.38145. Л.4-9.

²²⁸ Включая Учительскую гимназию и Главную Немецкую школу в Санкт-Петербурге.

- 229 Включая школу в с. Черном.
- 230 Включая школу при конторе водяных коммуникаций в Вышнем Волочке.
- 231 Включая школу в с. Ильинском.
- 232 Включая сельские.
- 233 РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.80(1). Д.38131. Л.1об.; Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Указ. соч. С.18.
- 234 Очерки русской культуры XVIII века. С.275-276.
- 235 Подсчитано по: Рождественский С.В. Очерки по истории. С.606.
- 236 НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.62.
- 237 Там же. Л.62об.
- 238 См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1577-1579, 1581-1586, 1589.
- 239 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1578. Л.9; Д.1579. Л.2.
- 240 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1588. Л.2.; Д.1589. Л.9об.
- 241 См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1911, 1913-1920.
- 242 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.18об.
- 243 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1912. Л.3.
- 244 Там же. Л.4.
- 245 Там же. Л.2об.-3.
- 246 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1913. Л.3.
- 247 Губернаторы Оренбургского края. С.353.
- 248 НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.3,4.
- 249 Подсчитано по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1202-1212.
- 250 Хотеев В.Ф., Чернета В.Г. Министр просвещения граф П.В. Завадовский // Высшее образование в России. 1997. № 1. С.124.
- 251 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.3об.; Д.1204. Л.14; Д.1241. Л.7.
- 252 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1204. Л.14.
- 253 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.3об.; Д.1241. Л.4об.-5, 15об.; Д.1242. Л.16об.
- 254 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1204. Л.14.; Д.1241. Л.17об.; Д.1248. Л.2.
- 255 Рождественский С.В. Очерки по истории. С.583.
- 256 Описание дел. С.50.
- 257 Рождественский С.В. Очерки по истории. С.584.
- 258 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1250. Л.2об.
- 259 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1254. Л.2об.
- 260 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1920. Л.4об.-5, 10.
- 261 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1589. Л.11.
- 262 Там же. Л.9об.-10об.
- 263 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1251. Л.3об.
- 264 ПСЗ. Т.XXIV. № 17675.
- 265 Описание дел. С.62.
- 266 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1242. Л.9 и об., 11.
- 267 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1245. Л.3.; Д.1248. Л.6 и об.
- 268 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1251. Л.3.
- 269 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1242. Л.9об.
- 270 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.4; Д.1244. Л.11об.; Д.1245. Л.4об.; Д.1247 Л.2об.
- 271 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1248. Л.6.

- ²⁷² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1245. Л.7.
- ²⁷³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1208. Л.17; Д.1247. Л.2об.
- ²⁷⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1204. Л.14 и об.; Д.1242. Л.13.
- ²⁷⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1245. Л.7 и об.
- ²⁷⁶ Евсина Н.А. Проекты учебных зданий в России XVIII века // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1968. С.130, 132, 138
- ²⁷⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1242. Л.18об.
- ²⁷⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1251. Л.5об.
- ²⁷⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1204. Л.14об.; 1243. Л.12.
- ²⁸⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1243. Л.12.
- ²⁸¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1204. Л.15.
- ²⁸² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1204. Л.15; Д.1242. Л.18; Д.1243. Л.8,14.
- ²⁸³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1244. Л.13об.
- ²⁸⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1241. Л.13об.
- ²⁸⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1243. Л.14об.
- ²⁸⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1241. Л.3об.
- ²⁸⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1246. Л.2.
- ²⁸⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1241. Л.2об.
- ²⁸⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1243. Л.7.
- ²⁹⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1244. Л.3.
- ²⁹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1241. Л.16.
- ²⁹² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1243. Л.15-16.
- ²⁹³ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.24; Оп.2. Д.1243. Л.16; Д.1244. Л.12об.
- ²⁹⁴ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.24 и об.; Оп.2. Д.1244. Л.9.
- ²⁹⁵ Описание дел. С.41.
- ²⁹⁶ Там же. С.44; Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849. С.51-52.
- ²⁹⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1244. Л.11 и об.
- ²⁹⁸ Там же. Л.12,13.
- ²⁹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.3; Д.1245. Л.5 и об.
- ³⁰⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1244. Л.9об.
- ³⁰¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.3об.; Д.1244. Л.10.
- ³⁰² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1244. Л.9об.-10.
- ³⁰³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1244. Л.10об.,11об.
- ³⁰⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.3об.; Д.1244. Л.10об.-11.
- ³⁰⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.3об.
- ³⁰⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1245. Л.8.
- ³⁰⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.4.
- ³⁰⁸ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.102. Л.25; РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1245. Л.2.
- ³⁰⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.3об.
- ³¹⁰ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение. С.52.
- ³¹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.4об.
- ³¹² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1207. Л.3; Д.1245. Л.6.
- ³¹³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.4об.
- ³¹⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1246. Л.2об.
- ³¹⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1208. Л.17,18об.
- ³¹⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1250. Л.3.

- 317 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.10об.
- 318 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1212. Л.8об.; Д.1213. Л.3.
- 319 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.4об.; Д.1246. Л.2об.
- 320 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1208. Л.17об.; Д.1247. Л.8об.
- 321 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1247. Л.5.
- 322 Там же. Л.7.
- 323 Там же. Л.8.
- 324 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1208. Л.18об.
- 325 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1248. Л.3 и об.
- 326 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1248. Л.4.
- 327 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1208. Л.19; Д.1248. Л.3об.
- 328 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1207. Л.3об.-4.; Д.1248. Л.6об.
- 329 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1248. Л.5об., 6об.
- 330 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.9об.
- 331 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1212. Л.4об.-5, 8об.-9; Д.1249. Л.3об.
- 332 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1206. Л.4об.
- 333 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1243. Л.15об.; Д.1244. Л.2 и об.
- 334 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1247. Л.8об.
- 335 Там же. Л.9.
- 336 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1208. Л.18об.
- 337 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.9; Д.1248. Л.8.
- 338 Описание дел. С.63.
- 339 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.9 и об.
- 340 Там же. Л.11.
- 341 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1253. Л.7об.-8.
- 342 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.11 и об.; Д.1250. Л.3об.
- 343 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1251. Л.2.
- 344 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.12; Д.1251. Л.2об.
- 345 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.12.
- 346 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.12об.; Д.1251. Л.2об.
- 347 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1251. Л.3, 4об.; Д.1210. Л.12об.
- 348 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.12; Д.1251. Л.2об.
- 349 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.12об.; Д.1251. Л.2об.
- 350 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1251. Л.3.
- 351 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1209. Л.2об.-3; Д.1210. Л.10 и об.; Д.1212. Л.8.
- 352 РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.111. Д.58093. Л.1; РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.9об.-10.
- 353 Описание дел. С.63.
- 354 РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.111. Д.58792. Л.1.
- 355 РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1909. Л.18.

ГЛАВА 4

¹ Леопольдов А.Ф. Летопись Саратовской губернии, со времени присоединения сего края к России до 1821 года // ЖМВД. 1841. Ч.40. № 4. С.60.

- ² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.14об.
- ³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1222. Л.16об.-17.
- ⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.5.
- ⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.5,28.
- ⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1222. Л.16об.
- ⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.28 и об.
- ⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.28 и об.
- ⁹ Там же. Л.6.
- ¹⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.8; Д.1194. Л.10об.
- ¹¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1194. Л.10об.
- ¹² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1226. Л.7об.
- ¹³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.18об.
- ¹⁴ ПСЗ. Т. XXII. №16421. С.667.
- ¹⁵ См.: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1232. Л.7об.
- ¹⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1235. Л.15об.
- ¹⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1231. Л.6об.
- ¹⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1236. Л.6.,7об.,9 и об.,11об.
- ¹⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1246. Л.3.
- ²⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1208. Л.17об.
- ²¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1247. Л.6об.
- ²² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1594. Л.2.
- ²³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1233. Л.10об.
- ²⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1236. Л.9.
- ²⁵ ОР РНБ. Ф.247 Державин Г.Р. Т.18. Л.4; Державин Г.Р. Сочинения. СПб. 1869. Т.V. С.810,818.
- ²⁶ ОР РНБ. Ф.247 Державин Г.Р. Т.18. Л.37об.-38.
- ²⁷ Там же. Л.41 и об.
- ²⁸ Там же. Л.39об.- 40.
- ²⁹ Там же. Л.40об.
- ³⁰ Там же. Л.34 и об.
- ³¹ Там же. Л.35,37об.
- ³² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.14.
- ³³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.14об.-15; Д.1223. Л.14 и об.
- ³⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.14 и об.
- ³⁵ Там же. Л.17об.
- ³⁶ Там же. Л.20об.
- ³⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1223. Л.20,21,30 и др.
- ³⁸ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1208. Л.18.
- ³⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1207. Л.4об.-5.
- ⁴⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1208. Л.18.
- ⁴¹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1210. Л.6об.-7,12.
- ⁴² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1212. Л.9; Д.1257. Л.3.
- ⁴³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1581. Л.4об.-5; Д.1586. Л.4об.-5.
- ⁴⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1212. Л.9.
- ⁴⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.9.
- ⁴⁶ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XX. Оренбург-Уфа. 1909. С.14,166; РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.3об., 7, 12об.; Д.1225. Л.3 и об.

и др.

⁴⁷ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.3об.

⁴⁸ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.64.

⁴⁹ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1192. Л.15об.; Д.1224. Л. 6об., 7об.; 1226. Л.5об.; Д.1227. Л.10.

⁵⁰ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1224. Л.7об.-8.; Д.1225. Л.8об.

⁵¹ Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII - начало XIX века). М., 1983. С.95-98.

⁵² См.: Артамонова Л.М. Лекарь из Вены на Самарской Луке // Самарский краевед. Самара, 1994-1995.

⁵³ Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Ч.1. С.208; ГАУО. Ф.732. Оп.2. Д.451. С.33.

⁵⁴ РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.554. Л.52; ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.373об.

⁵⁵ РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.531. Л.132об., 159об.; Д.534. Л.23; Д.535. Л.3об.; Д.967. Л.25-30об.

⁵⁶ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849. С.53.

⁵⁷ ОР РНБ. Ф.247 Державин Г.Р. Т.18. Л.173об.

⁵⁸ Державин Г.Р. Сочинения. Т.V. С.794.

⁵⁹ Подсчитано по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.2; Д.1192. Л.3; Д.1193. Л.3; Д.1208. Л.19об.

⁶⁰ Сведения здесь и ниже о выбывших из школ Симбирской губернии учениках подсчитаны по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1187. Л.8 и об.; Д.1188. Л.7об.-9; Д.1189. Л.4об.-6; Д.1190. Л.3-4об.; Д.1191. Л.4-5об.; Д.1192. Л.5-6об.; Д.1193. Л.4-5; Д.1194. Л.7 и об.; Д.1195. Л.3-4; РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1196. Л.3-4; Д.1197. Л.3-4; Д.1198. Л.4-5; Д.1199. Л.3 и об.; Д.1200. Л.3-4; Д.1201. Л.3-4; Д.1202. Л.3-4; Д.1203. Л.3-4; Д.1204. Л.3 и об.; Д.1205. Л.3-4об.; Д.1206. Л.5 и об.; Д.1207. Л.6об.-7; Д.1208. Л.7-8.

⁶¹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.62.

⁶² РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1569. Л.5,6,8; Д.1570. Л.3об.; Д.1571. Л.4.

⁶³ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1574. Л.4, 5, 6.

⁶⁴ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1575. Л.5,6,7; Д.1576. Л.4,5,7; Д.1578. Л.8 и об.

⁶⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.9.

⁶⁶ Подсчитано по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1916. Л.69об.-70; Д.1918. Л.7об.-8; Д.1919. Л.5об.-6; Д.1920. Л.5об.; Д.1208. Л.4об.-5; Д.1210. Л.6об.-7; Д.1211. Л.5об.-6; Д.1213. Л.5об.-6; Д.1582. Л.4об.-5.; Д.1584. Л.4об.-5.; Д.1585. Л.4об.-5.; Д.1589. Л.5об.-6.

⁶⁷ Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. Культурный потенциал общества. С.10-11.

⁶⁸ Лепская Л.А. Состав учащихся народных училищ Москвы в конце XVIII в // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1973. № 5. С.93-95.

⁶⁹ НАРТ. Ф.977. Оп. Училищный комитет. Д.44. Л.3.

⁷⁰ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.1149. Л.7об, 16.

⁷¹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.17.

⁷² Семенов В.Н. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Обозрение саратовской истории в портретных штрихах и биографических

- фактах местных начальных людей // Волга. Саратов, 1997. № 5-6. С.9.
- ⁷³ См.: Саратовский исторический сборник издаваемый Саратовской Ученой архивной комиссией к трехсотлетию города Саратова. Саратов, [1891]. Т. 1.
- ⁷⁴ ЖМВД. 1841. Ч.40. № 4. С.52-53.
- ⁷⁵ Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т.1. С.33.
- ⁷⁶ Петров Ф. А. Зарождение системы университетского образования в России // Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997. С.84.
- ⁷⁷ Петров Ф.А., Гутнов Д.А. Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. Т.3. С.146-147
- ⁷⁸ РГИА. Ф.732. Оп.1. Д.293. Л.16.
- ⁷⁹ РГИА. Ф.732. Оп.1. Д.286. Л.220об.
- ⁸⁰ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.80. Л.26об.-27; ОР РНБ. Ф.163. Д.7. Л.2.
- ⁸¹ ОР РНБ. Ф.163. Д.5. Л.5.
- ⁸² РГАЛИ. Ф.93. Оп.1. Д.18. Л.6-7.
- ⁸³ ОР РНБ. Ф.163. Д.5. Л.7,8.
- ⁸⁴ РГАЛИ. Ф.93. Оп.1. Д.18. Л.12.
- ⁸⁵ ОР РНБ. Ф.163. Д.5. Л.13,16,30,33.
- ⁸⁶ РГАЛИ. Ф.93. Оп.1. Д.18. Л.20.
- ⁸⁷ ОР РНБ. Ф.163. Д.5. Л.21,24,41,42.
- ⁸⁸ РГАЛИ. Ф.93. Оп.1. Д.17. Л.73об.; Д.18. Л.24.
- ⁸⁹ Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа (вторая половина XVIII в.) СПб., 1996. С.102,105,107.
- ⁹⁰ ОР РНБ. Ф.163. Д.5. Л.29-30.
- ⁹¹ Там же. Л.34-35.
- ⁹² РГАЛИ. Ф.93. Оп.1. Д.18. Л.35-36.
- ⁹³ ОР РНБ. Ф.163. Д.7. Л.2.
- ⁹⁴ См.: Де-Пуле М.Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. № 5-9.
- ⁹⁵ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1212. Л.9.
- ⁹⁶ РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1213. Л.7.
- ⁹⁷ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.769. Л.63.
- ⁹⁸ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.26. Л.1а.
- ⁹⁹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.4об.
- ¹⁰⁰ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб, 1902. С.38.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.111. Д.56068. Л.1-2.
- ¹⁰² РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.80(1). Д.38130. Л.1,4.
- ¹⁰³ Рождественский С.В. Исторический обзор. С.43.
- ¹⁰⁴ Сухомлинов М.И. Фририх-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т.2. С.129.
- ¹⁰⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.1.
- ¹⁰⁶ Там же. Л.2.
- ¹⁰⁷ Там же. Л.2об.
- ¹⁰⁸ Там же. Л.4.
- ¹⁰⁹ Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения

- в России в XVIII-XIX веках. Т. 1. СПб, 1912. С.586.
- ¹¹⁰ РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.80(1). Д.38131. Л.1об.
- ¹¹¹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.2об.
- ¹¹² НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.13. Л.45.
- ¹¹³ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.2об., 4об.
- ¹¹⁴ Там же. Л.3.
- ¹¹⁵ Описание дел. С.110.
- ¹¹⁶ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.3об.
- ¹¹⁷ Там же. Л.3об., 17.
- ¹¹⁸ Там же. Л.6об.
- ¹¹⁹ Там же. Л.5об.
- ¹²⁰ Там же. Л.6об.-7.
- ¹²¹ Там же. Л.6об., 16об.
- ¹²² РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.111. Д.59690. Л.14.
- ¹²³ РГИА. Ф.730. Оп.1. Д.99. Л.20-21, 30 и об.
- ¹²⁴ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.306. Л.4.
- ¹²⁵ Там же. Л.4об.
- ¹²⁶ Там же. Л.9.
- ¹²⁷ Там же. Л.4.
- ¹²⁸ Рождественский С.В. Исторический обзор. С.71; Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. С.15.
- ¹²⁹ РГИА. Ф.732. Оп.1. Д.109. Л.2 и об.
- ¹³⁰ Там же. Л.3.
- ¹³¹ Там же. Л.3об.-4об.
- ¹³² НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.26. Л.28.
- ¹³³ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.26. Л.3, 18об.
- ¹³⁴ РГИА. Ф.732. Оп.1. Д.109. Л.5об.-6.
- ¹³⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.26. Л.35.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.111. Д.57910. Л.3об.
- ¹³⁷ РГИА. Ф.732. Оп.1. Д.109. Л.7об.
- ¹³⁸ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.26. Л.30об.
- ¹³⁹ РГИА. Ф.732. Оп.1. Д.109. Л.7об.-8.
- ¹⁴⁰ Описание дел. С.158.
- ¹⁴¹ РГИА. Ф.732. Оп.1. Д.109. Л.12об.
- ¹⁴² Там же. Л.13об.
- ¹⁴³ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.26. Л.3об., 4об.
- ¹⁴⁴ Там же. Л.3об.
- ¹⁴⁵ Там же. Л.3б.
- ¹⁴⁶ Там же. Л.4об.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдурахманов М. 42, 43
 Аверкиев Георгий 146
 Адоратский А. 125, 176, 246, 308, 323 – 325
 Адриан Карл 280, 284, 285
 Акаевский Ф. 245, 253
 Аксаков С.Т. 23
 Александр I (Александр Павлович), император 4, 6, 9, 15, 17, 19, 36, 49, 260, 269, 286, 291, 315 – 319, 331, 333, 334, 346
 Александр II, император 349, 377
 Алферьев, предводитель саранского дворянства 257
 Амвросий, архиепископ Казанский 103, 148, 155, 194, 201, 247
 Андреев, самарский уездный казначей 167
 Андреев Евлампий, дьякон 274
 Андреев Павел, солдат 201-202
 Анна Иоановна, императрица 34
 Антипкин, саранский городской голова 256
 Антонов Иван 184
 Арапов Ф.П. 177, 241
 Аристов, соляной пристав 167
 Артамонова Л.М. 348, 351, 376
 Артемьев А.И. 348
 Афанасьев Макар, дьячок 275
 Ахматов 247, 262, 279
 Баженов В.И. 315
 Бакмейстер Л.И. 13
 Баратаев И.М., уфимский гражданский губернатор 177, 241
 Баратаев П.М., симбирский гражданский губернатор 90, 91, 103, 105
 Барков 228
 Бартеньев К.Н. 241
 Бахметев Н.Н. 241
 Безбородко А.А. 14, 36
 Безен Х. 285
 Беклешов А.А. 265
 Белидор Б. 105, 212
 Белилин 145
 Бельинский 176
 Белявский М.Т. 348-350, 352, 354, 356, 359, 360, 363, 367
 Беляков П.У. 316
 Бентолли, итальянский купец 210
 Бессонова Н.А. 24
 Бестужев В.Б. 230
 Бецкий (Бецкой) И.И. 52-54
 Бобров 167
 Богданов, предводитель самарского дворянства 253
 Богданов Дмитрий 304
 Богданова 167
 Болтин И.Н. 87, 88, 340, 352, 357
 Борисов А.С. 115, 131
 Браун И.А. 50
 Брикнер А. 6, 348
 Брокгауз Ф.А. 9
 Брюс Я.А. 22
 Бузыцкий, ставропольский мещанин 153
 Булатов 230
 Булгаков, предводитель бузулукского дворянства 176, 213

Бурдман Федор 45
 Буткевич, самарский городничий
 161- 163, 166, 190, 194, 214, 233
 Варехова С.И. 24
 Васильев Алексей, самарский
 купец 224
 Васильевский П.А. 92, 93, 246
 Веденисов, сызранский городской
 голова 258
 Величковский, лекарь 218
 Веревкин М.И. 36
 Веревкин Н.М. 91, 155, 187, 196 –
 199, 311 - 315
 Вершинин 209
 Вильнев де, содержатель
 пансиона 36
 Виноградов Я. 42
 Витевский В.Н. 354
 Владимирский-Буданов М.Ф. 349
 Власов Иван 99, 117
 Водянов, алатырский городской
 голова 247
 Войников Гаврила 133
 Волдгрин Е.И. 242
 Волков А.А. 309
 Волмер 129
 Вольф 208
 Воронов А.С. 8, 348, 349, 360, 366,
 373, 376
 Воронцов А.Р. 14, 111, 115
 Воронцовы 13, 14, 67, 70, 350
 Воскресенский Х.И. 104, 145, 155,
 185 – 187, 195, 225, 231, 245, 246,
 261, 262, 279
 Вразский А.А. 241
 Второв И.А. 21, 30, 36, 43, 310 –
 315, 345, 352
 Второв Н.И. 21
 Высоцкий Е. 116
 Вязьмитинов С.К. 185
 Гаврилов Д., землемер 289
 Гагмейстер 124
 Гакман И.Ф. 313
 Ганбунг Григорий 45
 Гандигер Ф.Ф. 281, 282
 Гейден Ф. (Фондергейден М.) 285

Геллерт К.Ф. 259, 260
 Георги И.Г. 313
 Гераклитов А.А. 48, 354
 Гесслинг Д. 32
 Гиганов И. 193
 Гладкой А. 246
 Глазенап К. 241
 Гобза И.О. 349
 Голенкин, карсунский
 городничий 159, 160, 187, 188
 Голицын Д.М. 64, 71, 355
 Голицыны 111, 288
 Головин М.Е. 80, 313
 Грибовский А.М. 80
 Гримм Мельхиор 22, 62 – 65, 348,
 355
 Грот Я.К. 36, 64, 348, 355
 Гудович И.В. 97, 98
 Гутнов Д.А. 377
 Д'Аламбер 314
 Дальберг, барон 63, 65
 Дамаскин, архиепископ
 Нижегородский и Алатырский,
 194, 273, 274
 Данилов И.Н. 115
 Данилов М.В. 34
 Дашкова Е.Р. 81, 111
 Де-Пуле М.Ф. 351, 377
 Державин Г.Р. 21, 29, 30, 32, 33,
 36, 37, 80, 97, 98, 111, 280, 281,
 290, 335, 351-353, 357-360, 375-376
 Державина Ф.А. 36
 Державины 31, 34
 Дехтев Г. 312
 Дидро Д. 63, 314
 Дмитриев И.И. 315
 Довнар-Запольский М.В. 349
 Драницын 231
 Дубровский Агафон 24
 Дуври П. 285
 Дурасов А. 158
 Дурасов Н.А. 315
 Дурасовы 315
 Дьяков Семен 155
 Евсина Н.А. 362, 373
 Екатерина II (Екатерина

Алексеевна), императрица 4 – 6, 8 – 15, 17, 19, 22, 27, 49, 52 – 54, 56, 57, 61 – 67, 70 – 74, 76-78, 84 – 88, 90, 93, 96 – 98, 101 – 104, 127, 131, 141, 157, 173, 178, 193, 220, 236, 243, 270, 272, 273, 291, 306, 315, 317, 318, 332, 334, 335, 338, 340, 346, 348-352, 354-356, 368
 Елавицын, алатырский городничий 159
 Елизавета Петровна, императрица 44 – 51
 Елизавета Алексеевна, императрица 260
 Ермолаев П. 144
 Еропкин П.Д. 22
 Ерофеев Егор 47
 Ерофеев Иван 42
 Ефибовский В. Ф. 199, 244, 261, 263
 Ефимов, симбирский мещанин 228
 Ефимов Алексей, ученик 248
 Ефремов А.В. 354
 Ефрон И.А. 9
 Жаринов Андрей 126, 195, 287
 Жилин 214, 256
 Завадовский П.В. 14, 71, 81-85, 90, 97, 98, 110, 121, 127, 316, 318, 319, 321, 322, 348, 372
 Завальная Л.Г. 24
 Завальный А.Н. 24
 Запольский И.И. 19, 319-321, 326-328, 333, 345
 Захарьин П.М. 97-99
 Зверева А.А. 276, 277, 285
 Зерту Василий 45
 Зимевин Михаил 137
 Зимнинский 216
 Змеев А.И. 45, 46
 Зорич 325
 Зуев В.Ф. 288, 313
 Ивакин П.С., алатырский мещанин 106
 Иванов Василий, пономарь 279
 Иванов Неофит, воспитанник

симбирского Приказа 180
 Иванов Петр, дьякон 279
 Иванов Петр, сержант 180
 Иванов С., поэт-любитель 311-313
 Иванцов 278
 Ивашев, земский исправник 181
 Ивашевы 181
 Игельстром О.А. 90, 102, 103, 112, 122, 123, 127, 128, 136, 151, 240, 338
 Иглин С.В. 124
 Измайлов М.М. 22
 Илусов Алексей 146
 Ильин Савва, священник 279
 Иосиф II, император 64, 65, 317, 335
 Иустин, игумен 149
 Ичанский 208, 211
 Ишиге Михаил 45
 Кабрит Ф.Ф. 124, 241
 Кабытов П.С. 2, 24
 Калчугин 207, 208
 Карамзин, заседатель симбирского Приказа 186
 Карамзин Н.М. 65
 Карпов А.Д. 155, 160, 185, 188, 194, 225, 250
 Карсаков 201
 Карташев Иван 90, 91
 Касимовцев, саранский купец 248, 264, 342
 Каштанов А.К., крестьянин-книгопродавец 210
 Кеппен П.И. 349
 Киргизов 229
 Кирилов И.К. 42
 Кисловский, карсунский расправный судья 194
 Климов Г. 285
 Ключевский В.О. 6, 348
 Князьков С.А. 349
 Кожевников 202
 Козлова Н.В. 354
 Козмодемьянский П.М. 104, 114, 154, 155, 162, 163, 187, 191, 195,

198, 201, 278
 Козодавлев О.П. 23, 29, 37, 73,
 80.81, 88, 97, 98, 101, 110, 111, 112,
 120, 121
 Колмаков Алексей 184
 Колядина А.М. 24
 Комаров Н.А. 104, 150, 151, 153-
 155, 187, 188, 194-201, 226
 Комаровский Е.Ф. 35, 353
 Кондырев П.С. 19, 319, 321, 326-
 328, 333, 345
 Конкова 114
 Коновницын П.П. 98
 Копытов, карсунский городничий
 188, 194, 195, 197, 200, 232
 Косолапов 214
 Косорин Семен 134
 Котельников С.К. 50
 Кочубей В.П. 36
 Краковский, протоиерей 93, 149
 Красильников 230
 Краснобаев Б.И. 350, 353
 Крачков И. 199, 200, 216, 244, 261-
 263
 Кромин М.И. 265
 Крстич О.В. 24
 Крыгин Михаил 96
 Кувшинов И., сызранский купец
 188, 189, 261
 Кудряцев 209
 Кудряшев И.В., сызранский купец
 189, 191
 Кузнецов С.П., ставропольский
 купец 106, 153
 Куракин М. 246
 Курганов Н.Г. 210
 Курис И.А. 241
 Курмачева М.Д. 348, 360, 376
 Куроедов, петербургский
 комиссионер 249
 Кювильи 53
 Лагарп Ф.Ц. 317, 318, 377
 Лазарев (Лазорев) А., священник
 275, 279
 Ланской В.С. 239, 316
 Лебедев, ученик солдатской

школы 33
 Лебедев Н.А. 349
 Леклерк Н.Г. 22, 87, 352, 357
 Леонов Михаил, солдатский сын
 195
 Леонтьев, самарский винный
 пристав 223
 Леопольдов А.Ф. 23, 353, 374
 Лепехин И.И. 288
 Лепская Л.А. 350, 376
 Лермонтов М.Ю. 310
 Лигоцкий И.И. 205, 206
 Липидовский Матвей 244
 Логвинов, директор астраханских
 народных училищ 310
 Ломоносов М.В. 23, 28, 52, 73, 98,
 111, 281
 Лопухин П.В. 22
 Лубянов Степан 323, 324
 Лукин, самарский городничий
 202, 251
 Люск, содержательница пансиона
 36
 Макаров П.А. 211, 212, 259, 263,
 265, 279, 284
 Максимов, канонир 154
 Мальцов Николай 99, 117
 Мантейфель А.А. 18, 331
 Масленицкий Т.Г. 16, 21, 105,
 106, 126, 129, 138, 144, 146, 147,
 151, 155, 156, 161, 166-169, 180,
 185-188, 192, 195-199, 202, 204-210,
 212-215, 218, 219, 229, 230, 232-
 235, 244, 249, 256, 258, 259, 272-
 275, 278, 282, 283, 323, 342
 Массон, содержатель пансиона 36
 Матвеев Федор 198
 Матвиевский П.Е. 354
 Матюрины А. и Ф. 303
 Мафусаил 63
 Медведев, заседатель
 симбирского Приказа 206, 224
 Мейль, буинский городничий 207
 Мельгунов А.П. 22
 Мельгуновы 315
 Мерзляков А.Ф. 310

Мерзляков Егор 324
 Мещерские 288
 Мизгирев, алатырский городской голова 257
 Микулин, сызранский казначей 261
 Милохов, заседатель симбирского Приказа 157
 Милюков П.Н. 10, 349
 Миронов Б.Н. 12, 350
 Миропольский С. 8, 9, 349
 Михайлов Федор, дьякон 279
 Молостов 152, 167
 Мординов 146
 Моряков В.И. 357
 Нарышкин А.В. 116
 Насун Роман 45
 Наумовы 315
 Неплюев И.И. 32, 46, 354
 Неплюев С.А. 269
 Неудачин, самарский купец 167
 Нефедьев И.Г. 93, 100, 134
 Никитин, штатный прапорщик 167, 190, 278
 Никитин Артемий, крестьянин-книгопродавец 210
 Никифор, архиепископ Астраханский и Ставропольский 134
 Николай I, император 333, 334, 345
 Никонов, алатырский мещанин 188
 Новик В.К. 4, 348, 356
 Новиков Н.И. 10, 11, 23, 70, 71, 315
 Носков А.И. 352
 Обегон Иван, 45
 Образцов П. 117
 Обухов, тагайский мещанин 150
 Овсянников, алатырский городничий 190, 222
 Овчинников, откупщик 224
 Озерцовский Н.Я. 288
 Орлов А.С. 352
 Орлов В.Г. 20, 29, 289, 290, 351,

352, 376
 Орлов Никифор, ученик Орлов-Давыдов В.П. 351, 352, 376
 Орловы 20, 288, 289, 290
 Орловы-Давыдовы 20
 Осипов Михаил, дьякон 279, 280
 Острожский З. 106, 239, 280, 316, 323, 325
 Отто Н. 348, 360
 Павел I (Павел Петрович), император 15, 19, 173, 235, 236, 238-240, 243, 244, 246, 269, 270, 279, 287, 307, 316, 319, 342
 Павлов Алексей 198
 Паллас П.С. 288
 Пастухов П.И. 71
 Пашков А.В. 315
 Пашковы 315
 Пекарский П.П. 354
 Перфильев А.М. 281
 Петр I, император 3, 10, 27, 86, 349
 Петр III, император 57
 Петров Иван (см. также Пульхеровский Иван), воспитанник симбирского Приказа 196-199, 203
 Петров К. 348
 Петров Максим, пахотный солдат 160
 Петров Ф.А. 377
 Петров Филипп, воспитанник симбирского Приказа 196-200, 203
 Пеутлинг А.А. 123, 176
 Пинеев Степан 195
 Плеханов Семен 146
 Поварова Е.В. 14, 348, 350
 Подобедов 289
 Полетаев, штык-юнкер 33
 Поливанов И.И. 92, 99
 Поликарпов Александр 133
 Полянцов Я.И. 92, 93
 Пономарев, московский купец-книгопродавец 208
 Пономарев, самарский купец 194

Попов Андрей, алатырский
 ратман 247
 Попов Н.А. 354
 Потемкин П.С. 92, 100
 Прозоровский А.А. 22
 Протасов А.П. 50
 Протопопова 217
 Пугачев Е.И. 88
 Пульхеровский Иван (см. также
 Петров Иван) 244, 255, 261, 263
 Путилов, предводитель
 самарского дворянства 162
 Пыльнев Ю.В. 348
 Рабинович М.Д. 96, 358
 Радищев А.Н. 88, 349, 357
 Раздеришин, надворный советник
 212
 Расторгуев 312
 Ратков, помещик Оренбургской
 губернии 281
 Редигер, книгопродавец 208
 Рейналь Г. 88, 357
 Решетников В.Г. 93, 125
 Решетова И.Ю. 24
 Рогачев С.А. 348
 Родионов, предводитель
 карсунского дворянства 257
 Рождественский С.В. 193, 348,
 352-355, 360, 368, 372, 377, 378
 Розе Иосиф 32, 33
 Рукавкин Д. 224
 Румовский С.Я. 18
 Румянцевы 288
 Рунич П.С. 355
 Руссо Ж.-Ж. 87, 184
 Рушка М., архитектор 129, 218
 Рычков А.П. 34
 Рычков Н.П. 23, 353
 Рычков П.И. 23, 34, 42, 43, 354
 Савин Иван 154
 Салюков Сулейман 287
 Сапожников Г.Н. 156, 157, 195,
 197, 246, 247, 263, 264
 Сараев Федор 55
 Светов В. 75
 Секерина, помещица 210

Семенов В.Н. 349, 376
 Семиколенков 262
 Сербов Н.И. 349
 Симбиренин Михаил 146
 Синакевич О.В. 21
 Скворцов В.И. 92, 133, 134
 Сколков 166, 167
 Скопины Г.А. и Н.Г. 309
 Скрыбин 167
 Смагина Г.И. 13, 15, 65, 67, 68,
 348, 350, 356, 377
 Смердов Иван 146
 Смирнов А.В. 352
 Смирнов Ю.Н. 349, 352-354
 Соболев Алексей 289
 Соболеков Степан, 324
 Соковнин А.П. 99, 105
 Соколов Маркел 248
 Соколов Н.П. 288
 Соловков И.А. 349, 350-352
 Соловьев С.М. 354
 Стakanов С.Г., тагайский
 мещанин 106
 Степанов А., ставропольский
 мещанин 153
 Степанов Матвей, ученик 134
 Степанов Михаил, дьячок 275
 Страгматовский Н. 176, 308
 Стрелков 145
 Суворов А.И. 281
 Сумароков А.П. 36, 53
 Суранов, архитектор 249
 Сурков Яков 126, 195, 287
 Сухомлинов М.И. 348, 349, 351-
 354, 356-360, 377
 Сушков В.М. 265-268
 Сырейщиков Е.Б. 313
 Сысоева Е.К. 306
 Сычев-Михайлов М.В. 349
 Тайшина А. 45, 46
 Татищев В.Н. 23, 42, 43, 45, 46,
 354
 Татищев Р.Е. 211
 Тепловодский А.И. 188, 192, 247
 Тимашев 280
 Титков Е.П. 350

Тихонравов А.И. 91, 155, 187,
 228, 245, 311, 312, 314.
 Ткачук В. 349
 Толстой А.В. 250
 Толстой Д.А. 8, 13, 67, 68, 193,
 348-350, 354-356, 368
 Топорнин В. 125
 Тоскани И.П., архитектор 115,
 129
 Трофимов Ж. А. 359, 362
 Туманов Назар 91
 Тургенев И.П. 117, 147, 207, 315
 Тургеневы 315
 Тюрин М.Ф. 201-203, 225
 Тютчев Ф.И. 310
 Уваров, тагайский городничий
 150
 Углицкий А. 164
 Урусов В.А. 42, 43
 Устинов Никифор 138
 Фальборк Г.А. 9, 349, 366, 372
 Фальк И.П. 288
 Федоров, ученик 213
 Федоров Д., учитель 125, 246
 Федоров Михаил 126, 195, 287
 Фельбигер 69, 193
 Фишер И. 50, 51
 Фокин 239
 Фонвизин Д.И. 23, 30, 31, 34, 65
 Фонвизин П.И. 31, 269
 Фонвизины 31, 34
 Фондергейден М. (см. Гейден Ф.)
 Ханьков П.И. 100, 106
 Хворостов П. 104, 139, 151, 156,
 195, 225
 Хованский С.Н. 316
 Хопренинов Р. 220
 Хотеев В.Ф. 348, 372
 Храповицкий А.В. 87, 357
 Цветков С.П. 91, 105, 114, 123,
 145, 156, 157, 186, 187, 196, 199,
 206, 210, 228, 245, 312, 313
 Цейгер И.Е. 50
 Цицерон М.Т. 31
 Цызырев, ставропольский
 комендант 114, 153

Чарнолуцкий В.И. 9, 349, 366, 372
 Чемут Иван 45
 Чернета В.Г. 348, 372
 Чертков В.А. 93, 100
 Чертопрудов Иван 176, 323, 324
 Чечулин Н.Д. 352
 Чубовский Андрей 45
 Чуфаров, алатырский
 городничий 144, 145
 Чуфаровский, симбирский
 комендант 126
 Чучалов Петр 43
 Шаден Б.Б. 65
 Шапошников, симбирский
 мещанин 149
 Шапп д'Отерош, аббат 22
 Шереметевы 288
 Шеронов 230
 Шестаков А.И. 17-19, 92, 94, 95,
 100, 117, 132, 238, 265, 266, 268,
 269, 303, 316, 319, 323, 327-329,
 332, 333, 345
 Шишорин 209
 Шлецер А.Л. 13, 53, 65, 69, 72, 73
 Шувалов И.И. 50-52, 78
 Шугуров М.Ф. 348
 Шутихин Е.Д. 91, 105, 147, 149,
 155, 187, 196, 198, 209, 223, 224,
 231, 245, 246
 Щербатов М.М. 7, 349
 Эйнгорн В.О. 348
 Эмин Ф.А. 53
 Эпинус Ф.У. 4, 13, 14, 50, 51, 65-
 74, 78, 193, 335, 348, 356
 Эрали 43
 Эрнести 63
 Ягодинские В. и Н. 126, 127, 228,
 286
 Яковкина Н.И. 350
 Ян, учитель 32
 Янкович де Мириево Ф.И. 71-75,
 78, 80, 129, 193, 317, 335
 Янов, самарский городской
 голова 253
 Ярополк 184
 Ярослав Мудрый 73

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрийская империя 62, 70, 335, 337
Австрия 65, 68, 71, 193, 337
Азия 249
Алатырский уезд 222
Алатырь, г. 103 – 107, 112-114, 118, 123, 134, 138, 139, 141-146, 148, 151, 157-159, 167-169, 173-175, 178, 188-190, 192, 195, 198, 214, 216, 218, 222, 225, 238, 242, 243, 247, 249, 252, 253, 255-258, 263-265, 267-269, 275, 278, 283, 292, 295, 296, 299, 304-307, 336, 340-342
Алексин, г. 92
Америка 249
Ардатов, г. 168, 169, 272-274, 283
Архангельск, г. 97
Архангельская губерния 114, 135, 237, 254, 259
Архангельское наместничество 90, 119
Астраханская губерния 40, 237
Астрахань, г. 40, 44, 61
Ахтуши, с. 289
Белая, р. 212
Белгородская провинция 38
Белоруссия 64, 236
Белорусская губерния 237
Бугульминский уезд 58
Бугурусланский уезд 58
Бузулук, г. 175-178, 204, 213, 234, 238, 240, 241, 243, 244, 246, 304-308, 323-325, 336, 341, 344
Бузулукский уезд 58, 290
Буинск, г. 207, 283
Бухара, г. 43
Великий Устюг, г. 113, 114
Вена, г. 64, 68, 376
Венгрия 317
Владимир, г. 254
Владимирская губерния 135, 136, 237
Владимирское наместничество 90, 92, 119, 209, 210
Волга, р. 20, 26, 57, 136, 211, 220, 308
Вологда, г. 15, 97, 132
Вологодская губерния 113, 114, 118, 135, 137, 237, 254, 259, 348, 360
Вологодское наместничество 90, 119, 121
Воронеж, г. 97
Воронежская губерния 135, 136, 237
Воронежский край 7, 348
Воронежское наместничество 58, 90, 119
Выборгская губерния 122, 135, 237
Вышний Волочек, г. 198, 362, 372
Вязниковский округ 209
Вятка, г. 97
Вятка, р. 136
Вятская губерния 135, 136, 237, 265
Вятское наместничество 90, 92, 119
Гамбург, г. 98
Германия 13, 62, 64

Геттинген, г. 13
Городище, г. 93
Грузия 236
Дерпт, г. 106
Донских казаков земля (Донское войско) 122, 135, 236, 237
Европа 131, 249
Европа Западная 49
Европа Северная 52
Европа Центральная 52
Екатеринбург, г. 118
Жиздринский уезд 363
Заволжский край 26, 31
Заволжское левобережье 5
Заволжье 16, 20, 23, 26, 41, 57, 281, 288, 290, 315, 335, 340
Ильинское, с. 372
Инсар, г. 267
Иркутская губерния 122, 135, 237
Италия 210
Кавказская губерния 122, 135, 237
Кавказская линия 92
Кавказское наместничество 58, 180
Казанская губерния 44, 118, 121, 125, 135, 136, 176, 236-238
Казанская провинция 38
Казанское наместничество 90, 92, 119, 185
Казань, г. 4, 15, 17, 18, 28, 39, 44, 68, 92, 97, 118, 122, 134, 145, 238, 301, 334
Калуга, г. 97
Калужская губерния 135, 237
Калужское наместничество 90, 119
Кама, р. 26, 136
Камышево, сл. 180
Канадский уезд 104, 125
Карина, д. 209
Карсун, г. 134, 142, 143, 145, 150, 154, 158-161, 166, 167, 173, 178, 181, 184, 187, 188, 192, 194-198, 200, 203, 216, 218, 219, 221, 224-226, 232, 234, 238, 242-244, 247, 248, 252, 257, 258, 261, 267, 292, 295, 296, 299, 303, 336

Киев, г. 68
Киевская губерния 122, 135, 237
Киевское наместничество 93
Клинский уезд 54
Козмодемьянск, г. 238
Колокша, д. 210
Колыванская губерния 122, 135, 237
Костромская губерния 135, 237
Костромское наместничество 90, 119
Костычевский завод 212
Котьяков, г. 158, 283
Кузькино, с. 289
Курмыш, г. 247, 267, 287
Курмышский уезд 128, 287
Курск, г. 97, 136
Курская губерния 118, 135, 137, 236, 237
Курское наместничество 90, 119
Лапландия 42
Ленинград, г. 15
Лигурия 132
Лифляндская губерния 237
Малороссийская губерния 237
Малый Жуз 127
Мезянь, д. 287
Мензелинск, г. 123-125, 176-178, 238, 240, 243, 304-307, 324, 336
Могилев, г. 64, 71
Могилевская губерния 122, 135, 237
Москва, г. 7, 15, 27-29, 41, 52, 65, 68, 77, 101, 119, 140, 146-148, 207-209, 224, 236, 266, 289, 307, 308, 315, 348
Московская губерния 90, 119, 135, 136, 236, 237
Нижегородская губерния 135, 237
Нижегородская провинция 54
Нижегородское наместничество 90, 119
Нижний Новгород, г. 97
Нижняя Волга 40
Новгород, г. 97
Новгород-Северская губерния 122, 135, 237

Новгород-Северский, г. 136
 Новгородская губерния 114, 118, 135, 137, 169, 236, 237, 259, 290
 Новгородское наместничество 90, 119
 Новодевичье, с. 289
 Новомосковский уезд 180
 Новороссийская губерния 237
 Нюрнберг, г. 210
 Обоянский уезд 55
 Олонечкая губерния 114, 135, 137, 237, 348
 Олонечкое наместничество 90, 119
 Орел, г. 97
 Оренбург, г. 30, 32, 34, 41, 43, 44, 123, 124, 127, 176-178, 238, 240, 241, 243, 304-307, 316, 324, 335, 336, 341
 Оренбургская губерния 5, 16, 19, 40, 46, 58, 176, 237-241, 243, 246, 281, 304, 308, 309, 316, 319, 321, 323, 339, 341
 Оренбургская область 20
 Оренбургский край 26, 32, 354, 362, 367, 372
 Орловская губерния 135, 136, 237
 Орловское наместничество 90, 119
 Париж, г. 52
 Пенза, г. 54, 55, 97, 118, 134, 237, 238
 Пензенская губерния 118, 121, 135, 236-238, 243, 272
 Пензенская провинция 55
 Пензенское наместничество 90, 119
 Переволоки, с. 289
 Переславль-Залесский, г. 92
 Пермская губерния 118, 135, 136, 236, 237
 Пермское наместничество 90, 119
 Пермь, г. 111, 118, 309
 Петербург, г. (см. Санкт-Петербург, г.)
 Петербургская губерния (см.

Санкт-Петербургская губерния)
 Петрозаводск, г. 97
 Поволжье 15, 17, 20, 21, 26, 30, 42, 44, 48, 54, 55, 97, 105, 106, 111, 120, 128, 136, 221, 259, 272, 288, 289, 308, 310, 345, 349, 353, 354
 Полоцкая губерния 122, 135, 237
 Правобережье (Приволжье) 5, 16, 57, 129, 290, 315, 335, 340
 Прибалтика 106, 236
 Приуралье 16, 23, 30, 38, 39, 42, 48, 55, 128, 272, 308, 339
 Причерноморье 236
 Псковская губерния 114, 135, 137, 237
 Псковское наместничество 90, 119
 Ревельская губерния 122, 135, 237
 Рижская губерния 122, 135, 237
 Российская империя 3, 12, 51, 53, 61, 73, 74, 91, 110, 277, 321, 348, 351, 355, 356
 Россия 3 – 5, 7, 8, 13, 17, 18, 22 – 24, 26, 27 – 29, 34, 44, 45, 48, 49, 52, 53, 57, 58, 61, 62, 67, 68, 71 – 74, 77 – 79, 87, 88, 108, 117, 118, 121, 141, 146, 170, 172, 193, 234, 236, 237, 245, 255, 259, 265, 308, 310, 314, 315, 317, 328, 331, 332, 334, 335, 338, 339, 341, 342, 345, 346, 348-354, 357, 358, 360, 362, 366, 368, 373, 374, 376-378
 Европейская Россия 308, 341, 345
 Северо-запад России 120
 Центральный р-н России 120
 Ростов, г. 107, 146
 Рыбинск, г. 107
 Рыбушкина, д. 287
 Рязанская губерния 15, 118, 135, 143, 237
 Рязанское наместничество 90, 119
 Рязань, г. 97, 108, 109, 111, 112, 136, 140
 Самара, г. 21, 26, 34, 41 – 44, 48, 57, 152, 154, 155, 158, 161-163, 166, 167, 173-175, 178, 181, 184, 186,

187, 190, 192, 194, 197, 198, 201-203, 214-216, 218, 219, 221-225, 232-235, 238, 242-244, 251-255, 258, 259, 261, 267, 276, 277, 278, 280, 283, 292, 295, 296, 299, 311, 314, 315, 335, 336, 344
Самара, р. 211
Самарская Лука 288, 376
Самарский уезд 104, 315
Самарское Поволжье 21, 288
Санкт-Петербург 7, 10, 14, 17, 21, 27, 28, 33, 36, 41, 52, 53, 68, 70, 71, 76, 78 – 80, 90, 92, 93, 98, 106, 132, 148, 208, 209, 236, 249, 259, 265, 307, 308, 327, 336, 361, 362, 371
Санкт-Петербургская губерния 70, 79, 80, 85, 90, 119, 135, 236, 237
Саранск, г. 118, 134, 237, 238, 242, 245, 248, 253, 255-257, 264, 265, 267-269, 291, 292, 304, 307, 316, 342
Саратов, г. 15, 17, 26, 39, 40, 47, 48, 91, 92, 94 – 97, 108, 109, 111, 112, 117, 118, 125, 132-134, 137, 177, 181, 182, 238, 239, 243, 246, 249, 265, 266, 272, 280, 285, 287, 290, 303-307, 309, 316, 335, 336, 339, 341, 358, 377
Саратовская губерния 5, 16 – 19, 23, 40, 58, 90, 92, 106, 118, 119, 121, 122, 134-136, 173, 177, 178, 195, 236-239, 243, 272, 286, 304, 310, 329, 353, 374
Саратовский край 354
Саратовское наместничество 57, 90, 91, 93, 119
Свияжская провинция 38
Семеновское (Державино), с. 280
Семеновское (Отрада), с. 20
Сенгилеевский уезд 104
Сенгилей, г. 2 83, 314
Сергиевский уезд 280
Серпейский уезд 54

Силезия 68, 337
Симбирск, г. 17, 21, 26, 47, 48, 57, 90 – 94, 97, 99, 101, 103, 104, 107, 111-118, 122-126, 129-132, 134, 138, 139, 142-144, 146-149, 153, 156-158, 160, 169, 173, 177, 178, 180, 182, 184-186, 194-196, 200, 202, 203, 206-211, 213, 217, 221-223, 228, 230-232, 238, 242-245, 247-251, 254, 257, 259-261, 263-265, 268, 280, 282, 284-287, 292, 295, 296, 298, 303-307, 311, 316, 335-337, 341, 342, 344, 359
Симбирская губерния 5, 16, 17, 19, 90, 93, 106, 107, 109, 113, 116, 118, 121, 122, 125, 128, 135-137, 139, 140-142, 150, 173, 176, 178, 180-182, 186, 195, 198, 200, 203, 214, 232, 236-238, 240, 242-244, 246, 252, 253, 255, 258, 264, 265, 272, 283, 285, 291-294, 296, 301, 303, 308, 310, 336, 339-341, 376
Симбирская провинция 38
Симбирский уезд 315
Симбирское наместничество 57, 58, 90, 119, 122, 125
Слободская Украинская губерния 237
Смоленск, г. 97, 101
Смоленская губерния 135, 237
Смоленское наместничество 90, 119
Среднее Поволжье 26, 39
Средняя Волга 5, 38, 40, 47, 93, 194, 339
Ставрополь, г. 21, 29, 33, 44 – 48, 57, 103 – 107, 112-114, 118, 126, 127, 134, 139, 141-144, 146, 150, 151, 153-155, 161, 162, 167, 178, 244, 286, 291, 292, 295, 296, 299, 335-337, 348, 365
Ставропольская крепость 47
Старая Руса, г. 169
Сызран (Сызранка), р. 262
Сызранский уезд 211
Сызрань, г. 26, 57, 103 – 107, 112,

113, 118, 125, 134, 138, 139, 141-145, 155, 158, 169, 173-176, 178, 181, 185-187, 189-191, 197, 198, 215, 217, 221, 222, 226, 227, 231, 234, 238, 242, 243, 245, 247, 248, 252, 258, 261-263, 274, 275, 279, 283, 292, 295, 296, 299, 336, 344
 Сяский канал 212
 Таврическая область 122
 Тагай, г. 103 – 107, 112, 113, 116, 118, 123, 134, 138, 139, 141-144, 150-154, 167, 200, 243, 283, 291, 292, 295, 296, 299, 303, 336, 344, 363, 365
 Тамбов, г. 32, 80, 97
 Тамбовская губерния 118, 135, 137, 237
 Тамбовское наместничество 90, 119
 Татарстан 15
 Тверская губерния 135, 237, 254, 265, 314
 Тверское наместничество 90, 92, 119, 121
 Тверь, г. 97, 101, 136, 198
 Тетюшский уезд 176
 Тобольск, г. 193
 Тобольская губерния 122, 135, 237
 Тобольская провинция 38
 Топорнино, с. 125
 Троицкая Крепость 127
 Тула, г. 97
 Тульская губерния 135, 237
 Тульское наместничество 90, 119
 Углич, г. 107
 Угорская волость 210
 Украина 8, 236, 317
 Ульяновск, г. 20

Ульяновская область 20
 Урал 136
 Усолье, с. 289
 Усольская вотчина 20, 288, 289, 351
 Уфа, г. 17, 41, 44, 122-124, 176-178, 203, 238, 240, 243, 304-307, 316, 324, 336
 Уфимская губерния 5, 16, 122-124, 135, 136, 173, 175-178, 181, 195, 203, 212, 234, 237, 239-241, 243, 244, 272, 280, 304, 309, 316, 336, 339
 Уфимская провинция 38
 Уфимское наместничество 58, 122, 176, 195
 Франция 10, 62
 Харьковская губерния 122, 135, 237
 Царевококшайск, г. 185
 Чебоксары, г. 36, 134, 238
 Челябинск, г. 123-125, 175, 178, 204, 234, 238, 240, 244, 336
 Черкасск, г. 135
 Черниговская губерния 122, 135, 237
 Черное, с. 372
 Чистополь, г. 238
 Шигоны, с. 289
 Шуя, г. 254
 Эстляндская губерния 237
 Южный Урал 58, 124, 125, 129, 228
 Ядрин, г. 238
 Яранск, г. 29
 Ярославль, г. 97
 Ярославская губерния 108, 118, 135, 137, 146, 237, 348, 360
 Ярославское наместничество 90, 107, 119
 Ярославщина 7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ.....	25
§1. Первые опыты создания новой школы в начале и середине XVIII века.....	26
§2. Проекты «просвещенного» абсолютизма 60-70-х гг. XVIII века.....	49
§3. Определение идейных и организационных принципов политики государства в области образования (1780-1786). «Устав народных училищ» Екатерины II.....	64
ГЛАВА 2. ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПРОВИНЦИЯ: ПЕРЕХОД К ПРЯМОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ.....	89
§1. Начало массового внедрения новой школы в российскую провинцию (1786-1788).....	90
§2. Расширение сферы действия школьной реформы в 1789-1790 гг.....	121
§3. Первые трудности и провинциальное общество.....	136
ГЛАВА 3. НАРОДНАЯ ШКОЛА В ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ.....	171
§1. Учащиеся, администраторы, учителя в первой половине 1790-х гг.....	172
§2. Материальное обеспечение народной школы и отношение к ней провинциального общества.....	204
§3. Состояние народного просвещения в правление Павла I.....	235
ГЛАВА 4. РОЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.....	271
§1. Традиционная и сословная школы в культурной среде провинции 1790-х – начале 1800-х гг.....	272
§2. Результаты образовательной реформы 1786-1802 гг. и ее воздействие на провинциальное общество.....	291
§3. Осмысление екатерининской реформы в первые годы царствования Александра I.....	315
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	334
ПРИМЕЧАНИЯ.....	348
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	379
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	386

Научное издание

Артамонова Людмила Михайловна

**ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В
РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ XVIII - НАЧАЛА XIX ВВ.
(Юго-восточные губернии Европейской России)**

Редактор С.Р. Кастров

Корректор М.А. Фотолева

Верстка и макет Л.Немцев

В оформлении обложки, форзаца, в главах и заключении использовались гравюры из книги «Зрелища природы и художеств» (СПб., 1784-1809), а также снимки из книг: «Описание дел архива Министерства народного просвещения» (Пг., 1917) и «Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования» (М., 1968). Список учащихся Самарского малого народного училища воспроизведен по: РГИА. Ф.730. Оп.2. Д.1190. Л.6об.; фасад и план Главного училища в Саратове - по НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д. 354. Л.4.

Издано Самарским научным центром РАН
Лицензия ЛР №06359 от 30 ноября 2001 г.

Отпечатано в типографии АНО «Издательство СНЦ РАН»
443001, Самара, Студенческий пер., 3а

Подписано в печать с оригинал-макета 9.12.2001 г.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$ д.л. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл.печ.л. 25. Тираж 1000 экз. Заказ № 42.